

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

2

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

ОГНЕННАЯ
ВОДА

УИЛЪЯМ ТЕНН

WORLDS OF WILLIAM TENN

**THE SQUARE ROOT
OF MAN**

THE FIREWATER

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

**КОРЕНЬ КВАДРАТНЫЙ
ИЗ ЧЕЛОВЕКА
ОГНЕННАЯ ВОДА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

**Миры Уильяма Тенна: Том 2. / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 383 с.**

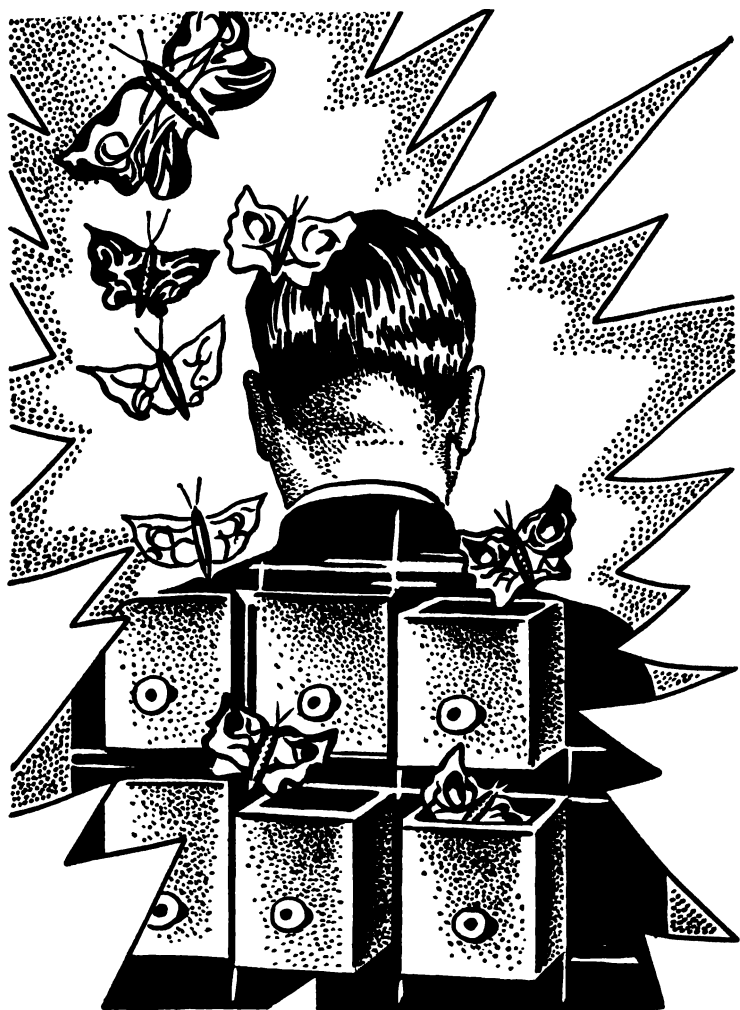
**Произведения, включенные в данное издание, охраняются
законом об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов
и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя
и переводчика. Всякое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с письменного разрешения
издателя.**

**Иллюстрация на обложку и форзац печатается с разрешения
художника Michael Whelan и его агентов Glassonion Ltd. (США)
и Александра Корженевского (Россия)**

ISBN 5-88132-303-x

Cover Art
Copyright © 1997 by Michael Whelan

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

**КОРЕНЬ
КВАДРАТНЫЙ
ИЗ ЧЕЛОВЕКА**

АЛЕКСАНДР-НАЖИВКА

Нынче вам, пожалуй, уже не дадут в глаз, если вы вслух восхититесь Александром Парксом. Время смягчило даже горе семей тех, кто полетел в никуда на кораблях «Дженерал атомикс», а горькое осознание всей значимости поступка этого человека с годами лишь возросло.

И все же некое скудоумное агентство наказало его способом, который, во всяком случае для него, особенно ужасен. Я имею в виду ФЛК и надеюсь, что они это прочтут.

Мы случайно встретились с Алексом через пару лет после войны за окончание изоляционизма. Я только что посадил свой аккордеон «Тоledo» на грузовую полосу и направлялся в бар. Есть пилоты, которые точно знают, сколько виски им требуется после окончания рейса; я же попросту заливаю его внутрь, пока сердце не всплывет на положенное место.

К аэропорту подкатило такси, и из него вылез хорошо сложенный мужчина с удивительно маленькой головой. Когда я помчался перехватывать такси, мужчина повернулся и уставился на меня. Нечто знакомое в форме его черепа заставило меня остановиться.

— Вы не служили в военной авиации? — спросил он.

— Служил, — медленно произнес я. — В так называемой «Эскадрилье свастикаеров». Сорок... Алекс Паркс! Голос из рации!

Он ухмыльнулся:

Alexander the Bait

Copyright © 1946 by Philip Klaas

Александр-наживка

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

— Верно, Дэйв. А я уж было решил, что ты разговариваешь только с бывшими пилотами. У нас, диспетчеров, всегда был комплекс неполноценности по отношению к ним. А ты неплохо выглядишь.

Сам он смотрелся куда лучше. Одежду, что была на нем, скроил и сшил портной с зарплатой голливудского кинорежиссера. Я вспомнил кое-что из газет.

— Ты, кажется, продал какое-то изобретение какой-то корпорации?

— Да, Радарной корпорации Америки. Только что обратил патент в деньги. Я им продал свой многоуровневый радар с негативным лучом.

— И много получил?

Он сжал губы и слегка подмигнул:

— Полтора миллиона долларов.

Я разинул рот и выпучил глаза:

— Нехилая куча капусты. И что ты собираешься с ней делать?

— Начать парочку научных проектов, о которых всегда мечтал. Ты можешь мне пригодиться. — Он махнул в сторону такси. — Мы можем куда-нибудь поехать и потолковать?

— Я шел в бар, — сообщил я, когда такси тронулось. — Только что доставил на место свой аккордеон.

— Аккордеон? Это вы, пилоты-перевозчики, так называете свои глайдерные поезда?

— Верно. А если хочешь знать почему, то представь, что происходит, если ухнешь в воздушную яму. Или натолкнешься на внезапный порыв лобового ветра. Или мотор заглохнет. — Я хмыкнул. — И тогда звучит музыка... Небесная музыка.

Мы сидели в дальней кабинке кафе, и Алекс с восхищенной улыбкой наблюдал, в каком темпе я поглощаю янтарную продукцию перегонного завода средних размеров.

— Если ты поедешь со мной, то с выпивкой придется завязать, — заметил он.

Я прикончил очередной стакан, облизнулся и выдохнул:

— Куда?

— Я купил в Неваде столовую гору. Мне нужен надежный человек, который сможет отвезти туда оборудование и помочь с довольно масштабным строительством. На которого можно положиться, потому что он умеет держать рот на замке. А пьяница, по моим понятиям, слишком болтлив.

— Справлюсь, — заверил его я. — Согласен пить только простоквашу из ячьего молока, лишь бы не быть дальнобойщиком, таскающим по воздуху фургоны с грузом. Совершить время от времени рейс-другой — сущая ерунда по сравнению с необходимостью каждый день волочить с места на место эти складные гробы. И пить меня заставляет лишь комбинация этой монотонной карусели с ангелом смерти.

— И отсутствие полезной цели в будущем, — кивнул Алекс. — Ты и во время войны летал почти что по жесткому расписанию, но... то была война. Если бы у тебя отыскалась достойная цель, ради которой стоило бы рискнуть жизнью, а не транспортировка электрических гармоник...

— Вроде межпланетных полетов? Это же одна из твоих навязчивых идей. Хочешь поэкспериментировать в этом направлении?

Алекс провел пальцем по зеленой мраморной столешнице.

— Для этого мне нужно гораздо больше денег, — сказал он. — Это замечательная идея, а человечество сейчас находится в точке, откуда не столь уж масштабные научные исследования вкупе с небольшими улучшениями уже существующих технологий могли бы вывести его в космос. Но те, кто может это сделать — крупные промышленные корпорации, — не видят в затее достаточного смысла; а у тех, кто хочет это сделать, то есть университетов и исследовательских фондов, не хватает денег. Вот мы и сидим на планете, словно потерпевший крушение моряк на необитаемом острове, который видит в одном месте пару весел, а в другом лодку, да только ему не хватает смекалки, чтобы объединить одно с другим.

Нет, не межпланетные полеты. Пока что. Но нечто в том направлении. Открытый мной луч принес мне репутацию крупнейшего в мире специалиста по радарам.

И на том плоскогорье я намерен построить крупнейшую в мире радарную установку и провести с ее помощью исследования на больших расстояниях.

Такого Александра Паркса я прежде не знал. И эта идея, решил я, не имеет никакого отношения к моим представлениям о том, как он потратил бы деньги ради удовлетворения своего сардонически-гениального ума.

— Радарные исследования? — вяло уточнил я.

Его крохотную головку расколола пополам улыбка:

— Карта, дружище Дэйв! Я составлю топографическую карту Луны!

Невада мне понравилась. Простор. Садись, где пожелаешь. Строй что угодно и где угодно. Практически никто не задает вопросов. Пронзительная свежесть воздуха на вершине горы Большой Блеф, кружащая голову не хуже спиртного. Алекс утверждал, что атмосферные условия здесь безупречны и оборудование будет работать с максимальной эффективностью.

А оборудование оказалось странным. Я, разумеется, понимал, что конструкции радаров стали неизмеримо совершеннее примитивных железяк сороковых годов. Изобретенный Парксом луч успешно объединил радиоприемник и радиопередатчик в фантастическое устройство, для работы которого не требовалось передатчика и которое позволяло настроиться на любое событие в мире, происходящее на открытом воздухе. (Тогда это устройство еще только разрабатывалось.)

Хижины мы с Алексом построили сами, но, когда дело дошло до монтажа огромной горизонтальной антенны и гироскопически стабилизированных диполей, мы поняли, что вдвоем нам не справиться. Тогда Алекс нанял в Лас-Вегасе типа по фамилии Джадсон. Ему поручили выполнять разные дела по хозяйству и помогать нам при строительстве. Миссис Джадсон нам всем стряпала. Алекс признавал, что Джадсон нам нужен, но тем не менее жалел, что он здесь болтается. Подозреваю, что он время от времени посылал меня с пустяковыми поручениями, лишь бы удалить с глаз долой, пока сам занимался самым ответственным монтажом. Я лишь пожимал плечами, размышляя об этом. Если

он считает, будто я что-то смыслю в современных радарах, то делает мне комплимент.

Когда я пригонял очередной громыхающий груз каких-то невозможных на вид катушек и сюрреалистических ламп, он всегда настаивал, чтобы я держался подальше от лабораторной хижины, пока он что-то таинственно настраивал внутри. Затем мне позволялось вылезти из кабины, но лишь при условии, что я направлюсь напрямиком к хижине, где мы ночевали.

Как-то раз Эммануэль Корлисс из РКА напросился со мной в поездку. Весь путь до Невады он восхвалял Алекса до небес, рассказал о статуе Алекса, установленной в фойе небоскреба корпорации на Манхэттене, и даже показал экземпляр его биографии, озаглавленный «Александр Паркс — отец всемирной системы связи». Он сказал, что хочет уговорить Алекса поступить к ним на работу главным консультантом по исследованиям, и я решил, что мелкоголовому Алексу будет приятно, если его это кто-нибудь да потешит.

Но я ошибся.

Когда до Большого Блефа осталось миль пятьдесят, динамик в кабине прогремел:

— С кем это ты там разговариваешь, Дэйв?

Корлисс взял микрофон:

— Решил к вам заглянуть, приятель. Нам может пригодиться то, над чем вы сейчас работаете.

— Ничего не выйдет. Дэйв, как только сядешь, отцепи глайдеры и отвези мистера Корлисса в ближайший аэропорт. Горючего хватит?

— Да, — смущенно ответил я, чувствуя себя соседом, случайно подслушавшим первую ссору молодоженов.

— Но Паркс! — взвыл Корлисс. — Вы даже не представляете, какой важной фигурой вы стали. Весь мир хочет знать, над чем вы сейчас работаете. И Радарная корпорация Америки тоже хочет знать, чем вы сейчас занимаетесь.

Паркс усмехнулся:

— Не сейчас. И не вылезайте из кабины, Корлисс, а то получите заряд дробы в самое чувствительное место. И помните, что я всегда смогу назвать вас нарушителем границ частных владений.

— А теперь послушайте меня... — разгневанно начал Корлисс.

— Нет, это вы послушайте меня. Не вылезайте из кабины, если вы все еще любите свое кресло-качалку. Хотите верить, старина, хотите нет, но я оказываю вам услугу.

Этим все и завершилось. Высадив в аэропорту пунцового от возмущения президента корпорации, я полетел обратно, охваченный глубокой задумчивостью. Алекс уже поджидал меня, и вид у него тоже был задумчивый.

— Даже не думай такое повторить, — приказал он мне. — Сюда не ступит никто, пока я не буду готов для... гм-м... публикации. Мне вовсе не хочется, чтобы незнакомцы, особенно ученые, совали нос в мой агрегат.

— Боишься, что они его скопируют?

Мой вопрос заставил его слегка вздрогнуть.

— Вот именно... почти угадал.

— А не боишься, что его скопирую я?

Он быстро и внимательно взглянул на меня.

— Давай сперва поужинаем, а потом поговорим, Дэйв, — предложил он и обнял меня за плечи.

Пока миссис Джадсон раскладывала по тарелкам нехитрый ужин, приготовленный столь же незамысловато, Алекс буравил меня своим характерным упорным и немигающим взглядом. Мне вновь подумалось, что он очень похож на миниатюрный фотоаппарат, установленный на массивную и непоколебимую треногу. Заляпанные смазкой джинсы уже давно сменили тот портновский шедевр, в котором он щеголял при первой нашей встрече. Тоже мне, отец всемирной системы связи!

Он украдкой взглянул на Джадсона, убедился, что того интересует только рагу на тарелке, и тихо сказал мне:

— Если ты решил, что я тебе не доверяю, Дэйв, то извини. Для всей этой секретности есть веские причины, уж поверь мне.

— А это твоя забота, — коротко ответил я. — Ты мне платишь не за то, чтобы я задавал вопросы. Но скажу тебе честно — я не отличу осциллографа от индикатора. А если и отличу, то никому не скажу.

Алекс поерзал на твердой деревянной скамейке и прислонился спиной к металлической стенке.

— Ты знаешь, что я пытаюсь сделать, — сказал он. — Я посылаю высокочастотный луч на Луну. Часть его поглощается ионосферой, но часть проходит и отражается от лунной поверхности. Я улавливаю это отражение, усиливаю, регистрирую на фотопластинке его силу и мельчайшие изменения направления и немедленно посылаю второй, слегка отличающийся луч. И таким способом, посылая луч за лучом, я создаю весьма детальную и точную карту Луны, снятую с очень близкого расстояния. Мой многоуровневый радар посылает несколько более мощный луч, чем те, что были доступны ученым прежде, но по сути это такой же, ничем не отличающийся от других радар. Его можно было создать, приложив минимум усилий, уже десять лет назад. Но почему его не создали?

Рагу на моей тарелке остыло и превратилось в неаппетитную массу, но я невольно заинтересовался его словами.

— Это не было сделано, — продолжил он, — по той же самой причине, из-за которой мы до сих пор не предпринимаем межпланетные путешествия, не создаем шахт на океанском дне и не приживляем к культям после ампутаций конечности, взятые у трупов. Никто не видит в этом прибыли, немедленной и верной прибыли. Поэтому те скромные исследования, которые необходимы для заполнения узкой щелочки между знанием, которое у нас уже есть, и знанием, которое у нас почти есть, так и остаются без финансирования.

— Но работа в этих областях продолжается, — заметил я.

— Работа-то продолжается. Но с какой черепашьей скоростью, в каких жалких условиях! Слышал ли ты легенду о том, как мой тезка Александр Македонский облетел вокруг света, оседлав огромную птицу? Он подвесил к концу длинного шеста кусок мяса и держал приманку перед клювом птицы. Сильный порыв ветра подтолкнул мясо к птице, и она его проглотила, но Александр немедленно вырезал кусок мяса из своего тела и прикрепил его к шесту. Так ему удалось завершить

путешествие, пока птица отчаянно пыталась дотянуться до мяса и летела все быстрее и быстрее.

У разных народов героями этой легенды становились разные люди, но она доказывает, насколько хорошо древние разбирались в мотивах человеческого поведения. Кстати, она также служит превосходной иллюстрацией законов компенсации. В каждом столетии человек должен предлагать себя в качестве наживки, чтобы прогресс не превратился лишь в слово на странице словаря. Поэтому мы не имеем права заявлять, будто движемся вперед, если не используем новые возможности.

Я помешал рагу тяжелой ложкой, отодвинул тарелку и потянулся за кофе.

— Я понял твою мысль. Но зачем ты мне все это рассказал?

Алекс встал, потянулся и направился к двери. Я хлебнул кофе, смущенно улыбнулся миссис Джадсон и последовал за ним.

Когда мы вышли из хижины, нас окутала темная и прохладная невадская ночь. Таинственно искрились мириады звезд. Неужели это черное, приглашающе распахнутое пространство и есть естественная среда обитания человека будущего, владения, ожидающиеся, пока хозяин не проложит повсюду огненные тропы? Неужели крошечные люди-букашки действительно станут правителями этих бескрайних пространств? Я попытался представить себе ощущения пилота, закладывающего резкий вираж и заходящего на посадку — там, в другом мире, — и пальцы невольно шевельнулись, нащупывая еще не придуманный и пока не существующий штурвал.

— Вот карты, которые я уже успел сделать, — сказал мой наниматель. Мы стояли в лабораторной хижине, забитой трансформаторами, какими-то кошмарными конструкциями из витого стекла и пучками проводов, тянувшимися к огромным осциллоскопам.

Я небрежно взглянул на карты; я же не астроном. Но потом пригляделся к ним внимательнее.

Оказалось, это вовсе не карты, а фотографии — более тысячи аэрофотоснимков, — сделанные с примерно одинаковой высоты около пятисот футов. Мне до-

водилось видеть аэрофотоснимки, но только не с такой четкостью деталей. Можно было даже сосчитать камешки на поверхности; четко различались ямки и тончайшие трещины.

— Они очень хороши, — сказал Алекс и нежно погладил глянцевый листок. — Это часть кратера Тихо Браге.

— Но почему, во имя Сэмюэла Алоизия Хилла, ты их не публикуешь?

— Пока еще не могу. — Казалось, у него сейчас мучительно рождается твердое решение. — Сперва мне нужно кое-что проверить. А сейчас я вынужден доверить тебе судьбу усилий всей моей жизни и попросить тебя выполнить одну весьма неприятную просьбу. Пока что я не могу ничего объяснить; наш сегодняшний разговор был чем-то вроде приложения к этой просьбе. Но когда-нибудь ты все поймешь.

— Выкладывай. Я лояльный работник и люблю свою фирму.

— Тогда запоминай. Я хочу, чтобы ровно через неделю ты отправился в Канаду, в северные леса, прихватив с собой несколько пакетов. Я дам тебе карту, где кое-какие места будут помечены крестиками, а координаты этих крестиков указаны на полях — широта и долгота в градусах, минутах и секундах. На месте каждого крестика ты должен примерно на глубину двух футов закопать по пакету — но точно в точке с указанными координатами. Затем уезжай.

— Что?

— Уезжай и забудь о том, что видел эти пакеты. Не смей их видеть даже во сне. Затем минимум три года не встречайся со мной... ну разве что в общественных местах. Забудь, что когда-либо работал на меня. Глайдер можешь оставить себе, а в качестве прощального подарка я добавлю к нему и чек на крупную сумму. Ты выполнишь мою просьбу?

Я ненадолго задумался. Смысла в его словах я не уловил, но знал: он сказал мне все, что намеревался сказать.

— Ладно, Алекс, согласен. Я все сделаю.

— Ты справишься, — произнес он с огромным облегчением. — И гораздо лучше, чем сам думаешь. Просто

подожди пару месяцев. Когда корифеи всего мира начнут слетаться сюда стаями, то каждому, кто когда-либо работал со мной, посвятят лекции и пышные статьи в журналах. Только не прикасайся к ним антенной передатчика.

— Я в любом случае не стану, — рассмеялся я. — Потому что в эти игры не играю.

Алекс выключил свет, и мы вернулись к Джадсонам весьма довольные друг другом. Именно так хороший парень по имени Александр Паркс взошел на алтарь истории. И когда я думаю о главной амбиции, которая подвела его к нашему разговору, то поступок ФЛК кажется мне жестоким и даже мелочным.

Неделю спустя я уже прыгал блохой по канадским лесам, откладывая обернутые брезентом яички и пользуясь при этом столь подробной картой, что ее понял бы даже школьник.

Газеты привлекли мое внимание, когда я сел в Сиэтле. На первых страницах были напечатаны огромные фотографии из тех, что мне показывал Алекс, а пониже красовались снимки поменьше, на которых маленькую голову Алекса окружали густобровые и седоволосые головы профессоров из Оксфорда, Иркутска и еще восточнее.

«Гений радара составил карты Луны!» — вопили заголовки. «Затворник из Невады раскрывает результаты двух лет работы. Ученые мира, собравшиеся в его горной лаборатории, заявляют, что телескопы безнадежно устарели и годятся разве что для проверок. Александр Паркс объявил о намерении провести минералогическое обследование лунной поверхности».

Значит, он обо всем поведал миру. Вот и хорошо. Я потратил часть чека своей последней зарплаты на исследование новых достижений в тонком искусстве приготовления виски. Как оказалось, виски за это время не изменилось, зато изменился я сам. Трудясь в условиях нарастающего упадка сил, я последовательно одолел этапы от выпивки к похмелью, от бара до номера в отеле и пришел в себя уже в госпитале, затянутый в смиренную рубашку.

Когда доктор прогнал из палаты шестиголовых змей, я сел и поболтал с сестричками. Одна рыжая кошечка, совершив отчаянную попытку перейти к самообороне, принялась читать мне газеты. Новости проникали мне в уши обрывками, потому что она, увертываясь от меня, пряталась за ширмами и ночными столиками, но тут я услышал такое, что заставило меня выхватить у нее газету. Девушка, уже готовая к последнему отчаянному отпору, взглянула на меня с изумлением.

До сих пор смутно припоминаю, как она стояла в уголке и покачивала головой, когда меня выписывали. Правда, док не считал, что я вылечился, но у меня нашлись влиятельные друзья.

«Баскомб рокетс» находились от госпиталя ближе всего, и я вошел туда через полчаса после того, как накрахмаленный клерк выдал мне одежду, деньги и маленький белый сертификат — хоть сейчас вставляй в рамочку. По дороге я проглядел все подвернувшиеся под руку газеты, так что уже был готов увидеть то, что увидел.

Крохотная экспериментальная мастерская, кое-как перебивавшаяся на жалком бюджете, теперь расширялась словно Галактика, превратившаяся в сверхновую. Где-то далеко я разглядел здания возводящихся цехов и ангаров, повсюду строились склады, а оборудование прибывало кубометрами и тоннами.

Тим Баскомб проверял чертежи перед наполовину возведенным Парфеноном, явно предназначенным для главного здания компании. На следующий год после войны я повстречал его на слете бывших пилотов, но решил, что представиться мне не помешает — некоторые заносчивые личности уже успели меня позабыть.

Едва услышав мой голос, Тим уронил чертежи и схватил меня за руку.

— Дэйв! Ты еще ни с кем не подписал контракт? — с тревогой спросил он.

— Пока ни с кем. Так вам пригодится бывший пилот В-29 и игрок на аккордеоне?

— Пригодится ли? Мистер Хеннеси... мистер Хеннеси, принесите мне контракт номер шестнадцать, нет, лучше номер восемнадцать. Ты ведь пилотировал еще первые реактивные и ракетные аппараты, — пояснил

он, — и это причисляет тебя к категории опытных специалистов.

— Что, много парней набрали?

— Много? Да сейчас по всей стране каждый жестянщик, державший в сарае мастерскую, организует какую-нибудь корпорацию, а мы идем ноздря в ноздю с лучшими из них. Говорят, на авиалиниях стюардессы уже работают вторыми пилотами, а разносчики сладостей — радистами. Во-он в том ангаре ты найдешь Стива Янси и Лу Брока из «Канада-Мексики»; парни будут рады тебя видеть.

Мистер Хеннеси и стенографистка стали свидетелями. Я нацарапал на контракте фамилию, едва увидев цифру, проставленную в графе «зарплата». Баскомб рассмеялся:

— Готов поспорить, что наша платежная ведомость — одна из самых внушительных в мире. Впрочем, компаний пятьдесят тоже получили крупные субсидии. Нас поддерживают «Радиоактивные металлы» и горнопромышленная корпорация «Джиннетт», да еще получили правительственную субсидию на пять миллионов.

— И когда правительство этим заинтересовалось? — уточнил я, вытирая измазанные чернилами пальцы.

— Когда? — хмыкнул Тим. Мы шли в сторону огромного ангара, над входом в который висела табличка: «Пилоты-испытатели “Баскомб рокетс”. Посторонним вход воспрещен». — Послушай, Дэйв, когда Паркс сделал радарные снимки Луны, заинтересовались астрономы. Когда он разработал таблицу спектров и обнаружил под поверхностью огромные глыбы золота, зашевелились банки и добывающие компании. Но когда проф из «Калтеха» провел лучом парковского аппарата восемьдесят миль по долине в Лунных Альпах и обнаружил, что там вперемешку лежат слои радия и урана, то все нации планеты оторвались от экспериментов с атомными бомбами ровно настолько, чтобы успеть завербовать на работу всякого, кто знает, что от Земли до Луны четверть миллиона миль. Дело теперь даже не в том, что первый, кто сядет на Луну, за ночь станет миллиардером, а в том, что народ начнет клепать атомные бомбы у себя на кухне.

Я посмотрел на работающие повсюду бульдозеры и экскаваторы, на армию строителей, копошащуюся вокруг бетономешалок, на каркасы цехов, вырастающие на каждом свободном клочке земли. И такую картину сейчас можно было увидеть повсюду в нашей стране, да и наверняка в каждой стране мира. Склепать хоть какой-нибудь кораблик, решить все проблемы с помощью кое-как собранной на коленях аппаратуры — но первым добраться до Луны!

— И вопрос касается не только безопасности страны, — объяснил Тим. — Мы почти овладели атомной энергией. Фактически она уже есть, только не в коммерческой форме. Но если добывать уран на Луне, то старая сказка из воскресных приложений — помнишь, пересечь Атлантику, используя в качестве топлива чайную ложку песка, — станет явью. «Дженерал атомикс» половину своего бюджета направила на конструирование космических кораблей. Быть может, они не станут первыми, кто построит завод в кратере Тихо, но стараются они изо всех сил.

Он провел меня в ангар пилотов, где парням читали лекцию об астронавигации. А ведь в тот день все ракеты компании Баскомба существовали только в чертежах!

«Безумная гонка» — так, пожалуй, стоит назвать этот период. Он действительно был безумным. Люди еще помнят, как сообщения о первых его жертвах попадали на первые полосы газет: ракета Гуннара и Торгерсена взорвалась, поднявшись на полмили; шесть русских ученых исчезли во вспышке, зарегистрированной всеми направленными на Луну астрономическими камерами. Затем, под конец десятилетия, по планете прокатилась волна протестов, и закон стал сурово наказывать безответственные корпорации и авторов рискованных экспериментов.

Но даже тогда Стив Янси и его младший брат погибли во время простого экспериментального полета за пределы атмосферы. Никакие фундаментальные принципы не были по недосмотру пропущены, просто мы небрежно работали.

Когда Паркс наконец заехал к нам проездом из «Реактивного проекта Лероя», всем нам уже казалось,

что никуда мы быстро не попадем. То был Черный Апрель, когда погиб весь посланный «Дженерал атомикс» флот. Баскомб узнал, что я лично знаком с Парксом, и стал упрашивать, чтобы я уговорил его работать на нашу фирму:

— Он же просто ездит с места на место и раздает советы всем, кто захочет его выслушать. Если он с его репутацией начнет работать на одну фирму, то сможет потребовать любую зарплату. Попробуй сделать так, чтобы он потребовал ее у нас.

— Попробую, — пообещал я.

— Конечно, я знаю, что больше всего его интересуют эксперименты с радаром. Если бы он перестал заниматься картографированием Луны, то каждый колледж наверняка воспылал бы желанием обзавестись радарным телескопом, или как он там называется. Но с тех пор как он нашел уран в этих проклятых кратерах, школьников вербуют для участия в научных исследованиях, едва они осваивают курс элементарной физики. Тот проф из «Калтеха»... черт, как же его-то зовут... ну, тот, что первый обнаружил радиоактивные вещества с помощью аппаратуры Паркса, — так вот, говорят, что ему приходилось забираться на гору к Парксу всякий раз, когда у него вновь появлялось желание исследовать новый участок Луны. Он не сумел даже родной университет заинтересовать идеей построить для него собственную игрушку, а Алекс П. подпускал гостей к своему детищу только на коротком поводке.

— Верно, — ухмыльнулся я, вспомнив, как он дал от ворот поворот Эммануэлю Корлису. Даже когда некоторые научные журналы критиковали Паркса за столь жесткий контроль над единственным в мире радаром для исследования лунной поверхности, Алекс гневно возражал, что весь аппарат он придумал и построил сам, потратив на него собственные время и средства, а если это кому-то не нравится, то пусть строят себе такой же аппарат сами. Но в ситуации, когда каждый направляемый на исследования цент вкладывался в разработку космических кораблей, конкуренты у него, естественно, появиться не могли.

Паркс лишь рассмеялся, когда я передал ему предложение Баскомба. Он вылез из черно-серебристого,

пахнущего свежей краской корабля, на котором мне предстояло через неделю отправиться в пробный полет, и уселся на гнутую металлическую опору.

— Нет, Дэйв, мне нравится быть экспертом-консультантом крупных компаний, конструирующих ракеты. Я привык путешествовать и знакомиться с самыми разными вариантами. Ты знаешь, что Гарфинкель из Иллинойса разрабатывает «космоплан» — нечто вроде парусника, летящего под давлением космических лучей? Так что мне вовсе не хочется застрять в каком-нибудь уголке этого бизнеса. В конце концов, удача может улыбнуться кому угодно.

— Но это непохоже на тебя, Алекс, — возразил я. — Ты всегда был парнем, которому нравится делать все своими руками. А то, чем занимаемся мы, не просто тебе по пути — это твой путь. Ты единственный человек, который нужен «Баскомб рокетс» не как приезжающий время от времени бесплатный консультант, а как директор, координатор всех наших исследований. Я-то просто недотепа, научившийся орудовать штурвалом, но ты как раз тот, кто проложит всем дорогу в космос.

— Ты никому не проболтался, что мы вместе работали?

— Нет. — Я вздохнул. Желания присоединиться к нам у него явно не было, и я помог ему сменить тему. — Кошмарная это история... с кораблями «Дженерал атомикс».

Он посмотрел вниз, медленно кивнул, потом поднял голову. Я заметил на его лице с трудом скрываемый гнев.

— Во всем виноват Корлисс, — негромко произнес Алекс. — Полгода назад он стал президентом ДА. А идея послать целый флот наверняка показалась ему хорошим рекламным ходом.

Я с ним не согласился.

— В конце концов, — отметил я, — логика здесь была нормальная. Десять кораблей вылетает к Луне одновременно. Если один натывается на метеорит, другие могут прийти на помощь. Если кораблю грозит взрыв, экипаж его можно спасти, переместив людей на другие. Им просто не повезло. Как жаль, что Фукель открыл жесткие космические лучи лишь через неделю после их

старта. Теперь все, что мы строим, снабжено изоляцией против этой гадости.

— Пятьсот человек, — задумчиво протянул Алекс. — Пятьсот мужчин и женщин затерялись бесследно. Сегодня в газетах ничего не сообщалось? Может, перехватили их радиосигнал? Или где-то упали обломки?

— Нет. Наверное, они потеряли управление и упали на Солнце. А может быть, уцелевшие корабли уже дрейфуют куда-то за пределы системы.

Когда я попрощался с Алексом у ворот, он снова стал самим собой.

— Быть может, к следующей нашей встрече мы раскусим этот орешек, — сказал я. — Правда, мы движемся вперед весьма медленно.

— Это ничего не значит. — Он с чувством пожал мне руку. — Человек твердо решил оторваться от родной планеты. И он своего добьется — возможно, даже быстрее, чем думает.

Два месяца спустя капитан Ульрих Гэлл посадил канадский корабль «Пройдоха-3» с двухпоточным двигателем в кратер Платон. Теперь любой школьник знает историю о том, как Гэлл выстроил свой облаченный в скафандры экипаж и собрался выйти через шлюз. Как он зацепился ногой за рампу и как его стюард-полинезиец Чарльз Вау-Нейл бросился к рампе, чтобы освободить капитана, споткнулся о порог люка и с разбега вылетел наружу — став таким образом первым человеком, коснувшимся другого мира.

Я стал вторым пилотом пятого корабля, добравшегося до Луны, — «Посол Альбукерке». Я также стал первым человеком, оставившим отпечаток ноги на склонах лунных Апеннин. Так что и мне нашлось местечко в подробной шеститомной истории исследования Луны: «Интересное открытие было сделано рядовым исследователем по имени...»

Впрочем, вы и так знаете, что было дальше. Обитатели первой колонии, основанной Гэллом на Луне, лихорадочно исследовали взятые повсюду образцы минералов. Увы, безуспешно. Через полгода ученые полностью подтвердили по радио давно возникшие у Гэлла подозрения.

Никакого урана на Луне не оказалось. Никакого радия тоже. А концентрация золота лишь чуть-чуть превышала нижний предел обнаружения самых чувствительных методов анализа.

Разумеется, нашлось несколько солидных залежей железной руды. Кто-то обнаружил под поверхностью минералы, из которых можно было легко извлечь кислород и легкие элементы, и это сделало возможным независимое существование колонии. Но никакого урана!

Когда разразился скандал, я находился уже на Земле. Буря, финансируемая и поощряемая впадшими в истерику корпорациями, первым делом обрушилась на голову некоего профессора-астронома из Калифорнии и раскатала его в тонкий блин. Ведь это он, паразит, первым объявил о наличии на Луне радиоактивных минералов, экспериментируя с радаром Паркса! Затем дошла очередь и до самого Паркса.

Помните заголовки тех дней («Паркс признался в мошенничестве»), набранные огромными буквами, какими впору объявлять о конце света? «Александр Паркс, шарлатан из Невады, рассказал сегодня сотрудникам ФБР, как он разместил передатчики вблизи урановых и золотых месторождений Канады и настроил на их волну свою адскую машину таким образом, что создавалось впечатление, будто импульсы приходят со стороны определенного участка Луны. “Я никому не позволял тщательно изучать свой аппарат, — признался Паркс, — и это, вкупе с моей всемирно признанной репутацией эксперта по радарам, предотвратило разоблачение”».

Я прилетел в его лабораторию на горе. Там уже сновала полиция штата вперемешку с сотрудниками ФБР, а весь участок оцепила целая армейская рота. Когда мне удалось доказать всем по очереди, что я респектабельный гражданин, мне позволили увидеться с Алексом. Очевидно, он уже стал фактически заключенным.

Алекс сидел за столом, вытянув перед собой руки. Когда я вошел, он обернулся и радостно улыбнулся. Мужчина, с пытанием расхаживавший по комнате,

тоже обернулся, и я с некоторым трудом узнал Эммануэля Корлисса. Он бросился ко мне и, уставив на меня покрасневшие глаза, принялся бормотать. Через некоторое время я сумел разобрать смысл его бормотания:

— Ну хоть вы спросите его почему. Спросите, зачем он так поступил, зачем разорил меня?

— Я это уже раз десять объяснял, — мягко заметил Паркс. — Я ничего не имел лично ни против вас, ни против кого угодно. Я просто решил, что для человечества настало время выйти в космос, а самой лучшей приманкой для этого окажется жадность. И оказался прав.

— Прав! — заверещал Корлисс. — Прав! И вы называете правильным то, что я лишился трех миллионов? Я вложил свои личные три миллиона, и что я за них получил? Железную руду? Если бы мне потребовалась железная руда, то неужели ее мало и на этой планете?

— Можете утешиться тем, мистер Корлисс, что ваши финансовые потери помогли человечеству сделать важный исторический шаг. Вспомните, ведь я едва не пустил в ход ружье, дабы помешать вам стать участником моих... планов. Могу лишь посоветовать включить эти миллионы в графу потерянных инвестиций, когда станете заполнять налоговый отчет. Больше я вам ничем не могу помочь.

— Зато я смогу вам помочь! — заявил президент «Дженерал атомикс» и Радарной корпорации Америки, тыча в лицо Паркса пухлым трясущимся пальцем. — Я помогу вам оказаться в тюрьме. И потрачу на это весь остаток своих дней! — И он с такой силой захлопнул за собой дверь, что хижина, казалось, подскочила фута на три.

— А он сможет что-нибудь с тобой сделать, Алекс?

Тот пожал плечами. Выглядел он усталым. Наверное, в последнее время ему часто приходилось выслушивать одно и то же.

— Насколько я понимаю, немного. Лунный радар я создал на собственные средства. Раздавая советы всем желающим, я не взял ни гроша ни от какой-либо корпорации, ни от частного лица. Из этого мошенничества я не извлек никакой материальной выгоды. Мои юристы сказали, что суд станет нелегким, но наказы-

вать меня практически не за что. Я чист. Ты... ты не сердишься на меня?

— Нет! — Я опустил руку ему на плечо. — Сотни людей могут сказать, что с твоей помощью жизнь для них вновь обрела смысл. Слушай, Алекс, — тихо добавил я, — не знаю, что про тебя скажет история, но многие пилоты тебя никогда не забудут.

— Спасибо, приятель, — улыбнулся он. — Постараюсь не втянуть тебя в эту заварушку. А ты назови моим именем какое-нибудь ущелье на Луне.

Пока что мы не можем забраться дальше Луны, но я приобрел крохотный двухместный грузовой корабль — подержанный, разумеется, — и, как только поднакоплю денег, сразу поставлю на него новый трехпоточный двигатель. Говорят, что Венера еще находится на ранних стадиях геологического развития, а это означает, что там должны быть залежи радия и урана. Первый, кто туда доберется и застолбит лучшие участки, обеспечит себя до конца жизни. Да, все эти разговоры тоже могут оказаться приманкой для простаков, но подумайте только, если это правда...

Словом, межпланетные перевозки живут и процветают. Но что стало с породившим их человеком?

Федеральная лунная комиссия (ФЛК) разослала по всем своим филиалам приказ, запрещающий Александру Парксу улетать с Земли. И если только он не смоется зайцем в трюме какого-нибудь грузового корабля или же время не залечит эту конкретную рану, то, боюсь, ему придется до конца своих дней тосковать на Земле.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Кабинет комиссара Брина в Сандсторме, внеземной штаб-квартире марсианского патруля, не очень отличался от кабинетов других канцелярских баронов. Если был в одном таком, думал Вик Карлтон, считай, знаешь их все; вот уже двенадцать лет он стоял на карауле во время освященной традицией церемонии, известной под названием Поцелуя Смерти, и перевидал их все — каждый раз это было помещение, выкрашенное исключительно в белый цвет. Эти комнаты были гостеприимными, как стол хирурга.

Несколько звездных карт — словно пятна на ослепительной белизне стен; книжный шкаф, набитый разнообразными справочниками и руководствами по космосу; чопорный прямоугольный письменный стол, перед ним — единственный стул на тонких ножках; над столом — памятный список погибших разведчиков — в нем было 563 имени тех, кто погиб на службе: 563 человека из 1420, когда-либо служивших в разведке.

Служба в разведке была добровольной, и каждый год во всех концах Галактики молодые ребята качали мускулы и перенапрягали мозги, чтобы туда попасть.

Речь была почти стандартная. Может быть, даже немного лучше, чем всегда: Брин был на службе новичком и от этого немного — смущался, что ли? Говорил он совсем недолго; можно сказать, не поцеловал смерть, а скорее чмокнул.

The Last Bounce

Copyright © 1950 by Philip Klaas

Последний полет

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Он был так же высок и молодцеват, как они; старше Вика Карлтона не больше чем на три года, а он был самым старшим из троих; а его синяя форма отличалась от мундиров астролетчиков лишь одним — золотой звездой на груди вместо серебряной ракеты.

— Луц, О'Лири, вы подчиняетесь Виктору Карлтону — одному из немногих астролетчиков на активной службе, кто побыл на ней более десяти лет. Карлтон, ваши юноши признаны годными для этой миссии физически, психологически и умственно; большего нельзя сказать ни о ком. Хочу напомнить вам, что Патруль — это слава космоса, а Скауты — слава Патруля; и не стоит напоминать вам, как ревниво мы должны поддерживать эту славу. Доброй разведки и удачи вам. Все. — Он тихонько вздохнул от облегчения и закрыл рот.

«Все? — думал Вик Карлтон, пока летчики отдавали честь и выходили один за другим из кабинета. — Это только начало. И ты это знаешь, Брин. Когда кончается речь комиссара, официально начинаются опасность и ужас — возможной смерти, вероятной нескончаемой муки. Тебе ли не знать: шесть месяцев назад ты решил, что с тебя хватит, и перевелся с активной службы на это тепленькое местечко в конторе. Когда мы выходим из твоего кабинета, все только начинается. — А потом: — Э, для командира это опасные мысли. Может, Кэй права; может, я старею. — И еще позже: — Брину только тридцать пять. Мне тридцать два. Помню, было время, когда мне казалось, что все комиссары — дряхлые развалины, которых держит на этом свете сила воли да горстка правил. Да Брину всего тридцать пять! Я и вправду старею».

Они вышли в коридор и столкнулись с другой группой астролетчиков, отправляющихся на задание — шлемы уже надеты, только не захлопнуты широкие лицевые стекла. В лифт ввалились всей толпой.

— Фас, О'Лири, принеси планетку!

— Ты еще не знаешь, как тебе повезло, Луц. По мне, новичков в первый полет должен вести Неуязвимый Карлтон.

— Да гляньте на Карлтона, ребята. Ему *скучно*! Вот это парень!

— Первый полет — самый трудный, О'Лири. Боже, я как вспомню свой!

— Луц, что ты такой зеленый! По статистике, у тебя шанс пятьдесят на пятьдесят вернуться живым!

— В полет, О'Лири! В полет!

Карлтон наблюдал за своими людьми. Сейчас больше внимания следовало уделять О'Лири. Луца еще поддерживал энтузиазм недавнего выпускника; он мог бояться своего боевого крещения, но возбуждение пересиливало страх. До начала полета про него можно забыть, и даже потом его скорее придется удерживать от мальчишеских выходок, чем понукать. А вот за О'Лири надо присмотреть.

Первый полет всегда тяжел. Вик вспомнил свой — девять? нет, одиннадцать лет назад. Командир, потрясенный настолько, что предпочел увольнение новому полету, второй кадет, настолько психологически раздавленный, что навсегда остался в крохотной психиатрической клинике Патруля на Ганимеде. Их едва не сожрал плотоядный мох, непредставимая мерзость. А Вик выдержал и вылетел из Сандсторма со следующей же миссией. Лететь надо сразу, пока не почувствовал страха.

И, конечно, О'Лири проболтался:

— Да у нас просто конфетка. Планета лишь на три десятых пункта хуже Земли.

За что и был тут же освистан.

— Это близ Дыры в Лебеде?! Где нашли сверхновую размером со звезду третьей величины и метеорит, летящий со скоростью света? Да в той части Галактики про Ньютона и не слыхивали! Забирай свою конфетку!

— О'Лири, тот район и на карты-то не нанесен. Может быть, там время сворачивалось и лопалось, там родилась Вселенная. Это у тебя называется конфетка? Сам ее кушай. Я предпочту мирок на шесть пунктов хуже Земли, но в нормальном секторе вроде Тельца или Девы.

— Слушай, О'Лири, не дури себя! Но мы же летим, приятель, так в полете и посмеемся!

— Эй, Луц, чего это ты так позеленел?

Гарри Луц слабо хихикнул и вытер вспотевшую руку о свой голубой комбинезон. Карлтон похлопал его по спине так, что у того заболели лопатки.

— Не бойся, с тобой двое бывалых парней. Мы о тебе позаботимся, правда, О'Лири?

О'Лири недоуменно поднял голову, потом серьезно кивнул:

— Точно; мы тебе, малыш, покажем, что к чему.

Хорошо. Пусть О'Лири поменьше беспокоится о себе и побольше — о новобранце.

Лифт остановился на первом этаже Управления Разведывательными Операциями. Здание было украшено аляповатым лазурным пластиком. Сквозь двойные двери Вик увидел толпу гражданского персонала — они всегда бросали работу, чтобы проводить очередную миссию. Сандстормские проводы смертников — так называли это разведчики. Вик пожал плечами, — этих гражданских, видите ли, взволновал их отлет. Царство человека расширится еще на пару световых лет — сознание этого, наверное, и правда кое у кого могло вызвать энтузиазм.

Кто-то запел:

В синей форме молодецкой,
Шлем изогнут, как бокал,
Ткань небес порвет он с треском,
Как его папаша рвал...

Подхватив песню, все трое взяли за руки.

Шагая в такт песне, они спустились к маленькому изящному кораблю с длинной голубой полосой на корпусе, ожидающему их на взлетной полосе созвездия Стрельца. Почетный эскорт из кадетов, шедший впереди, выкрикивал слова припева в розовое марсианское небо. С обеих сторон взлетной полосы доносились приветственные крики. «Надо же, — подумал Вик, — чему-то радуются»...

— А что скажешь ты? — спросила его прошлой ночью Кэй, когда он, положив голову ей на колени и любясь сверканием двух марсианских лун над головой, тихо допел песню. Они два часа гуляли по Пустыне Цветущих Роз, а когда она присела на зернистый песок, Вик положил ей на колени голову и стал тихо напевать,

охваченный странным спокойствием. — А ты разве не хочешь сына? Разве не хочешь, чтобы — чтобы он рвал ткань небес, как его папаша?

— Ради Бога, Кэй. Конечно, я хочу сына. Как только мы сможем пожениться.

— Но ты же не можешь. Пока ты на действительной службе в разведке. Ты не можешь иметь сына. Все дети разведчиков — сироты. Это совсем другое, Вик. Они — сироты и никогда не видели своих отцов.

Глядя в ее преданные и ясные глаза под пышными волнами белокурых волос, он натянуто улыбнулся:

— Послушай, милая, я хочу на тебе жениться. И я это сделаю. Но я согласен: мы не можем создать семью, пока я на службе.

— Да, Вик.

— Ты права: пока я не выберу себе планету по душе, я не смогу стать хорошим мужем ни тебе, ни любой другой женщине. Ты же не хочешь, чтобы я с тоской провожал взглядом каждую ракету; я же тебе не нужен потухшим — ты сама говорила. Я сейчас одинаково сильно хочу и иметь семью, и летать к звездам.

— Да, Вик.

Он сделал было нетерпеливый жест, но резко его оборвал, когда увидел, как она провела пальцами по песку пять параллельных линий.

— Ну вот. Так что тебе надо просто набраться терпения, подождать, когда я смогу закончить с этим делом. В конце концов, я служу уже двенадцать лет; при таком сроке службы жаль не дослужить до конца — большинство увольняются через пять лет, если остаются живы. Скоро я буду с тобой, Кэй, — и мне уже не придется строить из себя бывшего парня, потому что я действительно пройду испытание космосом и захочу на покой. По обычным меркам я еще молод — мне всего тридцать два. Всего-то несколько полетов, ну, скажем, еще три или четыре задания, и я созрею. Ждать осталось недолго.

Молчание. Потом:

— Да, Вик.

Голос ее был тихим и примирительным.

Теперь Вик высматривал Кэй поверх массивного затылка О'Лири. Она работала в администрации, и

теперь, наверное, стояла где-то в толпе провожающих рядом с большим белым куполом. Ему хотелось еще поцеловать ее перед стартом; но по традиции шествие к кораблю прерывать было нельзя, а последнее прости говорилось в ночь перед отправкой.

Он увидел ее как раз в тот момент, когда они дошли до того места в песне, которое всегда особенно ее трогало. Предвкушая этот куплет, Вик воодушевился.

Если девочка случится,
Пусть оденется в шелка;
А мальчишка — к звездам мчится,
Дай под зад ему пинка.

Она сильно вздрогнула, прикрыла глаза и втянула голову в плечи, а они прошагали мимо нее и поднялись на корабль, и она не успела взглянуть на них снова.

Двое часовых из кадровых солдат патруля отдали им честь со словами:

— Корабль в полной готовности, командир. Удачи.
Они отошли.

Перед тем как молча полезть в открытый люк, они обменялись еще одним, последним рукопожатием с товарищами-кадетами.

Когда Вик нажал зеленую шестиугольную кнопку, закрыв входной шлюз, все бросились к пушечным портам, чтобы бросить последний взгляд на бетонные здания Сандсторма, торчавшие посреди нежно-розовой марсианской равнины, как забинтованные пальцы.

— Двигатели в порядке, командир, — раздался голос начальника наземной службы. — Ждем старта.

— Экипаж к полету готов, — ответил ему в микрофон Вик, а Луц и О'Лири разошлись по своим местам. — Старт.

Он окинул взглядом кабину пилота, дважды остановив его на своих подчиненных, оглядев их так, словно хотел прикинуть, на что они способны.

— От струи, — сказал он и выключил микрофон.

Он медленно досчитал до пятнадцати, думая о крике, доносившемся снизу, из разбегавшейся толпы:

— Старт! От струи, всем от струи! — Он его долго не забудет.

— Пятнадцать, — сказал он, и О'Лири передвинул красный переключатель на необходимые два деления, а Луц в это время повернул колесики регулятора устойчивости. Их слегка тряхнуло в своих креслах, но потом Вик отрегулировал ускорение, и они расслабились, приняв позы поудобней. Они приступили к выполнению задания.

Миссия 1572 по расписанию Разведывательного Патруля; 29-я по счету в личном послужном списке Вика, который остался в Сандсторме; последняя страница озаглавлена «Обстоятельства смерти — Посмертный статус — Пособия родственникам, находящимся на иждивении». Немногие личные дела содержали столько записей о полетах. Когда человек возвращался после двадцатого задания, его уже называли Чинг Лунг Молния, Фейербах Будь-Осторожен или Бониславски Двойной-Заряд. Эти прозвища получали люди, рано или поздно возвращавшиеся с задания, лишившись трех четвертей своей кожи либо зараженные каким-нибудь экзотическим вирусом, приводившим врачей в недоумение и дававшим им материал для описания совершенно новой патологии, — но все это были люди, которые возвращались всегда. Конечно, до тех пор, пока однажды...

Вика называли Неуязвимым Карлтоном, и было только два разведчика, начавших службу раньше его, которые до сих пор рвали ткань небес. Одной из немногих вещей, которые он хотел бы иметь, было звание Старшего Космического Скаута и золотистая форма, сопутствующая этому званию. Такому человеку предоставляли все и везде бесплатно, беспрепятственно пропускали через любой кордон патруля, и, куда бы он ни направлялся, его явление везде было чем-то вроде торжественного шествия в одном лице. Это было бы приятно, думал Вик; вроде ребячество и показуха, но на определенном этапе жизни могло стать для человека чем-то вроде цели. Ведь это означало, что даже среди разведчиков, которых специально отбирали из солдат патруля (а патруль — это специально отобранные мужчины со всей Галактики), ты был единственным в своем роде. А еще это означало, что в один прекрасный

день ты мог перерезать себе горло, бреясь безопасной бритвой.

Посылать в разведку скаутов — неглупая идея. Экономичная. Вместо того чтобы разом потерять три десятка, а то и целую сотню высокообразованных ученых, цивилизация в худшем случае ограничит свои потери жизнями трех человек. Эти трое, конечно, были не совсем обычными людьми, они прошли отличную подготовку; но, когда в Галактике так много молодежи, жаждущей этой чудной и смертельно опасной работы, окруженной романтическим ореолом, которому сопутствует немного славы, хорошая оплата и неограниченные возможности отличиться, — этих троих заменят. И внесут в списки павших.

Обычно бывает так: патрульный крейсер обнаруживает звезду, которой нет на картах, да еще окруженную семейством планет, — а таких приходится по одной на тысячу. Производится спектроскопическое обследование; потом, если есть время, на орбиту одного-двух миров, показавшихся наиболее интересными, отправляют зонды-роботы, и они автоматически снимают данные об атмосфере, составе грунта, наличии разумной жизни и всякие другие. Если следы цивилизации отсутствуют, крейсер при первой возможности докладывает на базу в Сандсторме о своей находке и продолжает свой полет.

В Сандсторме эту информацию регистрируют, дополняя ее многочисленными заключениями физиков, химиков и биологов. Предположим, пятью годами позже возникает необходимость провести более подробное обследование одной из этих планет. Например, ее недра богаты полезными ископаемыми; или она оказалась удобным пунктом для оборудования заправочной станции, промежуточной базы патруля либо колонии; а может быть, там просто есть что-нибудь любопытное.

И вот срочно вызывают троих незанятых разведчиков, — одного из когорты А, другого из В, третьего из С. В течение месяца им вдалбливают все имеющиеся сведения, дают лучший корабль и новейшее снаряжение, желают всяческих удач и шлют в полет. Если в течение девяноста дней по земному времени они не возвращаются, за ними отправляют тяжелый крейсер,

нашпигованный до кормовых дюз самым немыслимым оружием и недюжинными умами, чтобы понять, что с ними произошло. Если в течение условленного срока кто-то из них вернется, их донесения изучают и на их основе организуют экспедицию, которая выполнит всю необходимую работу, составление ли это карты местности для будущей колонии или закладка новой астрономической обсерватории.

Разведчиков используют как охотничий манок. Ну да, это верно, что их девиз — «Не рискуй», а в уставе Разведслужбы пункты с 47-го по 106-й посвящены правилам техники безопасности. Они предписывают передвигаться по новой планете с измерительными приборами, дающими достоверные данные о конкретной обстановке на месте... Вот и все, что предписывают им инструкции. А что до знаний, полученных в академии...

— Когда я был в академии, — доверительно сообщал Луц О'Лири, когда они пересекли орбиту Плутона и приготовились включить двигатели дальнего полета, которые должны были помчать их к месту назначения со скоростью, в несколько раз большей скорости света, — когда я был в академии, нам говорили, что три четверти потерь среди разведчиков вызвано неосторожностью и невыполнением правил безопасности. Преподаватели утверждали, что, если улучшить дисциплину и добиться того, чтобы личный состав неукоснительно следовал инструкциям, потери наверняка снизятся.

— Вот оно как? — О'Лири обернулся, взглянув на Карлтона, и прикусил нижнюю губу. — Это меня радует. Потери снижаются, — что ж, это приятно. То, что говорят эксперты, объясняет мрачную статистику прошлых лет. Снижаются, значит?

Гарри Луц закончил свои наблюдения и передал прибор О'Лири для проверки. — Конечно. Наша задача — добыть первичную информацию. При первом же намеке на опасность мы должны удалиться. Как говорится, лучше лишиться премиальных, чем жизни.

— А что еще можно получить за эту грязную работу, кроме хороших премиальных за полный срок разведки на планете? — О'Лири кивнул в сторону Карлтона. —

Цель прямо по курсу, Вик. Можем прыгать. Ты, мой милый, хочешь вернуться с задания, ничего не сделав, а в оправдание собираешься рассказывать страшные истории; да не успеешь ты произнести «Альдебаран-Бетельгейзе-Козерог», как тебя разжалуют в рядовые патрульные. Или взять последнее задание, в котором я участвовал. На планете не было ничего опасного — то есть ничего такого, что стремилось бы причинить нам вред. Но там было одно животное, наподобие птички, с такими странными маленькими крылышками, которое во время полета генерировало звуковую волну высокой частоты. Просто биологический казус, только вот оказалось, что частота звука точно такая, как та, которую используют в наших ультразвуковых пистолетах. Так-то.

Он тяжело вздохнул и посмотрел поверх рычагов управления. Двое его товарищей внимательно глядели на него.

— Первый раз мы ее увидели в тот день, когда Жак Бертран вышел из корабля, чтобы сделать геологическую съемку. Она прилетела и села на камень, — наверное, прелюбопытное зрелище, — и Жак упал замертво. Хэп Мак-Ферсон, наш командир, вышел посмотреть, что с ним стряслось. Птичка испугалась и улетела, так что Хэп тоже упал замертво. Я был в корабле и заметил, куда направлена звуковая волна; я ее вычислил. Потом я внимательно окинул взглядом горизонт, убедился, что ниоткуда никто не летит, втащил два трупа с замыканием в мозгах в корабль и вернулся на Базу. Не знаю, порешили они истребить этих птичек или снабдить колонистов специальными наушниками или что еще. Но свои премиальные я получил.

Воцарилось молчание. Гарри Луц хотел было что-то сказать, но посмотрел на товарищей и промолчал. Он облизнул губы и откинулся на спинку кресла.

— Ну и ну, — пробормотал он наконец, тихо и удивленно.

— Так, О'Лири, — сухо сказал Вик. — Если ты закончил со своими страшилками для новобранцев, мы приступаем. Все по своим постам, приготовиться к межзвездному перелету!

— Пост В к перелету готов, — сказал О'Лири, ухмыльнувшись так, что стали видны зубы, хотя углы губ и не дрогнули.

Гарри Луц вдохнул воздух и расправил плечи под голубым комбинезоном:

— По... — начал он, но запнулся. — Пост А к перелету готов. Струя п-пошла.

«Нет уж, разведчиков не надуешь. Они-то знают, что ими пользуются как подсадной уткой. И все же, — подумал Вик, — Луц и О'Лири подходят друг другу. Если только что вернулся из похода, во время которого смерть шутя тычет тебе в ребра пальцем и хлопает по твоей дрожащей спине, и снова летишь на задание, нет ничего лучше, чем поговорить с товарищем помоложе, который испытал меньше твоего и нуждается в руководстве, чьи страхи еще сильнее, чем твои, ибо они еще неосознанны и неосязаемы, их нельзя прогнать».

О'Лири отвлекался от своих мыслей, когда думал не о себе, а о молодом человеке. И Луцу от этого тоже не будет хуже: если на него нельзя будет положиться после того, как он наслушается страшных историй, по крайней мере, с ним все станет ясно до того, как они столкнутся с реальной опасностью. Лучше знать это здесь и сейчас, когда можно еще что-то предпринять, чтобы обезопасить двоих оставшихся. За двенадцать лет службы Вик Карлтон успел убедиться, что опасности при выполнении задания не бояться или люди, слишком флегматичные, чтобы от них был какой-нибудь толк, либо просто сумасшедшие; нормальный человек испытывает страх, но старается устранить его источник. Пусть Луц поймет, с чем они могут столкнуться: его шансы выжить от этого только возрастут.

— Да ладно, не так уж и плохо нам приходится, — признался Стив О'Лири, когда, включив двигатели дальнего полета, можно было отдохнуть. Они находились в сферическом помещении, которое служило одновременно кабиной пилота, жилым помещением и комнатой отдыха. — Месяц на инструктаж, максимум два месяца — на полет туда и обратно, месяц — на обследование планеты. Если все идет удачно, на выполнение задачи уходит не больше четырех месяцев, а после этого — тридцатидневный отпуск, не считая времени на

лечение. Платят нам хорошо, и женщины нас любят: чего еще человеку надо?

— И потом, — Луц энергично подался вперед, явно довольный тем, что настроение его коллеги изменилось. — Потом, это же по-настоящему почетно — стать первым человеком, ступившим на землю планеты, первым, кто опишет этот новый мир, первым...

— Кого этот край достанет, — коротко резюмировал О'Лири. — Первые люди на новых планетах — хм! Первые покойники!

Вик Карлтон откинулся на своем пластиковом кресле и усмехнулся:

— Стив, тебя что, комиссар затолкал в корабль силой? Тебя же никто не заставлял лететь; ты мог отказаться.

— Отказаться? Когда мне осталось всего пять месяцев до категории А, удвоенного оклада и повышенной пенсии? Да мне и никогда не хватит здравого смысла выйти в отставку: первый О'Лири был тупоголовым романтиком, а по мужской линии наш род не прерывался. Одного из моих предков разорвало на части в стратосфере, в те времена, когда хотели полететь на Луну с помощью жидкого кислорода; другой сто пятьдесят лет назад был штурманом Второй Венерианской экспедиции, — той самой, которая упала на Солнце. Наука совершенствуется, появляются новые изобретения, но О'Лири всегда будут совать голову в петлю. Аминь.

Все посмеялись над этими мрачными примерами, а Луц сказал:

— Хоть бы все мои задания были такими, как это! Мы летим к желтой звезде типа G, как раз как наше Солнце, а планета...

— Планета только на три десятых процента отличается от земного стандарта! — перебил его разведчик из когорты В, настроение которого опять поменялось. — Я-то знаю. Я уже рассказывал тем ребятам в Сандсторме. Знаешь, малый, эта планета и звезда находятся возле черной дыры в созвездии Лебеда, — понял, что это значит? В этом районе нет ни одной разведанной планеты, не говоря уже о заселенных. Все, что известно о Дыре в созвездии Лебеда, — только предположения.

Спроси любого ученого, отчего в этом районе так мало солнц, почему вещество ведет себя не так, как везде, что могло случиться с той картографической экспедицией, которая там пропала пять или шесть лет назад, и он попросит не беспокоить его понапрасну. Одно утешение: если мы не вернемся, туда наверняка снарядят полномасштабную экспедицию для расследования. Это бодрит, верно, Вик?

Карлтон пожал плечами и снова уткнулся в книгу. Он не мог решить, что же хуже — неискушенность и неловкость желторотого Луца или черный юмор его старшего сослуживца, который так легко становился горьким лекарством от нескрываемого страха. «Ради такого задания, — подумал он, — можно было бы вернуться к старому правилу разведчиков, которое давало командиру право самому набирать экипаж».

Хотя кого бы он мог выбрать, будь на то его воля? Такого, как Барни Ливеррайт, который погиб шесть месяцев назад возле Вирго — покладистого и исполнительного разведчика из когорты В? А из когорты С — кого-нибудь такого же энергичного и жизнерадостного, как Хойги Стэнтон, который до сих пор умирает на Ганимеде, в палате, куда не осмеливаются заходить даже врачи — они боятся вируса, от которого не спасут ни иммунизация, ни защитная одежда?

Нет, ему досталось то, что было — те, кто был в наличии, кто еще жив. Даже в полет к Дыре в созвездии Лебедя командир берет тех, кого назначили, и, — так думал Вик, наблюдая за ними, а корабельный хронометр отмечал, сколько прошло недель, ибо только он мог различить время в кромешной тьме гиперпространства, — и в общем-то ему досталась не такая плохая команда.

При тесном общении становились заметнее те черты, которые он знал за ними раньше. Трое мужчин сблизились и, несмотря на тесноту помещения и естественное раздражение, вызванное однообразием их ежедневных обязанностей, чувствовали, что их дружба крепнет.

Луц, к которому старшие товарищи старались относиться как к равному, стал заметно более уверен в себе. Вик смотрел на него, на его темноволосую голову,

похожую на планету рядом с большим рыжим светилом О'Лири, когда они выводили строфы слезливо-сентиментальной баллады, имевшей среди скаутов широкую популярность. Он улыбнулся, услышав жалостливый тенор Гарри Луца, добавлявший нотку меланхолии к басу Стива О'Лири, от которого дрожали перекрытия.

Мне не смять шелк Вселенной
Гладким телом ракетным.
Ласки льстивые девы
Сомнут мои дни.
Я прощаюсь со звездами, братцы,
Я Млечным Путем не пройду,
На Земле плесневелой
Я окончу бренный свой путь.

К Кэй это вряд ли подходит, подумал Вик. «Ласки льстивые девы» — этого он от нее не видел.

Кэй относилась к нему критически: она была сильным человеком, который ищет другую силу, а не женщиной, которая, как виноградная лоза, стремится уцепиться за мужчину, в котором видит опору. Она помогла ему впервые осмыслить то внутреннее стремление, которое побудило его заняться едва ли не самым опасным и неблагодарным делом в истории человечества.

Тогда он пришел к ней на свидание у дверей лучшего в Сандсторме ресторана с опозданием и бросил небрежно, даже вызывающе:

— Подписал бумаги на задание 1572. Мне снова предстоит приключение и разлука с тобой, моя девочка.

— А что плохого в приключении? — не спеша отозвалась Кэй, отвернувшись в сторону. — Каждый мужчина, пока молод, должен испытать себя, сделать то, что не под силу другим. Так совершенствуется человечество, так воспитываются те, кто будет нами править. Только если при этом не создается ничего нового, это свидетельствует о незрелости; тогда это подвиг ради подвига.

— Разведчики стремятся к приключениям не ради острых ощущений, — проворчал Вик. — Они положили начало всем колониям в Галактике, они отвечают за все звездные заставы.

Она засмеялась:

— Разведчики! Ты говоришь о всей службе, а я толкую об отдельных людях, которые на ней состоят. Когда человеку в твоём возрасте нечем гордиться, кроме нескольких шрамов и дюжины потускневших медалей... Я всего лишь женщина, и мне нужен сильный, надёжный и верный мужчина. Я не хочу замуж за тридцатидвухлетнего мальчишку.

— Ты вот считаешь, — настойчиво продолжал Вик, — что первопроходцы, революционеры и авантюристы — незрелые люди. В общем, тебе кажется, что человечество идет вперед благодаря тому, что некоторые задерживаются в своем развитии. Я прав, Кэй? Ты хочешь сказать, что юность — время волнений и испытаний, а зрелость — период оседлой, скучной и монотонной жизни, когда приобретают не новые знания, а новые язвы?

Он помнил, как пристально она на него посмотрела, а потом опустила глаза, словно ее ударили.

— Я... я не знаю, Вик, как на это ответить. Мне показалось, что ты говоришь, как маленький мальчик, который мечтает стать пожарником и втайне очень стыдится того, что его отец работает в страховой компании, хотя, возможно, это и не так. Я только знаю, что при твоих десяти годах сверхсрочной службы тебя, если бы ты попросил об этом, могли назначить комиссаром и что планировать экспедиции и готовить молодежь к предстоящим опасностям — такое же захватывающее занятие, как летать самому. Но я бы не хотела, чтобы ты бросил действительную службу ради меня или даже ради того, чтобы создать семью, раз ты еще недостаточно повзрослел, чтобы захотеть этого самому.

— Скажи лучше: недостаточно постарел, Кэй.

Она только махнула рукой и отвернулась к зеркалу, чтобы поправить причёску.

— Пусть все идет своим чередом, — сказала она, сосредоточенно водворяя на место выбившийся локон. — Никак не могу понять, почему эти разговоры так тебя расстраивают. Ты хочешь остепениться и завести семью или не хочешь? Когда определишься, скажи мне, пожалуйста, о своем решении. А теперь пойдем: наверное, те музыканты с Земли уже прилетели в «Оазис» к Эмилю.

Он открыл перед ней дверь, раздраженно стараясь объяснить себе, почему эти беседы всегда оставляют у него такое ощущение, будто он совершил по отношению к ней какую-то непростительную бестактность, а она была настолько любезна, что оставила ее без внимания.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что ни в чем не может ее упрекнуть. Он с удивлением поймал себя на мысли, что, в сущности, не понимает, почему он находится здесь, в этом помещении, разделяя его с двумя чужими ему людьми по имени Гарри Луц и Стив О'Лири.

Что такое была эта несчастная миссия 1572, чем была первая разведывательная экспедиция к Дыре перед нежным образом Кэй, перед их неродившимся сыном, в котором они оба воплотят себя заново? Желание, которое наполняло все его существо — жажда иметь семью, — было очень древним, и каждая клеточка его тела разделяла его. Сидя в глубоком кресле перед пультом управления, он, стараясь сохранить бдительность, мрачно теребил свой жесткий синий комбинезон.

И вот перед ним зажглась красная лампочка.

— Ребята, по местам, — скомандовал Вик. — Поворачивайтесь, — ну-ка, бегом! Прямо по курсу — наша звезда! Дюзы ближнего действия — к пуску! — Он снова был спокоен и уверен в себе, как и подобает начальнику экспедиции.

— Пост В к пуску готов! — отчеканил О'Лири, плюхнувшись в свое кресло и выдвигая длинную панель с клавиатурой.

— Пост С к пуску готов, — неразборчиво сказал Луц: он еще не успел прожевать остатки скромного ужина, которым он наслаждался в камбузе. — Включаю дюзы ближнего действия!

Вик испытующе посмотрел на них, потом перевел взгляд на висевшую перед ним звездную карту, отметил, где находится стрелка указателя, трепетавшая в своей округлой тюрьме, и установил рычаг, находившийся возле его правой руки, в крайнее положение.

Потом проверил все снова.

— Пуск! — крикнул он. — Дюзы включены. Струя пошла!

Они вошли в систему из одиннадцати планет, где солнце по спектру излучения удивительно походило на земное. Между второй и третьей планетами был пояс астероидов, между восьмой и девятой — еще один. Три планеты имели кольца — одна даже два: горизонтальное и вертикальное, как у гироскопа — и только на одной, пятой по счету от солнца, была жизнь.

— Если бы я не знал, где мы, мог бы поклясться, что это Земля, — изумленно проговорил Гарри Луц, снова просматривая данные о планете, к которой они направлялись.

О'Лири кивнул:

— Три десятых процента различий — совсем немного. Диаметр чуть-чуть поменьше, соотношение кислорода и азота почти такое же, средняя температура на экваторе отличается всего на два градуса. И все-таки исследовательский корабль не обнаружил никаких следов разумной жизни. Эй, Вик, по теории соответствия процессов развития окружающей среды Кокберна там внизу должны быть создания, приблизившиеся по уровню развития к палеолитическим людям, верно?

Командир, утомленно глядя в трансвизор, где планета, до которой оставалось почти миллион миль, была видна во всех деталях, выразительно пожал плечами:

— В любом другом месте я позволил бы себе что-то предполагать — только не в этой глуши: данный район открытого космоса совершенно не освоен. Если планета похожа на Землю по своим физическим условиям, на ней действительно должны были возникнуть разумные двуногие с начатками машинной цивилизации — но кто знает, как обстоит дело в Дыре созвездия Лебеда? Взять хотя бы эти кошмарные белые штуки.

Они посмотрели в направлении его протянутой руки — на экран телесканера, усеянный планетами. В солнечной системе то тут, то там, между планетами и над ними, свободно паря в пространстве или сгущаясь вокруг желтой звезды, висела как будто бы тонкая сеть из белых, мертвенно-бледных нитей, — на самом деле они простирались на сотни и тысячи миль. Она выглядела как разорванная паутина огромного и ядовитого паука, не подчинявшаяся закону тяготения и ни на что в нормальном космосе не похожая.

— Зря стараешься, Гарри, — предупредил Вик Луца, который нервно листал огромный том, положив его на пульт управления. — В «Видах небесных тел» Розмари-на ты ничего не найдешь. Все, что мы знаем об этих штуках, — что они здесь есть, как и повсюду в Дыре, и что они очень опасны даже для лучших судов, которые у нас на сегодня имеются. Если корабль сунется к ним слишком близко, сразу испаряется, — раз, и готово! Просто исчезает. У нас приказ: **НЕ ПЫТАТЬСЯ — ПОВТОРЯЮ ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ И ПОДЧЕРКИВАЮ — НЕ ПЫТАТЬСЯ ИССЛЕДОВАТЬ БЕЛЫЕ СГУСТКИ И ДРУГИЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ, ХАРАКТЕРНЫЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ДЫРЫ В СОЗВЕЗДИИ ЛЕБЕДЯ.**

О'Лири фыркнул:

— Это только пока. Когда мы вернемся (если вдруг), кто-нибудь на Базе станет чесать себе затылок, размышляя, из чего эти скопления состоят. Тогда они пожмут нам руку, дадут в дорогу пару ящиков с консервами, новый корабль и скажут: «Не будете ли так любезны разобраться, в чем там дело, и проверить, правда ли они так опасны, как о них рассказывают? Только без необходимости, пожалуйста, не рискуйте. А еще было бы славно, если бы вы успели вернуться к съезду астрофизиков Солнечной системы, который пройдет в январе!»

Они захохотали — Луц немного громче других.

Планета была настолько похожа на Землю, что они испытали нешуточный приступ ностальгии. Конечно, здесь было всего четыре континента и, — что поделаешь, — теплыми ночами здесь не царила сияющая луна; но сапфировая гладь моря так и манила полежать на белоснежном пляже, прихватив с собой бутылку виски, хотя, казалось, тут можно захмелеть, и не открывая бутылки, а облака плыли по почти бесцветному небу, выпятив свои кудрявые животы и не ведая, какие удивительные сравнения могут подобрать для них поэты. Там и сям над безмолвными водами цвета индиго возвышались живописные острова, так и ждущие кисти художника, который бы их запечатлел.

Горные склоны были украшены кронами высоких деревьев, а на нетоптанных лугах волновались буйные

травы. Изнывали от зноя необъятные просторы пустынь, чьи золотые пески не знали, что такое влага; а на севере огромные льдины обретали свободу и ныряли в полярное море, громким треском возвещая приход весны.

Но нигде — ни на суше, ни в море — они не видели животных.

— Похоже на райский сад, — вздохнул Гарри Луц, — после Грехопадения.

О'Лири посмотрел на него, закусив губу:

— Или на ад, каким он был до того.

После приземления Вик распределил исследовательские вахты. Намного менее трудные, чем истощавшие нервы дежурства в космосе, исследовательские дежурства на данном этапе были гораздо более важны. И служебные инструкции, и их собственные представления о безопасности требовали, чтобы наиболее тщательные исследования условий жизни на планете были сделаны по возможности перед тем, как люди покинут корабль. Надо было не только проверить местность на предмет таких okazji, как землетрясения, наводнения и извержения вулканов, не только выяснить, есть ли здесь опасные микроорганизмы, что на планете, столь похожей на Землю, было весьма возможно; но, в дополнение ко всему этому, — и особенно здесь, в Дыре, — надо было убедиться в отсутствии чего-то абсолютно незнакомого, особенного, до этих пор беспрецедентного и, возможно, смертельно опасного.

Только после того как были приняты все эти предосторожности, а бортовые журналы заполнены вплоть до того момента, когда они должны были покинуть корабль, Вик осознал, что он не думал о Кэй уже десять — или пятнадцать? — часов. Кэй Саммерсби стала просто еще одним белокурым приключением, которое еще не закончилось, еще одной вехой на задворках его памяти — только немного более важной, более значительной, чем другие. Главным его делом было руководство экспедицией.

— Эй, Вик, — нахмурился Стив О'Лири, оторвавшись от телесканера. — Ты знаешь, что на обратной стороне планеты — это белое щупальце?

Командир издал нечленораздельный звук, придвинулся к разведчику из когорты В и поскреб подбородок, глядя на экран.

— Черный космос! — прорычал он. — Что ты об этом скажешь? Непохоже, что оно живое: не двигается, и на земле вроде не лежит; просто висит и мозолит глаза. Можно подумать, это просто червяк, которому не повезло в жизни: на него наступили и отбросили в сторону.

О'Лири хрустнул суставами:

— Да уж. Не хочу на него смотреть — мне оно не нравится. Согласно инструкции, мы должны держаться от этих прелестей по крайней мере на расстоянии реактивного выброса — а тут эта штука в каких-то вонючих 7500 милях, если считать по прямой.

— Значит, нам не повезло, — ответил Карлтон. — Оно на планете, куда нас послали, а задачи миссии всегда важнее служебных инструкций. Помните только, что, проводя исследования, не надо приближаться к нему слишком близко. Луц, ты понял?

Тот кивнул:

— Когда мы приступим, Вик? Я готов съесть свой шлем вместе с антенной, если в этом неземном раю мы встретим что-нибудь опасное. Я хочу ощутить под ногами настоящую почву.

Его начальник покачал головой:

— Полегче, мой мальчик, полегче, не гони. На чужой планете спешка приведет только к тому, что тебя раньше других похоронят. А если в этом мире и есть какая-то опасность, о которой ты не знал, пока не вылез из люка, — зря ты думаешь, что успеешь съесть свой шлем. Потому что тебя сожрут вместе со шлемом, рацией и всеми потрохами. А теперь расслабься и смотри на экран сканера. Кроме деревьев, травы и прочих пустяков здесь должно водиться что-то еще.

Но больше здесь ничего не было. Сменяя друг друга у телесканера, они водили лучом взад и вперед по всем четырем континентам и всматривались в экран до тех пор, пока от усталости не заболели глаза, но так ничего и не нашли. Они отыскивали мельчайшие одноклеточные формы в пробах воздуха, почвы и воды, собранных при

помощи автоматической драги, которой был оборудован корабль; в один прекрасный день их разбудил крик О'Лири, которому показалось, что он видел птицу (она оказалась листом, оторванным ветром); их внимание привлекли несколько больших зеленых шаров, прокатившихся мимо, но потом по отсутствию целенаправленного поведения и органов чувств разведчики догадались, что это были всего лишь очень крупные споры каких-то растений.

Они не видели ни травоядных, объедавших пышную растительность, ни хищников, крадущихся за ними, чтобы напасть. В морях не было рыбы, в лесах — термитов, даже в самой земле не было дождевых червей.

— Не понимаю, — ворчал Вик. — Растительный мир на этой планете так похож на земной, что предполагает наличие наземных животных. А где они? Ведь снаружи нет какого-нибудь огромного существа, способного сожрать всех остальных. Так что...

— Что? — подзуживал Стив О'Лири, глядя на шефа в упор.

— Может быть, это кто-то очень маленький, — он-то и делает всю работу? Скажем, вирус. Какая-нибудь сложная молекула, относящаяся одновременно к царствам и живой, и неживой природы, что-нибудь такое, что нельзя назвать живым в полном смысле слова, но что может еще быть более опасным, чем живое существо.

— Да, Вик, но я засек бы его с помощью электронного микроскопа. — Гарри Луц нервно развел руками. — А если я где и промахнулся, — так все равно их сейчас со скоростью пять тысяч экземпляров в минуту определяет робот. Если какой-то вирус погубил здесь всех зверей и птиц, мы скоро наткнемся хотя бы на одну из его форм.

— Неужели? Если этот вирус не смог приспособиться к жизни в растительной клетке, сейчас он может быть не слишком активным, — и не слишком многочисленным. И потом, если мы на него все-таки наткнемся, как мы узнаем, что это он?

— Но робот...

Вик Карлтон скривился:

— Робот! Знаешь, Луц, в нашем деле один из способов не дожить до старости — это верить всему, что написано в руководствах по эксплуатации оборудования. Конечно, если рецептор робота приставить к электронному микроскопу, он станет отличным специалистом по патогенным микроорганизмам. И память у робота не хуже рецептора, — в ней есть файл с информацией о всех микроскопических формах жизни и вирусах, опасных для человека, обнаруженных к настоящему времени в исследованных районах Галактики. Если он наткнется на что-то, что настолько похоже на описание, которым он располагает, что его реле с десятичным кодом замкнет, — тогда он нас предупредит. Он предупредит нас о дюжине видов на этой планете, которые как-то коррелируют с его базой данных. Только ведь у роботов нет воображения. Эта чудесная машина, Гарри, не оторвется от работы и не скажет тебе: «Слушай, мне не нравится, как выглядит вот эта козявка, хотя она и кажется совершенно безвредной». Ты же знаешь, что бывает, когда робот сталкивается с тем, что не заложено в его память.

— Вот-вот, — усмехнулся О'Лири, приподнявшись на своей койке. — Три трупа в новенькой форме, зато после экспедиции-расследования в память робота, возможно, введут описание нового вируса. Вот так, Луц, люди и учатся — путем проб и ошибок. Только вот, милый мой разведчик из когорты С, brave, но зеленый, мы — это как раз те, на ком пробуют и довольно часто ошибаются.

Он снова откинулся на койку, и, когда его огромная рыжая голова исчезла из виду, они услышали его басистое пение:

— Я боцман усатый, и все курсанты...

Эта мрачная шутка огорчила Луца. Вынужденное заточение на борту маленького корабля, откуда открывался прекрасный вид на окрестную равнину, не принесло Стиву О'Лири особенного облегчения. Он прослужил уже слишком долго, чтобы нарушать дисциплину, особенно в том, что касалось правил безопасности; но из глубины его подсознания поднимался ропот, и метастазы страха иногда проникали и в его мысли.

Вик чувствовал все большее расположение к младшему товарищу. В конце концов, Луца не преследовали недавно пережитые страхи; он еще не ведал, какие мурашки могут побежать у него по спине.

— Видишь ли, — мягко сказал ему командир, — я же не сказал, что там, снаружи, какой-то монстр только и ждет, как бы нас сожрать. Я просто не знаю этого. Возможно, здесь, в Дыре, развитие сложных животных форм угнетено каким-нибудь излучением. Все может быть. Я сказал только, что мы должны наблюдать и анализировать, пока не учтем всякую возможную опасность. А потом, когда в конце концов мы выйдем из корабля, мы наденем космические скафандры с защитой Гроена и предохранителями Мангейма.

О'Лири снова поднял голову с подушки.

— Эй! — воскликнул он с разочарованием. — Чтобы передвигаться с таким весом, нам придется использовать электрические приводы. Я-то надеялся поскакать, попрыгать и подрыгать ногами самому. Было бы здорово немного побегать по земле.

Он умолк и опустил голову под пристальным и задумчивым взглядом Вика. Вик подумал и объявил, что настал день, когда они начнут исследование поверхности:

— Луц пойдет со мной. Нужно, чтобы в корабле на всякий случай тоже оставался опытный человек. Это будешь ты, Стив.

Рыжий О'Лири смотрел, как они сражаются с громоздкими, увешанными оборудованием космическими скафандрами.

— Это не по обычаю, Вик, и ты это знаешь. Тот, кому первому выходить в отставку, должен и в шлюз идти первым.

— Если так решит командир, — сухо ответили ему. — Я решил по-другому. Свои упражнения ты сделаешь потом. Между прочим, я хочу, чтобы ты сидел на этих турбинах, как бегун на старте. Если мы попадем в беду и ты сможешь нам помочь — отлично; но если решишь, что сделать ничего нельзя или произойдет что-нибудь необычное, помни: главная цель миссии — собрать информацию о Дыре. Так что ты снимайся и улетай.

О'Лири повернулся спиной и занялся шлюзом.

— Спасибо, друг, — пробормотал он. — Посмотрим, что скажут ребята в Сандсторме, когда узнают, что ты мне приказал. Посмотрим.

Они спустились по трапу и ступили на поверхность планеты. Вик, одетый в свинец, двигался очень осторожно; Гарри Луц, шедший перед ним, потел, спотыкался, одним словом, мучился в тяжелом скафандре, с которым его до конца не примирил даже год тренировок.

Командир остановился среди поросли деревьев, похожих на вяз, высотой ему по грудь.

— Спокойней, Луц, — посоветовал он. — На тебе много всякого груза, и тебе, видимо, не удастся соразмерно передвигать разные его части. Когда пользуешься электрическим приводом, вся штука вот в чем: надо двигаться так, чтобы твоя правая рука не знала, что делает левая. Вы же отработывали эти вещи в академии, так что твои пальцы должны помнить нужные клавиши. Когда ты освоишься, это станет твоей второй натурой. Ты только расслабься и сориентируйся на местности: сосредоточься на том, куда ты хочешь пойти, а не на том как. Твои пальцы сами забегают по клавишам, как только ты перестанешь о них думать. Они уже знают, что им делать.

В радиомикрофон он услышал, как новичок тяжело вздохнул. Затем, когда Луц осмотрелся и, видимо, расслабился, его шаги стали более ритмичными, а движения скафандра, утяжеленного защитой Гроена, предохранителем Мангейма и сложной операционной системой, — ровными и управляемыми. Луцу удалось перенести мысленный контроль с двигательного уровня на сознательный; после этого он уже мог оказать командиру реальную помощь, в то время как его пальцы внутри огромных металлических перчаток нажимали нужные кнопки.

«Славный мальчик», — улыбнулся Вик про себя. Многие новички, когда им приходится пользоваться электрическим приводом на реальной работе в поле, бьются с ним по нескольку дней. У Луца оказалось достаточно самообладания, чтобы преодолеть неизбежный панический страх первой прогулки по чужой планете, да еще

в одежде, которая фактически действовала сама по себе. Он быстро схватывал и не ленился.

«Хотел бы я, чтобы мой сын тоже был таким», — Вик оборвал эту мысль. Надо было работать. Следить за товарищем, более молодым и менее опытным. Пока...

Они двинулись сквозь поросль низеньких деревьев, — Луц теперь легко шагал вперед, — а потом местность стала повышаться. Вскоре они уже стояли на вершине невысокого холма и смотрели по сторонам, а пышные ветви колыхались на уровне их животов.

Насколько хватал взгляд, — от дальних гор позади до реки, шумевшей меж замшелых старых камней неподалеку, — земля нежилась в лучах летнего солнца. Розовые и голубые травы волновались и тянулись друг к другу. От большого озера примерно в миле от них поднимался туман.

Луц засмеялся внутри своего шлема:

— Всегда мечтал увидеть, как выглядел туристический рай до того, как туда пришли агенты по продаже недвижимости!

— Если они когда-нибудь сюда придут. Видишь какое-нибудь движение?

— Ну, вот там, — и здесь. — Гарри Луц показал на лес чего-то похожего на куманику справа и на деревца вокруг них.

— Растения. Деревья и кусты, которые гнутся и качаются на ветру. Ничего похожего, к примеру, на кролика, который выбегает из укрытия, когда потревожишь его норку, или пчелы, которая пролетела бы мимо в поисках подходящего цветка. Никаких жуков, роющихся в земле, никаких птиц, которые летают в небе и мечтают найти жука себе на обед.

— Мы это и так видели, — из телесканера.

— Знаю, — командир экспедиции поскреб металлической перчаткой о шлем. — Но почему? Эти растения — не хищники: по химии и морфологии они отличаются от земных очень незначительно. Я тебе уже говорил, Луц: не нравится мне это. Почему на этой планете нет животных?

— Может быть, их всех затянуло в Дыру, — беззаботно предположил Луц.

Карлтон пристально посмотрел на него.

— Знаешь, — начал он, — в этом, возможно, что-то есть. Конечно, Дыра в созвездии Лебедя — это астрономическое понятие, — поспешно добавил он. — Но есть много вещей, о которых слыхом не слыхивали ни на Маунт Паломар*, ни в университете Сахары. Ты говоришь, всех животных затянуло в Дыру? А как насчет...

— Эй, Вик! — раздался голос О'Лири из корабля. — Прямо к нам катится зеленый шар, — один из тех, похожих на споры.

— Откуда?

— Вы сейчас его увидите. Прямо к северу от той горной цепи. Вон он! Видишь пятнышко между двумя вершинами?

Оба скаута вынули ультразвуковое оружие и залегли, в то время как пятнышко приобрело очертания, а затем выросло в зеленый шар, несшийся с почти невероятной скоростью.

— Может, лучше вернуться? — нервно спросил Луц.

— Все равно не успеть, — эта штука движется слишком быстро. Просто не шевелись и не вставай: мне пришлось в голову, что ответ...

— Еще два, — взволнованно вмешался Стив О'Лири. — Катятся с юго-запада. Мне кажется, это совсем не споры; по-моему, они разумные и очень смахивают на животных. И все они, — ух ты, — я только что увидел в телесканер, откуда они берутся. Знаете откуда?

— Поиграем в загадки в другой раз, ладно? — сказал ему Вик.

— Из этой белой щупальцеобразной массы с другой стороны планеты. Вот только что от нее отпочковался целый выводок зеленых шаров. Может, эти щупальца живые и у них есть органы чувств? Трудно, однако, в это поверить, особенно если знаешь, что они парят в открытом космосе...

— О'Лири, не думай о щупальцах, сосредоточься пока на зеленых комках. Я думаю, мы — Луц и я — вызвали всю эту суматоху тем, что вышли из корабля.

* Маунт Паломар — вершина на юге Калифорнии, где расположена Паломарская обсерватория. (Примеч. пер.)

Будь готов запустить двигатели и смотаться, — с нами или без нас.

— Не дави на меня. Мое решение бесповоротно, Вик! Или вы, ребята, пробьетесь назад к кораблю, или я выйду и присоединюсь к вам.

Карлтон прикусил губу. Теперь зеленый шар завис почти у них над головами, его гладкая, абсолютно невыразительная поверхность очень странно колыхалась. Вот так всегда бывает с человеком, настроившимся на предстоящую отставку. Вик разрывался между всепоглощающим страхом и бесшабашной бравадой — из простого опасения, что может растеряться перед неведомым, — и, как всегда, и то и другое было не к месту. Сейчас ему нужен был подчиненный, который понимает, насколько важна эта первая разведэкспедиция к Дыре, человек, способный осознать, что в такой ситуации информация, может быть, важнее, чем людские жизни и тем более амбиции, — тот, кто не давал бы воли своим неврозам, но на которого можно было бы положиться в чрезвычайных обстоятельствах.

— Ладно, О'Лири. Вторая степень готовности к атаке. Надень космический скафандр и приведи в готовность носовую пушку. К остальным пошли роботов. Включи все обзорные панели. Двигатели держи готовыми к старту!

— Ого, командир, — вмешался Луц. — Над нами уже три этих шара. И летят еще. Только на нас они внимания не обращают: крутятся только вокруг корабля.

Вик Карлтон посмотрел вверх. Никогда он не видел ничего подобного. Своим цветом шары могли быть обязаны хлорофиллу, но были слишком подвижными и целеустремленными для ботанических объектов. Средства передвижения, управляемые разумными организмами? В пользу такого заключения говорило отсутствие глаз и локомоторных органов. Но где тогда газовые струи или какие-нибудь другие признаки реактивного движения? А то, как они сжимались и расширялись, уж наверняка свидетельствовало о том, что они были живыми. Что говорить, все это было более чем странно...

— Может быть, они так дышат? — громко осведомился Луц.

— Нет. Я бы сказал, что эти колебания слишком беспорядочны для дыхательных движений. Ты, Луц, лучше лежи тихо и жди. Это самая трудная часть нашего задания, но терпение, знаешь ли, спасло от смерти больше народу, чем защита Гроена.

Когда они затаились в своих огромных скафандрах, шаров стало уже двенадцать, и все они носились вокруг корабля, делая размеренные скачки по прямой. «Очевидно, — подумал Вик, — мы правильно делаем, что не двигаемся, — они нас не заметили».

Неожиданно одна из сфер зависла перед входом в шлюз.

— Похоже, она знает, куда ей надо, — прокомментировал из корабля О'Лири. Он дважды засмеялся: второй раз — после минутного интервала. — Вик, я начинаю нервничать.

— Не стоит, — посоветовали ему. — Возможно, они достаточно умны, чтобы догадаться, как мы входим и выходим, но вряд ли они часто встречались с космическими кораблями, раз подлетают так близко к нашим пушкам. Успокойся, Стив: как только они уберутся и мы сможем вернуться обратно, попробуем установить с ними контакт. Хотя они, кажется, не очень отзывчивы. Я надеюсь, табельное оружие при тебе?

— Ультразвуковой пистолет. А на коленях — большой бластер. Если из него выстрелить, — будет дырка в корпусе, но если придется... Послушайте! Я вижу сквозь обзорные панели, что оно делает — или мне это мерещится?

Увы, это была не галлюцинация. Шар немного отодвинулся от корабля, а потом стремительно бросился вперед. Он мягко, без звука, отскочил от корпуса, отступил назад и повторил все снова. Шар двигался строго по горизонтали и настойчиво повторял свои попытки. Всем троим это показалось похожим на первый стук в дверь.

И вдруг шар исчез!

Они потрясли головами и вытаращились на то место, где он только что был, когда в очередной раз бросился к шлюзу. Пропал, не оставив даже слабого изумрудного следа в неподвижном воздухе. Возле корабля носились взад и вперед, взад и вперед по абсолютно прямой

траектории одиннадцать шаров. А ведь мгновением раньше их было двенадцать!

— Ч-что, по-вашему, это б-ыло, к-командир?

— Не знаю, Луц. Но мне это определенно не нравится.

— И мне, — прошептал в наушниках голос О'Лири. — Сейчас одна из тех минут в жизни разведчика, когда он думает: и зачем я ради перевода в когорту А ушел из дома от мамы? Лучше бы я вернулся... Нет! Вик, такого не бывает! Он же не мог... Он же...

— Что случилось? Стив! Что происходит?

— Проклятый шар материализовался внутри корабля... как раз когда я дотянулся до... меньше чем в пяти футах... полетел мне в голову... почти коснулся... — Речь О'Лири постоянно прерывалась, как будто он выпаливал каждую следующую фразу между двумя прыжками. — Гоняется за мной по всему отсеку управления, — не выйдет — отскакивает от переборок, как на бильярде... постой, кажется, я его поймал...

Раздался страшный грохот, — это О'Лири выстрелил из бластера. В их барабанные перепонки с безумной силой несколько раз ударило эхо, а возле носа разверзлась рваная дыра, словно корабль изнутри проткнули гигантским кулаком.

— Промазал! А ведь мог бы поклясться, что я хорошо прицелился... Заряд шел точно в него... не знаю, как это я промахнулся... Так, попробую его ультразвуком... Ну, что ты об этом скажешь? Вик! Он опять исчез! Словно и не было! Я выхожу наружу!

— Спокойней, Стив! — выкрикнул Карлтон. — Не паникуй!

О'Лири не ответил. Зато распахнулся входной люк, и Стив О'Лири выскочил наружу, — в космическом скафандре он казался почти вдвое больше, чем обычно. В левой руке он держал ультразвуковой пистолет, в правой — бластер, из которых он отстреливался прямо на ходу. Над ним сконцентрировались одиннадцать шаров, которым пальба из бластера не причиняла ни малейшего вреда.

Скауты на холме вскочили на ноги. Один за другим они посылали заряды ультракоротких звуковых волн, от которых все известные виды органики распадалась

на молекулы. Но с таким же успехом можно было стрелять и из водяных пистолетов.

Двенадцатый шар появился прямо перед О'Лири. Вначале он был размером с яблоко, потом почти мгновенно, — так, что они даже не уследили, — вырос до размеров спасательной шлюпки. Немного опередив другие, он понесся на разведчика.

И достал его.

Тот закричал.

Казалось, этот вопль возник годы тому назад и унесся в далекое будущее. А потом весь скафандр как будто распахнулся, и они увидели — не самого О'Лири, а скорее его внутренности. Там, где раньше была бегущая фигура, одетая в металл, покрытый защитной оболочкой Гроена и слегка оттененный предохранителями Мангейма, теперь были только желудок и селезенка, печень и кишечник, фантастическим, невероятным образом принявшие форму О'Лири. Фигура сделала еще один шаг, и вопль перешел в тональность, недоступную человеческому слуху. Только тогда он прекратился.

О'Лири больше не было. И зеленого шара тоже.

Над тем местом, где только что был О'Лири, появились другие шары. Два из них также исчезли. Девять вернулись к кораблю и снова начали свои настойчиво-прямолинейные передвижения.

Луц внутри своего скафандра был ни жив ни мертв. Вик старался сохранить самообладание. Правда ли он видел, как изумрудный шар стал темно-оливковым, а потом налился кровью? Или ему показалось?

— Слушай, малыш, — сказал он торопливо. — Не двигайся, не делай ни одного, ни малейшего движения, — что бы ни случилось. Даже смотри в одну точку. По-моему, я знаю, что это за штуковины, и не думаю, что мы в силах чем-нибудь им помешать. Единственная надежда спастись — не привлекать их внимания. А потому не шевелись, пока я тебе не скажу. Понятно?

По дыханию Луца он понял, что тот почти пришел в себя.

— Д-да, командир. Но разве они не помнят, как мы в них стреляли? И разве они нас не видят, когда мы стоим в полный рост?

— Если они действительно то, что я думаю, — нет. Думай о чем-нибудь другом, малыш, отключись, насколько сможешь. И помни: пока можешь себя контролировать — ни единого движения. До поры до времени — никаких разговоров. Полная неподвижность. Только смотрим и ждем.

Они ждали. И смотрели. Они ждали несколько часов, прислонясь к спинкам своих скафандров, стоявших самостоятельно, а зеленые шары бесшумно, непрерывно и очень целеустремленно перемещались взад-вперед, появлялись и исчезали. Они смотрели на синюю полосу, шедшую вдоль борта корабля, который стал им теперь так дорог, — это был опознавательный знак разведывательного корабля, способного обогнать любое космическое тело, — и видели, как мутная пена сумерек сделала ее неотличимой от серого металла вокруг нее. И они не пошевелились, не позволили себе ни одного движения, — даже когда зеленая сфера, раздувшись, внезапно очутилась перед ними и, казалось, рассматривала их невидимыми органами зрения, но потом потеряла всякий интерес и унеслась прочь.

Вик подумал, что это было труднее всего: чувствовать, что за тобой следят со все возрастающим интересом, и все-таки не двигаться; не вздрогнуть, когда самый древний инстинкт кричит тебе, что надо бежать, что вот сейчас ты попадешь в зубы неведомому существу.

Во время этого кошмарного бдения он оценил достоинства своего товарища: не многие люди могли сохранять такое самообладание на самом краю гибели. Молодец малыш.

Они ждали, смотрели и не двигались. И вспоминали Стива О'Лири...

Наконец два шара поднялись и улетели на север. Через час за ними последовали два других. Оставшиеся пять замерли над кораблем, образовав кривой пятиугольник.

— Ну, Луц, — прошептал командир, — теперь мы можем расслабиться, — только совсем чуть-чуть! День продлится еще шесть часов. Будем спать по два часа, — один спит, другой дежурит. Ты спишь первым. Так мы немного отдохнем перед тем, как приступить к даль-

нейшим действиям; а может, к тому времени эти уроды уберутся со своими фокусами к себе домой.

— Кто они, командир? Ради внегалактического пространства, скажите, откуда они взялись?

— Откуда взялись? Из Дыры в созвездии Лебедя. Оттуда, куда пропали все животные.

— Я... я не понимаю.

Карлтон хотел было в нетерпении махнуть рукой, но вовремя сдержался.

— С этой Дырой связано много странных вещей. Это не только отсутствие явлений, обычных для других частей космоса, небольшое количество звезд и все такое, но и нарушения законов природы, — такого больше нигде нет. Есть несколько современных теорий, — правда, у них мало последователей, — которые считают весь этот район местом зарождения нашей Вселенной; предполагают ли они, что пространство стало изменять свои свойства самопроизвольно, когда ему однажды надоело оставаться в старых границах, или выдвигают ту или иную версию взрыва первоатома, — так или иначе они трактуют Дыру в созвездии Лебедя как точку, в которой все эти события могли иметь место.

— Ну да. С тех самых пор как двести лет назад здесь побывал Бокер и открыл район, где бывают разрывы во времени.

— Верно, малыш. Я сейчас не претендую на то, чтобы понять происхождение Вселенной. Однако я готов поставить свой обед в Сандсторме против грязи на твоем правом ботинке, что это произошло здесь. И, судя по всему, район вокруг Дыры в созвездии Лебедя никогда не станет нормальным. Он останется дырой в пространстве, где случается то, чего не должно быть, — и наоборот. Сейчас или тысячу лет спустя, — в законах природы останутся бреши. И одна из этих прорех, этих ран мироздания, которые никогда не заживут, — наши белые щупальца, — или как их там, — расплзшиеся по всей этой Солнечной системе.

— Значит, зеленые шары, убивающие всех на этой планете, — они из... из...

— Из некоего места вне Вселенной. Из другого мироздания, в которое нам дороги нет, — мы не можем даже представить, на что оно похоже.

Луц подумал с минуту.

— Вы хотите сказать, командир, что они по-другому устроены?

— Они из другого измерения. А именно — из четвертого.

— Но ведь еще в двадцатом веке было доказано, что четвертое измерение — это время и это мы движемся сквозь него.

— Я, Луц, говорю о четвертом измерении пространства. О вселенной, где есть длина, ширина, высота, — и, кроме них, еще одно направление. И время тоже, но ведь даже гипотетические жители двухмерного пространства должны существовать во времени. Вот и думай теперь, кто такие эти малютки: что они могут сделать, а чего нет, что случилось с О'Лири и каковы наши шансы преодолеть шестьдесят ярдов до корабля, чтобы взлететь. Пользуйся аналогией с двухмерными людьми в трехмерном мире.

— То есть когда есть длина и ширина, но без высоты? Ну, я не знаю. Наверное, тогда кожа будет видна тонкой линией вокруг скелета и внутренних органов. И — постойте-ка — он будет двигаться только в одной плоскости и за ее пределами ничего не увидит!

Карлтон мысленно поблагодарил администрацию академии за непрерывную череду экзаменов, выбивших из выпускников последние остатки воображения.

— Очень хорошо. Теперь представь, что мы суем в двухмерный мир палец. Человек в нем увидит палец в виде кружка, — а мы видим эти существа в виде сфер. Когда кончик пальца проходит этот мир насквозь и становится видно основание пальца, ему покажется, что кружок стал больше; а если мы уберем палец, он скажет, что кружок исчез. Если мы хотим его поймать, мы можем смотреть сверху, как он убегает от того места, где он нас видел последний раз. А потом внезапно спрыгнуть перед ним, а он подумает, что мы возникли из ничего. А если мы захотим перенести его в наш мир, в свое пространство...

— Мы поднимем его за края, то есть за кожу, и в том мире будут видны только его внутренности. — Луц невольно вздрогнул. — Ого! Значит, эти шары — срезы четырехмерных пальцев, — или псевдоподий?

— Не знаю. Но подозреваю, что эти твари — всего-навсего четырехмерные эквиваленты наших низших форм жизни, — что-нибудь вроде бактерий или, самое большее, червей, — но все равно они опасны, как сама смерть. Я считаю этих животных низкоорганизованными, потому что у них, похоже, слабо развиты органы чувств. Если мы не двигаемся, они нас не слышат, не чувствуют нашего запаха и никак не ощущают нашего присутствия. Все это свидетельствует о том, что эти организмы довольно примитивны, несмотря на все свои четыре измерения. И тогда понятно, почему на этой планете нет животных, а растения представлены почти всеми возможными формами: животные были подвижны, поэтому их преследовали и ели; а растения обычно ведут прикрепленный образ жизни, поэтому их не замечали.

— Вик, но ведь чтобы вернуться обратно на корабль, нам придется двигаться!

— Да, но мы будем двигаться не по прямой. Не так, как перемещаются туда-обратно эти шары, и не так, как бежал О'Лири. Направляясь к люку, мы все время будем менять направление, неожиданно останавливаясь, делать зигзаги, поворачивать обратно и идти по собственным следам. На это уйдет больше времени, но бьюсь об заклад, что рецепторы и анализаторы наших зеленых друзей развиты недостаточно хорошо, чтобы разгадать такую сложную траекторию в короткие сроки.

— Бедный О'Лири! Как же мы полетим без него? Не увидим больше его рыжих волос, не услышим громкого голоса...

— Пока мы не доберемся до корабля и не запустим двигатель, малыш, мы никуда не полетим. А теперь немного поспи, — надо дождаться утра.

Когда молодой разведчик послушно закрыл глаза, Карлтон позволил себе на него взглянуть. Устал, чертовски перевозмущен, но все равно исправно выполняет приказы, все равно не теряет воли к жизни. «Молодец малыш, — повторил он про себя. — Интересно, он уже начал бриться? Вряд ли, — волосы у него черные, как сопла у ракеты, а кожа белая, — щетина была бы уже заметна.

Интересно, кто дома ждет его возвращения? Наверное, одна мать; непохоже, чтобы он особенно бегал за девушками. Может быть, только одна, та, которую он пригласил на свой выпускной бал в академии...

Интересно, что подумала бы о Луце Кэй, — поняла бы она его?

Интересно, кто ждет О'Лири...

Зеленые сферы над кораблем висели совершенно спокойно, их гладкие тела не тревожил даже холодный ветер с гор. Спят ли они на свой странный лад? Или просто ждут?

Вот, Кэй, было со мной два славных парня: Луц и О'Лири. Это они-то — незрелые юнцы? Вот уж неправда!

Вик разбудил Луца почти через три часа, позволив ему поспать подольше. Дальнейшие действия требовали их совместных усилий, и он хотел, чтобы нервы молодого человека по возможности успокоились.

— После того что я пережил на Сириусе примерно пять лет тому назад, меня уже ничем не проймешь, — объяснил он.

— Все равно, Вик, все равно, зачем же так себя наказывать? Ведь осталось уже меньше часа.

— Мне этого хватит. А ты стой на карауле, если что-нибудь произойдет, — один раз громко свистни. Когда пройдет час, тоже свисти.

Он заснул сразу и без сновидений, с легкостью опытного разведчика, который привык спать в скафандре. Проснулся за секунду до того, как истек час, — сработала многолетняя привычка просыпаться по внутренним часам.

Луц, коротая время, тихонько напевал. Он пел почти беззвучно, но по звукам, доносившимся из радиофона, Вик узнал знакомый мотив. Карлтон различил в голосе Луца нотки беспредельного одиночества, — он пел так, будто остался последним человеком на планете.

— Для начала, — весело прервал его голос командира, — тебе требуются «ласки льстивые девы», малыш. Чтобы «смять твои дни». Но вряд ли ты можешь почувствовать эти строчки.

— Простите, Вик, что разбудил вас. Я как раз собирался свистнуть. А что касается льстивых ласк, то тут

я не хуже других. Улетать на это задание, признаюсь вам честно, мне было нелегко.

— Кто она — сестра? Или просто подружка? — Он подзадоривал его, чтобы поднять настроение.

— Сестра! — Луц по-мальчишески засмеялся. — Если бы. Жена.

Карлтон был изумлен.

— Так ты женат?

— Женат ли я? Во имя блага моих детей, смиренно надеюсь, что это так.

— Да? Я бы... И сколько у тебя их?

— Двое. Обе девочки. Младшей, Джанет, всего три месяца. Она светловолосая, как и ее мать.

— Вот как, — задумался Вик. — Кэй тоже блондинка. У ее дочери, наверное...

— Кэй? Это ваша жена, командир?

— Нет, невеста, — неохотно ответил ему Вик. — Да, Луц, лучше быть женатым: тогда о твоей семье позаботятся. Помолвок финансовый отдел разведки не признает. Должно быть, это большое утешение для мужа и отца, если он гибнет где-нибудь в космической пустыне.

Молодой разведчик посмотрел вниз, на корабль.

— Они еще там, командир, — все пять. Я готов идти, как только скажете.

Наступило молчание.

— Знаешь, Луц, — начал Карлтон, испытывая чувство неловкости, — ты меня прости, если... ну, если...

— Вы ведь не хотели меня обидеть, Вик. Просто когда я учился на втором курсе в академии, я понял, что хочу жениться, хочу иметь семью, — и хочу стать разведчиком. И все одновременно. Так что сами видите. Оказалось, это трудно совместить.

— Ну ладно; давай подумаем о том, что делать дальше. По моему сигналу прыгаем в разные стороны и спускаемся к кораблю по сходящимся дугам. С помощью управляющей клавиатуры можно бежать в два раза быстрее, чем лошадь. Нельзя делать больше двух шагов по прямой линии, — об этом все время надо помнить. Тот, кто добежит первым, сразу запускает двигатели. Если кого-то из нас не будет на корабле в момент старта, надо лететь одному. Не медлить ни

секунды. Никаких вторых попыток. Не оглядываться. Думаю, если мы все сделаем как надо, мы собьем их с толку и улетим вместе, но если нет, — помни, что у нас нет права помогать друг другу, ибо наши записи и объяснения очень нужны в Сандсторме. Все ясно?

— Ясно. Удачи тебе, Вик.

— Удачи, Гарри. Желаю хорошо побегать.

Командир в последний раз огляделся, оценивая местность, по которой ему предстояло бежать. Его пальцы нащупали внутри перчатки клавиатуру и приготовились пустить скафандр бежать сломя голову.

— Вперед! — заорал он, прыгая влево.

Пока Вик грузно скакал вниз по склону, — он был так тяжел и бежал так быстро, что выдирали с корнем молодые деревца на своем извилистом пути, — справа ему был виден Луц, бежавший поодаль зигзагами, как и он. У них может получиться. Может...

Когда зеленые шары заметили их, до корабля оставалось двадцать ярдов. И, не колеблясь ни секунды, понеслись, как молнии, прямо к ним.

Карлтон остановился, прыгнул назад, потом в сторону и стал огибать по широкой кривой корму корабля. Луц спускался с другой стороны, — он был похож на пьяного, передвигающегося при помощи реактивной тяги. Между ними зиял открытый входной люк. Огромные шары хищно пронесли мимо, почти задев его, почти... Еще одиннадцать ярдов. Он вернулся по своим следам и снова прыгнул вперед. Девять ярдов. Отпрыгнул назад от корабля, а потом под острым углом обратно. Семь.

— Командир, я, считай, уже внутри! Получилось! — До входного люка оставалось всего шесть ярдов, то есть восемнадцать футов! Гарри Луц потерял голову. Пользуясь возможностями своего скафандра, он взвился вверх в последнем гигантском прыжке. Он прыгнул по направлению к открытому люку входного шлюза, намереваясь, по-видимому, на лету схватиться за край и, подтянувшись, залезть внутрь. Но Луц не долетел.

В двенадцати футах перед ним материализовалась зеленая сфера, и Луц, уже не в силах остановиться, столкнулся с ней. Он еще не начал кричать, его еще не вывернуло наизнанку, а другие четыре шара уже

были по ту сторону шлюза, — то ли наблюдали, то ли участвовали в пиршестве.

Для Карлтона путь был свободен. Он прыгнул внутрь, чуть не задев шар, налившийся красным. «Неизвестно еще, — успел подумать он, — что было бы, если б этот шар не подкараулил Гарри Луца первым».

— Бедная малышка Джанет! — Когда крик Луца вонзился ему в уши, царапая барабанные перепонки, Вик чуть не заплакал. — Бедный ребенок, ему ведь всего три месяца! — выкрикнул он, щелкнув красным переключателем на пульте управления и на всякий случай отскочил назад. — Бедная малышка Джанет, девочка со светлыми волосами, она же еще младенец! Она даже не узнает, каким был ее папа! — кричал он, вторя пронзительному крику Луца, пока крутил регулятор устойчивости, устанавливал величину ускорения, чувствуя, как корабль идет на взлет и вонзается в небо, — и все это время он перебегал с места на место — ведь неизвестно, совершенно неизвестно, что еще могут выкинуть эти зеленые шары.

Но — удивительное дело, — включив дюзы дальнего полета, он понял, что в ушах у него по-прежнему безумно громко звучит крик Луца, а сам он прыгает по кабине то назад, то вперед, то в сторону, не в силах остановиться. Тогда он подсоединил к своему шлему основной резервуар с кислородом и включил сигнал тревоги на автоматическую передачу.

Три дня спустя его подобрал патрульный корабль. В суденышке совсем не оказалось воздуха: входной люк при взлете автоматически закрылся, но дыра в носу осталась незаделанной. Вик Карлтон, совершенно измученный, с глазами, похожими на порченные помидоры, был еще жив, — его скафандр был рассчитан на поддержание жизни в самых невероятных условиях. Он отключил в своем шлеме наушники, а когда его сняли с корабля, продолжал бить себя по ушам руками в перчатках.

В медпункте патрульного корабля ему сделали анестезию, и корабль взял кратчайший курс на Солнечную систему.

— Бедная Джанет Луц, — горестно шептал он перед тем, как уснуть. — Ей ведь всего три месяца.

— Вы уверены, что он выживет? — спрашивал в госпитале на Ганимеде вспотевший комиссар. — Если есть вероятность, что он умрет, надо использовать гипноз. Нам необходимо получить информацию, которой он обладает, — даже если мы повредим его рассудок навсегда.

— Мы его вылечим, — сказал доктор. Он облизал губы и состроил страдальческую гримасу человека, которому не дали выспаться. — С ним все будет в порядке. Судя по его карте, он уже переносил интенсивную терапию. Не стоит щупать ему мозги гипнозондом — через неделю-другую он сам расскажет вам все, что нужно.

— Я все им рассказал, — сообщил Вик Кэй три недели спустя, встретив ее на первом этаже здания Управления разведоперациями. — И заодно отругал их. Я их спросил: почему вы требуете от одного человека того, с чем не может справиться целая служба? Дыра все еще слишком опасна для любой экспедиции — так решили умники в руководстве патруля. Так что они подождут, прежде чем посылать туда новую партию исследователей. Я сказал: это правильно...

Он замолк, увидев, как открылись двери лифта и толпа кадетов, окружившая трех товарищей в шлемах, двинулась к двойным дверям. Они болтали, поддразнивая друг друга.

— Ребята, смотрите-ка на Спинелли! Он уже помер!

— Бедный Спинелли, он первый раз за командира! Эй, Спин, на такое дело не послали бы даже Карлтона! Как это тебе удалось?

— Эй, Тронк! Чего это ты так позеленел!

— Ты, Спинелли, там с ними построже. Ты же теперь командир!

Когда они прошли мимо, Вик пошарил рукой у себя на груди. Он нащупал золотую звезду, сиявшую теперь на том месте, где всего час назад висела серебряная ракета.

Кэй тоже потрогала звезду. Она повернулась спиной к людям, шествовавшим к кораблю, она смотрела в глаза Вика.

— Комиссар Карлтон! Звучит так, будто это звание придумали специально для тебя. Подходит к твоей

фамилии! Ах, Вик, мы ведь знали, что это случится, — мы оба так этого хотели. Ты теперь зрелый мужчина, знаешь, чего хочешь, и в тебе не погас этот огонь...

Издалека раздавалась песня:

Если девочка случится,
Пусть оденется в шелка,
А мальчишка в космос мчится, —
Дай под зад ему пинка.

— Мой милый, — шептала она, прижав его руку к своей щеке. — У нас будут шелка, и с космосом мы тоже не расстанемся. У нас все это будет.

Вик не отвечал. Он стоял, совершенно не обращая на нее внимания, пока трое мужчин, певшие песню, не скрылись в изящном кораблике с синей полосой вдоль всего борта. Когда люди из наземных служб рассыпались по полосе с предостерегающими криками: «Старт! От струи, всем от струи!» — он решительно шагнул вперед, остановился, — и сунул руки в карманы.

Потом раздался пронзительный грохот и гул пламени, затихшие еще прежде, чем стали слышны; и вот серебряный карандаш уже взмыл в небеса, оставляя за кормой ярко-алую полосу. Корабль исчез из виду, и самый след его потерялся в облаках, а Вик все стоял, задрав голову вверх. Кэй молчала.

Когда он наконец перевел на нее глаза, это были глаза пожилого человека.

ОНА ГУЛЯЕТ ТОЛЬКО ПО НОЧАМ

В наших краях люди думают, что док Джадд носит в своем черном саквояже колдовские книги — такой он мастер.

Я прислуживаю у Джадда с той поры, как потерял ногу на лесопилке. Зачастую, когда у дока выдается тяжелый денек, а его вызывают ночью к больному, он слишком устает, чтобы вести машину, и поднимает с постели меня, и я становлюсь еще и шофером. Той блестящей пластмассовой ногой, которую док мне достал со скидкой, я могу жать на газ не хуже прочих.

Мы подлетаем к дому, и, пока док внутри принимает роды или прочищает глотку старой бабушке, я сижу в машине и слушаю, как местные наперебой расхваливают старину дока. В округе Гроппа вам про дока чего только не нараскажут! А я слушаю и киваю, слушаю и киваю.

И все раздумываю, что бы они сказали, узнав, что сделал док, когда его единственный сын влюбился в вампира...

Когда Стив первый раз вернулся домой на каникулы, лето было невероятно жаркое — земля до волдырей обжигала. Стив вызвался водить машину и вообще помогать по хозяйству, но док сказал, что после первого, самого трудного года в медицинской школе всякий заслуживает каникул.

— Лето у нас — мертвый сезон, — объяснял он мальчишке. — Один ядовитый плющ, пока в августе не на-

She Only Goes Out at Night

Copyright © 1956 by Philip Klaas

Она гуляет только по ночам

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

ступит сезон полиомиелита. Кроме того, не собираешься же ты оставить старого Тома без работы, верно? Так что, Стиви, помотайся лучше по окрестностям в своем тарантасе, поразвлекайся.

Стив кивнул и последовал совету. Всерьез последовал. Где-то через неделю он начал возвращаться домой в шестом часу утра. Спал он до трех, потом пару часов бездельничал и в полдевятого, как часы, укатывал на своей старой тарактелке. «Кабаки, — думали мы, — или девочки...»

Доку это не нравилось, но мальчишку он воспитывал без строгостей и не хотел задавать лишние вопросы до времени. А вот я, старый поганец Том, — дело другое. Я воспитывал парня с тех пор, как умерла его мать, и драл каждый раз, когда заставлял при налете на ледник.

Так что я начал подкидывать намеки и даже вопросы задавать, но не слишком настойчиво. С тем же успехом я мог разговаривать с каменной стеной. Не то чтобы Стив мне грубил. Просто он так глубоко втяхался, что на меня уже не обращал внимания.

А потом начались другие неприятности, и мы с доком про Стива позабыли.

Ребятишек в округе Гроппа начала косить какая-то странная эпидемия — два не то три десятка малышей.

— Ничего не понимаю, Том, — жаловался мне док, пока мы тряслись неезженными проселками. — Похоже на злокачественную лихорадку, но температура не поднимается. А ребятишки слабеют, и падает число эритроцитов в крови, а я ничем его не могу поднять. Одно хорошо — для жизни эта зараза не опасна... пока.

Каждый раз, как он говорил о болезни, у меня начинало колоть культю — там, где к ней крепилась пластмассовая нога. Так было противно, что я пытался сменить тему, но с доком этот номер не проходит. Он привык обдумывать любую проблему, обсуждая ее со мной, а эта эпидемия его очень беспокоила.

Он написал в несколько крупных клиник, прося совета, но ничего существенного ему не сказали. И все это время родители малышей, стоя у кроваток, ждали, что док вытащит из черного саквояжика завернутое в целлофан чудо, потому что, как говорят в округе Гроппа,

с человеком не может случиться ничего такого, чему док Джадд не сумел бы помочь. А дети все слабели.

От ночных бдений над новейшими книгами и журналами, которые он выписывал из города, у дока появились под глазами большие синие мешки. Сколько я мог судить, он не нашел ничего, хотя ложился порой не раньше Стива.

А потом он притащил домой платочек. При первом же взгляде мне так культю прострелило, что я едва не вышел. Маленький, хорошенький платочек, одни вышивки и кружева.

— Что скажешь, Том? Я это нашел на полу спальни детишек Стопсов. Ни Бетти, ни Вилли понятия не имеют, откуда он взялся. Мне было показалось, что я смогу установить источник инфекции, но эти ребятишки врать не станут. Раз сказали, что не видели его раньше, значит, так и есть. — Он швырнул платочек на кухонный стол, где я прибирался, и вздохнул: — Анемия у Бетти все серьезнее... Если бы я знал... если бы... а, ладно. — Он побрел к себе в кабинет, согнувшись, точно тащил мешок с цементом.

Я все еще паялся на платочек и грыз ногти, когда на кухню влетел Стив. Он налил себе чашку кофе, поставил ее на стол и увидел платок.

— Эй! — воскликнул он. — Да он Татьянин! Откуда он тут?

Я слотнул остаток ногтя и очень осторожно присел напротив него.

— Стив, — начал я и прервался оттого, что пришлось растирать ноющую культю. — Стив, ты знаешь хозяйку этого платка? Ее зовут Татьяна?

— Конечно. Татьяна Латиану. Видишь, тут ее инициалы вышиты в уголке — Т.Л. Она из древнего — почти пятьсот лет — румынского дворянского рода. Я на ней женюсь.

— Та девушка, с которой ты встречался каждую ночь весь месяц?

Он кивнул:

— Она гуляет только ночью. Ненавидит солнечный свет. Знаешь, поэтическая натура. И, Том, она так прекрасна...

Я целый час сидел и слушал его излияния. И чем дальше, тем хуже мне становилось. Я ведь и сам румын, со стороны матери. И я понял, почему у меня так кололо культю.

Жила она в городке Браскет, милях в двенадцати от нас. Стив наткнулся на нее поздно вечером, на дороге, когда у нее сломалась машина. Он подвез ее до дома — она только что сняла старое поместье Медов — и втюрился, втюхался и влюбился в нее по уши и самое темя.

Довольно часто, когда Стив являлся на свидание, Татьяна не оказывалось дома — она выезжала подышать ночным воздухом, — и ему приходилось до ее возвращения играть в кривбедж со служанкой, старой клювоносой румынской каргой. Пару раз он попытался было последовать за ней в своей таратайке, но ни к чему хорошему это не привело. Татьяна заявила, что, если она хочет быть одна, это значит одна. Так и вышло, что он ждал ее ночи напролет. Но когда Татьяна возвращалась, это, по словам Стивена, искупало ожидание. Они слушали музыку, болтали, танцевали, ели странные румынские блюда, которые готовила служанка. До зари. Потом Стивен возвращался домой.

— Том, ты помнишь то стихотворение, «Сова и котенок»? — Стивен положил руку мне на плечо. — Меня всегда завораживала последняя строчка: «Танцевали они при луне, при луне, танцевали они при луне». Вот так мы и будем жить с Татьяной. Если она согласится. Я ее все еще уговариваю.

Я облегченно вздохнул и ляпнул:

— Первая хорошая новость. Жениться на такой девушке...

Я глянул Стиву в глаза и тут же заткнулся. Но было уже поздно.

— Какого черта ты несешь, Том — «такой девушке»? Ты ее даже не видел.

Я попытался выкрутиться, но Стив не позволил. Я наступил ему на больную мозоль. Так что я решил, что лучше будет сказать ему правду.

— Стиви, послушай. Только не смейся. Твоя подружка — упырь.

Челюсть его медленно отвисла.

— Том, ты сошел с...

— Еще нет. — И я рассказал ему о вампирах.

То, что рассказывала мне мать, переехавшая из Старого Света, из Трансильвании, когда ей исполнилось двадцать. То, что они живут и пользуются своей странной властью, пока хоть иногда питаются человеческой кровью. То, что проклятие вампира наследует обычно один ребенок в роду. И что выходят они только ночью, потому что солнечный свет — одна из тех немногих вещей, которые способны уничтожить их.

Стив начал бледнеть. А я продолжал. Я рассказал о странной эпидемии, поразившей детишек в округе Гроппа, — эпидемии малокровия. Я рассказал, что его отец нашел этот платок в доме Стопсов, у постелей больных малышей. Я рассказал... уже самому себе, потому что Стив вылетел из кухни как ошпаренный. Через пару секунд он умчался на своей таратайке.

Вернулся он в половине двенадцатого и казался ровесником своего отца. Я оказался прав — до последней мелочи. Когда он разбудил Татьяну и спросил ее прямо, она сломалась и залилась слезами. Да, она была вампиром, но тяга к крови пробудилась в ней лишь пару месяцев назад. Она боролась с этим влечением, пока не почувствовала, что сходит с ума от голода. Она питалась только детьми, потому что боялась взрослых — те могли проснуться и схватить ее. И она обрабатывала многих детишек, чтобы ни один не терял слишком много крови. Но голод становился все сильнее...

И все же Стив умолял ее выйти за него замуж! «Должен быть способ вылечить тебя, — говорил он. — Это болезнь не страшнее любой другой». Но она — благослови ее Бог, подумал я тогда, — отказала. Она вытолкала его из дверей и закрылась в доме.

— Где отец? — спросил Стив. — Может, он знает.

Я ответил, что док уехал почти одновременно с ним и еще не вернулся. Так что мы сидели и думали. И думали.

Когда забренчал телефон, мы оба едва не взмыли под потолок. Трубку поднял Стив; долго орал что-то неразборчивое, потом влетел в кухню, схватил меня за рукав и потащил в свой драндулет.

— Звонила Татьянина служанка, Магда, — сообщил он, нажимая на газ. — Сказала, что с Татьяной после

моего ухода случилась истерика. А пару минут назад она уехала. Куда — не сказала. Магда думает, что Татьяна решила покончить с собой.

— Покончить с собой? Да она же вампир, как... — И тут я понял как.

Я глянул на часы.

— Стиви, — прошептал я, — лети в Криспин. И гони изо всех сил!

Он выжал из своего тарантаса все, что мог. Мотор, казалось, собирался оторваться от рамы. Помню, повороты мы срезали, едва касаясь дороги одним колесом. Машину Татьяны мы увидели, едва въехав в Криспин, у обочины одной из трех дорог, сходящихся в центре городка. Посреди пустой улицы стояла хрупкая фигурка в тоненькой сорочке. По моей культе точно кувалдой ударили. Мы подкатили к ней, когда церковные часы начали отбивать полночь. Стив выскочил из машины и выбил из Татьянинных рук заостренную деревяшку. Он прижал девушку к себе, и она разрыдалась.

А мне было паршиво. Я все время думал, каково же это Стиву влюбиться в вампира, и даже не пытался посмотреть на ситуацию с ее стороны. А она любила его достаточно сильно, чтобы попытаться покончить с собой единственным способом, каким можно убить вампира — вонзив осиновый кол в сердце в полночь на перекрестке.

И она была хорошенькая. Я-то представлял себе такую сирену, ну, вы понимаете — высокую, стройную, в облегающем платье. Ведьму, в общем. А передо мной была очень испуганная нервная девчонка, цеплявшаяся за плечо Стива так, точно взяла его в аренду. Она была еще моложе Стива.

Так что пока мы ехали домой, в голове у меня вертелась только одна мысль: «Ох и худо же будет детишкам...» Влюбиться в вампира и то плохо, но быть вампиром и влюбиться в человека...

— Ну как я могу выйти за тебя замуж? — всхлипывала Татьяна. — Что это будет за жизнь? И, Стив, я ведь могу так проголодаться, что наброшусь на тебя!..

Не учитывали мы только вмешательства дока Дждада. Или недостаточно учитывали.

Когда ему представили Татьяну и рассказали всю историю, плечи его расправились, а в глазах вновь вспыхнул огонь. Больным детям уже ничто не угрожало — это самое главное. А Татьяна...

— Чушь, — заявил он. — В пятнадцатом веке вампиризм, может, и был неизлечимой болезнью, но в двадцатом с ним легко справиться. Ночной образ жизни указывает на аллергию к солнечному свету и, возможно, фотофобию. Придется носить черные очки, девочка, и попробуем инъекции кортикостероидов. А вот потребность в поглощении крови — это проблема посерьезнее.

Но он и ее решил.

Нынешняя медицина использует сухую, обезвоженную кровь. Так что каждый вечер перед отходом ко сну миссис Стивен Джадд вытряхивает немного порошка в стакан с водой, добавляет кубик льда и принимает свою ежедневную «кровоавую мэри». Насколько мне известно, они с мужем до сих пор живут счастливо.

А МОЯ МАМА — ВЕДЬМА!

Все безмятежное детство свое провел я целиком и полностью убежденный, что моя мать — самая настоящая колдунья. Это отнюдь не ущемляло, не ранило неокрепшего детского самосознания — более того, придавало на первых порах уверенности, порождало чувство полной своей защищенности.

Самые первые воспоминания мои связаны с трущобами бруклинского Браунсвилля, известного еще под названием нью-йоркского Ист-Энда, где мы жили в сплошном окружении одних только ведьм. Встречались они здесь на каждом шагу, роились на лавочках у любого парадного, сопровождая шумные наши детские забавы угрюмым бурчанием и мутными взглядами исподлобья. Когда кто-нибудь из нас, мальчишек, в пылу игры подлетал вплотную к крылечку, оккупированному шипящими ведьмами, воздух вокруг бедолаги сгущался мороком и от черной магии аж потрескивал — результат витиеватых проклятий жутких старух.

«Чтоб ты больше не вырос и навеки остался карлой! — так звучало одно из самых распространенных и невинных заклинаний, чуть ли не приветственное. — А если даже и подрастешь, чтоб вечно торчал редиской из грядки — скрюченными ножками кверху!»

«Чтоб ты с головы до ног покрывлся струпьями от чесотки, — гласило следующее, уже несколько менее безобидное. — Но сперва ногти твои пусть отсохнут да

My Mother Was a Witch
Copyright © 1966 by Philip Klaas
А моя мама — ведьма!

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

отвалятся, чтобы даже почесаться как следует было нечем!»

Подобные миленькие пожелания никак не могли адресоваться лично мне — слишком хорошо известны были округе устрашающие способности моей матери. Да и сам я к тому времени был уже кое-чему обучен — наипростейшим детским пассам — и незатейливые уличные проклятия отводил вполне умело. К тому же, укладывая меня в постель, мать на всякий случай подстраховывалась — неизменно сплевывала трижды через левое плечо, дабы обуздать и обратить вспять темные силы, накликаемые за день недоброжелателями, обрушить бумерангом на их же поганные головы, да еще с утроенной количеством плевков силой.

И вообще, иметь в семье собственную ведьму считалось во времена моего детства дополнительным бытовым удобством, своего рода даром судьбы. Мать же моя была не просто колдуньей — аидише (то бишь, еврейской) ведьмой, и чары свои уснащала невероятным компотом из немецкого, идиша и словечек из никому неведомых славянских говоров. Но это отнюдь ее не смущало — отпрыск семейства лондонских евреев, она к моменту встречи с моим будущим отцом владела едва ли десятком-другим выражений на идише. Отца моего, отставного ешиботника* из Литвы и пламенного социалиста по убеждениям, матушка заарканила в лондонском Ист-Энде на полпути в Америку. Молодая мигом воспользовалась новыми для себя обстоятельствами, чтобы начисто стереть из памяти свой бесполезный кокни — к чему он ей, спрашивается, в Новом Свете?

Пока отец обучал мать беглой речи на идише и ставил произношение, он мало чем мог помочь как ей, так и своему первенцу в противостоянии суеверному окружению бруклинских трущоб. Убежденный утопист, он лелеял свои научно обоснованные грезы о грядущем мироустройстве и приходил в совершенный ужас от повседневной материнской волшбы. Как человек эрудированный, отец знал уйму цветистых идиом, изящных

* Студент ешивы — религиозного учебного заведения. (Здесь и далее примеч. пер.)

оборотов речи, по любому поводу и без оного часами мог декламировать поэзию Бялика, цитировать других титанов еврейской мысли — от Иешуа до Маркса, — но в мире чар и заклинаний был беспомощен, аки дитя малое и неразумное.

А мать моя отчаянно нуждалась именно в магической поддержке. Наше возлюбленное чадо, наш бесценный малыш, твердила она постоянно и неизменно, самая вожеленная цель и такая удобная мишень для всех этих злопыхателей и завистников, живущих по соседству, и к их услугам здесь целые полки оккультных книг, целые библиотеки заговоров и заклинаний. Мама же не знала ни единого; ее высокий ранг среди ведьм нашего квартала зиждился исключительно на таланте вызывать духов и искусно отводить их в сторону, совершенно нейтрализуя при этом. Но ей катастрофически недоставало традиционных заклинаний — тех, что копятя в семье из поколения в поколение и, постоянно обогащаясь, передаются от матери к дочке. Похоже, она единственная сподобилась добраться до Соединенных Штатов без багажа подобной местечковой премудрости, закутанной в наследственные перины да зашитой в маменькины пуховые подушки. Единственным оружием моей матери поначалу оказались неистощимое воображение и фантастическая изобретательность.

К общему нашему счастью, они никогда не изменяли ей — с тех самых пор, как мать впервые вкусила сполна прелестей бруклинской жизни. К тому же все новое мама схватывала на лету — стоило ей лишь раз увидеть или услышать оккультную новинку, как она тут же включалась в оборонительный арсенал.

«Мах афайг!»* — успевала незаметно шепнуть мне мама в бакалейной лавке под восторженное кудахтанье хозяйки заведения о моем цветущем и воистину ангельском облике. И неокрепшие детские пальчики тут же сами собою складывались в небезызвестную фигуру — древний знак против женского сглаза. Фига вообще оставалась последним резервом моей мальчишеской обороны, особенно когда я оказывался один на один

* Сделай фигу! (идиш)

со злокозненным окружением Браунсвилля; я мог ответить фигой, точно прививкой от бешенства, на любую недоброжелательную реплику и как ни в чем не бывало продолжать свои безмятежные детские игры. Если же, выполняя поручение, приходилось пробегать мимо череды мрачных старушечьих кагалов на крылечках многоквартирных домов, я всю дорогу тыкал фигурами направо и налево, рассыпая их без всякого сожаления и ущерба и не ощущая благодаря этому никакой боязни.

И все же таланту моей матери в начертании пентаграмм и прочей ворожбе ни за что бы не развернуться во всю его ширь и мощь, не доведись ей однажды схлестнуться лоб в лоб с самой миссис Мокких. Уже одно злое имечко старой карги — «мокких» в переводе с идиша означало мор и глад и прочие напасти — грозило несусветными бедствиями и остужало самые горячие головы.

Почтенная дама с первой же встречи произвела на меня столь неизгладимое впечатление, что я, читая самые страшные волшебные сказки, неизменно представлял себе именно ее. В сопровождении четырех дочерей-коротышек — все в мамашу, одна другой страхолудней — приземистая старуха по мостовой не шагала, а печатала шаг, как бы утверждая свое безусловное, нераздельное и вечное право на отвоеванную у незримого противника территорию и оставляя за собой почти осязаемое опустошение. Волосатая бородавка над правой ее ноздрей была так велика, что за спиной, и только за спиной — не дай Бог, услышит! — люди перешептывались, нервически хихикая: «У носа миссис Мокких вырос свой собственный носик!»

На этом шутки обычно и заканчивались — добавить что-либо еще смельчаков не находилось. Старуха Мокких могла только покоситься на такого героя, прищурив сперва один глаз, затем другой, а непрерывное подрагивание при этом бородавки свидетельствовало о напряженном поиске в мрачных потемках души проклятия, наиболее уместного и действенного для данного случая, и если жертва оказывалась натурой впечатлительной, то очертя голову пускалась наутек, не дожидаясь произнесения роковых слов, способных омрачить

самое безоблачное будущее. Старуху Мокких в квартале боялись по-настоящему, и не одни только малые дети — под ее горящим взглядом отводили глаза даже самые смелые и искусные в своем ремесле ведуньи.

Миссис Мокких была в некотором роде ведьмой-старостой нашего квартала. Заговоры и заклинания, которыми она оперировала с необычайной легкостью, восходили к седой дохристианской древности, ко временам процветания вавилонского гетто и эпохе Второго Храма, а использовала она их творчески — в обновленных и оттого еще более устрашающих формах.

Когда нам пришлось перебраться в квартиру прямо над ней, мама поначалу всячески пыталась избегать прямых столкновений. Никаких ударов мячом об пол в кухне, никакого хлопанья дверьми. Боже упаси прыгать и бегать по квартире! Даже по лестнице, и то приходилось взбираться почти что украдкой. Мать же моя тем временем вполне успешно осваивалась в новом для себя ремесле, набирала силу, смелея с каждым днем, прямо на глазах. Но лишь до определенных пределов, на уровне заурядного уличного ведьмовства. Беспокоить соседку снизу она опасалась по-прежнему. Стоило кому-нибудь случайно обронить на пол вилку, как мама тревожно покусывала губы: «Не приведи Господь, еще эта чума внизу услышит!»

Но вот настал наконец тот знаменательный день, когда мы вдвоем с мамой собрались чуть ли не в полярную экспедицию — предстояло навестить родню в самом отдаленном уголке Бронкса. После тщательного мытья, при котором вместе с грязью с меня едва не содрали всю кожу, я был торжественно облачен в недавно приобретенный с пасхальной скидкой голубой саржевый костюмчик, весьма и весьма нарядный. Гардероб мой дополняли ослепительно сияющие кожаные башмаки и безукоризненно накрахмаленный тугой воротничок. Завершающий штрих — полыхающий на груди алый галстучек. Такой цвет мама выбрала для меня отнюдь не случайно — каждый несмышлениш в нашем квартале знал, что именно ярко-красный непереносим для ока Сатаны, обжигает гаду сетчатку.

Едва только мы с мамой ступили на крыльцо, как к подъезду подгребла старуха Мокких со своей старшей

дочкой Пирл, настоящей страшилой из сказки, обе нагруженные тяжелыми магазинными авоськами. Мы прошмыгнули мимо них без разговоров, но задержались возле стайки маминых приятельниц на тротуаре. Пока мать справлялась о переменах в расписании движения пригородных поездов, я точно заправский щенок успел вынюхать содержимое продуктовых пакетов — в нос шибануло луком, чесноком, прочей суповой зеленью и, кажется, еще курятиной.

Случайно брошенные взгляды ничуть меня не задевали — лишь более пристальное внимание к вертящемуся под ногами дитяти могло привести к немедленному и убийственному возмездию. Вообще, уличное разглядывание считалось сродни лести — если только не слишком привлекало к избранному для подобных экспериментов субъекту внимание ангела смерти.

Я заскучал; зевнув во весь рот, до хруста за ушами, подергал маму за рукав. Обернувшись затем, поймал изучающе прищуренный взгляд ведьмы-старосты, устремленный с самой верхней ступеньки парадного. Старуха Мокких скалилась щербатой и оттого ужасающе нежной улыбкой.

— Что за чудный малыш, глянь-ка, Пирли! — загнусавила она, обращаясь к дочери. — Такой весь сладенький, цимес*, а не ребенок! А уж какой принаряженный!

Мама определенно это услышала — покрепче сжав мою ладошку, она вся подобралась. Но оборачиваться, чтобы нанести ответный удар, не спешила — к очевидному разочарованию приятельниц, оцепеневших в сладостном предвкушении свары. Задираться со старухой Мокких без крайней нужды вряд ли стоило. И теперь вся компания в томительной тревоге ожидала, закончится ли еще ее комплимент установленной для мирных сношений формулой: «а лебн ойф эм» — чтоб он так жил!

Видно, мне первому стало ясно, что нет, не закончится. Или же просто самому захотелось блеснуть перед публикой. И я поспешил продемонстрировать всем, с каким образованным ребенком имеют они дело — паль-

* Сладкое блюдо еврейской кухни.

чики свободной ладошки сами собой сложились в известный отводящий порчу знак, который я ничтоже сумняшеся и адресовал своей словоохотливой поклоннице.

Несколько долгих мгновений старуха Мокких сунувшимися глазками молча обозревала выставленную фигу.

— Чтоб эта вредная ручонка отсохла напрочь, — продолжила она тем же скрипучим елейным голоском. — Чтоб один за другим сгнили все гадкие пальчики и отсохла ладошка. Когда же поганая ладошка отвалится, пусть гниение да не остановится. Пусть перейдет сперва на локоток, затем дойдет до плечика. Чтоб вся ручонка, которой ты показал мне фигу, отвалилась и лежала под ногами, разлагаясь и смердя, и чтоб на весь остаток своей безрадостной жизни ты запомнил, каково это — показывать фиги мне!

Мы с матерью внезапно остались в абсолютном одиночестве — приятельниц как ветром сдуло с тротуара. Не то чтобы они улизили совсем, но отступили под старухины причитания на почтительное расстояние и ахали теперь в отдалении.

Но мать — мать медленно повернула побелевшее лицо к разбушевавшейся Мокких и — в последней надежде уйти с миром — попыталась погасить пламя разгорающегося сражения.

— Постыдилась бы, старая! — воскликнула она. — Ребенку нет еще и пяти. Немедленно заberi свои слова обратно!

Ведьма цинично сплюнула на ступеньку:

— Чтоб мое проклятие стало вдесятеро сильнее! В десять и в двадцать и в сто раз сильнее! Чтоб он иссох, чтоб он заживо сгнил! Ручки, ножки, легкие, животик... Чтоб харкал одной лишь желчью и кровью, чтоб рвало его непрерывно и ни один в мире доктор был не в силах помочь...

Это было уже безоговорочное объявление баталии, и отступать моя мама не собиралась — на войне как на войне. Она потупила взор, погрузилась на мгновение в себя, оценивая собственный скудный арсенал — для подобного противника требовалось подыскать что-то совсем уж особенное!

Когда мама снова подняла глаза, отшатнувшиеся было болельщицы стали подтягиваться в ожидании неслыханного и невиданного зрелища. Своим живым и ясным умом, приветливостью и острым язычком мать давно снискала расположение обитателей квартала, ее любили, большинство свидетелей схватки болело именно за нее, но разница в весовых категориях была чудовищной и отнюдь не в нашу пользу. Миссис Мокких слыла профи, прошедшей полный курс магических наук под руководством самых известных чемпионов Старого Света. И если бы кто-то из зрителей решился вдруг затеять тотализатор, то ставки установились бы где-то на уровне пяти к трем против матери и максимум на два раунда.

— Твоя дочь Пирли... — начала она наконец.

— Ой нет, мамочки, только не я! — взвизгнула помянутая девица, перейдя неожиданно для себя из категории болельщиков в субъект сражения.

— Ша, Пирли! Не дергайся! — немедленноскомандовала мамаша Мокких.

Лишь зеленые новички могли ожидать от моей матери примитивной лобовой атаки. Задетая за самое свое уязвимое место — то есть за меня! — мама должна была отвечать теперь с подчеркнутой любезностью. Пирл распустила нюни, захныкала, затопала кривыми ножками, но старшим уже было не до нее — их внимание намертво приковали к себе высокие профессиональные фортели.

— Обожаемой твоей Пирли, — нараспев повторила мама, — стукнуло недавно четырнадцать — пусть себе живет до ста четырнадцати! Пусть уже к девятнадцати найдет себе жениха — замечательного жениха, просто бриллиант, а не жениха! Доктора, адвоката или преуспевающего дантиста, который будет носить ее на руках и целовать ей ноги. Пусть он исполнит все ее самые сокровенные мечты!

Публика тотчас же оживилась — все разом признали разновидность избранного моей мамой оружия. Она импровизировала в самом трудном жанре еврейского мистического репертуара — возведении ажурной конструкции наподобие карточного домика, дабы обрушить ее затем, точно дуновением — одним заключительным

словом. Пример обычного продолжения такого пространного заклинания: «Пусть у тебя будет счет в каждом банке и по десять тысяч на каждой чековой книжке, и пусть каждое пенни твоих доходов уйдет на эскулапов, и чтоб ни один из них не смог даже диагноз тебе поставить». Или же: «Чтоб была у тебя сотня особняков и в каждом по сотне шикарно обставленных спален, и чтоб ты всю свою жизнь прослонулся от кровати к кровати, не в силах сомкнуть веки ни на миг единый».

Осторожно достичь самого пика и обрушить лавину — вот что такое пространное еврейское заклинание. Оно требует как виртуозного владения идишем, так и безукоризненно точной раскладки по времени.

А мать моя между тем продолжала:

— Чтоб ты отгрохала своей обожаемой Пирли с этим замечательным женихом такую свадьбу, о которой весь Бруклин будет гудеть и вспоминать долгие годы. — Головка Пирл вдруг с тихим писком втянулась в сутулые плечи, почти утонув в воротнике. Ее мать хрюкнула, точно боксер, прозевавший свинг и приплясывающий теперь после нокдауна в дальнем углу ринга. — Пусть об этой потрясающей, грандиозной, сказочной свадьбе напишут в каждой нью-йоркской газете, да что там в газете — о ней сочинят роман и снимут фильму, и пусть это доставит тебе несказанное удовольствие и принесет неслыханную славу. И пусть ровно год спустя твоя Пирли и ее замечательный, ее богатенький, ее деликатнейший супруг осчастливят тебя первенцем. И мазл тов*, пусть твой первый внучонок всенепременно будет мальчиком.

Старуха Мокких, ошеломленно потряхнув жидкими седыми космами, спустилась на одну ступеньку; бородавка на ее носу зашевелилась, точно комариное жало.

— И этот малютка, — мать на секунду прервала декламацию, чтобы чмокнуть кончики пальцев, — что за славный это будет малыш! Славный? Нет! Восхитительный, потрясающий, чудо, какого свет отродясь не видывал! Величайшие раввины съедутся со всех концов планеты, чтобы только присутствовать на его обрезании

* Пожелание счастья (*идиш*).

на восьмой день от рождения, и будут хвастать этим потом до конца дней своих. Пусть подрастает он таким умницей и красавчиком, что все наперебой станут зазывать его читать Тору на собственные брисы*. А в один прекрасный день этот твой расчудесный внук, когда ты будешь со всех сторон упиваться счастьем, пусть он внезапно, прямо посреди ночи...

— Уймись! — заорала миссис Мокких, воздев руки жестом капитуляции. — Остановись же! Замолчи!

Мама перевела дыхание:

— Почему это я должна замолчать?

— Потому что я все забираю обратно! Все, что я пожелала мальчонке, пусть вернется и обрушится на мою же старую дурную голову, — все, что только я ему ни пожелала. Ты этим довольна?

— Довольна, — сухо бросила мама, схватила меня за руку и поволокла вперед по улице. Выступала она теперь величаво, не как новобранец среди седых ветеранов — как всеми признанная и официально аккредитованная чародейка из Старого Света.

* Брис (*идиш*) — союз, завет; название обряда обрезания.

ШУТНИК

Есть поговорка, что из крохотных желудей вырастают огромные дубы, но почему-то не говорят о крохотных дубах, вырастающих из огромных желудей.

А ведь случается и такое. Можно не попасть в аварию, зато влипнуть в историю. Еще неизвестно, что хуже.

В одно прекрасное утро, году так в 2208-м, некий неглупый, жизнерадостный, но слишком уж изворотливый молодой человек проснулся и обнаружил, что погорел на собственной гениальной идее.

Вот обидно!

Давным-давно, в самом начале девятисотых годов, люди вдруг обнаружили, что холодным осенним вечером куда приятнее завести дома граммофон, чем в дождь и слякоть тащиться в оперетку. Примерно тогда же домовладельцы, проявляя заботу о кулаках гостей, принялись покупать электрические звонки, а немного погодя появилась возможность открывать дверь и впускать в дом человека, стоящего на улице, простым нажатием кнопки.

В лабораториях ученые уже возились с первыми фотоэлементами.

Радио и кинематограф поделили между собой рынок развлечений. Тем временем боссы сообразили, что диктофон в отличие от стенографистки не делает ошибок, а механический сортировщик писем способен заменить целую армию клерков. Какая невеста в разгар телевизионного помешательства не мечтала об автоматической

кухне, беспрекословно повинующейся небрежно брошенному приказу поджарить ростбиф к определенному часу, поливая его через столько-то минут такой-то подливкой? Более роскошные модели были даже снабжены регуляторами ароматов — и делали салат по рецепту знаменитого повара чуть-чуть лучше, чем сам повар.

Затем появилась Система Универсальной Передачи Энергии по Радио (СУПЭР), телевизор освоил третье измерение, переименовал себя в теледар и так подешевел, что стал по карману самому бедному эскимосу, а теледарение — это уж так, к слову, — оказалось единственной отраслью промышленности, где актеры еще умудрялись зарабатывать себе на пропитание.

Итак, теледар развлекал, роботы с СУПЭР-питанием хлопотали по хозяйству, автоматические пассажирские ракеты летали во все уголки Солнечной системы точно по расписанию... Словом, что еще оставалось желать человеку?

И вот в одно прекрасное утро... да, в году 2208-м...

В гостиной комика Лэсти (из программы «Смейтесь вместе с клоуном Лэсти») на мгновение замерцал дверной экран, висящий над бесценной антикварной батареей отопления. В следующую секунду на экране появилось изображение плечистого крепыша в каске с надписью «Услуги на дому». Большой желтый ящик у его ног заполнял собой почти весь экран.

— Комик Лэсти? Я из фирмы «Рольг — Ремонт и Переделка Роботов». Получите своего универсального дворецкого. По вашему требованию мы его начинили всякими приставочками. Только сначала дайте расписку, что отказываетесь от претензий и всю ответственность за возможные убытки берете на себя.

— Б-р-р-р. — Рыжеволосый молодой человек помотал головой, стряхивая остатки сна, и его лицо приняло озабоченное выражение. — Да я хоть свой смертный приговор подпишу, лишь бы этот робот умел делать то, что надо. Эй, дверь, — крикнул он, — двадцать три, слышишь, двадцать три!

Дверь быстро скользнула вверх. Механик щелкнул тумблером гравитационного излучателя, ящик плавно

вплыл в комнату и легонько стукнулся о противоположную стенку.

Лэсти нервно потер руки:

— Надеюсь...

— Вот уж не думал, не гадал, мистер Лэсти, что простому парню вроде меня доведется повидать вас. Оно, конечно, при нашей работе каких только знаменитостей не насмотришься! Вчера вот, к примеру, я отвез двух роботов самому комиссару полиции! Мы их оборудовали детекторами лжи и даже медные лбы им приделали, чтоб они совсем уж на фараонов стали похожи. Моя хозяйка лопнет от зависти, как прослышит, что я разговаривал с самым главным комиком теледара... Знаете, мистер Лэсти, она у меня всегда говорит...

— Никаких мистеров. Просто Лэсти... Клоун Лэсти — смеемся вместе!

Механик весь расплылся в улыбке:

— Ну, точь-в-точь как на экране...

Он направил излучатель на ящик и повернул тумблер в положение «распад».

— Знаете, у нас один парень стал трепать языком, будто вы хотите, чтобы робот сочинял за вас всякие шуточки. Ну я его и спросил: «А по морде не хочешь?» Уж я-то знаю, что вы свои шуточки с ходу выдаете.

— Вот именно! — Изумление. Громкий смех. — Подумать только: «клоун Лэсти — смеемся вместе» заказывает шутки! Чего не наговорят злые языки?! Да знаете, как меня зовут поклонники? «Король шутки, принц прибаутки, острот полон рот, что ни слово — экспромт». И чтобы я после этого работал по подсказке? Какой вздор! Просто мне в голову пришла бесподобная идея: величайшему комедианту Западного полушария прислуживает робот-остряк. Ха! Ну-ка, поглядим на него.

Раздался легкий треск — это дезинтегрирующий луч обратил желтый ящик в пыль. Когда облачко пыли осело, их взгляду предстал робот пяти футов росту из темно-красного металла.

— Вы его изуродовали! — негодуяще воскликнул Лэсти. — Я послал на переделку последнюю модель

2207, обтекаемой формы, с новехоньким цилиндрическим туловищем. А вы мне возвращаете какую-то металлическую грушу... Черт-те что... не робот, а сплошное брюхо! Да еще и кривоногий!

— Послушайте, сэр! Ваш список анекдотов не влезал в него даже после записи на микропроволоку! Пришлось нашим техникам малость расширить нижнюю половину его туловища. А вы еще просили, чтобы робот умел перелицовывать остроты. Пришлось ребятам повозиться, пока они не сварганили специальную приставочку — вариационный преобразователь, так они ее называли. Отсюда — дополнительный вес, дополнительный объем. Позвольте мне его включить.

Механик вставил изогнутый иридиевый стержень — универсальный роботехнический ключ — в скважину на затылке робота. Два полных оборота, щелчок, и внутри робота послышалось слабое гудение работающих механизмов. Металлические руки символическим жестом покорности прижались к металлической груди. Изогнутые брови взметнулись кверху. Рот вопросительно приоткрылся.

— Ух ты! — изумился механик. — Вот это физиономия — до чего важный! А как высокомерно смотрит!

— Это все выдумки моей невесты, — гордо сказал Лэсти. — Джозефина Лисси, знаете, та самая, что поет в моих программах. Она утверждает, что именно так выглядел в старину дворецкий... совсем как в древней Англии. Она даже имя ему придумала подходящее. А ну, Руперт, выдай анекдотик.

— Какой, сэр? — проскрипел Руперт.

Голос его то поднимался, то опускался наподобие синусоиды.

— Какой хочешь. Попроще да посмешнее, из дорожной серии.

— Гинсберг впервые летел на Марс, — начал Руперт. — Ему указали столик в отсеке-ресторане и сообщили, что его соседом будет француз. Тот...

Механик постучал по металлической груди:

— Вот еще одна приставочка — мезонный фильтр. Вы хотели, чтобы он различал заряд смеха в своих шутках и приспособлял их к аудитории, в какую бы копейчку это ни влетело. А нашим инженерам только

подавай задачку потруднее: в лепешку расшибутся, а уж сварганят что надо.

— Коли так, то моим друзьям-юмористам придется кусать локти, — злорадно пробормотал Лэсти. — Посмотрим, кто будет смеяться последним: клоун Лэсти или эти жадоги Грин с Андерсеном. И добро бы еще писать умели!

— ...француз, увидев, что Гинсберг уже сидит за столом, остановился, щелкнул каблуками и низко поклонился. «Бон аппетит», — сказал француз. Гинсберг, не желая ударить лицом в грязь, привстал и...

— Мезонный фильтр, говорите? Что ж, хоть вы и содрали с меня галактическую сумму, но, если Руперт сделан так, как задуман, это окупится. Зря только вы испортили ему фигуру.

— ...повторялся этот краткий диалог. Наконец, в последний день путешествия Гинсберг разыскал стюарда и попросил объяснить ему...

— Мы бы и лучше все разместили, если бы не такая спешка. Но вы требовали вернуть его в среду, и ни днем позже.

— Да. Сегодня я выхожу в эфир. Мне необходимо... вдохновение, которое даст мне Руперт. — Лэсти нервно взъерошил волосы. — Похоже, он в форме.

— ...подошел к француз, который уже сидел за столом. Гинсберг щелкнул каблуками, поклонился и произнес: «Бон аппетит». Француз в восторге вскочил с места...

— В таком случае будьте добры подписать эту бумажку. Обычная расписка по установленной форме. Вы принимаете на себя полную ответственность за все действия робота. Без этого я не имею права его вам оставить.

— О чем речь? — воскликнул Лэсти. — Подпишем все, что вам угодно.

— ...«Гинсберг»! — воскликнул француз.

Руперт умолк.

— Недурно. Хотя и не совсем то, что надо. Я бы хотел... Разрази меня атом, это еще что такое? — Лэсти даже подпрыгнул от неожиданности.

Робот, застыв на месте, скрипел, взвизгивал и скрежетал шестеренками, словно разваливался на части.

— Ах это? — махнул рукой механик. — Маленькая недоделка. Не успели устранить из-за спешки. Насколько удалось выяснить, это побочный эффект мезонного фильтра. Робот отличает шутки просто забавные от очень смешных. Как сказано в спецификации, «электронная дифференциация гротескного». У человека это называют чувством юмора. Ну а у робота, так сказать, выхлоп заедает.

— М-да, не приведи Господь услышать этот скрежет с похмелья. Робот, хохочущий над собственными шутками. Б-р-р, что за звуки! — Лэсти поехал. — Эй, Руперт, смешай-ка мне Лунный Трехступенчатый.

Металлическая громадина повернулась и, переваливаясь на кривых ногах, направилась в кухню. Глядя на качающуюся походку робота, оба зрителя не смогли удержаться от смеха.

— Вот вам за труды. Жаль, у меня нет больше мелочи. Хотите пачку «Звездочета»? Мой рекламодатель завалил меня сигаретами по самую макушку. Вам с каким ароматом — лакрицы или кленовых орешков?

— Я обычно беру с лесными яблоками. И хозяйка моя тоже... Премного вам благодарен. Надеюсь, вы останетесь довольны.

Механик сунул излучатель в карман и вышел.

— Три двадцать! — вслед ему крикнул Лэсти. Дверь бесшумно скользнула вниз.

Руперт приковывал в гостиную, держа в руках причудливо изогнутую спиральную трубку, заполненную белой, желтой и зеленой жидкостями. Комик залпом опорожнил ее, шумно выдохнул воздух и пригладил волосы.

— Вот это да! Отрава — что надо! Тот парень, что смастерил твой коктейльный блок, был не дурак по части электроники. А теперь слушай: я не слишком хорошо представляю, как тебя втравить в это дело... Впрочем, ты ведь умеешь читать. Вот сценарий сегодняшней передачи; моих импровизаций в нем, разумеется, еще нет. Перепечатай для меня сценарий и к каждой подчеркнутой реплике сочини какую-нибудь шутку. Я их выучу и по ходу передачи буду выдавать за свои экспромты. Впрочем, тебе это знать ни к чему. Иди работай.

Робот беспрекословно перелистал сценарий, мгновенно запечатлев каждое слово в своей электронной памяти. Затем бросил сценарий на пол и направился к электрической пишущей машинке. Подойдя, он отшвырнул стул. Его металлические ноги вдвинулись внутрь туловища как раз настолько, что руки оказались на уровне клавиатуры. Пальцы забарабанили по клавишам. Из машинки один за другим вылетали отпечатанные листы.

Лэсти восхищенно смотрел на робота.

— Если он пишет хоть вполосину так же смешно, как быстро, — дело в шляпе! — Комик нагнулся и подобрал с пола брошенную Рупертом пачку сценарных листов. — Никогда с ним прежде такого не бывало. Пока его не отдали в ремонт, более аккуратной и чисто плотной машины не существовало на всем белом свете — вечно подбирал за мной каждую соринку. Что ж, у гениев свои причуды!

Будто в ответ на эти слова зазвонил телефон. Лэсти улыбнулся и поймал трубку, спрыгнувшую с потолка прямо ему в руки.

— Радиоцентр, — произнесла трубка. — Вас вызывает мисс Джозефина Лисси. Чьим кодом будете пользоваться: вашим или ее?

— Моим. Ка — сто тридцать четыре — Эл. Прием.

— Переключаю код. Говорите.

Радиофон издал несколько щелчков, настраиваясь на личный код Лэсти; этой же волной могли пользоваться миллионы людей, но кодирующее устройство позволяло разговаривать, не боясь подслушивания. На крохотном экранчике, вделанном в радиофон, появилась девушка с копной таких же, как у Лэсти, волос морковного цвета.

— Привет, Рыжик, — улыбнулась она. — Угадай, что я скажу? Джози любит Лэсти.

— Умница ты моя! погоди, я переключу изображение. От этого экрана у меня болят глаза. Он так мал, что ты в нем не помещаешься.

Лэсти повернул рычаг радиофона и включил дверной экран. Аппарат прыгнул в свое гнездо на потолке. Комик нажал кнопку на пульте у двери и со вздохом удовлетворения опустил кушетку. На большом

экране над поддельной батареей отопления появилась жизнерадостная Джозефина Лисси.

— Послушай, мой затейник, нам не до любовных нежностей. Сейчас я перейду прямо к делу. Грин и Андерсен проболтались Гаскеллу.

— Что?! — Лэсти вскочил на ноги. — Да как они сме-ли! Я на них в суд подам! В нашем контракте специально оговорено: публика не должна знать, что они работают на меня.

— Что толку, — пожала плечами Лисси. — К тому же они проболтались не публике, а Гаскеллу. Но ты и этого не докажешь. Мне шепнули, что Гаскелл вне себя от ярости и повсюду ищет тебя. Грин и Андерсен убедили его, что без их шпаргалки к сценарию ты и двух слов связать не сможешь. Гаскеллу до лампочки — экспромты это или заученный текст, но он боится сесть в лужу со своей первой рекламной передачей.

— Не волнуйся, Джози, — улыбнулся Лэсти, — еще повезет...

— Что это? — вскрикнула Джози. — Клянусь любимой космической оперой покойной бабушки, в жизни не слышала ничего подобного?

То, чего в жизни не слышала Джози, было душе-раздирающей какофонией из скрежета, лязга, звона ме-талла и пронзительных гудков. Лэсти быстро обернулся.

Руперт кончил печатать. Темно-красными пальцами он держал длинные листы законченного сценария и трясся мелкой дрожью.

— Г-р-р, бум, бам! — доносилось из его нутра. — Бинг! Банг! Бонг! К-р-р-рум!

Казалось, камнедробилка перемалывает бетоно-мешалку.

— А-а, это Руперт! У него выхлоп заедает — вроде чувства юмора у людей. Конечно, он не человек, но, похоже, ему до смерти нравятся собственные шуточки. Эй, Руперт, поди-ка сюда!

Робот перестал гроыхать и, поднявшись во весь рост, зашагал к дверному экрану.

— Когда его привезли? — спросила Джози. — Они начинили... Ой, как же его изуродовали! У него такой вид, словно он болен водянкой, да еще нацепил набрюш-ник. А куда делось высокомерное выражение лица?

А вся его важность? Он теперь грустный-грустный. Бедняжка Руперт!

— Пустая игра воображения, — ответил Лэсти. — Руперт не в состоянии изменить выражение лица, даже если захочет. Чтобы выполнять обязанности камердинера, ему нужно не больше фантазии, чем часам для показа времени. А сейчас он заодно еще и ходячий каталог остроумия, снабженный этим... как его... вариационным преобразователем... Пусть даже у него есть имя, а не просто серийный номер, как у других домашних машин, это еще не значит, будто он способен что-то чувствовать.

— И вовсе нет. Руперт все чувствует. Ведь правда, Руперт? — проворковала девушка. — Ты меня помнишь, Руперт? Меня зовут Джози. Как ты поживаешь?

Робот молча смотрел на экран.

— Из всех вздорных женских выдумок...

Что-то лязгнуло. Это Руперт цокнул каблуком о каблук. Туловище его согнулось в чопорном поклоне.

— Гинс... — начал он.

Голова его продолжала величественно опускаться и наконец с громким стуком ударилась об пол.

С Джози от хохота чуть не сделалась истерика. Лэсти хлопал руками себя по бедрам. Руперт замер, образовав прямоугольный треугольник, вершиной которого оказалась расширенная часть его туловища.

— ...Берг, — закончил Руперт, упираясь головой в пол.

Он не делал попыток подняться. Внутри у него что-то задумчиво жужжало.

— Ну ладно, — проворчал Лэсти, — не собираешься ли ты весь день валять дурака? Вставай!

— Он нне ммо-жжет, — взвизгивала Джози, — они сместили ему центр тяжести, и он не может встать. Если тебе когда-нибудь удастся выкинуть такой же потешный трюк по теледарту, то двести миллионов ни в чем не повинных зрителей помрут со смеху.

Комик Лэсти скорчил гримасу и нагнулся над роботом. Он обхватил его за плечи и потянул вверх. Медленно и очень неохотно Руперт выпрямился. Он ткнул пальцем в экран.

— С девицей этой проживешь беспечно жизнь свою, — начал он металлическим речитативом, — в ад после смерти попадешь — решишь, что ты — в раю!

— Заткнись! — рявкнул Лэсти. — Слышишь, что я говорю? Заткнись!

Роботом овладел новый пароксизм шестереночного скрежета. Лэсти обиженно надулся.

— Мой прекрасный старинный кафельный пол! Такого кафеля середины XX века нет ни у кого в нашей башне! Посмотрите, во что он его превратил! Дыра размером с...

— Сто раз тебе объясняла, — затараторила Джози, — что в XX веке кафельные полы делали только в ваннных комнатах. Иногда на кухне, но чаще всего в ваннных. А твоя поддельная батарея и секретер с раздвижной крышкой — вообще из других эпох; у тебя нет никакого чувства старины. Вот погоди, дружок, обменяемся колечками да кинем друг в друга по пригоршне риса, и ты узнаешь, как выглядел жилой дом эпохи президента Рузвельта. Кстати, как тебе нравятся шутки Руперта — те, что на бумаге?

— Еще не знаю. Он только что кончил печатать. Отключайся, Джози. Кто-то пришел. Зайди за мной перед выступлением, как обычно. Пока.

По сигналу хозяина робот проковылял к двери и сказал: «Двадцать три». И тут почти одновременно произошли два события: в комнату вошел механик фирмы «Рольг», и голова Руперта стукнулась о пол.

Лэсти вздохнул и еще раз выпрямил Руперта.

— Надеюсь, он не собирается бить поклоны всякий раз, когда кто-то войдет в комнату? Так он мне весь кафель перебьет.

— А он уже выкидывал эту шутку? Скверное дело. Ведь все основные контрольные блоки у него в голове, и они еще как следует не притерлись друг к другу. Соскочит какая-нибудь шестеренка, и привет! Хотите, я отвезу его в мастерскую на переналадку?

— Некогда. Через два часа я выхожу в эфир. Кстати, вы вмонтировали ему в лоб блок письменной развертки?

— А как же, — кивнул механик. — Видите узенькую зеленую пластинку над бровями? Когда захотите, чтобы он не говорил, а писал, сдвиньте ее в сторону или

прикажете, чтобы он сам ее сдвинул. Слова будут проплывать по экрану, вроде как на щитах световой рекламы. Ах да, я же вернулся за ключом! Вот так история, забыл универсальный ключ у него в затылке — прямо хоть на фабрику не возвращайся.

— Забирайте свой ключ. Я жду посетителя.

Лэсти повернулся и увидел, как в открытую дверь влетел коренастый человечек в полосатой тунике.

— Здравствуйте, мистер Гаскелл. Присядьте, пожалуйста. Я освобожусь через секунду.

— Давай ключ, — обратился к роботу механик.

Руперт вытащил у себя из затылка универсальный роботехнический ключ и протянул руку. Механик тоже протянул руку. Руперт уронил ключ.

— Что за черт? — удивился механик. — Если бы я не знал, что это невозможно, я бы поклялся, что это он нарочно.

Механик нагнулся за ключом. Робот быстро протянул руку. Механик как ошпаренный выскочил за дверь.

— Не смей! — завопил он. — Вы видели, что он собирался сделать? Какого...

— Три двадцать, — сказал Руперт.

Дверь упала на место, и механик так и не закончил фразы. Робот вернулся в гостиную, чуть слышно жужжа и пощелкивая. Выражение его лица было еще печальнее прежнего. К грусти примешивалось легкое разочарование.

— Два Лунных Трехступенчатых, — приказал хозяин. Робот поплелся на кухню готовить коктейли.

— Послушайте-ка, Лэсти, — загудел Джон Гаскелл неожиданно громким голосом, — не люблю ходить вокруг да около. Я понятия не имел, что на вас работают наемные юмористы, пока Грин и Андерсен не пожаловались мне, как вы их прижали с деньгами, а когда они отказались батрачить за гроши, выставили их на улицу. Они утверждают, что сделали из вас самого высокооплачиваемого комика в Западном полушарии, и в этом я с ними совершенно согласен. Так вот, сегодняшняя передача — это всего лишь проба...

— Выслушайте меня, сэр. До того как я связался с этими грабителями, я сам готовил свой репертуар. Да и работали они исключительно на моем запасе шуток.

Они пытались сорвать с меня больше, чем я сам зарабатываю, — вот почему я выставил их за дверь. Я по-прежнему умею импровизировать не хуже кого другого.

— А мне плевать, импровизируете вы или рассказываете свои сны. Мне нужно одно: когда публика смотрит мою программу, она должна смеяться. Побольше смеха — и она любую рекламу проглотит не поморщившись. Впрочем, я совсем не то хотел сказать...

Гаскелл выхватил у Руперта спиральный бокал и единым духом осушил его. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Безвкусная водичка. Градусов не хватает! Мало огня!

Несколько секунд робот задумчиво разглядывал бокал, затем повернулся и заковылял на кривых ногах к кухне.

Лэсти мысленно позволил себе не согласиться с президентом корпорации «Звездочет». Каждая капля коктейля буквально убивала наповал. Впрочем, «Клуб хозяев планеты», где жил Гаскелл, славился крепостью своих напитков.

— Единственное, что меня интересует, — продолжал Гаскелл, — сумеете вы сделать сегодняшнюю программу смешной без помощи Грина и Андерсена или не сумеете? Может, вы и великий комик, но, как говорят у вас на теледаре, довольно одного провала — и славы как не бывало. Если после сегодняшней пробы «Звездочет» не подпишет с вами условленного тринадцатинедельного контракта, то вы опять скатитесь к утренним рекламным наркотикам.

— Разумеется, мистер Гаскелл, вы совершенно правы. Только прошу вас — сначала посмотрите мой сценарий, а уже потом делайте замечания. — Лэсти вытащил из электрической машинки длинные сценарные листы и вручил их коротышке.

Рискованный шаг. Кто знает, какую чушь мог сочинить Руперт? Но что поделаешь, читать текст не было времени. Авось Руперт вывезет.

О качестве сценария можно было судить по реакции Гаскелла. Президент «Звездочета» подпрыгивал на антикварном стуле, содрогаясь от хохота.

— Чудесно! Восхитительно! — По щекам Гаскелла текли слезы. — Просто колоссально! Должен перед вами извиниться, Лэсти. Вам и впрямь не нужны наемные юмористы. Вы прекрасно пишете сами. А вы успеете до передачи выучить текст?

— За это не беспокойтесь, сэр. Перед срочной работой я всегда принимаю таблетку инфраскополамина. А на случай, если и вправду понадобится экспромт, у меня есть робот.

— Робот? Вот эта образина? — Гаскелл ткнул пальцем в Руперта, который, стоя за его спиной, заглядывал в сценарий и тихонько жужжал. Взяв у Руперта бокал, Гаскелл сделал несколько глотков.

— Да, сэр. В нижней половине его туловища хранится огромный запас шуток. Во время передачи робот будет стоять в стороне, и, как только понадобится экспромт, — глядишь, он уже у него на лбу написан. Мистер Гаскелл! Что с вами?!

Но тут Гаскелл внезапно выронил бокал. Причудливо изогнутая спираль лежала на полу, и из нее вился черный дымок.

— Нап-ппи-тток, — хрипло пробормотал Гаскелл. Лицо его, поочередно принимавшее красный, зеленый и лиловый оттенки, остановилось на компромиссном решении и пошло цветными пятнами.

— Где... где у вас?..

— Сюда! Вторая дверь налево!

Маленький человечек, согнувшись в три погибели, выскочил из комнаты. Тело его обмякло, словно у потрепанной ватной куклы.

— Что с ним? — Лэсти понюхал поднятый с пола бокал. — Алчхи!

До него вдруг дошло, что Руперт тихонько жужжит и лязгает.

— Руперт, чего ты сюда намешал?

— Он сам просил покрепче и поострее...

— ЧЕГО ТЫ СЮДА НАМЕШАЛ?

Робот задумался.

— Пять частей касторки... 3-3-3-здин-дон... три части уксусной эссенции... бинг-бонг... четыре части красного перца, к-р-р-ранг-гр-румм... одну часть рво...

Лэсти свистнул, и с потолка спрыгнула трубка радиона.

— Радиоцентр? «Скорую помощь», да поскорее! Клоун Лэсти, «Башня Артистов», квартира тысяча шестая.

Лэсти выскочил в прихожую и бросился на помощь своему гостю.

При виде цветовой гаммы на лице Гаскелла врач покачал головой:

— Помогите уложить его на носилки, и срочно в госпиталь.

Гравитационным лучом врач поднял носилки и повел их к двери мимо Руперта, стоящего в углу.

— Надо думать, съел что-нибудь несвежее, — проскрипел тот.

— Шут гороховый! — Врач кинул на робота свирепый взгляд.

Лэсти торопливо выпил один за другим три Лунных Трехступенчатых. Смешивал их он сам. С помощью двойной дозы инфраскополамина к приходу Джози ему удалось вызубрить свои экспромты. Руперт открыл ей дверь. Динг! Бам!

— Весь день он только этим и занимается, — проговорил Лэсти, в очередной раз выпрямляя робота. — И дело не только в том, что он расколотил весь мой кафельный пол. Того и гляди у него в голове развинтится какой-нибудь винтик. Разумеется, мне он повинется беспрекословно, жертвами его розыгрышей до сих пор были...

Руперт что-то покатал во рту. Губы его вытянулись трубочкой, щеки сложились гармошкой морщинок. Он сплюнул.

По полу запрыгала медная шестигранная гаечка. Все трое молча смотрели ей вслед. Наконец Джози подняла голову:

— Каких еще розыгрышей?

Лэсти рассказал о случившемся.

— Ну и ну! Твое счастье, что по контракту ты за последствия своих шуток не отвечаешь. Не то Гаскелл затаскал бы тебя по судам. Будем надеяться, что он выживет. Иди одевайся.

Лэсти прошел в соседнюю комнату и принялся натягивать на себя красный с блестками клоунский костюм.

— Что у тебя сегодня в программе? — крикнул он.

— Мог бы сам прийти как-нибудь на репетицию и послушать.

— Приходится поддерживать свою репутацию импровизатора. Так что же ты поешь?

— Арию «Странствую в пространстве я» из последней новинки Гути Гарсия «Любовь за поясом астероидов». Послушай, твой робот, может, и в самом деле отличный писатель-юморист, но как дворецкий он никуда не годится. Сколько мусора на полу! Бумажки, сигареты, спирали для коктейлей! Вот погоди, молодой человек, соединим мы с тобой наши судьбы...

Она умолкла и, нагнувшись, принялась подбирать мусор. Руперт, стоя сзади, сосредоточенно глядел ей в спину. Внутри робота что-то загудело. Г-р-р...

Стремительными шагами Руперт пересек комнату. Его правая рука поднялась и обрушилась на Джози.

— Ай! — завопила Джози, подпрыгнув до потолка. Опустившись на пол, она круто обернулась. Ее глаза метали молнии.

— Кто это сме... — угрожающе начала она и тут заметила Руперта, который, все еще протягивая вперед руку, звенел и жужжал своими металлическими внутренностями.

— Да ты, никак, издеваешься надо мной?! Тебе смешно?! Ах ты, ржавый нахал! — В ярости она бросилась к роботу, чтобы закатить ему пощечину.

Выскочивший Лэсти увидел ее руку, занесенную над головой робота.

— Джози! — испуганно закричал он. — Только не по голове!

Бам-м-м!!!

— Думаю, мисс Лисси, все обойдется благополучно, — сказал врач, — недельки две подержим вашу руку в гипсе, а потом — снова на рентген.

— Джози, мы опоздаем в студию, — нервничал Лэсти. — Очень жаль, что так вышло.

— Ах, тебе жаль? Так вот, заруби себе на носу: я с места не сдвинусь, пока ты не избавишься от Руперта.

— Джози, радость моя, золотко мое, да знаешь ли ты, как здорово он сочиняет!

— А мне плевать! Меня дрожь пробирает при мысли, что он будет жить в одном доме с моими детьми. По Закону о роботах ты же обязан держать его в своем доме. По-моему, он у тебя свихнулся на почве юмора. Мне это не нравится. Так что выбирай: или я, или этот недовинченный остряк-самоучка.

В ожидании ответа Джози поглаживала гипсовую повязку на руке.

Так вот, Руперт — несмотря на все странности и причуды — гарантировал Лэсти блестящую карьеру комического актера. Больше ему не придется беспокоиться о репертуаре. Будущность его обеспечена. С другой стороны, Лэсти не был уверен, что на свете есть хоть одна женщина, которая может сравниться с Джози. Она воплощала собой его мечту об идеальной женщине. Только с нею он найдет свое счастье.

Это был простой и недвусмысленный выбор между богатством и любимой женщиной.

— Ладно, — пробормотал он наконец, — надеюсь, мы останемся друзьями.

Когда Лэсти вошел в студию, Джози уже заканчивала свою песенку. Отойдя от микрофона, она не удостоила комика даже взглядом. Началась рекламная вставка.

Лэсти поставил Руперта у дальней стены, рядом с режиссерской будочкой, где темно-красная фигура робота не могла попасть в поле зрения телекамер. Затем он присоединился к группе актеров, ожидавших под выключенной камерой окончания рекламы, после чего им предстояло разыграть небольшой водевиль.

Наконец захлебывающийся от восхищения диктор отчеканил последнее слово рекламного текста. На сценическую площадку выскочил вокальный квинтет сестер Глоппус, и грянул финал:

Любовь, богатство и почет
Вам обеспечит «Звездочет».

Зачем курить траву и вату?
На выбор сотня ароматов —
От вишенки до шоколада...
Ура! Ура! Ура! О ра-а-а-дось!

Телекамера над головой Лэсти засветилась разноцветными лампочками, и представление началось. Сюжет не отличался замысловатостью — любовь на заправочной станции Фобоса. Лэсти не был занят в пьесе — по ходу действия он комментировал ее своими шутками.

А шутки сегодня были что надо — смеялся даже режиссер передачи. То есть, конечно, не смеялся — об этом не могло быть и речи, — но иногда на его лице появлялась улыбка. А уж если улыбается режиссер, то зрители во всем Западном полушарии животы со смеху надрывают. Эта истина столь же непреложна, как и тот факт, что третий вице-президент теледара вечно становится жертвой самых гнусных розыгрышей — явление, хорошо известное всем социологам как «эффект Сбрось-парсона».

Время от времени Лэсти поглядывал на робота. Его беспокоило, что это создание вертит своей железной башкой по сторонам. В какой-то момент робот даже повернулся спиной и сквозь прозрачную дверь принялся рассматривать пульт режиссерской будочки. На случай, если понадобится экспромт, Лэсти заранее сдвинул зеленую заслонку.

Экспромт понадобился совершенно неожиданно. Вторая инженерю вдруг запуталась в монологе, начинавшемся словами: «И вот когда Гарольд рассказал мне, что он приехал на Марс, потому что ему опротивела милитаристская и бюрократическая государственная система...», перешла на скороговорку, несколько раз пробормотала: «И тут я ему сказала... да, я ему так и сказала... не могла ему не сказать...», запнулась и принялась судорожно кусать губы, вспоминая забытую реплику.

В контрольной будочке пальцы режиссера бесшумно пробежали по клавиатуре, и выпавшая строчка вспыхнула на экране под потолком. В студии воцарилась мертвая тишина. Все с надеждой ожидали, что Лэсти своим экспромтом заполнит убийственную паузу.

Лэсти обернулся к роботу. Какое счастье! Тот стоит к нему лицом. Прекрасно! Теперь вопрос, сработает ли мезонный фильтр.

На лбу Руперта появилась надпись. По мере того как слова проплывали по экрану, Лэсти произносил их вслух:

— Послушай, Барбара, а знаешь, что случится, если ты будешь плохо кормить своего Гарольда?

— Нет, не знаю, — ответила актриса, добросовестно подыгрывая Лэсти и пытаясь одновременно затвердить забытую строчку. — Что же тогда случится?

Из угла донесся громовой голос Руперта:

— Он решит, что у тебя котелок не варит!

Гоготала студия. Гоготал Руперт. Только у него это звучало так, словно он разваливался на части. По всему Западному полушарию зрители бросились к гудящим, скрежещущим и лязгающим теледарам, пытаясь обуздать закусившую удила электронику.

Даже Лэсти расхохотался. Превосходно! Куда тоньше, чем тот хлам, которым пичкали его Грин с Андерсеном, но и с тем грубоватым привкусом старого фермерского остроумия, на котором замешана настоящая клоунада. Этот робот просто клад...

Стоп! А ведь Руперт не подсказал ему реплику — он сам ее произнес. Зрителей рассмешил вовсе не клоун Лэсти — они смеются над Рупертом, хотя и не видят его на экране. Что же это творится?..

Наконец пьеска кончилась, и камеры переключились на Джозефину Лисси и ее оркестр.

Лэсти воспользовался коротким перерывом, чтобы свести счеты с Рупертом. Он повелительным жестом указал роботу на пультовую:

— Убирайся туда, чучело огородное, и не смей носа высовывать, пока не окончится передача! Приберегаешь свои шуточки для себя, мерзкая железяка? Кусаеть руку, которая тебя смазывает? Ну погоди у меня!

Руперт отшатнулся, чуть не раздавив бутафора.

— Бинг-бинг? — вопросительно прозвенел он. — Бим-бам-бом?

— Я тебе пошучу, — зарычал Лэсти. — А ну, марш в будку, и чтобы духу твоего здесь не было!

Волоча ноги и оставляя глубокие вмятины на пластиковом полу, Руперт поплелся на свой остров Святой Елены.

Передача продолжалась. В редкие свободные мгновения Лэсти видел, как робот, уныло втянув голову в плечи и утратив всякое сходство с элегантной обтекаемой моделью 2207, стоит возле техников за контрольными пультами. Судорожно дергаясь, он принялся расхаживать по тесному помещению пультовой. Время от времени он делал попытку к примирению, зажигая на своем экранчике надписи вроде: «Какая разница между гипертоником и гиперпространством?» или «Что такое облысение? Замена причесывания умыванием». Но Лэсти напрочь игнорировал эти жалкие потуги.

Пошла вторая рекламная вставка.

— Задумывались ли вы, — масляным голосом осведомился диктор, — почему во всем космосе только «Звездочет» — звезда первой величины? Беспристрастными исследованиями установлено, что наши славные герои, улетаая к звездам, всегда берут с собой... Ой, что это?

Руперт выпихнул из будки одного за другим трех негодующих техников и захлопнул за ними дверь. Затем он принялся нажимать кнопки и крутить ручки.

— Робот взбесился. Он выкинул нас за дверь!

— Послушайте, он псих! Вдруг он переключит камеры на пультовую? Это же совсем просто. Не приведи Бог, если это говорящий робот!

— Он выходит в эфир! Он умеет разговаривать?

— Умеет ли он разговаривать?! — простонал Лэсти. — Вышибите его оттуда поскорее!

— Вышибить его? Интересно, как? — желчно рассмеялся инженер. — Он ведь запер дверь. А вы знаете, из какого материала сделаны стены и двери пультовой? Он сможет сидеть там, пока СУПЭР не отключит подачу энергии. А для этого...

— Задумывались ли вы, почему эти сигареты называют «Звездочетами»? — прокатился по студии грохочущий голос Руперта, и почти одновременно его услышали миллионы зрителей. — Одна затяжка — и звезды сыплются из глаз! Динг-дунгл-дангл-донгл! Да, сэр!

Звезды всех цветов и оттенков, и даже не пытайтесь их сосчитать! Бим-бам! Вторая затяжка — это вспышка новой! Гр-рам-гр-румм! Сто ароматов, и от всех разит липой! Бинг! Банг!..

Стены пультавой дрожали от могучего скрежещущего хохота. Но дрожали не только стены.

Джози утешала комика как могла:

— Милый, не может же он выступать вечно! Скоро он иссякнет!

— Как бы не так — при его-то запасе шуток! Да еще этот... вариационный преобразователь, и еще мезонный фильтр. Нет, Джози, мне крышка! Пропала моя карьера — меня теперь и близко к камерам не подпустят. А я больше ничего не умею. На что я буду жить? Джози, Джози, конченый я человек.

В конце концов инженерам удалось отключить энергопитание во всем Теледар-Сити. Прекратились передачи всех программ теледара, пропала связь с космосом, умолкли радифоны. Скоростные лифты застряли между этажами. В правительственных кабинетах погас свет. Только тогда при помощи дистанционной контрольной установки смогли открыть дверь пультавой и вытащить бессильно обмякшего робота.

Когда иссякла энергия, иссяк и он.

Итак, Лэсти женился на Джози. Но счастлив он не был. Ему запретили появляться на теледаре до конца его дней.

Впрочем, он не умер с голоду. Иногда он даже жалел об этом. Погубившая его передача прославила Руперта. В тысячах писем телезрители требовали еще раз показать гадкого робота, осмелившегося поднять на смех рекламодателей. «Звездочет» утроил продажу. А в конечном итоге только это имеет значение...

Развеселый робот Руперт («самая развинченная машина из всех, у которых в голове винтика не хватает») регулярно появляется на экране. Лэсти подписывает контракты. Быть менеджером у робота нелегко. Жить с ним бок о бок — еще труднее, но этого требует Закон о роботах. Расстаться с ним Лэсти не в силах — кому охота лишиться верного куска хлеба с маслом? Он даже

не может никого нанять для присмотра за роботом — то есть никого в здравом рассудке. Лэсти приходится несладко. С Рупертом жить — не шутки шутить.

Раз в неделю он навещает Джози и ребятишек. У него осунувшийся и изможденный вид. С каждым днем розыгрыши Руперта становятся все изощреннее.

Последнее время Руперт так наострился, что Лэсти прозвали на теледаре по-новому: «Лэсти — дурные вести». Или «Лэсти — поплачем вместе». А то и просто: «Ой-ой!»

НЕПРИЯТНОСТИ С ГРУЗОМ

Во время последней войны Эндрис Стегго командовал легким штабным негодрейсером. После перемирия и демобилизации его перевели на сэгиттарианскую линию, и он стал капитаном грузового корабля «Награда». К сожалению, этот крупный и немного грубоватый мужчина привык к беспрекословному подчинению команды и никак не мог понять, что война уже закончилась.

С другой стороны, команда, поспешно нанятая альдебаранским агентством, состояла в основном из бывших рудокопов двадцати пяти местных планет. Эти парни, уволенные с работы после внезапного прекращения военных действий, отличались чрезмерной независимостью, смелостью и быстротой на расправу.

Я считался на корабле единственным пассажиром. Полет должен был быть долгим — около двух месяцев. Груз был таким, что и говорить-то противно — десять тонн зловонного вискодия.

Любой человек с двумя-тремя извилинами мог бы догадаться, что возникнут проблемы. Но от служащих сэгиттарианской линии требовался лишь университетский диплом и галактическая лицензия, поэтому о двух извилинах оставалось только мечтать.

Все началось с того, что вискодий доставили не в деллитовых герметичных упаковках, а в большом контейнере, крышку которого еле удерживали хлипкие замки. Конечно, это сэкономило пространство трюма,

Confusion Cargo

Copyright © 1947 by Philip Klaas

Неприятности с грузом

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

но в то же время создавало некоторое неудобство для такой полезной функции человеческого тела, как дыхание. Вот почему в «ночные часы» я часто лежал без сна, представляя себе, как крышка контейнера срывается с него, и зеленая масса, вскипая пеной, расплзается по кораблю через открытые люки.

Через несколько дней после взлета один из патрубков не выдержал нагрузки и дал течь. А надо сказать, что «Награда» была старой космической шаландой, пять лет простоявшей в доке и наспех подготовленной к этому первому послевоенному полету. Брин, сварщик, попытался устранить неисправность, но попал под струю выходя, и мы выбросили замороженный ком с его трупом в открытый космос через воздушный шлюз. Второго сварщика по штатному расписанию не полагалось, и когда другие трубы начали разрушаться...

Одним словом, после похорон Брина к капитану Стегго пришли представители команды. Они обвинили его в халатности, поскольку трубопроводы не проверялись после старта на остаточный выходя. Делегаты потребовали, чтобы их протест был внесен в вахтенный журнал, но вместо этого Стегго нацепил на пятерых парней стальные ошейники-душители. Он заявил, что вводит на корабле чрезвычайное положение, и приказал офицерам носить оружие вплоть до окончания полета. Я слышал, как люди в дешевых хват-комбинезонах сердито шептались о том, что им наполовину срезали рацион и удлинili вахты в связи с сокращением численности команды.

Мистер Сканделли, главный инженер «Награды», навестил меня и предложил обрез шмоббера. Взглянув на футовый ствол оружия, я заявил, что ни при каких обстоятельствах не прикоснусь к подобной мерзости.

— Может быть, придется прикоснуться и не к такому, прежде чем мы доберемся до места, — ответил он мрачно. — Когда альдебаранские подонки начинают свирепеть, я предпочитаю использовать наши запасы оружия. А пассажиры по положению приравняются к офицерам.

— Едва ли это хорошо говорит о «Награде».

Он только посмотрел на меня, сунул шмоббер в кобуру и вышел.

Еще через час мне передали приветствия капитана и приглашение прийти к нему на мостик. Вся эта возня уже сидела у меня в печенке, но, учитывая некоторые тонкости моего нынешнего положения, я не хотел вступать в пререкания с мистером Стегго. Тем не менее я решил сохранять нейтралитет и не присоединяться ни к одной из конфликтующих сторон.

Массивное тело капитана едва вмещалось в огромное кресло. Короткая щетина, покрывавшая его подбородок, выглядела мерзко — особенно если учесть дешевизну бритвенных приборов и мужского депило-сака.

— Мистер Сканделли сообщил мне, что вы отказались причислять себя к числу офицеров. Впрочем, — он движением огромной лапищи прервал мои возражения, — это к делу отношения не имеет. — Итак, вы доктор Симс из отдела военно-космических исследований?

— Да. Роберт Симс, химик второй категории. Альдебаранский проект СВХ-19329.

Я постарался говорить без дрожи в голосе. Капитан раскрыл папку с документами, с усмешкой прочитал мою анкету и спросил:

— Мне интересно, доктор Симс, почему вы, человек с такими возможностями и общественным положением, решили путешествовать на некомфортабельном грузовом корабле, а не на каком-нибудь правительственном крейсере или пассажирском неголайнере?

— Я лечу домой, чтобы навестить свою семью, которую не видел более трех лет. — Оставалось надеяться, что мой голос звучал достаточно убедительно. — Служащим флота запрещено путешествовать на негодных кораблях по делам личного характера, а билет на лайнер я смог бы получить только через шесть месяцев после подачи заявки. Так что, поскольку мой отпуск уже начался, «Награда» оказалась для меня единственным выходом.

Зашелестев бумагами, капитан поднес их ближе к свету.

— Да, печати выглядят настоящими. При обычных обстоятельствах я не занимался бы вами. Но мы по-прежнему подчиняемся правилам торгового кодекса, принятым на период военного положения. И поскольку вы позволили себе отказаться от предложения мистера Сканделли — сделанного, кстати, по моей инициативе, — я счел, что вы вполне заслуживаете подобной проверки.

— Мистер Сканделли услышал от меня только то, что ему ответил бы любой здравомыслящий пассажир. Оплатив билет, я не должен заботиться о своей безопасности — это ваша прерогатива. — Моя рука потянулась к кнопке дверного замка. — Теперь, надеюсь, я свободен?

— Одну минуту, доктор Симс. — Стегго медленно повернул массивную голову. — Мистер Болли, приведите задержанных.

Астрогатор Болли был худым светловолосым парнем, который во время нашей беседы с капитаном тихо сидел в углу над своими картами. Он поморщился и торопливо вышел, чтобы через несколько секунд вернуться с пятью арестованными альдебаранцами.

Их вожак оказался самым высоким человеком, которого мне когда-либо доводилось видеть, — он был даже крупнее капитана. Ошейник на шее гиганта еле охватывал его тело силовыми полями. Механизм позволял ему дышать и передвигать ноги в странной раскоряченной манере. Его четверо друзей ковыляли следом в своих ошейниках.

— Это Рэджин, — сказал мне Стегго, указывая на вожака. — Я считаю его организатором мятежа. Остальные бедолаги имеют имена, которые мне не хочется ни произносить, ни запоминать.

Я стоял, размышляя о том, какое имею отношение ко всему происходящему.

Внезапно высокий мужчина заговорил. Слова с трудом срывались с его уст, преодолевая давление, которое поля ошейника оказывали на диафрагму.

— Ты еще запомнишь нас, Стегго... Даже если мне придется отслеживать тебя через всю Галактику...

Капитан улыбнулся:

— Расстрельная команда успокоит тебя. А после моего доклада ничего другого тебе не светит.

Бросив на Стегго свирепый взгляд, Рэджин заковылял к капитану. Тот вскочил на ноги и толкнул навстречу гиганту массивное кресло. Рэджин, связанный по рукам и ногам силовыми полями, перелетел через спинку кресла и вмазался головой в металлическую переборку. Я вздрогнул, услышав глухой удар, но парень быстро пришел в себя, и астрогатор помог ему принять вертикальное положение.

— Мне придется отразить это в вахтенном журнале как нападение на должностное лицо, — самодовольно заметил Стегго. — А теперь, доктор Симс, не могли бы вы пройти вот сюда?

Я последовал за ним, спиной ощущая ярость, затопившую рубку.

Он подошел к обзорному экрану и нажал на какую-то кнопку. Я ахнул.

— Как видите, это трюм, где содержатся мистер Рэджин и его приятели. Я периодически заглядываю туда. Однажды мне показалось, что я заметил, как кто-то склонился над Рэджином — похоже, кормил его. Я послал Сканделли и второго помощника разобраться, и мои подозрения подтвердились. Мы обыскали корабль и арестовали семь человек — пять из них оказались женами этих парней, две другие женщины — жены членов экипажа, которые теперь тоже носят ошейники.

— Женщины! — пробормотал я. — На борту корабля! Зайцы!

— О-о! Я вижу, вы знакомы с торговым кодексом и его статьями, принятыми на период военного положения. «Любое существо женского пола, обнаруженное во время межзвездного полета без военной или полицейской охраны, должно быть предано смерти по приговору военного-полевого суда». Это действующий закон, не так ли?

— Но, капитан, — возмутился я. — Данный закон принимался против Лиги феминисток, члены которой сотрудничали с врагом во время войны. Он никогда не применялся к гражданским лицам.

— Это не значит, что его и нельзя применить таким образом. Я признаю, что некоторые женщины были в

правительстве на протяжении всего конфликта и неплохо показали себя в битве у Мертвой звезды. Но закон имеет конкретный адрес. Нам дорого обошелся женский саботаж, когда мы были на грани поражения. Вот почему галактический кодекс запретил наличие женщин на кораблях без всяких оговорок!

Его мрачное лицо приняло непривычное глубоко-мысленное выражение. Он выключил экран.

— А что вы хотите от меня? — осторожно поинтересовался я.

Капитан указал на открытый вахтенный журнал:

— Я внес сюда запись обо всем случившемся: о том, что эти люди и двое их сообщников еще до начала мятежа намеренно провели на борт своих жен, нарушив тем самым галактический закон. — За нашими спинами раздался язвительный хохот Рэджина.

— Я хочу, — продолжал капитан, — чтобы вы подписали данный протокол и подтвердили наличие этих женщин на корабле.

— Но я же не офицер. Я даже не сотрудник линии.

— Именно поэтому мне и нужна ваша подпись. Она будет свидетельством незаинтересованного лица. Если же вы по каким-то причинам откажете в моей просьбе, я буду вынужден включить вас в список мятежников. Учитывая сложность ситуации на корабле и ваш полуофициальный статус, мы поместим...

Ему не пришлось заканчивать. Я расписался в указанном месте.

Стегго вежливо проводил меня до двери.

— Благодарю вас, доктор Симс. Мистер Болли, прошу вас созвать военно-полевой суд.

Лицо астрогатора стало ярко-красным.

— Но, сэр! Вы не можете судить их, пока мы не прилетим на Землю!

— Могу, мистер Болли. И вы тоже будете членом трибунала. Вспомните кодекс: «Любое торговое судно категорий 1АА, 1АВ или 1АС, независимо от того, сопровождает ли его военный эскорт или оно совершает полет индивидуально, в исключительных случаях и с целью поднятия дисциплины, по усмотрению капитана или старшего офицера, имеет право принять на

себя статус боевой единицы». Груз вискодия, причисляемый к стратегическому сырью, дает возможность отнести наш корабль в категорию IAC. Как вам известно, дендродвигатель препятствует распространению радиоволн, даже если бы у нас и был межзвездный передатчик. Так что созовите членов трибунала.

Когда Болли, задыхаясь от возмущения, торопливо покинул мостик, я подумал: какого специалиста по космическому праву послала нам судьба в качестве капитана! Скорее всего он служил при штабе до последних месяцев войны, пока на фронт не стали посылать даже таких окопавшихся в тылу канцелярских крыс. Между прочим, его ранняя отставка подтверждала это. Мистер Дисциплина собственной персоной!

— Капитан, а вы учли тот факт, что категория IAC, а также те статьи кодекса, которые вы цитировали по памяти, принимались лишь на период военного времени?

— Да, я это учел и могу добавить, что они пока не отменены. А теперь, доктор Симс, не могли бы вы вернуться в свою каюту?

Мне пришлось подчиниться, и в последнюю секунду, закрывая дверь, я бросил на Рэджина сочувствующий взгляд. Он как-то странно смотрел на мою блузу из парплекса. Его брови сошлись над переносицей, словно он пытался решить для себя какой-то важный вопрос. На мне была флотская форма с тремя нашивками.

Мою каюту обыскали. Но кто — офицеры или команда? Я этого не знал. Не очень-то весело сохранять нейтралитет в окружении сильных противников. Впрочем, это теперь понимали многие из маленьких и бедных планет.

Обыск проводили в спешке. Вещи в чемодане были перерыты; туалетные принадлежности стояли не на своих местах. Я пригнулся у изголовья кровати и ощупал металлический каркас. Невидимый пучковый бластер по-прежнему лежал на поперечной перекладине. Очевидно, люди, проводившие осмотр каюты, не имели при себе сканеров и даже цветного порошка.

Дилетанты. Любой частный космодетектив воспользовался бы цветным порошком.

Я сунул в карман крошечное прозрачное оружие и устало вытянулся на постели. Мой взгляд задержался на туалетных принадлежностях. Полупустой тюбик депилосака явно проверяли на наличие спрятанных в нем предметов. Белые капли содержимого отчетливо выделялись на красной полке. Бедолаги, они так ничего здесь и не нашли.

Ничего не нашли они и в чемодане: я тщательно готовился к полету. Замечательная мысль — воспользоваться такой старомодной рухлядью, как чемодан, вместо современного экономящего место коллапси-кона.

Но если дело дойдет до действительно серьезной заварушки, все мои предосторожности не стоили и грамма плутония в атомном реакторе. Да и Бог с ним, с капитаном Стегго. Пусть он катится к черту со своим торговым кодексом. К черту Рэджина и войну.

Я заснул с тоской о Земле.

Чуть позже на корме корабля отрывисто загрели выстрелы. Я проснулся, сжимая в руке пучковый бластер. Кто-то с криком пробежал мимо моей каюты. Свет мигнул, отключился, еще раз мигнул и наконец погас окончательно.

Мой пневмоэлектрический матрац превратился в кусок тонкой ткани, и я ударился о койку. За переборкой что-то жутко затрещало, отозвавшись в глубинах космического корабля. Метеоритная пыль? Но откуда ей тут взяться? Неужели Стегго включил противопожарную систему? А если Стегго тут ни при чем, то кто? Мятежники?

Так, значит, все-таки вспыхнул мятеж.

В свое время мне довелось повидать и атомный взрыв, и аннигиляцию пространства. Я был на фабрике фотонита на Ригеле-VIII, когда там по всему куполу был разбрызган молекулярный растворитель, и воздух улетучился в космос. А теперь меня угораздило стать свидетелем корабельного бунта.

Кто-то настойчиво забарабанил в дверь. Я торопливо открыл ее и увидел человека, который лежал у порога.

Это был явно один из восставших; в груди его зияла огромная дымящаяся дыра.

— Джобал! — прошептал он. — Я прошу... Прошу тебя... Джобал...

Он вроде бы икнул и издал хрип, который я без тени сомнения посчитал предсмертным. Мне оставалось лишь убрать его руку с порога и закрыть за собою дверь. Я вернулся к остоу кровати, сел и задумался.

Кто был этот Джобал? Друг? Жена, возлюбленная? Божество, которому он поклонялся? Я просидел в темноте не меньше часа, потом заметил, что на корабле воцарилась тишина. Слух различал только вибрирующий гул дендродвигателя.

В коридоре слышались шаги. Кто-то перешагнул через тело убитого и распахнул дверь. В каюту вошли два огромных альдебаранца. Их все еще пульсирующие шмобберы были нацелены мне в живот.

— Капитан Рэджин хочет вас видеть.

Так. Власть в их руках. Я понял, что теперь начнется расплата по счетам. Но к какой стороне причислят меня? Напустив беспечный вид, я направился к двери, повернувшись так, чтобы они не заметили, что в кармане у меня что-то лежит.

Рэджин сидел в кресле Стегго. Он не был таким толстым, как капитан, но выглядел достаточно внушительно. Болли шелестел в углу своими картами. За исключением нескольких пятен крови на полу, в рубке все осталось без изменений.

— Приветствую вас, доктор Симс, — улыбнулся мне Рэджин разбитыми губами. Болли даже не поднял головы. — Тут у нас кое-что изменилось.

— Надеюсь, в лучшую сторону, — ответил я.

— Да. Во всяком случае, с нашей точки зрения.

Он взглянул на охранников, стоявших за моей спиной:

— Вы его обыскали?

— Ну... — начал было один из них.

— Нам казалось... — промычал второй.

— О, взрыв сверхновой! О чем вы только думаете — это что, встреча членов Благотворительной ассоциации? — Ругая их, он вскочил на ноги, и его голова оказалась почти в двух футах над моей макушкой.

— Могу избавить вас от хлопот... э-э... капитан. — Я вытащил из кармана пучковый бластер и протянул его рукояткой вперед.

В течение нескольких секунд Рэджин непонимающе смотрел на мою ладонь. Затем он осторожно шагнул ко мне и взял невидимое оружие. Ощупав его, он улыбнулся.

— Пусть меня посадят в хвост кометы! Это же пучковый бластер! Маленький и смертоносный! Я слышал о таких малютках, но никогда не думал, что займею ее. Как эта штука оказалась в руках гражданского лица?

— Я работаю в отделе военно-космических исследований, — напомнил я.

Он с усмешкой осмотрел меня с головы до ног:

— Может быть, это так, а может быть, и нет. Будет лучше, если мы вас все-таки обыщем.

Охранники двинулись ко мне, и я отступил на шаг.

— Эй, подождите. Я только что отдал свое оружие, хотя при желании мог бы убить вас, и ваши зомби не успели бы даже слюни подтереть. У меня с собой документы, которые я никому не должен показывать, пока мы не долетим до Земли. Насколько я понимаю, вам что-то от меня нужно. Если вы прочтете эти бумаги, сотрудничество станет абсолютно невозможным и вы вляпаетесь в неприятности много худшие, чем мятеж на космическом корабле.

Ему понадобилось несколько минут, чтобы обдумать мои слова. Наконец он принял решение:

— Ладно. В любом случае вы не сможете убить больше одного человека, даже если сохранили оружие. Если начнете стрелять, мы изрежем вас на куски. Но главное, мы действительно хотим предложить вам сделку.

В рубку вошла высокая блондинка с подносом. Она ткнула меня им в живот, и я взял у нее чашку горячей жидкости. Альдебаранский сок хиялияу. Ситуация становилась менее напряженной.

— Мы с Эльзой только что поженились. Мне не хотелось, чтобы этот жирный садист вершил над ней свое «правосудие». Парни намечали поднять мятеж через тридцать шесть часов после вылета из порта Бума,

но я держал их в узде до тех пор, пока шавки Стегго не обнаружили наших жен. Мы работали горняками и независимыми торговцами; мы не привыкли к дисциплинарной удавке.

Кивнув на красные пятна, я спросил:

— Это Стегго?

— Нет. Один из наших. Мы старались захватить корабль без крови — не хотели убивать офицеров. В результате у нас потери больше, чем должны бы быть. Мы потеряли четверых.

— Пятерых, — отозвался один из охранников. — Около каюты Симса мы нашли еще один труп. Я не рассмотрел его в темноте, но, кажется, это был Рилдек.

Рэджин кивнул:

— Значит, пятерых. Ладно, проведем переключку, когда починим генератор. Пока на корабле действуют только аварийные системы. А теперь, доктор, к делу. Я хочу, чтобы вы подписали свидетельские показания касательно причин мятежа. Кроме того, мы просим вас засвидетельствовать, что Стегго и все его офицеры были живы и в добром здравии, когда вы их видели.

— Если я действительно увижу их в таком состоянии, ваша просьба будет удовлетворена.

— Вы их увидите. Мы собираемся отпустить их на спасательной шлюпке. Припасов и горючего им хватит, чтобы добраться до какой-нибудь базы. Если хотите, можете присоединиться к ним. Ведь это действительно мятежный корабль.

— Нет, спасибо, — сказал я, стараясь не выдать своих чувств. — Мне хотелось бы остаться здесь.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Я так и думал, что вы это скажете, доктор. Интуиция подсказывает мне, что вы не тот, за кого себя выдаете, но у меня нет времени разгадывать эту загадку.

— Мне остается только благодарить судьбу за вашу крайнюю занятость, — с улыбкой ответил я и поставил чашу с напитком на пол. — Полагаюсь на ваше слово. Судя по всему, на него можно положиться: вы не прикончили Стегго и его офицеров, значит, не намерены заниматься пиратством. Но какими бы ни были

ваши планы, скажите мне честно: могу ли я рассчитывать со временем добраться до Земли или до представителей ее правительства?

Рэджин стиснул мою руку так, что чуть не раздавил ее.

— Даю вам слово чести. Слово чести... мятежника.

Мы оба усмехнулись.

По пути к воздушному шлюзу мужчина, сопровождавший нас, вдруг ткнул меня шмоббером в спину. Я испуганно остановился.

— Мне в голову пришла хорошая идея, — объяснил Рэджин. — Когда Стегто доберется до цивилизации, он преподнесет эту историю по-своему. Пусть жирный ублюдок думает, будто мы задержали вас на борту в качестве заложника. Это придаст вашим показаниям большую достоверность и к тому же послужит вам защитой. Зачем вам лишние допросы и волнения, верно?

Я поблагодарил его за заботу. Он был приличным парнем, этот Рэджин.

Экс-капитан Стегто, главный инженер Сканделли и пятеро других офицеров лежали на полу небольшой шлюпки. Толстяк-капитан, задыхаясь от ошейника, повернул к нам полное ярости лицо:

— Вышвыриваешь нас в космос в крохотной шлюпке, а, Рэджин? Ничего! Мы как-нибудь выберемся из этой передраги. Я еще увижу, как галактический флот разделается с тобой!

Мой охранник нагнулся и плюнул ему в лицо.

— Конечно, вы выберетесь, — рассудительно ответил Рэджин. — Мы даем вам двенадцать коллапсиконов с продовольствием. — Он улыбнулся: — После вас мы избавимся и от этого жуткого вискодия.

Рэджин проворно настроил ошейники на автоматическое отключение — через полчаса они должны были освободить пленников. Когда он склонился над Сканделли, я заметил на груди инженера повязку с пятнами крови.

— Хочешь маленькое пари? — тихо прошептал инженер. — Ставлю свою руку против твоего желудка, что ты будешь греть нары в земной тюрьме еще до того, как нас выловят из пространства.

Рэджин улыбнулся ему:

— Не надо так со мной говорить, Сканделли. Особенно после того, как ты заперся в моторном отсеке и заставил моих ребят выкуривать тебя газовыми гранатами. Они были бы так рады, если бы ты немного задержался на «Награде». Уж они бы поразвлеклись с тобой.

Инженер побледнел и судорожно сглотнул слюну.

— Ладно, приготовьтесь к запуску. Этот парень, — он показал на меня, — остается с нами. Так же как и Болли. В качестве заложников.

Когда воздушный шлюз закрывался, я услышал крик Стегго:

— Доктор Симс! Мы вернемся! Мы вернемся за вами!

Раздалось шипение воздуха, и шлюпка по дуге отошла от корабля.

Потом Болли напечатал наше с ним заявление — на основании черновика, написанного Рэджином. Мы с Болли были одни в рубке. По-видимому, нам доверяли.

Я посмотрел в осунувшееся бледное лицо Болли. Он казался мне слишком молодым для офицерской должности — даже на такой грузовой шаланде. Что заставило его оказаться здесь? Я решил поинтересоваться.

— Даже не знаю, — ответил он, вытаскивая из принтера последнюю страницу. — Сначала мне хотелось стать моряком, потому что я зачитывался книгами Нордхофа, Конрада, Лондона и Холла — великих древних. Потом я начал читать о космосе: мемуары Малларда, Сузы, Йона Йима. Мне стало казаться, будто я живу в ужасно ограниченном окружении. Я поступил в школу астрогаторов и лишь потом узнал, что в космосе так же скучно, как и на море.

Я сочувственно улыбнулся ему и провел пальцами по гладкой обивке кресла.

— Да, романтику в космосе делать нечего. И теперь, значит, вы решили поискать приключений на мятежном корабле?

Болли покраснел, и мне вспомнилось, как он смотрел на капитана, когда тот орал на него.

— Нет, тут другая причина. Я знал Рэджина еще по Наскору, то есть Альдебарану-VI, а со многими члена-

ми нашего экипажа охотился раньше на Альдебаране-XVIII. Когда меня взяли на должность астрогатора, я рассказал парням о том, что команда не укомплектована, и они воспользовались случаем. С моей помощью им удалось провести на борт своих жен. — Болли вызывающе посмотрел на меня.

Я кивнул ему в ответ, показывая, что при данных обстоятельствах не считаю это преступлением. Парень продолжил свой рассказ:

— Я раньше никогда не летал со Стегто, но много слышал о нем. Когда он начал молотить эту чушь о трибунале, я встретился с Рилдеком и Гондой — Гонда был тот матрос, который присматривал за вами, — и предупредил их. Ребята ворвались сюда во время суда и захватили рубку. Стегто намеревался вышвырнуть мятежников и их жен через воздушный шлюз!

— Да, не очень приятное решение. Но вы, конечно, помните, что в начале военных действий феминистки из Лиги Фино уничтожили три земные эскадры. Ваши друзья знали, что женщинам запрещено появляться на кораблях без официального эскорта. Почему же, во имя кривизны пространства, они привели их сюда?

Бэллов пожал плечами:

— Они хотят поселиться на какой-нибудь планете, каждый грамм которой не ценится на вес золота. В системе Альдебарана полным-полно руды и все земли уже захвачены. За время войны астероиды в Солнечной системе стали как никогда дешевыми. Парни решили сложиться и купить один из них. Но только женщин им нужно было захватить с собой, иначе за их проезд пришлось бы выложить половину капитала. Путешествие с Альдебарана в Солнечную систему стоит недешево.

— Мне ли этого не знать! — Я прочитал напечатанный документ и подписал его. — Наверное, они хотят высадиться в одной из малоизвестных систем вроде Отхо.

— Не знаю, где именно, но это должна быть необитаемая и еще неизученная планета, — ответил астрогатор, убирая бумаги в свой стол. — Вас, конечно, отправят в Солнечную систему. Если «Награду» найдут в хорошем состоянии и все офицеры останутся в живых, дело

не попадет под юрисдикцию галактического флота — особенно после всеобщей демобилизации. Вы же знаете, альдебаранские патрульные суда не очень любят ловить мятежников.

— Да, конечно. Чиновники просто перепишут имена из списка «пропал без вести» в графу «разыскивается за мятеж». Но у вас возникнут проблемы с женщинами. Их же только семь.

— Может быть. — Он устало потянулся, и голубая парплексовая ткань натянулась на его тощей груди. — Галактика велика, и после войны бизнес будет расширяться, как взрыв сверхновой. Через пару лет о мятеже на «Награде» забудут. Мы снова сможем летать среди звезд и работать там, где нам понравится.

В рубку, тяжело топая, ввалился Рэджин и начал рыться в картах. Он выбрал одну и начал рассматривать ее, тихо ругаясь себе под нос.

Метнув на него недоуменный взгляд, Болли попытался закончить свою мысль:

— Что касается меня, то я с удовольствием помог своим друзьям избавиться от этого отпрыска трюмной помпы. Мне хочется узнать, будет ли жизнь на пустынном планетоиде такой интересной, как ее описывают...

— Похоже, ты скоро узнаешь, как пахнет плазма, — угрюмо проворчал Рэджин. — Курс был проложен прямо к Солнечной системе?

Белобрысый мальчишка вскочил на ноги.

— Д-да, — заикаясь, ответил он. — Н-но я думал, ты можешь управлять двигателями. Я проложил новый курс, и все что нужно сделать, — это повернуть...

— Конечно, мы можем управлять дендродвигателем! — рявкнул Рэджин. — Но только тогда, когда он поддается управлению!

Его рука взлетела вверх, сжимая пустоту — вернее, мой пучковый бластер.

— Вперед, доктор. Ради вашей собственной безопасности надеюсь, что вы действительно химик.

Мы прошли к моторному отсеку. Он жестом велел мне войти внутрь. Не могу сказать, что в этот момент я чувствовал себя бессмертным.

Вокруг двигателя, похожего на сдвоенную спираль, собралась почти вся команда. Когда мы вошли, толпа расступилась, и мне потребовалось около двух минут, чтобы понять, в чем дело.

— Сканделли! — воскликнул я. — Вот что он имел в виду, угрожая нам. И вот что трещало за переборкой во время мятежа. Да. Этот гниляк отсиживался здесь целый час. Один из подающих патрубков пролегает под баком в грузовом отсеке. Сканделли взорвал защитную панель, прорезал отверстие в трубопроводе, и, когда давление в системе понизилось, вискодий просочился в механизмы дендродвигателя. Конечно, эта гадость скоро засохла и перестала течь сквозь маленькое отверстие, иначе вискодий расплзся бы по всему судну. Впрочем, нам это уже не поможет.

Я присел на корточки и осторожно прикоснулся к холодному веществу. Оно было твердым, как сам дендралит.

— Боюсь, вам не повезло, капитан. Управлять засоренным двигателем невозможно. Судя по тому что я знаю о вискодии, вам уже никогда не очистить от него систему. Это судно полетит прямо к Солнцу.

— Судно, возможно, и полетит, — с усмешкой ответил он. — Но только без вас.

Безжалостные лица альдебаранцев напугали меня.

— Вы дали мне слово чести, Рэджин! Я считал вас человеком, на которого можно положиться!

— Очень жаль, доктор, но на этот раз мое слово будет аннулировано. Мы отдали шайке офицеров почти все нейтронное горючее. У нас больше нет надежды попасть на необитаемую планету, если только «Награда» не окажется рядом с ней по воле судьбы. Если уж нам придется лететь на Землю, можно попытаться придумать что-нибудь про атомный взрыв, во время которого погибли Стегго, офицеры и пятеро убитых членов команды. Болли подтвердит мои слова. Он — офицер, и его свидетельство будет решающим в этом деле. Если каждый из нас даст нужные показания, а шлюпку к этому времени еще не найдут, мы выйдем сухими из воды. Но вы — не один из нас. Мы не

можем рисковать своими шкурами — вдруг вам вспомнится, чему вас учил ваш учитель по гражданскому праву. Поэтому выбирайте: либо вы очищаете дендрос, либо становитесь нашей первой запланированной жертвой.

Тупые дула уперлись мне в спину.

— Но, Рэджин... Я физик, а не специалист по синтетическим клеям. Неужели вы не знаете, что такое вискодий? Студенты шутят, что только смерть разъединяет тех, кого он соединил. Он копирует физические свойства тех материалов, на которые попадает, а дендралит — самое твердое вещество во всей Галактике. Если вы расколете кусок дендралита, вы расколете и двигатель. Производителям еще не удалось придумать растворителя для вискодия. Они всегда предупреждают потребителей: не применять его там, где соединение не должно быть вечным.

— Ладно, доктор Симс. Поменьше слов и больше дела, — сказал вожак, направляясь к выходу. — Мы даем вам ровно три недели по земному времени.

— Но послушайте! С таким же успехом вы можете предложить мне отмеривать жидкость дромом с Сириуса. Я так же мало смыслю в этом, как и в растворителях для вискодия! — Я не пытался острить: я был перепуган до смерти.

Три недели на решение проблемы, которая не поддавалась лучшим умам человечества! Без лаборатории и оборудования! И это предстояло сделать мне, специалисту по нейтрониуму!

— Сбегайте в медицинский отсек и посмотрите, есть ли там скаралекс, — сказал я одному из охранников. Это лекарство показало свою эффективность в лечении вискодиозного рака, который возникал при попадании клея на кожу.

Охранник тут же покинул моторный отсек. Я испытал мрачное удовольствие, обнаружив, что могу рассчитывать на содействие.

Он вернулся с контейнером скаралекса, на котором виднелись большие красные буквы: ОПАСНО! ПРИМЕНЯТЬ ТОЛЬКО ПО НАЗНАЧЕНИЮ ВРАЧА! ВНУТРИ НЕ УПОТРЕБЛЯТЬ.

Я торопливо открыл контейнер. Там лежало пять таблеток аспирина и флакончик с глазными каплями.

Через четыре дня, выполняя ежедневный обход, Рэджин навел меня в моторном отсеке. К этому времени я дошел до того, что пытался применить управляемую термоядерную реакцию. Мои глаза покраснели от усталости. В принципе, я мог свободно передвигаться по кораблю и уходить в свою каюту когда угодно. Но мне все равно не спалось. Или я решу загадку и живым доберусь до Земли, или мой передний мозг лопнет от усилий.

— Как дела, док? — спросил меня Рэджин.

— Похвастаться нечем, — мрачно ответил я. — Я не рискую подавать особенно много плазмы — иначе механизм разогревается почти до точки плавления. Я попытался использовать прерыватель, чтобы горячая плазма подавалась порциями, но вещество чертовски быстро становится проводящим. Я, конечно, как-нибудь решу эту проблему.

— Молодец, док, — подбодрил он меня. — В вас чувствуется настоящий дух ученого.

Поймав мой взгляд, Рэджин смутился и слегка покраснел.

— Извините. Мне не следует шутить. Будь здесь эти сволочи, Стегго и Сканделли, мы промыли бы их рты вискодием. Хотя, — задумчиво добавил гигант, — они ненавидят нас так же сильно, как мы их. Вы, пожалуй, единственный невинный пострадавший.

Несколько женщин, одетых в пестрые альдебаранские платья, встревоженно заглядывали в люк. Я знал, как много значило бы для них, если бы двигатель заработал. В конце концов, им так же хотелось жить, как и мне.

— Ладно, капитан, бросьте.

— Понимаете, — заговорил он взволнованно, — у нас здесь демократия — самая чистая демократия, потому что мы попали в условия, при которых иначе нельзя. Я всего лишь предводитель; даже если бы я захотел сохранить вам жизнь, полагаясь на ваше честное слово, остальная команда не поверила бы вам.

— Мне все понятно, Рэджин. И я ценю ваш логический ум. Жаль, что в галактическое правительство

входят только сагиттарианцы и граждане Солнечной системы.

— Да. Именно это я и повторяю им каждый день.

Все засмеялись, и возникшая напряженность ослабла. Гонда опустил свой шмоббер и шепнул соседу:

— Видишь, что я говорил! Доктор — нормальный парень!

Гигант подошел ко мне и встал рядом. Мы вместе смотрели на неподатливый зеленый вискодий. Все мы только потели от бесполезных, бесконечно повторяющихся мыслей.

— Черт! Я готов лопнуть от злости из-за того, что это клейкое дерьмо мешает нам удрать от космических патрулей, — наконец сказал Рэджин. — Из-за него мы не можем изменить курс! Двигатель продолжает работать только так, как был настроен!

— Да, таковы свойства этого вещества, — устало зевнув, ответил я. — Чтобы управлять двигателем, вы должны использовать дендросы как подвижные детали, но этому мешает вискодий, попавший в механизм. В то же время на прямой тяге дендросы вибрируют без каких-либо частотных сдвигов, и клей, приняв характеристики дендралита, даже увеличивает эффективность системы. Если двигатель остановится, вискодий тоже перестанет вибрировать. То, что делает склеиваемое вещество, делает и эта мерзкая пакость.

— А если мы изменим свойства дендросистемы? Допустим, аннигилируем дендросы и раскурочим весь механизм силовым резакон? Наши парни очистят детали от вискодия, потом мы соберем и наладим машину! Что вы думаете, док?

Я покачал головой:

— Ничего не выйдет. Аннигиляция в пространстве — это очень опасная операция. Она требует особого технического оснащения и соответствующих условий. Вы просто пробьете дырку в космосе и тем самым можете космическому патрулю разделаться с вами. Кроме того, дендралит не поддается аннигиляции. Конечно, если вам удастся изменить его физические свойства так, чтобы отделить его от вискодия, все будет в порядке. Но любой метод добиться этого, какой только

приходит мне в голову, означает полное разрушение двигателя.

— А на корабле, как назло, нет передатчика — на помощь не позовешь! Куда бы эти проклятые механизмы ни направляли нас, сохранить их придется. Я велел ребятам смазывать их каждые шесть часов. Это минимальный период, если верить руководству по эксплуатации.

Мой язык буквально запутался в зубах, и я схватил его за руку.

— Вы их смазываете? Чем? Каким маслом?

Он озадаченно посмотрел на меня:

— Машинным. Обычным маслом, не тем, правда, которым на Земле...

— Несчастный сломанный шпиндель! — закричал я во весь голос. — Есть ли на этой долбанной шаланде хотя бы канистра молекулярной смазки?

Свет чистейшей радости озарил лицо гиганта. Он прорычал приказ, и один из техников побежал к инструментальному шкафу. Все облегченно вздохнули, услышав его радостный крик.

— Только не хватайте ее голыми руками! — крикнул я на всякий случай. — В нижнем ящике должны быть изолирующие терморукавицы.

Альдебаранец вернулся назад, неся контейнер с тонкими и прочными стенками из нейтрониума. Внутри плескалась самая распрекрасная пурпурная жидкость, которую я когда-либо видел. Молекулярное масло!

Для мужчин, собравшихся в этом отсеке, оно означало освобождение от адского труда на металлургических заводах в антипространстве. Для женщин оно означало освобождение от исправительных лагерей, где отбывали свой срок феминистки из Лиги Фино. Что касается меня, оно означало...

— Найдите пару зарядных патрубков, — велел я бригаде техников. — Новых. Только у них и есть внутреннее покрытие, способное выдержать соприкосновение с этой жидкостью. Один из них используйте как воронку, а другой подставьте под слипшийся с вискодием дендрадит дендрозов. К узкому концу подсоедините трубу и протяните ее к воздушному шлюзу. Если все

сработает как надо, мы откачаем это клейкое дерьмо прямо в космос.

— Если сработает? — повторил Рэджин. — Это обязательно сработает! Мы вычерпаем чертов горшок до последнего электрона. Еще как сработает!

И ведь действительно сработало.

Мы залили молекулярную смазку в бак с сирианским машинным маслом. Потом вбрызнули смесь в двигатель под самым высоким давлением, какое только мог дать насос. Через некоторое время суперсмазка пробила себе путь через тяжелый коллоид, и, когда она просочилась через молекулы дендралита, мы увидели ее пурпурный блеск на наружных дюзах.

Рэджин завопил от восторга и хлопнул меня по спине.

Вискозид медленно менял цвет с зеленого на пурпурный. Он становился все мягче и мягче, по мере того как его физические характеристики начинали соответствовать свойствам суперсмазки. В конце концов он потек по патрубкам в воронку. Мы слышали, как эта клейкая масса булькала и шипела в трубе, ведущей к воздушному шлюзу, постепенно загустевая.

Один из механиков вызвался залезть под дендросы. Мы, затаив дыхание, наблюдали, как он подсовывал контейнер из нейтрониума под узкий конусообразный конец дендродвигателя. Парень вылавливал каждую каплю смазки. А что ему еще было делать? От этого зависела наша жизнь.

Болли поднял голову от карт и сказал:

— Надеюсь, вы не очень обидитесь, доктор... Команда настаивает, чтобы вы оставались в своей каюте вплоть до отправления последней шлюпки. Поверьте, они вам доверяют, но все же...

— Они считают, что это поможет мне не выдать их патрульным судам Солнечной системы? Я их понимаю.

Бэллов улыбнулся, показав плохие зубы:

— Вот как все повернулось, док. Пока вы очищали дендросы, они держали меня на мостике как пленника. А ведь я знал этих людей много лет. Они считают, что если я офицер, то, значит, мне грозит меньше, чем,

например, Рэджину из-за его жены. И они правы. Поэтому я и решил остаться на борту вместе с вами. Полечу к Солнцу, а там посмотрим.

— Вы так уверены, что я не сообщу о вашем участии в мятеже?

Карты зашуршали. Он повернулся ко мне, и на его лице появилась задорная юношеская улыбка.

— Да, уверен. Помните, перед захватом корабля мы обыскали вашу каюту. Ребята не нашли ничего серьезного, но меня заинтересовало, почему полтюбика неиспользованного депилосака оказалось в контейнере для отходов.

Я затаил дыхание и сжал подлокотники кресла. Что за глупая ошибка!

— Рэджин сказал, что это ничего не значит. Но лично мне так не показалось. Я все думал и думал об этом, пока не пришел к единственно возможному ответу. Теперь я уверен — вы так же заинтересованы в моем молчании, как я — в вашем. Я тоже полечу на Землю, и там наши пути разойдутся, как только космический патруль закончит проверку. А она не будет долгой — потому что Рэджин взял всю ответственность на себя и сделал соответствующие записи в бортовом журнале. Ну как, доктор Симс? Договорились?

— Вы кому-нибудь рассказывали об этом?

— Только Рэджину — сразу после того, как вы закончили свою работу в моторном отсеке. Он сначала мне даже не поверил...

Я выскочил из рубки. Рэджин и его жена паковали вещи в своей каюте.

К моему приходу в коллапсиконе лежала уже половина девяностопяти томной «Галактической энциклопедии». Каждый том, попадая в силовое поле автосаквояжа, уменьшался до одной двенадцатой своего первоначального размера. Я с удивлением смотрел на стопки крохотных книг.

Повинуясь жесту мужа, женщина вышла из комнаты и закрыла дверь. Я прочистил горло.

— Когда будете распаковываться, не открывайте эту штуку сразу, а то на вас обрушится гора книг и вещей.

Он неловко поднялся на ноги.

— Я знаю. Мне приходилось пользоваться коллапсиконами и раньше.

Последовало долгое молчание.

— И как же вы думаете жить на голом планетоиде? Без кислорода у вас не будет ни пищи, ни воды.

— Мы вложили наши деньги в экстракторы. Мы сможем получать достаточно нужных веществ из любой породы. Все остальное будет зависеть от нашей изобретательности.

— А эти книги для ваших будущих детей?

— Да. Эльза собирается завести большую семью. И мне хочется, чтобы они знали о Галактике все, что на данный момент известно.

Рэджин смущенно кашлянул.

— Клянусь дырой в созвездии Лебеда, я не понимаю вас, док. Почему вы не могли подождать? Неужели ваше дело действительно такое неотложное? Через шесть месяцев возобновятся регулярные рейсы. Вы долетели бы до Земли без всяких проблем.

— Мой сын находится в госпитале на Земле, — ответил я ему. — Мы не виделись три года, и я не могу ожидать еще шесть месяцев. Он может умереть.

— Да. Понимаю. Но ваши документы...

— Мои документы выданы на имя доктора Симса, физикохимика, который работает в альдебаранском проекте СВХ-19329. Хорки, мой начальник, именно так их оформил, предоставил мне неограниченный отпуск и пожелал мне удачи.

Рэджин дружески сжал мою ладонь, чуть не раздавив ее, и проводил меня до двери.

— Вы можете положиться на Болли. Это хороший парень. Он рассказал мне о своей догадке только потому, что решил отправиться к Солнцу и захотел обезопасить себя на всякий случай. Наверное, начитался книг. Да вы все сами понимаете.

Прежде чем покинуть корабль, мятежники показали мне и Болли, как настраивать дендросы. В конце концов мы договорились, что он будет работать с картами, а я возьму на себя управление машиной. Мне почему-то казалось, что так будет лучше. Во всяком случае, безопаснее.

— Вы знаете, — сказал лениво Болли, дожидаясь появления лопманского катера, который должен был провести «Награду» через Солнечную систему. — Все мои мечты свелись сейчас к одному. Мне хочется оказаться в маленьком старомодном баре на окраине Нью-Йорка. Да! Маленький старый бар, где я напьюсь до чертиков.

Мужчины они и есть мужчины. Лично я мечтала о салоне Макса в Чикаго. Там, где я, Роберта Симс, доктор естественных, физических и химических наук, могла бы сделать себе чудесную земную завивку «перманент».

Конечно, после того как мои волосы отрастут заново.

ВЕНЕРА, МУЖСКАЯ ОБИТЕЛЬ

И раньше я говорил, твердил постоянно, что Сис, хотя и старше на целых семь лет, прежде всего девчонка и права далеко не всегда. И далеко не всегда поступает наилучшим образом. Засунуть меня в корабль, битком набитый невестами — добрых триста бабенций, охочих до крутых венерианских мужиков, — и думать, что все для меня обойдется, это как, по-вашему? Ну не глупость? Можно ли втравить в подобное дело мальчишку моего возраста и рассчитывать, что пронесет? Что обойдется без сюрпризов?

И они, то бишь неприятности, естественно, не замедлили дать себя знать. Причем самая скверная их разновидность — нелады с законом.

Уже спустя двадцать минут после вылета с космодрома в Сахаре я выбрался из стартового гамака и направился к выходу из каюты.

— Веди себя прилично, Фердинанд, — напутствовала сестрица, открывая нуднейшую книжонку под названием «Современная женщина и проблемы пола». — Не забывай, какой ты у нас красавчик. Смотри, чтобы не пришлось за тебя краснеть. Будь пай-мальчиком.

Не мешкая, я двинулся по коридору. Фиолетовые лампочки над дверью большинства кают свидетельствовали, что их хозяйки по-прежнему пребывают в гамаках. Это означало, что на ногах сейчас лишь экипаж судна, то есть одни мужчины — женщины на кораблях обычно не служили, их привлекали куда более важные

Venus Is Man's World

Copyright © 1951 by Philip Klaas

Венера, мужская обитель

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

дела — политика и прочее в этом роде. Я ощущал себя невероятно свободным — и счастливым. И намеревался не упустить понапрасну ни одного мгновения из первого своего настоящего свидания с «Элеонорой Рузвельт»!

Как-то даже не верилось, что я наконец в космосе, лечу на взаправдашнем межпланетном лайнере. Повсюду, насколько хватал глаз, тянулась черная гладь стен, прерываемая лишь светлыми овалами входов в каюты — дальше и дальше, без конца. «Ничего себе кораблик эта “Элеонора”! — присвистнув, восхитился я. — Настоящий кораблище!»

Само собой разумеется, время от времени попадались и большие ложные иллюминаторы, полыхающие ненатуральными звездами, но я проскакивал мимо них без задержки — картинки на сей раз мало меня интересовали. Ничто в них не порождало тех замечательных ощущений, какие я испытывал, читая «Ракетных парней», — ни тебе грохочущих торпедных амбразур, ни видеоэкранов дальней связи, ну абсолютно ничего такого!

Поэтому, доскакав до пересечения с другим коридором, я поразмыслил и свернул налево. Справа, соображал я, должна располагаться четвертая палуба, за ней третья, ведущая мимо полубаковых двигателей к основному гравитационному винту и вся подрагивающая от их сытого урчания, весьма схожего с мурлыканьем довольной жизнью кошки. Путь же в противоположном направлении мог привести на внешнюю палубу, прямо под корпус корабля. Там, в корпусе, я и рассчитывал обнаружить вожделенные амбразуры — или, по крайней мере, настоящие иллюминаторы.

Все эти подробности корабельного устройства я успел разведать еще задолго до старта, даже не покидая каюты — изучив как следует подвешенный к потолку полупрозрачный макет корабля. Сис тоже заинтересовалась скрупулезно выполненной копией, но лишь с целью обнаружить самые занудные места, вроде кают-компаний, библиотеки да спасательного бота номер 68, отведенного для нас двоих на всякий пожарный случай. Я же искал на модели действительно важные вещи.

И сейчас, несясь вприпрыжку вдоль коридора, я досадовал на Сис лишь за то, что она возжаждала

отправиться на охоту за женихом на лайнере класса люкс. Будь это космический грузовик, я порхал бы теперь с палубы на палубу подобно бабочке, не прилипая постоянно подошвами к гравитационной дорожке, ужасно похожей на коврики у нас дома, на дне Мексиканского залива. Но ведь женщины, они всегда правы — мальчику моего возраста остается лишь корчить втихомолку рожи и делать как велено; взрослым мужчинам, впрочем, тоже.

И все же это было чертовски восхитительно — совать нос в каждую едва заметную шелку в стене, разглядывать утопленные в пазах переборки, живо воображая, как они стремительно вылетают и наглухо запечатывают коридор после столкновения корабля с метеоритом или еще какой-нибудь космической гадостью. Еще увлекательней оказалось разглядывать бесконечные ряды стеклянных кубов со скафандрами внутри — словно вдоль коридора выстроился легион непобедимых космических рыцарей, сильно смахивающих на своих средневековых собратьев из учебника по земной истории.

«В случае аварии, повлекшей за собой разгерметизацию палубы, — гласила инструкция, выгравированная на каждой прозрачной стенке, — разбить стекло молотком, висящим на стене, извлечь скафандр и облачиться в него следующим образом...»

Это самое «следующим образом» я перечитывал до тех пор, пока не затвердил всем сердцем и даже печенью. «Парень! — сказал я сам себе взволнованно. — Надеюсь, что с аварией нам повезет и тебе доведется примерить один из этих костюмчиков. Зуб ставлю, что в нем куда балдежней, чем в наших глубоководных из Моредонья».

За все время прогулки по кораблю я не встретил ни единой живой души. И в этом был самый что ни на есть кайф.

Миновав двенадцатую палубу, я внезапно наткнулся на огромную надпись: «Внимание! Пассажирам рейса проход за это объявление категорически воспрещен!» — здоровенные такие алые буквищи.

Крайне осторожно заглянул я за угол. Именно там и находилась корпусная палуба, это я помнил прекрас-

но. Там и только там можно было увидеть вожаденные «амбразуры» — с интервалом в двадцать футов сияли они настоящими звездами, пришипленными к темному бархату Вселенной. Мириадами звезд — больше, чем я только мог себе вообразить...

Насколько можно было видеть, палуба пустовала. Здесь, вдали от машинного отделения, корабль казался всеми покинутым и абсолютно безмолвным. Хотя бы одним только глазком заглянуть...

Мысль о том, что сказала бы на это Сис, обожгла, точно плетью, и вынудила повернуть вспять. И снова перед глазами запылыхали грозные литеры: «...пассажирам проход воспрещен!»

Черт подери! Да разве не говорили нам на школьных уроках по гражданскому праву, что в наши дни одни только женщины могут обладать земным гражданством! Ну разумеется, со дня принятия знаменитого Акта о поражении мужского пола в правах! А разве не одним только гражданам выдается межпланетный паспорт? Сис и сама объясняла мне это — тщательно и участливо, как всегда, когда разговор касается политики и проблемы прав и говорить об этом ей приходится с мужчинами.

«По существу, Фердинанд, в нашей семье только я могу быть пассажиром межпланетного рейса. Тебе никак им не стать — не являясь гражданином, не получишь и паспорт. Однако я все же сумею взять тебя с собой на Венеру, воспользовавшись следующей формулировкой: “Мисс Эвелина Спарлинг с иждивенцами мужского пола в количестве, не превышающем разумную квоту...” и так далее. Хотелось бы, чтобы ты как следует усвоил подобные вещи и стал, когда подрастешь, активным человеком — мужчиной, не впадающим в апатию, как только дело коснется политики. И не обращай внимания на досужую болтовню, женщинам всегда нравились и будут нравиться энергичные мужчины».

Разумеется, серьезного значения всем благоглупостям, которыми пичкала меня Сис, я почти не придавал. Не дошколенок, соображаю уже — когда женщине приспичит выскочить замуж, совсем не важно, какие там энергичные и сверхактивные мужчины нравились ей прежде. Будь это иначе, разве Сис в числе трех сотен

смазливых амазонок рванула бы на Венеру ловить первого подвернувшегося женишка?

Но тем не менее пассажиром в юридическом смысле я как будто не являлся. Стало быть, грозная надпись никакого отношения ко мне не имела и иметь не могла. Оставалось лишь догадываться, что сказала бы Сис по поводу подобного аргумента, но покамест я им располагал и мог пользоваться по собственному усмотрению. И появившись кто, пустил бы в ход без долгих колебаний. Вот так впервые я и преступил закон.

И ужасно был этим доволен. Звезды в настоящем иллюминаторе смотрелись изумительно, Луна же в левом его уголке выглядела впятеро крупнее, чем доводилось видеть ее до сих пор — не считая того, что в кино, — огромный молочный пузырь в серых проплешинах кратеров, она просто потрясала воображение. Я надеялся поглазеть еще и на Землю, но, видать, не повезло — родная планета скрывалась где-то за корпусом. Совершенно расплющив нос о стекло, я угадал даже слабое мерцание далекого космолайнера, направляющегося куда-то к орбите Марса — вот бы и мне сейчас на нем побывать!

Затем, чуть дальше по коридору, тянувшемуся вдоль гигантского корпуса, над местом, буквально зиявшим отсутствием очередного иллюминатора, я обнаружил высоко на стене надпись точно такими же ядовитыми буквами, как и предыдущая: «Спасательный бот 47. Пассажиров — 22. Экипаж — 11. Посторонним вход категорически воспрещен!»

Еще один из этих строжайших запретов.

Я буквально распластался по стеклу соседнего иллюминатора и почти отчетливо сумел разглядеть темные ракетные дюзы катера, прилепившегося к громадине лайнера. Затем перебрался под саму надпись и попытался обнаружить вход. Тонкая, едва различимая линия герметичного шва описывала здесь здоровенный овал — это и был шлюз. И никаких тебе рычажков или тумблеров. Ни единой кнопочки, чтобы нажать и войти.

Похоже, люк был заперт звуковым замком — вроде тех, что использовали на входе в шлюзы и у нас в Моредонье. Но на стук или на голос? Я выстукал две известные мне комбинации, и ничего не случилось. Из

голосовых кодов мне припомнился всего лишь один — ну а вдруг именно тот самый! Чем черт не шутит?

— Двадцать — двадцать три, сезам, отвори! — скомандовал я.

На секунду я поверил было, что случилось невозможное и мне с ходу посчастливилось попасть в яблочко, угадать одну из множества миллионов возможных комбинаций — дверь, притонув в пазах, стала откатываться в сторону... Но тут из темноты взметнулась широченная волосатая лапа, железные пальцы сомкнулись на моем горле, и меня, точно сардинку из банки, резким рывком втянуло в провал шлюза.

Больно грохнувшись о жесткий пол катера, я не успел еще сделать и вдоха, как люк снова намертво захлопнулся. Вспыхнул свет, и я обнаружил перед кончиком носа мрачно сверкающий ствол бластера, а выше — холодные голубые глаза мужика, крупнее которого отродясь не видывал.

Одет он был необычно — в комбинезон с капюшоном, скроенный из одного куска удивительной чешуйчато-зеленой ткани, которая казалась твердой и мягкой одновременно. И обут в высокие башмаки из того же неведомого материала.

Поражало и лицо незнакомца — густого коричневого цвета и даже как бы припорошенное копотью. Загаром такое уже не назовешь, он был смугл в той степени, какая достигается лишь непрерывным прокаливанием под лучами беспощадного солнца изо дня в день в течение долгих-долгих лет. Нечто подобное лицам телохранителей из Нового Орлеана, которых я видел, когда однажды побывал там на своих сухопутных каникулах. Волосы незнакомца, некогда, по-видимому, блондина, ниспадали теперь на плечи пышными волнами грязновато-желтого оттенка.

Такая грива встречалась мне лишь на иллюстрациях из учебника по древней истории и никогда — на живом человеке. Все мои знакомые мужчины неизменно стриглись «под горшок». Начисто позабыв даже о бластере, ношение которого без правительственной лицензии было, кстати, грубейшим нарушением уголовного уложения, я завороченно разглядывал патлы чужака, пока мурашки не побежали по моей спине.

Его взгляд.

Глаза незнакомца, лишённые какого бы то ни было выражения, уставились на меня не мигая. Сплошной синий лёд. И на пепельно-шоколадном лице никаких эмоций. Словно какая-то глиняная маска. В памяти всплыл крокодил, немигающие буркалы которого я рассматривал сквозь стекло в надводном зоопарке с добрую четверть часа, пока жуткая тварь не соизволила наконец разинуть на меня свою длинную зубастую пасть.

— Вот же дерьмо зеленое! — неожиданно прозвучал довольно приятный хрипловатый голос. — Всего лишь головастика зацепил! А я-то перенервничал... Чуть не вспотел, понимаешь!

Незнакомец сунул бластер в кобуру все из той же чешуйчатой кожи, скрестил руки на груди и уставился на меня вновь. Я поднялся на ноги с чувством заметного облегчения — глаза его уже начинали оттаивать — и сделал правой рукой элегантный жест, которому обучила меня сестра:

— Разрешите представиться, меня зовут Фердинанд Спарлинг. Чрезвычайно рад познакомиться с вами, мистер... мистер...

— Для твоего же блага надеюсь, — загадочно проронил сквозь зубы собеседник, — что ты не то, чем кажешься — не малолетний братишка одной из этих безмужних пронырок.

— Пронырок?

— Ну, самок в поисках партнера. Так долинные прозвали земных невест.

— Долинные — это, кажется, настоящие обитатели Венеры, тамошние уроженцы? И вы тоже, наверное, венерианин? А из какой ее области? И что имели в виду, говоря, что надеетесь...

Собеседник рассмеялся и легонько подпихнул меня к одной из коек вдоль борта.

— Вопросыки задаешь, — заметил он с широкой и ясной улыбкой. — Скажу только, что Венера — мир крутой и не самое подходящее местечко для сухофрукта, особенно для головастика вроде тебя с холостой сестрицей на шее.

— Я вовсе не сухорук! И не сухоног! — обиделся я. И гордо прибавил: — Мы с сестрой из Моредонья.

— Сухофрукт, я сказал, — не сухорук. А что за Моредонье такое?

— А, ну тогда ладно, а то у нас в Моредонье дразнят так всех чужаков да новичков зеленых. А у вас на Венере их, стало быть, зовут сухофруктами? — И затем я поведал венерианину историю строительства Моредонья в глубинах Мексиканского залива, начинавшуюся еще в те незапамятные времена, когда запасы полезных ископаемых на суше стали подходить к концу и ученые разведали новые месторождения в глубинах моря.

Он кивнул. Да, он слышал что-то о подводных городах-шахтах под гигантскими пузырями защитных куполов, появившихся в каждом земном море еще до начала освоения и заселения иных планет.

На венерианина, похоже, произвело впечатление, что мои родители оказались одной из самых первых пар, обвенчавшихся в бездонных глубинах. В задумчивом молчании он внимательно выслушал историю нашей семьи, рассказ о моем и Сис детстве, прошедшем под неумолчный гул воздушных компрессоров. А когда я рассказал, что сразу после третьей ядерной, переросшей в Материнскую революцию, наша матушка как полномочный представитель Моредонья в Мировом совете принимала участие в составлении знаменитого Акта о поражении мужского пола в правах, воздел брови и безглаголиво поджал губы.

Выслушав историю гибели родителей, взлетевших на воздух при взрыве надводного судна, венерианин участливо похлопал меня по плечу.

— Ну вот, после символических их похорон у нас с Сис оставалось очень немного денег, и она решила использовать остаток на переезд. Она сочла, что ничего хорошего на Земле ей уже не светит — из-за этого самого «три к четырем»...

— А это что еще за чертовщина такая?

— Три к четырем? Лишь три женщины из четырех на Земле могут надеяться на замужество. Нехватка мужчин. Началась еще в двадцатом веке, как говорит

Сис, — из-за войн и всего такого. А когда войны закончились, еще больше мужчин померло или потеряло от радиации мужскую силу. Затем, как говорит Сис, лучшие оставили Землю и переселились на другие планеты. Так что теперь, если женщина даже и исхитрится раздобыть себе мужа, особо им не похвастаешь.

Чужак немедленно кивнул:

— Да уж, только не там, не на Земле! В этом твои сексуально озабоченные пронырки абсолютно правы. Что за жуткое местечко, эта ваша Земля! Нахлебался ею досыта! Там у вас сам черт ногу сломит...

И поведал в ответ свою незамысловатую историю. На Венере все обстояло как раз наоборот — нарасхват были женщины. И моему новому знакомцу никак не удавалось заманить на свои уединенные острова ни единой из них, даже самой завалющейся. Вот и решил он смотаться за невестой на Землю. Но рожденный и воспитанный в весьма далеких от цивилизации условиях, венерианин даже понятия не имел, что представляет собой на деле пресловутый «бабский монастырь», как называли далекую Землю его однокашники.

Неприятности начались сразу же после приземления. Гость и не подозревал, что по прибытии обязан зарегистрироваться в каком-то там казенном отеле для транзитных самцов. Бармена, позволившего себе нелюбезное замечание по поводу прически клиента, он вышвырнул в пластиковое окно и — только вообразите себе! — мало того, что при аресте оказал сопротивление, приведшее к госпитализации троих полисменов, так еще дерзнул оскорбить и сам высокий суд!

— Мне толковали, что мужчина имеет право обращаться к судье лишь через этих пронырок-поверенных. Я же попытался втолковать одной из них, что в мире, где живу я, мужчина берет слово, когда только вздумается, ну а женщина — сбоку припека.

— Ну и что же было дальше? — Я буквально затаил дыхание.

— А-а-а... Виновен в том-то и том-то, приговоривается к тому-то и тому-то... Эта чокнутая жаба опустошила мне карманы штрафом, заявив, что остаток долга великодушно прощает, как чужеземцу, и обозвала напоследок дикарем необразованным. — Глаза собесед-

ника на мгновение потемнели. Затем он снова довольно заулыбался: — Но я не собирался выслушивать до конца все эти затейливые казематные байки. Принуждение к изучению гражданского долга — так, кажется, называют они свою прочистку мозгов? Я отряхнул со своих подошв мертвящую пыль этого ублюдочного бабского мира и надеюсь, что навсегда. Ваши бабы вполне достойны своих мужиков. В карманах у меня было хоть шаром покати, и топтуны уже наступали на пятки. Поэтому, чтобы не радировать домой и никого не беспокоить, я и устроился здесь зайцем. Вот так вот!

Какое-то время я переваривал услышанное. Когда же врубился полностью, чуть не хлопнулся в обморок.

— В-вы хот-т-тите ск-к-казать, — заикаясь, выдавил я, — чт-т-то на-на-нарушаете закон п-п-прямо сейчас? П-п-пока я здесь, с вами?

Венерианин присел на краешек койки и удивленно уставился на меня:

— Господи Боже ты мой, да во что же только превратили они своих головастика! А кроме всего прочего, за какой такой нуждой ты приперся на корпусную палубу? Это запрещено.

По трезвом размышлении я согласно кивнул:

— Вы совершенно правы, мистер. Я вляпался в это дельце сам. Теперь мы с вами оба — самцы вне закона.

Венерианин грубовато заржал. Затем устроился на койке поудобнее и принялся чистить свой бластер. Я тут же поймал себя на том, что рассматриваю сверкающий смертоносный ствол как замороженный с тем самым чувством, какое Сис и приписывала в подобных делах мужскому полу.

— Фердинанд, стало быть? — заметил чужак. — Не годится подрастающему головастику. Язык сломаешь. Буду звать тебя Фордом. А ты зови меня Бат. Бат Ли Браун.

Я проверил на языке звучание своего нового имени — ничего, оно мне понравилось.

— А Бат — это тоже сокращение?

— Сокращение, ага. От Альберты. Но мне еще не попадался никто, способный выхватить пушку достаточно быстро, чтобы назвать меня полным именем. Видишь ли... Папаша до Венеры добрался в восьмидесятые, с большущей волной эмигрантов из Онтарио.

И всех нас, пацанов, назвал в честь канадских провинций. Я самый младший из братьев, вот мне и досталось имечко, заготовленное предками для девчонки.

— У вас много братьев, мистер Бат?

Собеседник дружелюбно ухмыльнулся:

— О, целый выводок! Вернее, был выводок — пока всех, кроме меня и Саскачевана не перебили братцы Мак-Грегоры. Во время Чикагского мятежа пуристов. Затем мы вдвоем с уцелевшим братом выслеживали Мак-Грегоров по одному. Ухлопали на это тьму-тьмущую времени — последнего из них, Джока Мак-Грегора, эту мерзкую харю, макнули в Тоскану, когда уже изрядно подросли.

Я придвинулся, чтобы разглядеть получше крохотные медные катушки над спусковой кнопкой бластера.

— А много людей перебили вы из этой штуки, мистер Бат?

— Просто Бат. Ни к чему эти цирлих-манирлих, дружище Форд! — Бат прищурился на какое-то крохотное пятнышко. — Не больше дюжины — не считая, само собой, пятерки земных топтунов. Я ведь мирный плантатор. И разумею так — насилие никогда не решает проблем до конца. Мой брательник Сас, например...

Захватывающая история о приключениях его брата только начала набирать обороты, когда ударил обеденный гонг. Заявив, что растущему головастику требуется уйма калорий и витаминов, Бат меня спровадил. Напоследок как бы невзначай заметил, что не станет обижаться, если я захвачу для него с обеда какой-нибудь зелени. На борту этой спасательной жестянки, дескать, нет ничего, кроме консервов, а он на своей ферме привык к более живительному рациону.

Сложность заключалась еще и в том, что Бат на проверку оказался едоком чрезвычайно разборчивым. Набивать за обедом карманы обычными овощами и фруктами еще куда ни шло, я изобрел способ выносить из столовой даже ламинарии и обожаемый мистером Брауном кресс-салат, но вот соленый морской ковыль и виногрозник с Венеры, к примеру, воняли уж очень. Каютная автопрачка дважды отказывалась принимать мою куртку, и мне пришлось пошевелить собственными ручками. Но зато взамен я обзавелся единоличной

тайной и каких только удивительных вещей о Венере не наслушался от своего безбилетника...

Я выучил несколько замысловатых длинных песен, и мы с Батом попели дуэтом; узнал и хорошенько усвоил, что сильнее всего ненавидят уроженцы Венеры; мог назубок перечислить признаки, по которым отличают поганных правительственных топтунов из Нью-Каламазу от шлепоногих крадунцов — друзей каждого фермера. После длительных уговоров Бат Ли Браун научил меня обращаться с бластером, я затвердил название всех его деталей до самого последнего винтика, смог бы даже спросонья уверенно ответить, для чего служат крохотные округлые электроды или какой силы ток бежит по бесчисленным виткам трансформатора. Но поддержать бластер в руках Бат все же так и не позволил.

— Извини, Форд, извини, старина, — крутясь в штурманском кресле на носу бота, только и мог грустно протянуть он в ответ на очередные мои приставания. — Я твердо усвоил еще с пеленок — дай свое оружие кому-нибудь в руки, все равно кому — и ты уподобишься тому великану из сказки, чье сердце, скрытое в волшебном яйце, отыскивали враги. У нас, как только ты подрастаешь и отец видит, что сыну пришла пора обзавестись собственным оружием, тебя учат обращению с ним, и учиться приходится быстро. А до тех пор — даже близко к оружию подходить не смей.

— Но у меня же нет отца, который вручил бы бластер, когда настанет время. Нет даже старшего брата во главе семьи, вроде вашего Лабрадора. Только Сис. А она никогда...

— О, она резво выскочит замуж за какого-нибудь щеголя-сухофрукта, который ни разу не бывал южнее Полярного побережья. И станет главой веселой семейки, если я верно ее раскусил. Твоя сестрица, похоже, из породы тех самых гордячек, что привыкли командовать, заправлять всем на свете. Кстати, Форди... — Бат встал и потянулся так, что заиграли все его могучие бицепсы и затрещал по швам комбинезон рыбьей кожи. — Твоя сестра Эвелина, она ведь даже...

И он вновь завел нудные свои расспросы про Сис. Усевшись в освободившееся вертящееся кресло, я

отвечал так терпеливо и пространно, как только мог. Но о многом попросту не имел ни малейшего представления. К примеру, я мог ответить Бату, что Эвелина — девушка здоровая, но насколько? Тут я был пас. Мог рассказать, что наши дядюшки и тетушки с обеих сторон наплодили целую кучу кузенов и кузин. Нет, нам с сестрой никогда не доводилось заниматься сельским хозяйством — где же, в Моредонье-то? — но уверен, Сис как первая на свете зубрилка достаточно знает об этом из книг, а в обращении с глубоководным оборудованием ей вообще нет равных.

Откуда мне было знать тогда, что моя словоохотливость доведет меня же до беды?

Сис настояла, чтобы я посетил вместе с ней лекцию по географии. Большинство окружавших нас в какой-то компании охотниц за мужьями прощептали все занятие, сплетничая промеж собой обо всем на свете, но только не сестрица! Она впитывала каждое слово, усердно конспектируя все подряд, назадавала ворох каверзных вопросов, так что мне даже стало немного жаль вспотевшего с натуги корабельного эконома, который, мечтая поскорей отделаться от обременительной обязанности, зачитывал нам весьма нудные тексты о флоре и фауне Венеры.

— Весьма сожалею, мисс Спарлинг, — отвечал он с плохо скрываемым сарказмом, — но не могу припомнить с ходу ни одной агрокультуры, выращиваемой на Макроматерике. С тех самых пор как его заселенность упала до одного человека на тысячу квадратных миль и даже ниже, естественно, сократилась и площадь возделываемых земель... Стоп, погодите, кое-что припомнил! Макроматерик все-таки поставляет один небезызвестный продукт, хотя и не вполне съедобный. Дикорастущий дерьмотрав. Его сбором занимается там наркомафия. И вопреки распространенному на Земле мнению, транспортное сообщение на материке за последние годы весьма оживилось. Собственно...

— Простите, сэр, — перебил я лектора, — но разве дерьмотрав распространен по всему континенту, а не растет только на острове Лифа Эриксона, что прилегает к Московскому полуострову? Припомните, сэр — третья экспедиция Ванга Ли, когда тот доказал, что большую

часть года остров от полуострова все же отделяет подводная протока.

Мгновение поразмыслив, эконо́м кивнул.

— Совсем запамятовал, — неохотно признался он. — Простите меня, леди, но мальчик совершенно прав. Будьте добры внести исправление в ваши записи.

Моя сестра, единственная из всех, кто их вел, этого так и не сделала. Задумчиво покусывая нижнюю губку, Сис внимательно смотрела на меня, а я под этим ее взглядом постепенно начал скисать. Затем она сомкнула правую ладонь в кулачок — в точности тем же жестом, что и матушка в Совете, когда вызывала на открытый бой оппозицию.

— Фердинанд, — произнесла сестра непререкаемым тоном, — сейчас мы с тобой вернемся в каюту.

В тот самый момент когда, усадив меня, Сис стала мерить шагами помещение, я уже понял, что все пропало. Но заготовку свою все же выдал — зачастил, опережая расспросы:

— Я читал книжки по географии Венеры из корабельной библиотеки.

— Нисколько не сомневаюсь, — сухо ответила сестра. Она откинула со лба локон цвета безлунной ночи. — Но ведь ты не станешь утверждать, что и о дерьмотраве прочитал там же. Все, что только есть в бортовой библиотеке, прошло земную цензуру под строгим надзором правительственного агента — на предмет изъятия сведений, способных причинить вред незрелым и впечатлительным мальчишеским умам, вроде твоего. Она, этот земной агент, просто не могла пропустить...

— Топтун, а не агент, — с брезгливой гримаской вставил я.

Сис так и села, ладно еще не промахнулась, угодила прямо в свое надувное кресло.

— Теперь вот еще и это словечко, — глухо вымолвила она, — что в ходу лишь у венерианского отребья.

— Неправда!

— Что именно неправда?

— Они не отребье, — выдавил я, буквально кожей ощущая, как увязаю все глубже и глубже, и не находя уже путей к спасению. Только не выдать бы мистера Брауна! — Они охотники и честные фермеры, смелые

первопроходцы и исследователи, они строители Венеры. И нужно быть самым настоящим мужчиной, чтобы трудиться в этом голодном испепеляющем аду!

— Это все? — Сис вылупилась так, будто у меня начала отрастать вторая пара ушей. — Давай-ка уж договаривай до конца!

— Смиренные, законопослушные и женоподобные мужчины никогда не сумели бы основать цивилизацию на дикой неизведанной планете! Это была работенка для тех, кто не боится устанавливать свои собственные законы, а при необходимости и защищать их с оружием в руках. Сначала говорят пушки, книги же пишутся после...

— Ты ответишь мне немедленно, Фердинанд, где нахватался этих дьявольских, уголовных, вирилистских идей!

— Нигде! — запирался я. — Это мои собственные мысли!

— Что-то слабо верится! Для подростка слишком уж приведены они в систему. Особенно для мальчика, который до сих пор от политической философии лишь вполне по-мужски зевал и клевал носом. На планете, о которой ты, Фердинанд, так складно толкуешь, я собираюсь делать карьеру на государственном поприще — разумеется, когда подыщу себе приличного верного супруга. И мне ни к чему самец-экстремист в своей собственной семье. Ну-ка, выкладывай, кто запудрил тебе мозги всей этой мерзкой чушью?

Я уже изрядно вспотел. Когда Сис подозревала кого-то во лжи, она выказывала настоящую бульдожью хватку. Чтобы вытереть лоб, я полез в карман за платком — и тут что-то выпорхнуло на пол.

— Почему у тебя в кармане моя фотокарточка, Фердинанд?

Створки капкана захлопнулись с лязгом, буквально осязаемым физически.

— Ну... Кое-кто из пассажиров просил показать, как ты выглядишь в купальном костюме... Какие купальники предпочитаешь...

— Все пассажиры на нашем корабле — женщины. Как-то трудно представить, чтобы одну из них вдруг заинтересовала моя фигура. Признайся, Фердинанд,

это мужчина напичкал тебя антиправительственными идеями, не так ли? Торгующий смертью вразнос вирилист, который, как все эти самцы, когда их чуток поприжмут, мечтает о реванше. О власти, не имея даже смутного представления, что та представляет собой и как осуществляется. Естественно, кроме привычных сызмальства насильственных способов, чреватых морем крови. Фердинанд, во имя нашей матери, скажи немедленно, кто посмел так беззастенчиво надругаться над твоей невинной детской душой!

— Никто! Никто!

— Ты ведь понимаешь, Фердинанд, что в запирательстве мало проку. Я требую!

— Я уже сказал тебе! Я сказал! И не называй меня больше Фердинандом! Я Форд!

— Форд? Форд?! Теперь выслушай меня, Фердинанд, и выслушай внимательно...

Расколоть меня до конца не заняло у сестры много времени. Совершенно не умею ее дурачить. Слишком уж хорошо Сис знает меня. А кроме всего прочего, она ведь еще и девчонка. И очень скоро дело завершилось полным и чистосердечным признанием.

Но я позаботился, чтобы не причинить этим неприятностей мистеру Бату Ли Брауну. Лишь получив от сестры честное-пречестное слово, что, если возьму ее с собой на спасательный бот, она не настучит на Бата, я облегчил душу до конца. Такое обещание Сис дала весьма охотно, без колебаний, чем несколько смягчила мои угрызения совести.

По паролю «сезам!» дверь шлюза распахнулась. Увидев, что я явился не один, Бат отпрянул, в его руке тотчас же вырос десятидюймовый ствол. Затем он узнал Сис — разумеется, по фотографиям — и расслабился, сменил гнев на милость.

Сделав шаг в сторону, он столь же неуловимым движением отправил бластер в кобуру и откинул капюшон на спину. Теперь и для Сис настал черед подпрыгнуть от неожиданности — когда на плечи Бату хлынула соломенная волна его роскошной гривы.

— Мое почтение, мисс Спарлинг, — поздоровался он своим хрипловатым баском. — Заходите, милости просим. И извините за некоторый беспорядок.

Сис вошла, следом и я. Мистер Браун тут же захлопнул за нами дверь. Я отчаянно пытался встретиться с ним взглядом, чтобы хоть как-то реабилитировать себя — хотя бы намеком дать знать, что я не жалкий доносчик, — но Бат, даже не взглянув в мою сторону, в два размашистых шага оказался в носовой части. Впрочем, Сис, следует отдать ей должное, отстала совсем ненамного и, подойдя к волосатому гиганту вплотную, непреклонным жестом скрестила на груди руки.

— Во-первых, мистер Браун, — начала Сис тоном, более уместным для классной комнаты, переполненной разглагольствующими первоклашками. — Отдадите ли вы себе отчет, что помимо нелегального пересечения границы, то есть совершения политического преступления, и чистой воды уголовщины в виде банальной экономии на плате за проезд, вы еще поставили под угрозу и безопасность пассажиров вкупе с экипажем, нарушив неприкосновенность припасов спасательного средства?

Бат открыл было рот и приподнял свою чудовищной ширины ладонь. Затем потерянно махнул ею и шумно выпустил воздух из легких.

— Это, видимо, следует понимать как полное отсутствие оправданий и смягчающих обстоятельств? — нудным тоном продолжила Сис. — Или же вас все это вообще мало беспокоит?

Бат рассмеялся, вернее, захмыкал — принужденно и неспешно, как бы над каждым ее словом в отдельности.

— Неужто все эти пронырки изъясняются подобным манером? На Венере такое навряд ли сойдет им с рук.

— Такое уже навело порядок на Земле — после того, как вы, самоуверенные самцы, завели ее в кровавый тупик. Потребовалась настоящая революция матерей, прежде чем...

— Ни черта подобного, никаких бабских революций там не требовалось. Просто всем захотелось раз и навсегда покончить с войнами. Одряхлевший старый мир, эта ваша Земля.

— По сравнению с вашим — это мир строгих моральных устоев, мистер Альберта Ли Браун!

Прозвучавшее во всей его красе собственное полное имя заставило Бата вздрогнуть и сделать шаг к Сис. Чуть снизив запал в голосе, но по-прежнему отважно

глядя на него снизу вверх, сестра завершила свою тираду почти скороговоркой:

— Так как же все-таки вы можете объяснить ваш безбилетный проезд и нарушение неприкосновенного запаса?

Вскинув голову, Бат нахмурился:

— Видите ли, сперва капусты у меня было с избытком, хватило бы купить себе билет хоть до самого Марса. Когда бы не эта жаба в судейской мантии, что пришила мне чертову уйму обвинений и обобрала до последней нитки, ни в жисть не полетел бы зайцем. «Элеонору Рузвельт» же выбрал потому, что знаю кое-кого из экипажа и рассчитывал на подмогу при посадке. Но с этим спасательным ботом вы, мисс Спарлинг, боюсь, дали маху. Неужто не знаете, что каждый лайнер оснащен ими с четырехкратным запасом по вместимости пассажиров? О жратве тутошней вообще умолчу, она уже и в глотку-то не лезет.

— Ну разумеется, — едко заметила Сис. — То-то вы и наладили парнишку таскать вам свежую зелень. Не знали разве, что согласно Космическому уложению это делает его равноправным соучастником ваших злодеяний?

— Да нет же, Сис, ничегошеньки ты не понимаешь! — попытался я заступиться за Бата. — Все, что он хотел...

— Знал, конечно, — заглушил мои стенания зычный голос венерианина. — Как и то, что, если попадусь без билета, буду сослан обратно на Землю для очередной промывки мозгов в вашем смехотворном судилище.

— Согласитесь, вы вполне это заслужили!

Бат нетерпеливо рубанул ладонью воздух:

— Я не имею в виду закон, женщина, я толкую о чувствах! Послушайте! Все мои неприятности из-за того, что я отправился на Землю искать себе жену. Вы же здесь потому, что летите на Венеру за женихом. Так давайте же!

Сис в ужасе отшатнулась:

— Давайте? Давайте — что? Вы еще смеете предлагать мне, чтобы я... чтобы...

— Нет-нет, мисс Спарлинг, никаких там неприличий! Без шуток, совершенно серьезно — я хочу предложить

вам руку и сердце, да вы и сами прекрасно об этом знаете. Из того, что понарассказывал братец, вы легко могли сделать этот вывод. Вы отличаетесь завидным здоровьем, силенкой Господь вас не обидел и с наследственностью все в ажуре — не говоря уж о подводных навыках и умении работать с оборудованием. По всем данным вы отнюдь не хуже большинства тех дамочек, с которыми мне довелось общаться раньше. К тому же весьма привлекательная.

От волнения я даже пустил петуха:

— Давай же, Сис, ну! Ответь ему «да»!

Голос сестры налился ядом:

— А с чего, собственно, вы взяли, что сами мне приглянетесь?

Бат добродушно развел руками:

— Реши вы обзавестись лишь болонкой для дивана, так остались бы на Земле. А раз уж отправились на Венеру, то, верно, все-таки ищите себе мужчину. И вот он я, живьем перед вами. Владелец трех небольших островов Галертского архипелага, где без особого труда можно разбить богатые плантации виноградаря. Не говоря уж о рудных залежах в прибрежных водах. Дурным привычкам, кроме привычки всегда поступать по-своему, особо не привержен. Для трудяги-плантатора собой вроде бы недурен. К тому же, если столкнемся, вы обскочите всех конкуренток на борту «Элеоноры» — представляете, какой переполох поднимется!

Томительная пауза несколько затянулась — отступив на шаг, Сис смерила Бата долгим внимательным взглядом. А посмотреть было на что! Венерианин терпеливо ждал, пока его не изучат целиком и полностью — от зеленых башмаков до соломенной гривы. От волнения у меня перехватило дыхание. Вообразите только — заполучить Бата себе в зятя, стать ему почти что родным братом и жить на плантации в краю настоящих мужчин, суровых долинников!

Затем я вспомнил о планах на ближайшее будущее, которые лелеяла сестра, и надежды мои угасли.

— Не кажется ли вам, — нарушила она молчание наконец, — что для женитьбы требуется несколько больше, чем просто...

— Понимаю, — перебил Бат. — Все понимаю, но почему бы нам не попытать счастья?

Сделав шаг навстречу, Бат практически закрыл изящную спину сестры широченными, как две лопаты, ладонями и нежно, но твердо привлек ее к своей мощной груди. И долго-долго не отпускал.

После того как сестра все же вырвалась из железных объятий, оба они какое-то время молчали. Первым обрел дар речи венерианин.

— Что до меня, — изрек он хрипло, — то я голосую за.

Сис облизала губы едва заметным движением кончика языка, затем подалась назад, медленно и задумчиво, как бы продолжая оценивать в нерешительности могучее сложение Бата. Теребя себе подбородок, она отступала все дальше и дальше, до самой двери шлюза, и мы с Батом уже забеспокоились. Затем, толкнув люк в сторону, Сис резво выскользнула из бота.

Бат бросился следом и выглянул в коридор. Проводив сестру взглядом, он захлопнул дверь.

— Ладно, — заявил он, плюхаясь в койку, — чего-то в этом роде я, собственно, и ждал.

— Вам лучше бы скрыться сейчас, мистер Бат, — глухо выдавил я. — Наверное, не стоило так скоропалительно предлагать Сис выйти замуж. Она только с виду такая маленькая и хрупкая, но я-то знаю, как быстро она может бегать. Не забывайте о ее подводной закалке.

— Было бы о чем беспокоиться! — осклабился Бат. — На мое детство пришлось все долгие полтора десятилетия Чикагского восстания пуристов. Как-нибудь отобьемся. — Он беззаботно откинулся на спину и хмыкнул куда-то в потолок. — Думаю, мы с твоей сестренкой все же могли бы свить уютное гнездышко.

Стараясь не встречаться взглядом с Батом, я все же подсел к нему на краешек койки. Вскоре по палубе загрохотали шаги, множество тяжелых шагов.

Чуть не вывернув себе шею, Бат уставился на контрольный экран перед штурманским креслом, затем неторопливо поднялся, извлек из кобуры бластер и затейливо выругался. Я двинулся было следом, но он обернулся, приподнял меня двумя пальцами за грудки и легонько подпихнул к выходу — я полетел точно

мячик от пинг-понга, прямо под ноги входящему в катер капитану «Элеоноры».

Образовалась небольшая куча-мала — барахтаясь в ней, я успел сосчитать все золотые нашивки и шевроны капитанского кителя и прикинуть, сколько миллионов миль налетал космический волк. Когда мы наконец с ним расцепились и поднялись на ноги, капитан тяжело дышал. Невеликого роста толстячок с румяным лицом и озабоченным взглядом, он, хмыкнув в точности как Сис, тут же ухватил меня за шиворот и, как щенка, передал наружу старшему помощнику, а тот — дальше по цепочке второму механику.

Сис, придерживаемая за плечи сразу с двух сторон — экономом и программистом, — стояла возле самого входа. За их спинами сгрудилась целая стая взбудораженных пассажиров.

— Да вы все самые последние трусы! — кипятилась Сис. — Бросить своего капитана в одиночестве, отдать на растерзание опаснейшему маньяку!

— Ничего подобного, мисс Спарлинг, — хладнокровно отвечал программист, подкручивая что-то на своем переносном экранчике. — Наш Старик просто вынужден был сделать соответствующую запись в бортовом журнале, так что после посадки на Венере местные власти непременно займутся вашим зайцем. Уж они-то выковырнут его без особых затруднений. Вы же сами своими цитатами из Закона Матери Аниты принудили капитана к этому, и теперь он просто выполняет свой долг. Прямая его обязанность — заботиться о команде, лишние жертвы и осиротевшие дети никому не нужны.

— Ты обещала мне, Сис, — выдавил я сквозь зубы. — Ты поклялась не причинять Бату неприятностей!

Тряхнув локонами и как бы отмахнувшись ими от меня, точно от назойливой мухи, сестра лягнула эконома. Тот охнул и скривился, но хватку все же не ослабил.

— Цыц, Фердинанд, тут дело серьезнее, чем ты полагаешь! — прикрикнула Сис.

Так оно и было. Из шлюза донесся негромкий голос капитана:

— Я пришел без оружия, Браун.

— Запросто могу поделиться, — ответил ему Бат.

— Нет, благодарю. Ты владеешь этими штуковинами получше, чем я своей скорлупкой. — Слова капитана зазвучали глуше, похоже, он начал удаляться от входа. Бат заклокотал, как нефтяная скважина перед самым выплеском. — Я считал и считаю тебя правильным парнем, Браун. — Голос капитана чуточку подрагивал. — Всякий раз, опускаясь за грузом в Нью-Каламазу, я слышал о не знающих промаха парнях Браунах только одно хорошее — дескать, блюдут законы чести и в безоружных никогда не стреляют.

Начиная с этого момента голоса поутихли, и из катера доносилось только невнятное бормотание. Что-то мокрое шлепнулось на макушку, и я поднял глаза — с кончика носа второго механика свисала, готовая сорваться, следующая капля пота. Я увернулся.

— Что там происходит? — выдохнула Сис, сиюсь заглянуть в шлюз.

— Бат решает, делать ли ему из капитана болтунью или все же глазуню, — оттаскивая ее подальше, прокомментировал программист. — Эй, старина! — продолжал он, обращаясь к эконому. — Помнишь, как вся семейка Браунов с папашей во главе заявила в Духовку на переговоры с полковником Леклерком?

— Одиннадцать трупов, полсотни раненых, — машинально откликнулся всеведущий эконом. — После того армия уже не смела совать свой нос южнее Морозильника. — Его правое ухо напряженно шевелилось. — О чем они там сейчас говорят?

Внезапно мы услышали это — все как один.

— В силу полномочий, присвоенных мне Постановлением Помонской коллегии, — громко провозгласил капитан, — я заключаю вас под стражу за нарушение статей Космического транспортного уложения от шестнадцатой по двадцать первую включительно и подвергаю изоляции до завершения полета согласно параграфам сорок первому и сорок пятому...

— Сорок третьему и сорок пятому! — простонала Сис. — Я же говорила ему: параграфы сорок третий и сорок пятый! И даже повторить заставила...

— ...Закона Матери Аниты, специальный циркуляр номер 2136 Директив межпланетной безопасности, —

закруглил капитан непривычно долгий для себя монолог.

Затаив дыхание, мы ждали реплику Бата. Тянулись томительные секунды, но характерного звука лучевого разряда мы так и не дождались.

Вместо этого раздался шорох шагов, и проем заслонила великанская фигура — Бату даже пришлось наклонить на выходе свою патлатую голову. На лице застыла забавная гримаска умственных потуг. Следом показался капитан с бластером — непривычное оружие он держал опасно, точно гадюку, обеими руками.

При виде живого венерианина девицы едва не смяли членов экипажа, заслонявших им обзор. Точно стайка акул, наблюдающая за гибелью кита.

— М-м-м-м!.. Неужели все на Венере такие здоровущие?

— Мужики вроде этого стоят потраченных денег!

— Я хочу его! Прямо сейчас! Хочу-хочу-хочу!

Сестру отпустили, она сгребла меня за руку и поволокла в каюту. Сис не скрывала своего раздражения поведением подруг, но сквозь вполне объяснимую досаду прорывалось и более сильное чувство:

— Вот дешевки, им бы только языками молотить! Еще хотят называться при этом женщинами!

У меня тоже имелся повод высказаться, и весьма веский. Как только мы с сестрой оказались в каюте, все выплеснулось само собой:

— Ну и где же твое честное слово, Сис? Ты обещала не выдавать Бата! Ты мне пообещала!

Сестра тут же прекратила нервно вышагивать по каюте.

— Да, Фердинанд, я обещала! Но пойми — он сам меня вынудил...

— Называй меня Форд! И я ничегошеньки пока не понимаю.

— Тебя зовут Фердинанд, а не Форд! И нечего вести себя подобно упрямой девчонке! Не дави на меня! Мальчику это не идет. Через денек-другой ты позабудешь всю эту скверную историю и снова станешь самим собой — чистым, беззаботным ребенком. Я хотела сперва сдержать свое слово. По твоим рассказам я представляла себе мистера Брауна эдаким милягой,

рубахой-парнем, невзирая на все его чудовищные представления о взаимоотношениях между полами — чтобы не сказать хуже. Я была совершенно уверена, что, приведя два-три разумных довода, сумею его пристыдить, призвать к порядку и убедить сдаться добровольно. Но ведь он... он... — Сис нервно сжала кулачки. — Он поцеловал меня! О, поцелуй был весьма умелый — видать, за спиной у мистера Брауна достаточно пестрое прошлое. Да не на такую напал! Я и так уже испытала жгучий стыд, узнав о его матримониальных видах на меня — представь себе только, рожать ему детей, словно какой-то инкубатор! — но все проглотила и пыталась было отнестись к его предложению всерьез, как оно того сперва и заслуживало. Следует ведь рассматривать все предложения, не так ли? И тут он совершенно утратил человеческий облик! Отбросив условности и позабыв всякий стыд, этот верзила сгреб меня, как средневековый дикарь. Такие, как он, относятся к женщинам, словно к машинам для удовлетворения собственных потребностей. Нажми на верные сексуальные кнопки, гласит их теория, и женщина, закатив в экстазе глазки, падет в расставленные ими вирилистские сети...

Раздался громкий стук в дверь, и на пороге, не дожидаясь приглашения, возник капитан «Элеоноры». Он по-прежнему держал в руках бластер. И направлял его теперь точно мне в лоб.

— Руки вверх, Фердинанд Спарлинг! — объявил он с порога.

Я подчинился.

— Настоящим вы как соучастник преступления заключаетесь под стражу до завершения полета, согласно параграфам сорок первому и сорок пятому...

— Сорок третьему и сорок пятому, — округляя глаза, не преминула поправить Сис. — Вы же дали мне слово чести, что не выдвинете против мальчика никаких обвинений!

— Сорок первому и сорок пятому, — упрямо повторил капитан, не сводя с меня устрашающе выпученных глаз. — Я сверялся. В соответствии с Законом Великого Магистра Матери Аниты, из Директив межпланетной безопасности, все обещания информатору отнюдь не носят обязательного характера. Я дал вам слово, еще не

зная, что предстоит арестовать самого Бата Ли Брауна. А мистера Брауна я предпочел бы и вовсе не арестовывать. Но вы принудили меня к этому. Так что пришлось нарушить данное вам слово, впрочем, как и вам самой до этого. Оба арестованных будут отправлены теперь на гауптвахту, а по прибытии — переданы властям Нью-Каламазу. Затем их депортируют на Землю, где они и предстанут перед судом.

— Но я истратила на поездку свои последние деньги! — застонала Сис.

— Ничего, назад вас прокатят за казенный счет. Весьма сожалею, мисс Спарлинг, но, как вы сами мне растолковали, мужчина, которому доверен важный официальный пост, обязан придерживаться буквы закона в отношении самцов, подозреваемых в подрывных вирилистских действиях... Есть, правда, еще один выход...

— Выход? Какой же? Не томите!

— Можно мне опустить руки, хоть на минутку? — взмолился я.

— Нет, сынок, никак нельзя — в соответствии с мерами безопасности, предусмотренными Законом Матери Аниты. Мисс Спарлинг, вот если бы вы согласились выйти замуж за мистера Брауна — минутку, погодите закатывать глазки! — все удалось бы легко уладить. Я подписываю брачное свидетельство, мистер Браун включается в ваш паспорт как «иждивенец мужского пола» и летит дальше уже легально. Как только долетаем до Венеры, связывается с банком и оплачивает проезд. Стереть запись в бортовом журнале, думаю, удастся — программист уверял, что сумеет. Мистер Браун свободен, мальчуган свободен, да и вы...

— Не внакладе, хотите сказать? Выйти замуж за нечесаного головореза, который не в состоянии даже присесть на секунду, чтобы позволить женщине уладить все дело самой! Постыдились бы, капитан!

Космический волк развел руками:

— Может, вы и правы, мисс Спарлинг, но, согласитесь, такое отступление весьма почетно. А главное — это замечательный выход из наших с вами общих затруднений. Послушайте, мисс Спарлинг, это уже отнюдь не шутки — я не хотел арестовывать Брауна, да и сейчас предпочел бы этого избежать. Команда на

границ бунта. Экипажу ничто не угрожает на Земле, но по работе часто приходится летать на Венеру. И дразнить гусей, то бишь многочисленных сородичей Брауна, нам совсем не с руки. Бат Ли Браун, невзирая на его не слишком привлекательную в глазах цивилизованных людей наружность, пользуется огромным влиянием на всем Полярном континенте. А в собственной своей вотчине, Галертском архипелаге, он подлинный царек — назначает и снимает чиновников и вершит суд по собственному усмотрению. Не говоря уже о его старшем брате Саскачеване, который считает Бата юнцом желторотым и неоперившимся...

— Пользуется огромным влиянием? Мистер Браун? Вы не шутите? — Сис, казалось, уже призадумалась.

— Не то слово — влияние. Мощь, настоящая сила. Браун — тот самый крутой парень, который обычно и верховодит в любой новой общине. К тому же, помимо всего прочего, мисс Спарлинг, вы ведь отправились на Венеру именно за мужем? Сбежали от земных демографических проблем? Пусть, скажем, мистер Браун в ваших глазах и не самый первосортный жених, но вам в любом случае не светит быть на Венере особо разборчивой. Там такое не принято, не поймут-с. Боюсь, в этом отсталом вирилистском мире, невзирая на всю вашу молодость и привлекательность, вам предстоит удовольствоваться первым же попавшимся здоровым самцом. Тем более что по прилете «Марии Кюри» и «Фатимы» дефицит невест там несколько поубавился. А в следующем месяце прибывает еще один большой лайнер — «Мадам Сунь Ят-сен». Так что...

Не дослушав до конца, Сис задумчиво кивнула, толкнула дверь и вышла вон.

— Теперь остается лишь надеяться, сынок! — сказал капитан. — Как говаривал мой папаша, мир праху его, мужчина, который умеет управиться с бабенкой и может обвести ее вокруг пальца, больше ничего в этой жизни может и не знать. Весь этот космос у меня уже вот где! — Он чиркнул пальцем по кадыку. — Кстати, ручонки-то... можешь теперь опустить.

Мы присели с ним, и я объяснил, как работает бластер. Капитан слушал меня с видимым интересом. Все, что он успел усвоить о бластере из объяснений

Бата — в спасательном боте, когда они оба решали использовать мой арест как рычаг давления на сестру, — это как придерживать большим пальцем предохранитель, чтобы не дай Бог не выпалить. И теперь, вполне освоившись, капитан возбужденно водил смертоносным стволом по сторонам. Он рассказал, что капитаны древности — морские, разумеется, — имели право носить оружие постоянно, для подавления мятежей и во избежание прочих, весьма распространенных в былые дни неприятностей.

Тут замигала сигналом вызова телестенка, и я включил ее. С экрана улыбалась Сис.

— Все в порядке, капитан! Будьте любезны, подходите сейчас — зарегистрировать наш брак.

— Так быстро? — удивился капитан. — А на чем сторговались?

Лицо Сис слегка вытянулось, губы сжались и отвердели, в точности на мамин манер. Затем она расслабилась и довольно захихикала:

— Мистер Браун пообещал, что меня изберут шерифом Галертского архипелага.

— А я-то думал, что ей достанется должность судебного клерка, — пробормотал капитан на полпути к гауптвахте.

Дверь каземата стояла нараспашку, и в коридоре уже кишмя кишели взволнованные девицы. Сис подошла к капитану обсудить детали предстоящей церемонии. Я ускользнул и отыскал Бата, тот в одиночестве сидел в самом уголке гауптвахты, скрестив на груди могучие длани.

— Что, головастик, сюрприз? — улыбнулся он мне.

Я уныло затряс головой:

— Зачем вы так, Бат? Я счастлив стать вашим шурином, но, черт возьми — вы не должны жениться на Сис! — Я махнул на суетящихся вокруг девиц — похоже, шли выборы подружек невесты. — Любая из них мечтала бы выйти за вас замуж! И паспорт любой из них согдится, чтобы получить свободу. Зачем вам именно Сис?

— Ты в точности повторяешь мне слова капитана. И отвечу я тебе теми же словами, что и ему — я упрямец. Если мне что-то втемяшится в голову — так уж вынь

да положь! Я положил глаз на твою сестру, и я ее получу!

— Хорошо, но зачем назначать ее шерифом? Вам же самому придется ее застрелить потом! Иначе куда покатится весь этот мужской мир?

— Давай обождем немного! Доберемся прежде до моих островов. — Бат простер перед носом свою мозолистую ладонь, как бы примеряясь поставить на нее фигурку Сис, по-прежнему беседующей с капитаном. — Пусть себе побудет шерифом, пусть позабавится! Ничего! Скажу тебе, головастик, по секрету — там будут два закона. — Железные пальцы сомкнулись в кулак. — Ее закон. И мой.

КОНСУЛЬСТВО

Я читал в газетах статьи, где профессор Фронак пишет, что межпланетные полеты должны пройти через, как он его назвал, инкубационный период. По его словам, добравшись до Луны, мы столкнулись с таким количеством новых проблем, что теперь нам нужно сесть и подогнать под эти проблемы новые теории, а уже потом строить корабль, способный добраться до Венеры или Марса.

Разумеется, в наше время армия и флот наблюдают за всеми ракетными экспериментами и руководят ими, так что высказывания профессора наверняка подверглись цензуре с их стороны, и поэтому их трудно понять.

Но мы-то с вами знаем, что на самом деле хотел сказать профессор.

Вторая марсианская экспедиция завершилась полной неудачей. Равно как и первая марсианская и первая венерианская. Корабли вернулись полностью исправными и с абсолютно здоровыми экипажами.

Но до Марса они не добрались. Не смогли.

Далее профессор пишет о том, как замечательно, что наука такая замечательная, потому что, какими бы большими ни оказались препятствия, старый добрый научный подход их рано или поздно обязательно преодолеет. Это, по его утверждению, и есть непредвзятый вывод, сделанный на основе всей доступной информации.

Consulate

Copyright © 1948 by Philip Klaas

Консульство

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Что ж, если профессор Фронак действительно в это верит, то он хорошо это скрывал в прошлом августе, когда я не поленился проделать весь путь аж до Аризоны, лишь бы сообщить ему, что именно он сделал неправильно во время последней серии экспериментов с ракетами. И вот что я вам еще скажу: пусть я лавочник из маленького городка, а он известный профессор физики с Нобелевской премией за поясом, он все равно не имел права угрожать мне тюрьмой только за то, что я проскользнул мимо охранников на полигоне и спрятался в его спальне! Я ведь пробрался в нее только потому, что хотел сообщить профу, что он движется по неверному пути.

Если бы не бедняга Пухляк Майерс и залог за магазин Уинтропа, который Майерс потеряет до Рождества, то я сразу плюнул бы на это дело и держал рот на замке. В конце концов, мне-то ни холодно ни жарко, если люди никогда не улетят дальше Луны. Я куда счастливее здесь, на твердой земле, и чем она тверже, тем лучше. Но если мне удастся убедить ученых, то, может быть, мне поверит и Эдна.

Поэтому говорю вам в последний раз, профессор Фронак и все, кого это касается: если вы и в самом деле хотите попасть на какую-нибудь планету нашей системы, то вам придется приехать сюда, в Массачусетс. А затем каждую ночь выплывать на лодке в бухту Казуаров и ждать. Если вы станете вести себя более или менее прилично, то я вам помогу — и Пухляк Майерс, я уверен, сделает все, что сможет, — но все равно вам придется набраться терпения. Шойн еще не дрифанули в риз. Так нам сказали.

В тот мартовский вечер Пухляк попросил помощника присмотреть за своей бензоколонкой, неторопливо прошел мимо магазина Уинтропа и остановился возле витрины моей лавочки. Подождав, пока мою жену отвлекла покупательница, он поймал мой взгляд и показал на часы.

Я сорвал фартук и натянул через голову плотный черный свитер. Потом подхватил одной рукой плащ, а другой удочки и стал на цыпочках красться к двери, но тут меня застучала Эдна.

Кипя праведным гневом, она выскочила из-за прилавка и заблокировала дверь вытянутой рукой.

— И куда это ты собрался, бросив меня работать за двоих? — спросила она своим особым грехообвинительным голосом, который приберегает для моментов, когда я крадусь на цыпочках.

— Ах, Эдна! — воскликнул я, пытаясь выдавить улыбку. — Я же тебе говорил. Пухляк купил новый тридцатифутовый шлюп и хочет убедиться, что он в порядке, пока не начался летний туристский сезон. А одному человеку опасно плавать вечером в новой лодке.

— И вдвое опаснее, когда на борту ты. — Ее разгневанный взгляд стер с моего лица улыбку. — Вот уже тридцать лет — с тех пор, как мы кончили школу, — всем известен безотказный способ нарваться на неприятности: надо попросить Пола Гэрланда и Пухляка Майерса сделать что-нибудь вместе. Я еще не забыла тот случай, когда он помогал тебе устанавливать новый газовый нагреватель в нашем подвале. Ты пять недель провалялся в больнице, а некоторые дома вокруг до сих пор выглядят как после бомбежки.

— Но ведь фонарик погас, Эдна, и Пухляк только зажег спичку, чтобы...

— А как насчет того случая, мистер Гэрланд, — нанесла мне удар в спину покупательница Луиза Капек, — когда вы с мистером Майерсом вызвались сменить кровлю на крыше церкви и свалились прямо на проповедника? Восемь воскресений подряд ему пришлось читать проповеди с загипсованной спиной, и все до единой на тему «отвечай дураку в соответствии с его глупостью»!

— Ну как мы могли знать, что балки прогнили? И мы сами вызвались на эту работу...

— Короче, вы никуда не поплывете, — быстро подвела итог Эдна. — Так что можешь снимать свитер, снова напяливать фартук и доставать банки с сардинами из ящика. Если вы вдвоем отправитесь на ночь глядя в бухту, это может кончиться чем угодно, включая цунами.

Я подал Пухляку условный знак, и он протиснулся в дверь лавки, как мы и договорились на тот случай, если мне не удастся смыться незаметно.

— Здравствуйте, Эдна и мисс Капек, — приветливо начал он своим знаменитым утробным голосом. — Как увижу, какая ты красивая, Эдна, так всякий раз хочется прогнать себя пинками вокруг города за то, что позволил Полу украсть тебя у меня. Ты готов, Пол? Мы с Полом собрались сегодня чуток порыбачить. Может, принесем тебе славную четырехфунтовую рыбину. Как думаешь, влезет она в одну из тех кастрюлек, что я тебе подарил на прошлое Рождество, а?

Жена склонила голову набок и пристально посмотрела на него:

— Думаю, влезет. Но вы вернетесь до полуночи?

— Привезу его тебе к одиннадцати, честное слово, — пообещал Пухляк, хватая меня за руку и вновь протикиваясь через дверь.

— Запомни, Пол! — крикнула вслед Эдна. — В одиннадцать часов! И если опоздаешь хоть на десять минут, домой можешь не возвращаться!

Вот какой Пухляк верный друг. А вас не удивляет, почему я из кожи вон лезу, лишь бы представить его в наилучшем свете? Да, в школьные времена они с Эдной ворковали как голубки, а мы с Пухляком вечно ссорились из-за того, кто из нас на ней женится. Никто не знает, что мы решили эту проблему, надравшись как-то раз на дне рождения Луизы Капек. Мы с Пухляком отправились к ручью, поймали по лягушке и устроили им соревнования по прыжкам на дальность. Моя победила, прыгнув на девять с половиной футов, и Эдна досталась мне. Пухляк же остался холостяком и еще больше растолстел.

Заводя машину, Пухляк спросил, считаю ли я, что магазин Уинтропа стоит девяти тысяч, которые за него просят. В этом большом магазине продают радиоприемники и электроприборы, и расположен он в аккурат между моей продуктовой лавочкой и бензоколонкой Пухляка на углу.

Я ответил, что девять тысяч за такой магазин — цена вполне нормальная, если только на него найдется покупатель.

— Так вот, Пол, я хочу его купить. Я только что заплатил старику Уинтропу пять сотен задатка, а остаток пообещал внести к Рождеству. Если приплюсовать

к тому, что у меня лежит в банке, закладную за бензоколонку, то как раз и получится. Ведь это ходовые товары новой эпохи.

— Что за товары и какой эпохи?

— Да все эти научные штучки. Военные недавно объявили, что заложили на Луне базу и собираются снабдить ее радиопередатчиком. Ты только представь, Пол! Скоро мы будем смотреть телепередачи с Луны! Затем переключимся на последние известия с Марса и Венеры, узнаем о новейших открытиях на Меркурии и Плутоне. Да народ как горячие пирожки станет расхватывать новые телевизоры, которые принимают сигналы с такого расстояния, а детишки станут играть новыми электронными штучками, которые поступят в продажу после начала межпланетных полетов.

Мы ехали к бухте, за окном машины медленно темнело.

— Но пока что мы еще не имеем межпланетных полетов. Мы добрались только до Луны, и что-то непохоже, что мы быстро продвинемся дальше. Ты читал, как вторая венерианская экспедиция вернулась, отмахав от Земли два миллиона миль? То же самое произошло и в первый раз, да и с Марсом повезло не больше.

Пухляк нетерпеливо шлепнул по рулю. Машина вильнула и едва не сшибла столбик ограды.

— Ну и что? Ведь люди пытаются снова и снова, верно? И не забывай, что Фронак изобрел свой двигатель всего два года назад, а все ученые согласились, что с таким двигателем мы со временем доберемся до любой планеты нашей системы — а через некоторое время, может быть, и до звезд. Осталось лишь довести его до ума, устранить недоработки. Попомни мои слова, люди еще при нашей жизни доберутся до планет. Откуда тебе знать, с какими проблемами эти экспедиции столкнулись, улетев на два или три миллиона миль от Земли?

Я, естественно, был вынужден признать, что мне это неизвестно. Газеты сообщили только, что и первая марсианская, и обе венерианские экспедиции «столкнулись с трудностями и были вынуждены вернуться». Я заткнулся и попробовал придумать другой аргумент. Вот, собственно, и все: аргумент для меня и деловое

предложение для Пухляка Майерса. Если помните, то тогда, в марте, газеты и журналы еще пестрели статьями о «расширении империи человека».

Мы приехали к бухте, и Пухляк запер машину. Шлюп был уже готов к отплытию, потому что мы все привели в готовность еще накануне вечером. Когда мы отчалили, кораблик повел себя замечательно. Он был оснащен гафелем, но корпус был не очень широк, и при желании мы могли развить вполне приличную скорость. Пухляк стоял у румпеля, а я управлялся за весь экипаж. При таком раскладе балласт нам требовался только спереди.

Никто из нас не сходил с ума по рыбалке, мы придумали ее лишь как предлог для Эдны. Нам хотелось только одного — скользить под парусом по заливному лунным светом простору бухты Казуаров, вдыхая доносящиеся с Атлантики запахи.

— Но предположим, — сказал я, как только развернул парус по ветру, — предположим, мы прилетим на Венеру и обнаружим там неких животных, которым мы покажемся очень аппетитными. И предположим, что они умнее нас и уже придумали дезинтеграторы и тепловые лучи — как в рассказе, что написал тот парень. И как только они нас увидят, так сразу завопят: «Ого, сколько жратвы!» — и попрут всей толпой на Землю.

То-то пользы будет твоему бизнесу, верно? Сам подумай, когда мы прогоним их с Земли, то на планете не останется мужчины или женщины, которые не плюнули бы, услышав слова «межпланетные полеты». Так что я согласен с преподобным Попхарстом: незачем нам совать нос в места, для этого не предназначенные, или его откусят.

Пухляк немного подумал и похлопал свободной рукой по животу — он так всегда делает, когда я привожу веский довод. Мало кто в городе об этом знает, но мы с Пухляком обычно так взвинчиваем себя спорами накануне дня выборов, что всегда голосуем за разных кандидатов.

— Во-первых, — начал он в ответ, — если мы натолкнемся на животных настолько умных, что у них будут

десинтеграторы и прочие штучки, а у нас нет, и если они захотят получить нашу планету, то они попросту прилетят и отнимут ее. И никакой супермен в облегающем комбинезоне и сапогах для верховой езды не остановит их в последнюю минуту, случайно обнаружив, что эти гады падают замертво, лизнув кусочек маринованной свеклы. Если они умнее нас и лучше вооружены, то нас сметут, вот и все. Нас попросту не останется, как динозавров. Во-вторых, разве ты не читал статью профессора Фронака в воскресном приложении на прошлой неделе? Он пишет, что животных умнее нас быть не может, потому что... Эй! А это еще что такое? Там, по правому борту?

Я повернулся и взглянул направо.

Там, где между краями бухты на воде ухмылялась полоска лунного света, быстро двигалось нечто большое и пузырчатое, похожее на верхушку огромного раскрытого зонтика диаметром футов в тридцать пять или сорок. Оно двигалось прямо к казино Майка на южной оконечности бухты, где ярко светились огни, гремела музыка и люди весело проводили время.

— Водоросль, — предположил я. — Пучок водорослей, скрученный и вмерзший в ледяной торос. Торос растаял или сломался, вот они и плавают одним комком.

— Никогда не видал в наших краях так много водорослей сразу. — Пухляк прищурился. — И такой формы. К тому же этот комок заплыл в бухту, а не просто болтается на волнах. И океан слишком спокоен, чтобы разогнать его до такой скорости. Знаешь, как мне кажется, что это такое?

— Первый турист в этом сезоне?

— Нет. «Португальский кораблик». Это такая медуза. У нее есть нечто вроде воздушного пузыря, а под водой тянутся длинные щупальца и ловят рыбу. Я про них читал, но никогда не думал, что увижу. Они вообще очень редко встречаются, а эта штука еще и очень крупная. Хочешь взглянуть поближе?

— Ни за что. А вдруг она опасна? И не забудь, что в этом месяце Эдна впервые отпустила меня с тобой. Она не знает точно, что именно случится, но не сомневается, что с нами обязательно что-нибудь да произой-

дет. А я хочу в целости и сохранности вернуться домой к одиннадцати. Так что ты там говорил про умных животных, Пухляк? На других планетах?

— Да что в этой медузе может быть опасного? — пробормотал он, не отрывая от нее взгляда. — Она ловит только малюсеньких рыбок. Но... Я уже говорил, что если на Нептуне кто-нибудь живет — допустим, более развитый, чем мы, — то почему бы им не додуматься до космических полетов? Тогда они заявятся к нам, а не мы к ним. Сам посуди, как мы исследовали нашу планету. Пробурили скважины глубиной более девяти миль, пересекли все моря и океаны, истоптали и проехали через каждый клочок суши, а теперь еще и летать научились. Если бы на Земле обитал другой вид разумной жизни, мы бы его давно уже нашли. А инопланетяне, умеющие летать с планеты на планету, поступят точно так же. Поэтому, как пишет профессор Фронак, мы должны прийти к выводу, что... Мне показалось, или эта штука теперь плывет напрямиком к нам?

Ему не показалось. Зеленая масса описала широкий полукруг и стала быстро приближаться к нашему шлюпу.

Пухляк резко переложил румпель на правый борт, а я бросился к парусам. Увы, они обвисли.

— Проклятье, нашлось время для штиля! — простонал Пухляк. — У нас есть весла в... Поздно, эта штука уже рядом! Отыщи в кокпите топорик. Может, удастся...

— Ты, кажется говорил, что она не опасная, — пропыхтел я, вылезая из кокпита с топориком.

Пухляк бросил румпель и схватил костыль для марлиня, потом встал рядом со мной, разглядывая плавающий холм. Казалось, и холм и шлюп неподвижны, но мы видели, как за бортом быстро проносится вода. Далеко в казино Майка оркестр заиграл «Твоя мама из Ирландии?» Я перестал печалиться и стал сентиментальным. Эта песенка всегда делает меня сентиментальным.

— Она не опасная, — признал Пухляк. — Но я только что вспомнил, что у «португальского кораблика» целая куча жалящих щупалец, которыми он ловит рыбу. Иногда от этих щупалец страдали и люди. А у

такого большого экземпляра... Но мы в лодке, и до нас ему, разумеется, не добраться.

— Блажен, кто верует. Знаешь, у меня предчувствие, что я не вернусь сегодня домой к одиннадцати. И если это, по твоим словам, всего лишь наполненный воздухом пузырь, то что за черные штуковины болтаются у него внутри? Глаза?

— И точно, похоже на глаза. У меня такое ощущение.

На зеленой поверхности помаргивали черные пятнышки, и мы невольно начали переминаться с ноги на ногу. У нас возникло чувство, будто мы раздеваемся на городской площади, а за нами наблюдает целая толпа. А в том, что это чувство возникло у нас обоих, я не сомневаюсь, потому что позднее мы сравнили воспоминания. Времени у нас для этого оказалось вдоволь — позднее.

— Знаешь что? — негромко произнес Пухляк. — Сдается мне, что это все же не «португальский кораблик». Уж больно он крупный и зеленый, да и этих черных пятен внутри воздушного пузыря я на картинках не припоминаю. И щупальца за ним вроде бы не тянутся. Кстати, он слишком быстро перемещается.

— Тогда что же это?

Пухляк похлопал себя по животу и еще раз взгляделся в непонятную штуковину. Потом открыл рот, собираясь ответить.

Я забыл его спросить, что он хотел мне в тот момент ответить, а сам он мне не сказал. В любом случае он так и не ответил, а лишь пискнул нечто вроде «Бип!» и плюхнулся на дно шлюпа. Я тоже плюхнулся, только произнес что-то похожее на «Фуф?»

Шлюп взлетел в воздух футов на пятнадцать. Опомившись, я вскочил и помог подняться Пухляку.

Мы оба сглотнули, но слюна застряла на полпути.

Да, мы зависли на высоте пятнадцати футов, но шлюп и сейчас находился в воде. В небольшой чаше воды, простирающейся на двадцать футов перед носом и правым бортом, и лишь на пять футов перед кормой и левым бортом.

Там, где кончалась вода, виднелось нечто вроде серой дымки, достаточно прозрачной, чтобы разглядеть

казино, где все еще играли «Твоя мама из Ирландии?». Эта серая дымка окутывала нас со всех сторон, накрыв даже верхушку мачты.

Когда мы бросились к борту и взглянули вниз, то увидели, что дымка обволакивает и киль. Крепкая оказалась штука — она удерживала и нас, и шлюп, и немалое количество воды, на которой он плавал.

Кто-то откусил от бухты Казуаров солидный кусок, включая нас. Мы знали, кого надо в этом винить, и осмотрелись.

По ту сторону серой дымки деловито возился плавающий пузырь. Первым делом он забрался под киль и прикрепил ко дну дымчатой оболочки маленькую коробочку. Потом перебрался на макушку и закрепил над мачтой вторую непонятную фиговину. Внутри его зеленого тела продолжали мельгешить черные пятнышки, но больше они не вызывали у меня странные ощущения. Сейчас меня волновали совсем другие проблемы.

— Как думаешь, может, попробуем до него докричаться? — спросил Пухляк тем самым шепотом, который он приберегает для церкви. — Не знаю, кто это, но существо вроде бы разумное.

— И что ты станешь ему кричать?

— А фиг его знает, — признался Пухляк, почесав макушку. — Может, попробуем так: «Друг. Моя друг. Мир. Дружба». Как думаешь, поймет?

— Он решит, что ты индеец из кино, вот что он поймет. И с чего ты взял, что он понимает английский? Давай лучше бросим оружие и покажем ему ладони. Я читал, что это общепризнанный жест.

Мы держали руки над головой, пока они не устали. Комок зеленого желе переместился от коробочки над верхушкой мачты на уровень изгиба гафеля и повозился там несколько секунд. Участок серой дымки засверкал разноцветными пятнами, которые расширялись и накладывались одно на другое. Убедившись, что сияние и сверкание продолжается как положено, зеленый комок скатился по серой оболочке и упал в воду пятнадцатью футами ниже.

Упал без единого всплеска.

Он заскользил по поверхности и отмахал полмили быстрее, чем я успел изумленно ахнуть. Потом замер на мгновение возле выхода из бухты... и исчез. Не осталось даже ряби там, где он проплыл или погрузился в воду. Остались только мы, плавающие внутри серого пузыря.

— Эй! — заверещал Пухляк. — Так нельзя поступать! А ну, вернись и выпусти нас, слышь? Эй ты, в этом зеленом желе, вернись!

Я заставил его заткнуться, напомнив, что этот оживший креветочный коктейль уже исчез непонятно куда. И вообще волноваться вроде бы нет причин. Если бы он собирался причинить нам какой-либо вред, то мог бы сделать это давным-давно, когда находился рядом, особенно учитывая, на какие салонные фокусы он оказался способен. Оставил нас в покое и ладно, убеждал я Пухляка; мне хватает и того, что я жив и здоров, а этот надуватель пузырей сейчас изображает Тарзана где-то в Атлантике.

— Но мы не можем оставаться здесь всю ночь, — пожаловался Пухляк. — А вдруг нас увидит кто-то из города? Если вспомнить про нашу репутацию, то нас так засмеют, что про нас начнут комиксы выпускать! Может, залезешь на мачту, Пол, да потыкаешь пальцем в эту хреновину? Надо же знать, из чего она сделана. Глядишь, сделаем дырку да вылезем.

Разумное предложение. В самом деле, надо что-то делать. Пухляк согнулся и подсадил меня, я обвил мачту ногами, ухватился за парус и кое-как добрался до ее вершины. Прямо над ней находилась коробочка, прикрепленная снаружи к серому пузырю.

— Из коробочки слышно какое-то гудение! — крикнул я Пухляку. — А внутри только серебряные колесики — крутятся, как в электрическом счетчике. Только эти колесики ни к чему не крепятся, а висят внутри под разными углами и вращаются в разные стороны.

Пухляк неуверенно ругнулся. Я ударил по серому пузырю кулаком и отшиб его. Пока я его массировал, ноги начали соскальзывать. Я ухватился за парус, чуть подтянулся и ткнул в пузырь пальцем. Черт, больно!

— Эта штука твердая? — спросил снизу Пухляк.

Непечатно твердая. Так я ему и ответил.

— Спускайся и возьми топорик. Может, сумеешь дырку прорубить.

— Сомневаюсь. Эта дымка почти прозрачная и вряд ли сделана из известного нам материала. Я вообще сомневаюсь, что она состоит из какого-то материала.

Гудение у меня над головой стало громче. Такой же звук послышался со стороны второй коробочки, закрепленной под килем.

Я решил рискнуть и, цепляясь за мачту рукой и ногой, свесился вбок и вгляделся в расположенное возле коробочки пятно с изменяющимися цветами. Оно походило на радужное пятно разлитой по воде нефти — ну, сами знаете, смотришь на него, а цвета так и переливаются. Я потыкал в серый пузырь рядом с цветным пятном, но он не поддался и здесь.

Хуже всего, меня не оставляло предчувствие, что все мои усилия не имеют ничего общего с попыткой пробить дыру в стальном листе. С тем же успехом я мог... ну, скажем, забить гвоздь в аргумент или сломать о колено проповедь. Это я так шучу с перепугу.

— Подай-ка мне топорик. Вряд ли из этого что получится, но все равно попробую.

Пухляк высоко поднял топорик и встал на цыпочки. Я заскользил вниз по мачте. И тут доносящееся из коробочки гудение превратилось в вой.

Едва мои протянутые пальцы сомкнулись на рукоятке топорика, как коробочки над мачтой и под килем начали пощелкивать: клик-клики-клак. Когда раздался «клак», я уже не висел на мачте, а лежал на Пухляке, а тот, размазавшись по палубе, изображал летящего орла.

Топорик мелькнул над бортом и плюхнулся в воду.

— 3-зачем т-ты эт-то сд-делал? — выдохнул Пухляк, когда мы, дружно застонав, поднялись на ноги. — Т-ты что, не мог мне ск-казать, что х-хочешь спуститься быстро? Я бы отошел в сторону, честно!

— Я тут ни при чем. Меня толкнули.

Но Пухляк уже не слушал меня, потому что смотрел на что-то другое. Я это тоже заметил и присоединился к нему.

В кокпит набралось немало морской воды, и часть ее попала на нас, промочив с ног до головы.

Вся вода на палубе сама собой слилась в озерцо правее мачты, а пропитавшая нашу одежду вода стекла на палубу и попала туда же. Затем вся лужа подкатилась к шпигату и вылилась за борт. Шлюп вновь стал совершенно сухим. Мы тоже.

— Это мне уже начинает не нравиться, — хрипло прошептал Пухляк. Я согласно кивнул. От таких сюрпризов и у меня голова пошла кругом.

Ступая очень осторожно, словно опасаясь нарушить какую-нибудь заповедь, Пухляк подошел к борту, осмотрелся, потом покачал головой и взглянул вниз.

— Пол, — прошептал он через некоторое время. — Пол, подойди-ка сюда. Что-то я...

Я взглянул вниз и сглотнул. Долгим таким плоточком, что начинался у кадыка и заканчивался у пяток.

Ниже нас, под слоем воды и стенкой серого пузыря, простиралась чернота. А еще ниже на порядочном расстоянии я увидел Атлантический океан и побережье Новой Англии с изогнутым пальцем мыса Код. Новая Англия быстро удалялась и на моих глазах становилась восточным побережьем Соединенных Штатов.

Лунный свет придавал этой картине нечто вроде нездоровой смутности, его только и хватало, чтобы разглядеть детали и опознать восточные берега Северной и Южной Америки. Западное побережье расплывалось в темноте, и я сразу с тоской вспомнил школьные деньки, когда Пухляк, Эдна и я сидели рядышком, разглядывая карту.

В тот момент я не смог представить наслаждения выше, чем стоять в нашей лавочке рядом с Эдной, пока она обрывает мне уши.

— Так вот что случилось! — всхлипнул Пухляк. — Вот почему мы упали, а вода плеснула в шлюп. Нас внезапно подбросило вертикально вверх, и мы все еще летим — мы, шлюп и достаточно воды вокруг, чтобы поддерживать его на плаву. Мы сидим внутри серого шара, сделанного непонятно из чего, и не сможем вырваться, даже если захотим.

— Успокойся, Пухляк, все будет в порядке, — сказал я ему с уверенностью банковского грабителя, пытающегося объяснить пойманному его с поличным полисме-

ну, что он лишь хотел положить пистолет на хранение в сейф, а кассир его не так понял.

Мы уселись на кокпит, и Пухляк автоматически схватился за румпель. Потом вздохнул и покачал головой:

— У меня такое чувство, будто меня запаковали и отправили по почте. — Он ткнул пальцем в сторону цветного пятна. — А это адрес получателя. Просьба не вскрывать до Рождества.

— Но что это такое, как ты считаешь? Вторжение с другой планеты?

— И мы участвовали в первом сражении? Не глупи, Пол. Это проверка. Нас равнодушно и бесцеремонно отправили в штаб-квартиру на другую планету, чтобы там получили представление, насколько крепким орешком может оказаться Земля. Но больше всего меня бесит именно равнодушие и бесцеремонность, с какой действовало это зеленое хрен-знает-что! Сперва оно как будто направлялось к казино Майка, а потом решило забрать нас — то ли потому, что мы оказались ближе, то ли потому, что наше исчезновение привлечет меньше внимания, чем кого-нибудь из ночного клуба. Но в любом случае причина неважна. Оно это сделало и вернулось домой, или...

— А я до сих пор слышу казино. По крайней мере слышу, как оркестр играет «Твоя мама из Ирландии?».

— Я тоже слышу музыку, — подтвердил Пухляк, склоняя голову набок. — Только она доносится из коробочки над мачтой. Чушь какая-то, Пол — мне начинает казаться, будто это существо знало, что это твоя любимая песенка, и так настроило коробочку, чтобы та все время ее играла. Сам понимаешь, так тебе будет приятнее. И свет внутри пузыря тоже остался, чтобы мы не сидели в потемках. Оно явно желает, чтобы посылка дошла до адресата в хорошем состоянии.

— Космический музыкальный автомат, — пробормотал я.

Затем мы поразительно долго молчали. Просто сидели и смотрели, как мимо движутся звезды. Я попытался отыскать Большую Медведицу, но отсюда, наверное, она выглядела иначе. По правому борту медленно

уменьшалась Луна, и я решил, что мы летим не туда. Не такая уж и большая разница, куда лететь, но на Луне хотя бы имелась армейская база, а я за свою жизнь посмотрелся вестернов и приобрел крепкую уверенность в армии Соединенных Штатов — как минимум в ее кавалерийских частях. А вот вид солнца из космоса оказался не очень-то приятным.

Самое забавное состояло в том, что никто из нас по-настоящему не испугался. Отчасти причиной тому была внезапность, с какой нас упаковали и отправили в путь, а отчасти и то, что о нас позаботились. Внутренность пузыря освещал свет, похожий на дневной и достаточно яркий для чтения.

Пухляк сидел и тревожился о внесенном за магазин Уинтропа задатке, который он потеряет, если вовремя не вернется. А я придумывал для Эдны объяснения, почему не вернулся домой к одиннадцати. Коробочки вверху и внизу гудели и бормотали. Шлюп стоял в воде совершенно неподвижно. Время от времени Пухляк покусывал ноготь, а я завязывал шнурок.

Нет, мы не были по-настоящему напуганы — чего, собственно, нам было бояться, сидя в лодке, окруженной мириадами крошечных искорок звезд? Но каждый из нас отдал бы на отсечение правую руку, лишь бы хоть украдкой заглянуть на сцену следующего акта.

— Есть одно утешение, если его можно так назвать, — сказал наконец Пухляк. — На расстоянии двух или трех миллионов миль от Земли имеется нечто вроде барьера, и эта штукавина вполне может через него и не пробиться. В газетах не писали, на что наткнулись космонавты, но мне кажется, что именно на такой барьер. Он их остановил, но не повредил корабли и позволил им развернуться и направиться к Земле. Нечто вроде... вроде...

— Вроде серой дымки, из которой сделан пузырь, — предположил я. Минуты две мы не сводили друг с друга глаз, потом Пухляк отыскал недогрызенный ноготь и занялся им, а я завязал оба шнурка.

Мы проголодались. В карманах не отыскалось ничего съестного, и от этого голод только усилился.

Пухляк перегнулся через борт и посмотрел в воду.

— Так я и думал. Эй, Пол, тащи удочку. Вокруг лодки плавают макрель. Должно быть, угодила сюда вместе с нами.

— Удочкой слишком долго. Я ее сейчас сетью. — Я разделся и схватил сеть. — Воды не очень много, и ей негде маневрировать. Но как быть с огнем? Не израсходуем ли мы весь кислород, если захотим ее поджарить?

— Нет, — покачал головой Пухляк. — Мы здесь уже давно, и воздух успел бы испортиться, если бы его не обновляли. Но он свеж, как и в самом начале. Не знаю, что здесь стоит за аппаратура, но она не только перемещает нас куда следует, наигрывая специально для тебя «Твоя мама из Ирландии?», но и накачивает внутрь свежий воздух и удаляет отработанный. Правда, если ты меня спросишь, откуда она берет в космосе кислород и азот...

— Даже не собирался, — заверил я его.

Заметив небольшую, около фута длиной, макрель, я шагнул в воду и нырнул, держа сеть наготове. Я очень неплохо плаваю под водой.

Очень неплохо, но макрель оказалась пловцом лучше. Больше практики, сами понимаете. Я дурак дураком бултыхался с сетью, отталкиваясь ногами то от кия, то от серой стенки пузыря, а макрель вертелась вокруг. Под конец ее поведение стало и вовсе оскорбительным — она просто пятилась хвостом вперед в аккурат за пределами досягаемости сети.

Я вынырнул, глотнул воздуха и забрался обратно в шлюп.

— Уж больно она шустрая, — пояснил я. — Сейчас достану удочку и...

И загнулся. Мне снова захотелось сглотнуть.

Пухляк сидел в кокпите, и видок у него был такой, словно он отшиб себе задницу. Перед ним стоял целый взвод тарелок, шесть стаканов и две белоснежные салфетки с разложенными на них ножами, вилками и ложками.

Я увидел два стакана воды, два стакана молока и два стакана пива. Тарелки заполняла еда: грейпфрут, суп, отбивные с картошкой фри и зеленым горошком и

мороженое на десерт. По две порции всего. Обед нашей мечты.

— Это все появилось из ящика сверху, — пояснил Пухляк, пока я неуклюжими пальцами напяливал одежду. — Я услышал щелчок и посмотрел вверх, а оттуда стопочкой спускаются тарелки. Коснулись палубы и сразу аккуратненько расставились.

— По крайней мере кормят нас хорошо.

Пухляк скорчил мне гримасу:

— А где тебе еще подадут обед, о котором ты мечтал?

Мы вооружились ложками и вилками и принялись за дело. А что нам еще оставалось? Еда оказалась вкуснейшей и безупречно приготовленной. Напитки и мороженое были холодными, а грейпфрут охлажденным. Когда мы закончили, раздался новый щелчок. Сперва спустились три сигары — помню, я курил такие на дне рождения Луизы Капек, и из всех, какие я когда-либо пробовал, они мне понравились больше всего, — а следом и коробка с любимым жевательным табаком Пухляка. Когда вслед за табаком пушинкой опустились спички, мы перестали пожимать плечами; правда, Пухляк некоторое время что-то бормотал себе под нос.

Я успел до половины выкурить первую сигару, и тут Пухляк резко выпрямился:

— У меня идея.

Он взял пару тарелок и швырнул их за борт. Мы стояли и смотрели, как они тонут. Перед самым дном тарелки внезапно исчезли. Раз — и нет тарелки. Примерно в двух футах от нижней коробочки.

— Значит, вот что происходит с отходами.

— Что? — не понял я.

Пухляк сверкнул на меня глазами:

— Да вот что.

Тем же путем мы избавились и от остальной посуды, но по предложению Пухляка оставили себе ножи.

— Нам может потребоваться оружие, когда мы окажемся... там, куда летим. А вдруг эти типы захотят нас препарировать или пытками вырвать информацию о Земле?

— Если они умеют делать такие пузыри, то неужели ты думаешь, что мы сумеем их остановить? И чем —

ножичками, которые они для нас сделали из пустой пустоты?

Но все же ножи мы оставили.

Макрель мы оставили тоже. Как домашнюю зверушку, то бишь рыбешку. Если нас и дальше станут так кормить, то кому придет в голову съесть эту макрель? И вообще, нас в пузыре всего трое, так что нам следует держаться вместе. Макрель это тоже почувствовала, потому что начала всплывать к поверхности, когда мы подходили к борту. Мы с ней стали добрыми приятелями, и я бесплатно кормил ее прихваченной для рыбалки наживкой.

Часа через четыре — а может, и через пять, потому что ни у меня, ни у Пухляка часов не было, — коробочка снова шелкнула, и сверху спустился такой же обед в комплекте с теми же причиндалами. Кое-что мы съели, остальное покидали за борт.

— А знаешь, — признался Пухляк, — если бы не эта бесконечная «Твоя мама из Ирландии?», я бы сказал, что мне здесь нравится.

— Да, она мне тоже надоела. Но ты что, согласился бы без конца слушать «Я бесконечно выдуваю пузыри»?

Земля давно превратилась в яркий и медленно уменьшающийся диск, но никто из нас не мог утерпеть и время от времени украдкой на нее поглядывал. Эти взгляды были напоминанием о моей лавочке и Эдне, о бензоколонке Пухляка и задатке за магазин Уинтропа. Наш дом среди планет и галактик.

Когда нам захотелось спать, мы спустили паруса, от которых все равно не было никакого толку. Мы сложили их в некое подобие матраца и, добавив пару лежавших в кокпите одеял, устроили себе царскую постель.

Когда мы проснулись из-за одновременно приснившегося кошмарного сна, в котором нас препарировали две тушеные устрицы, на палубе уже стояли два обеденных комплекта с теми же отбивными. В смысле, два для меня и два для Пухляка. Мы съели грейпфрут, выпили по стакану молока, а от остального избавились. Потом устроились поудобнее и прокляли композитора, сочинившего «Твоя мама из Ирландии?». Я никак не мог понять, как мне могла нравиться эта песенка.

Шлюп мне тоже перестал нравиться. Давно не видел такой идиотской лодки — узкая, твердая, и обводы у нее неинтересные. Если я когда и куплю себе лодку, то только не шлюп.

Потом мы разделись и сиганули за борт искупаться. Пухляк плавал на спине, выставив над водой огромный живот, а я нырял и играл в пятнашки с макрелью.

Вокруг нас не было ничего, кроме Вселенной. Звезды, звезды и снова звезды. Что угодно отдал бы за простой уличный фонарь.

Когда мы забрались в шлюп, нас уже ждал очередной обед с отбивной. После купания мы проголодались, поэтому съели примерно четверть.

— Не очень-то эффективно, — пробурчал Пухляк. — Я о том зеленом монстре. Он каким-то образом — наверное, с помощью телепатии — узнал, что нам нравятся некоторые вещи. Отбивные, особые сорта табака и песенка. Зато не стал копать дальше и выяснять, в каком количестве мы все это любим и насколько часто. Небрежная работенка.

— Кстати, о небрежности, — подпустил я шпильку. — Когда эта зелень забралась в бухту, ты сам захотел подплыть поближе и рассмотреть ее как следует. Это ты сидел у румпеля, но не сумел вовремя смыться. Ты даже не заметил, что она нас преследует, пока она не оказалась совсем рядом!

Его глазки налились кровью:

— Да, я сидел у румпеля, но что в это время делал ты? Баклуши бил! Это ты должен был заметить, что оно приближается! А ты заметил?

— Ха! Ты же думал, что это «португальский кораблик». Как и тогда, когда мы чинили крышу, и ты подумал, что черное пятно возле колокольни — это металлический лист, а на самом деле то была дыра. И вообще мы не провалились бы, если бы не твоя неподъемная туша. Какая балка ее выдержит?

Пухляк вскочил и развернул на меня живот:

— А ты, курами поклеванный мозгляк, ты вообще... Слушай, Пол, давай с этим завязывать. Откуда нам знать, сколько мы еще проторчим вместе на этой покусанной блохами скорлупке? Мы не имеем права ссориться.

А ведь он прав, решил я.

— Это я виноват, что церковная крыша...

— Нет, это я виноват, — великодушно признал он. — Я и в самом деле оказался тяжеловат для той балки. Давай пожмем друг другу руки, старина, и не будем больше терять головы. Там, куда мы направляемся, мы станем единственными представителями человечества, и нам надо держаться вместе.

Мы пожали руки и выпили за дружбу по стаканчику пива.

И все равно нам пришлось нелегко — осточертели отбивные и бесконечный припев из дурацкой песенки. Мы вырезали на палубе шахматную доску, а из старой газеты сделали шашки. Плавали вокруг шлюпа и играли в угадку. Всячески изучали серую стенку пузыря и придумали тысячу способов работы коробочек, тысячу объяснений, для чего наверху нужно цветное пятно, и тысячу причин, по которым нас заключили в пузырь и отправили путешествовать в темной пустоте.

Нам уже оставалось последнее средство — пересчитывать звезды, когда красное пятнышко впереди начало расти и превращаться в планету.

— Марс, — пробормотал Пухляк. — Очень похоже на фотографии Марса из статьи профессора Фронака в воскресном приложении.

— Уж лучше бы он оказался здесь вместо нас. Он собирался на Марс, а мы — нет.

В небе Марса не было ни облачка, и мы спустились сквозь чистейший воздух. Пузырь пушинкой сел посреди плоской пустыни из красного песка, простиравшейся до самого горизонта.

И все.

— Не знаю, можно ли это назвать значительным улучшением ситуации, — ехидно заметил я.

Пухляк не слушал — он стоял на цыпочках и нетерпеливо озирался.

— Мы видим то, что до нас не видел ни один человек, — тихо произнес он. — Мы на Марсе. Понимаешь Пол, на Марсе! Смотри, насколько меньше выглядит здесь Солнце, чем на Земле. Да, что бы отдал профессор Фронак, лишь бы оказаться на нашем месте!

— Со мной он может поменяться хоть сейчас. И я ему за это еще и приплачу. Никогда не считал, будто любоваться красной пустыней — значит здорово проводить время. Ничуть не вдохновляет. Кстати, а где же марсиане?

— Покажутся, Пол, покажутся. Нас сюда послали за сорок миллионов миль не пустыню украшать. Придержи лошадей, приятель.

Но мне не пришлось придерживать их долго. На краю горизонта показались две точки: одна в воздухе и быстро приближающаяся, а вторая — ползущая по земле.

Летающее пятнышко превратилось в зеленый пузырь размером с тот, что мы видели в бухте. У него не было ни крыльев, ни реактивных двигателей, ни других видимых приспособлений для полета. Он просто летел, и все.

Когда пузырь приблизился к нам, то, что двигалось по пустыне, было еще далеко.

У нашего нового приятеля имелись и глаза — если это и в самом деле были глаза, — но только не черные пятнышки, плавающие внутри, а торчащие наружу штуковины, напоминающие дверные ручки. Однако, когда существо замерло над верхушкой серого пузыря, у нас возникло уже знакомое ощущение, словно эти глаза заглядывают нам в голову и читают мысли.

Ощущение это длилось около секунды. Затем существо коснулось коробочки, что-то с ней сделало, и музыка смолкла. Тишина показалась нам лучше всякой музыки.

Когда существо опустилось вниз и нырнуло под наш пузырь, пройдя сквозь песок с такой легкостью, словно пустыня была сделана из миража, Пухляк вручил мне парочку припасенных ножей и сам вооружился тремя.

— Будь наготове, — прошептал он. — Эта штука может вылезти в любой момент.

Я не стал ехидно шутить насчет пригодности нашего оружия, потому что стало трудновато дышать. К тому же ножи придали мне хоть какую-то уверенность. Я понятия не имел, куда мы пойдем, если нам придется сражаться с этими существами и мы сумеем их одолеть,

но мне было приятно держать в руках нечто, хотя бы отдаленно напоминающее оружие.

К этому времени до нас добрался и марсианин, перемещавшийся по песку. Он приехал на одноколесной машине, полной проводов, всяких штучек и потрескивающих моторчиков. Мы не могли его как следует разглядеть, пока он не вылез и не встал напротив нас.

А когда он это сделал, увиденное нам не понравилось — уж больно странным оказалось развитие нашего сюжета.

Марсианин не был зеленым и пузырчатым. Он напоминал очень тонкий и гибкий цилиндр высотой примерно нам по пояс — синий с белыми полосками. Чуть ниже середины цилиндра свисало около дюжины щупалец, а в верхней его части виднелись отверстия и выступы — наверное, уши, носы и рты.

Вся эта конструкция стояла на пьедестале совсем маленького цилиндра, снабженного, как мне показалось, дном-присоской для лучшего контакта с песком.

Когда наш зеленый друг закончил свои дела под доставившим нас пузырем, он вылез из песка неподалеку от Йо-Йо и его машины. Йо-Йо на секунду застыл, затем словно раскис, стал совсем гибким и низко согнулся, раскидав щупальца по песку.

То был не поклон. Такое поведение напомнило мне виляющую хвостом собаку.

— А ведь они могут оказаться двумя разумными расами Марса, — тихонько предположил Пухляк.

Парень со щупальцами еще обнимал песочек, а зеленый пузырь уже поднялся в воздух и улетел в том направлении, откуда явился. Это весьма напоминало поведение такого же пузыря в бухте, только сейчас он улетел, а на Земле скользнул над водой и погрузился. Но в обоих случаях все было сделано столь быстро и небрежно, что выглядело откровенно оскорбительно. В конце концов, в нашем штате я не какая-нибудь там голь перекатная: один из моих предков мог приплыть в Америку на первом корабле с колонистами, если бы не сидел в это время в тюрьме.

Цилиндр повернулся и смотрел вслед медузе, пока та не скрылась. Затем очень медленно развернулся обратно и взглянул на нас. А мы нервно переступали с ноги на ногу.

Наш гость принялся выгружать из машины на песок какое-то оборудование. Потом стал вставлять одну детальку в другую, соединять одну хреновину с другой фиговиной, и вскоре на свет появилась дикая на вид угловатая блестящая машина. Цилиндр переместил ее вплотную к серому пузырю, доставившему нас на Марс, забрался в машину и поковырялся внутри щупальцами.

Вокруг машины появился маленький пузырь, соприкасающийся с серой дымкой нашего.

— Шлюз, — догадался Пухляк. — Он делает шлюз, чтобы войти, но не выпустить при этом наш воздух. На Марсе-то атмосферы, считай, практически нет.

Пухляк оказался прав. В серой стенке пузыря чуть выше уровня воды появилось отверстие, куда протиснулся парень со щупальцами и на некоторое время завис в воздухе, разглядывая нас.

Внезапно цилиндр с плеском плюхнулся в воду и скрылся с глаз. Мы подбежали к борту и посмотрели вниз.

Цилиндр сидел на дне, протянув все щупальца к макрели, которая отчаянно работала хвостом, уткнувшись носом в серую стенку. Из отверстия на поясе цилиндра поднималась цепочка пузырьков.

— Хотел бы я знать, чего он хочет от бедной макрели? — удивился я. — Он ее до смерти напугает.

Не успел я договорить, как сине-белый марсианин стал всплывать, поднялся над бортом и опустился на палубу, мокро чмокнув присоской.

В нашу сторону развернулись два щупальца. Мы попятились. Одно из отверстий выше пояса цилиндра растянулось и изогнулось, словно рот заики.

— Вы... э-э... разумная форма жизни с Земли? — услышали мы рокочущий и поразительно низкий бас. — Я... э-э... не ожидал сразу двоих.

— Английский! — одновременно завопили мы.

— Правильный язык? Э-э... кажется, да. Вы... э-э... из Новой Англии, но английский — правильный язык.

Этот язык в меня дрифанули, чтобы я смог правильно подстроиться. Извините меня. Я... э-э... ожидал только одного и не знал, какая вы форма жизни — морская или сухопутная. И я... э-э... сперва подумал, что... Разрешите представиться: мое имя Близел-Ри-Ри-Бел.

— А мое Майерс. — Пухляк шагнул вперед и пожал щупальце, привычно беря ситуацию в свои руки. — А это мой друг Пол Гэрланд. Полагаю, вы явились предъявить нам счет за обед?

— Предъявить счет, — отозвался Близел. — Настроить. Сделать выбор. Объяснить. И еще...

Пухляк поднял руку-окорок и помахал перед Близелом. Тот смолк.

— А куда подевался второй марсианин?

Близел сплел два щупальца косичкой.

— Не другой... э-э... марсианин. Я марсианин... э-э... и представитель марсианского правительства. А Он-Из-Шойна — посол Шойна.

— Шойна?

— Шойна. Галактической нации, для которой наша система лишь провинция. Шойны — нация нашей и других галактик. И они же, в свою очередь, часть еще более крупной нации, имени которой мы не знаем. Он-Из-Шойна, то есть... э-э... посол, уже... э-э... решил, кто из вас подходит лучше, но не сказал об этом мне. И я должен... э-э... сам сделать выбор, чтобы доказать наши способности и нашу... э-э... пригодность называться полноправными гражданами в Шойне. Но это трудно, поскольку мы... э-э... всего в пять раз более развиты, чем вы, если округлить цифры.

— Вы хотите выяснить, кто из нас более пригоден? Но к чему?

— Чтобы остаться здесь в качестве дипломатического представителя, чтобы ваши сопланетники смогли прилетать сюда. Они могли бы прилетать и сейчас, если бы не барьер равновесных сил, дрифанутый вокруг вашей планеты и ее спутника. Этот барьер защищает вас от нежелательных вторжений, а заодно... э-э... не дает вам неожиданно... э-э... появиться в цивилизованной части Шойна. Его-Из-Шойна на вашей планете больше интересовало развитие разумных форм жизни, обитающих в коре вашей планеты, а не на ее поверхности.

Прошу вас, не сочтите это недоверием, ибо Он-Из-Шойна не знал, что вы овладели умением межпланетных полетов.

— Он-Из-Шойна на Земле, — процедил Пухляк. — Тот самый, что послал нас сюда. Так говорите, это их посол на Земле?

Марсианин смущенно плел шупальца. Белые полосы на цилиндрическом теле стали шире.

— На Земле... э-э... пока не требуется посол. Он-Из-Шойна там... э-э... просто консул. К нему могут обратиться все... э-э... разумные формы жизни Земли. Я... э-э... еще вернусь.

Он нырнул обратно в пузырь поменьше, служивший ему шлюзом, и начал копать в своих штуковинах и фиговинах.

Мы с Пухляком сравнили впечатления.

Вся наша Галактика и несколько других являются частью федерации под названием «Шойн». Марс практически готов присоединиться или быть принятым в федерацию, других членов которой марсиане считают настоящими мудрецами. А Земля есть лишь захолустная планетка, которой полагается лишь консул, тот самый зеленый пузырь «Он-Из-Шойна». Какие-то другие разумные формы жизни, найденные на нашей планете, консул ставит даже выше, чем людей. Тем не менее мы удивили его, обзаведясь космическими кораблями гораздо раньше, чем ожидалось. Но эти корабли не могут улететь дальше Луны из-за какого-то «барьера равновесных сил», который не дает никому попасть на Землю, равно как и улететь с нее.

По каким-то причинам на Марсе потребовалось постоянное присутствие представителя Земли. Одной темной ночью этот консул нас заловил и отправил на Марс. Когда мы туда прибыли, шойнский посол осмотрел нас и решил, кто из нас двоих ему подходит. Означает ли это, что второй сможет вернуться? Но что станет с другим?

Как бы то ни было, местный посол был слишком важной шишкой, чтобы назвать марсианам имя счастливого. При помощи «дрифования» он обучил какого-то правительственного чиновника нашему языку, и теперь марсианину придется крутиться самому. А марси-

анин, несмотря на всю свою застенчивость, считает, что он как минимум в пять раз умнее нас. Наконец, его английский оказался не очень-то хорош.

— Может, все дело в том, что его дрифанули всего раз? — предположил я. — И язык не усвоился как следует. — Я нервничал: с нами до сих пор обращались слишком небрежно.

— А что это за штука такая, дрифование? — спросил Пухляк у Близела, когда тот вновь появился на палубе, сжимая щупальцами охапку всяческого оборудования.

— Дрифовать могут только Они-Из-Шойна. Мы... э-э... марсиане, для этого до сих пор используем приборы. Дриф — это не образ, а конструкция... э-э... транслитерации, служащей для вашего восхищения. Те-Из-Шойна дрифуют, используя... э-э... внутреннюю силовую структуру того, что вы называете космосом. Подобным способом можно... э-э... материализовать любой предмет — вещественный или какой угодно. А теперь начнем проверку.

Марсианин вручил нам различные приборчики с мигающими разноцветными огоньками. Как оказалось, он хотел, чтобы мы нажимали разные кнопки, когда огоньки складывались в некие узоры, но мы, как мне показалось, так и не сделали ничего правильно.

Пока мы играли марсианскими игрушками, Пухляк небрежно поинтересовался, что произойдет, если мы откажемся расстаться и оставить одного из нас здесь. Марсианин столь же небрежно ответил, что один из нас в любом случае останется и у нас нет выбора, потому что мы можем делать только то, что нам разрешают.

Пухляк поведал ему, что на Земле есть очень умные люди, знающие логарифмы и подобные штучки и согласные пожертвовать оба зуба мудрости, а то и глаз ради шанса провести остаток своих дней на Марсе. И эти люди, отметил он, окажутся куда более интересными для марсиан, а то и для Них-Из-Шойна, чем хозяин лавочки и владелец бензоколонки из маленького городка, которым оказалось не по силам одолеть даже элементарную алгебру.

— Мне кажется, — деликатно заметил Близел, — что вы преувеличиваете разницу между их интеллектом и собственным.

Пухляк выдержал проверку. Наверное, сказался его опыт работы с моторами. Я его поздравил, и он уныло взглянул на меня.

Близел полез обратно к себе, сказав перед этим, что Пухляку придется ненадолго съездить с ним в их «слимп» — мы решили, что это нечто вроде города. И если выяснится, что Пухляк подходящий кандидат, то он привезет его обратно «э-э... организовать прощание». Впрочем, Близел жутко нервничал — боялся, что сделал неправильный выбор.

Пухляк покачал круглой головой, глядя на марсианина, который соорудил маленький пузырь за пределами нашего — в нем предстояло ехать Пухляку.

— Знаешь, вообще-то этих парней нельзя по-настоящему винить. В конце концов, у них своих проблем хватает. Ведь они пытаются войти в галактическую федерацию на равных с какими-то большими шишками и теперь хотят доказать свои способности. А сейчас они нечто вроде любителей, вступающих в игру с командой профессионалов. Мне только одно не понравилось — как они виляют хвостом перед этими шойнами. Немного собственного достоинства им бы не помешало. Если хорошенько разобраться в ситуации, то они здесь самые обычные эксплуатируемые туземцы и все полагают, что мы станем такими же, только на еще более низком уровне.

— Ничего, Пухляк, подожди, пока люди доберутся до Марса. Уж мы-то этих марсиан в обиду не дадим. С нашими-то атомными бомбами и прочим оружием мы избавим систему от галактических империалистов. Спорю на что угодно, мы и глазом не успеем моргнуть, как наши ученые разберутся с тем силовым барьером. И с дрейфованием тоже.

— Конечно. И подумать только — в коре Земли обитает разумная форма жизни, а то и не одна, и этот Он-Из-Шойна водит их за нос и пудрит им мозги. Ужас! Мы уже знаем про марсиан с их цивилизацией, а сколько еще разумных видов отыщется между Меркурием и Плутоном. Целая империя, Пол, куда больше, чем любая империя на Земле, — и всю ее контролируют эти куски зеленого желе!

Близел закончил создание пузыря, и Пухляк забрался в него через шлюз. Стенки пузыря были темнее, чем у того, где остался я, и я предположил, что Близел менее опытен в таких делах, чем зеленая медуза из бухты Казуаров.

Марсианин залез в свою машину и поехал прочь. Пузырь с Пухляком повис над машиной и полетел следом.

Следующие часов десять или двенадцать я провел на Марсе в одиночестве. Наступила ночь, и я любовался, как на небе гоняются друг за другом две луны. Как-то раз из песка вылезла здоровенная змея, посмотрела на меня и поползла дальше по своим змеиным делам.

Обеды больше не падали с потолка, и я всерьез соскучился по отбивным и всему, что к ним прилагалось.

Когда Близел и Пухляк вернулись, марсианин остался снаружи возиться со своим оборудованием, а Пухляк медленно заполз ко мне через шлюз. Он все время облизывался и учащенно дышал. Я испугался:

— Они тебя мучили, Пухляк? Что они с тобой сделали?

— Нет, Пол, не мучили, — тихо ответил он. — Просто я очень многое повидал.

Прежде чем продолжить, он нежно похлопал мачту.

— Я видел их слимп, и это не город в том смысле, в каком мы их понимаем. Он так же напоминает Нью-Йорк или Бостон, как Нью-Йорк или Бостон напоминают муравейник или улей. Мы приняли Близела за невежественного иностранца, потому что он плохо говорит на нашем языке. Как мы ошибались, Пол! Я изумлен, насколько марсиане выше нас, насколько они нас опередили. Они уже тысячи лет летают к звездам. Они побывали и на всех планетах нашей системы с открытым доступом. На Уран и Землю доступ закрыт. Барьер.

Но на всех остальных планетах у них есть колонии и ученые. У них есть атомная энергия, то, что следует за атомной энергией, и то, что придет на смену этому. И все же они смотрят на тех существ из Шойна с таким уважением, что ты и представить не сможешь. Никто

их не эксплуатирует, просто за ними наблюдают и при нужде помогают. А эти существа из Шойна входят в еще более крупную федерацию, о которой я мало что понял, и за ними тоже наблюдают, их охраняют и им помогают — но уже другие существа. Вселенная очень стара, Пол, а мы в ней новички, такие невежественные новички! Подумай, что станет с нашей гордостью, когда человечество об этом узнает.

Пухляк надолго замолчал, продолжая похлопывать по мачте, и я нахмурился, глядя на него. Наверное, они все же что-то сделали с беднягой, иначе куда подевалась его гордость? Обработали какой-то дьявольской машиной. Ну ничего, как только Пухляк вернется на Землю, он снова станет нормальным — прежним задирой Пухляком Майерсом.

— Ты... ты им подошел?

— Да, подошел. Посол — Он-Из-Шойна, — произнес он с таким уважением, какого я прежде никогда не слышал, — сказал, что выбрал именно меня. Видел бы ты, как запрыгал Близел и другие марсиане, когда это услышали! А тебе теперь нужно вернуться на Землю. Близел так настроит твой пузырь, чтобы еда у тебя стала разная, какую сам пожелаешь. Нужно обо всем рассказать людям. Когда они начнут прилетать сюда регулярно, то смогут назначить другого здешнего консула, и если он подойдет Шойну и Марсу, то я смогу вернуться.

— Пухляк, а что, если мне никто не поверит?

— Не знаю, что тогда будет, — пожал плечами Пухляк. — Близел мне сказал, что если консул не сможет действовать достаточно успешно, чтобы протащить людей сквозь барьер в течение нескольких ризов, то они придут к выводу, что у него недостаточно интеллекта, чтобы гарантировать их интересы. Добейся, чтобы тебе поверили, Пол, а то я не знаю, что со мной станет, коли у тебя ничего не выйдет. Насколько я понял, люди здесь никого особенно не волнуют.

— Но с тобой пока ничего не случится?

— Я стану здесь сооружать нечто вроде города для землян, которые станут жить на Марсе. Если ты сумеешь направить сюда людей по правильным каналам, моей обязанностью будет проверить их полномочия,

поприветствовать и объяснить ситуацию как человек человеку. Стану кем-то вроде официального встречальщика.

Когда Близел кончил перенастраивать коробочки моего пузыря, он налепил на верхушке такое же цветное пятно, и я полетел домой. Обратный полет оказался весьма скучным, даже макрель по дороге сдохла. Еда оказалась разнообразной, так что я не утратил к ней интерес, но вся она имела какой-то мыльный привкус. Выходит, Близел и в самом деле не ровня тому зеленому типу из бухты.

Я приводнился в той самой точке, откуда мы взлетели — два месяца назад, как я потом узнал.

Ударившись о воду, пузырь растаял. Я не стал возиться с парусами шлюпа, а просто прыгнул через борт и поплыл к берегу.

Приятно было плыть не кругами, а по прямой.

Как оказалось, кое-кто уже хотел устроить нам символические похороны, но Эдна твердо воспротивилась и заявила, что, пока обломки шлюпа не найдены, она будет считать меня живым. И на все возражения отвечала, что мы с Пухляком, наверное, в один прекрасный день объявимся где-нибудь Европе.

Поэтому, когда я вошел в нашу лавочку, она, будучи Эдной, лишь посмотрела на меня и поинтересовалась, где я был. Я ответил, что на Марсе. С тех пор она со мной не разговаривает.

Тем же вечером репортер из местной газеты взял у меня интервью и написал идиотскую статью, в которой с моих слов утверждалось, будто я основал консульства на всех планетах нашей Солнечной системы. Но я этого не говорил; я лишь сказал ему, что мой друг Пухляк Майерс сейчас исполняет обязанности консула Земли на Марсе.

Мой рассказ перепечатала одна из бостонских газет, подав его как провинциальный анекдот и снабдив юмористической картинкой. И все. С тех пор я чуть с ума не сошел, пытаясь убедить хоть кого-нибудь мне поверить.

Не забывайте, наше время ограничено: один риз, от силы два.

Поэтому для тех, кто еще заинтересован в космических путешествиях после всего, что я рассказал, повторю в последний раз: кончайте биться головой в барьер равновесных сил, сквозь который пробиться невозможно. Вам надо приехать к бухте Казуаров, взять лодку, выплыть в бухту и дожидаться Того-Из-Шойна. Я помогу всем желающим, и можете не сомневаться, что Пухляк Майерс, когда дело дойдет до него, подтвердит, что вы с Земли, и выполнит все необходимые формальности. Но никаким другим путем на Марс и Венеру не попасть.

Для этого нужна виза.

ЛИМОННО-ЗЕЛЕНый ГРОМКИЙ КАК СПАГЕТТИ МОРОСЯЩИЙ ДИНАМИТОМ ДЕНЬ

Показания перед Особой Президентской комиссией свидетеля 15671 Леонарда Дракера, тридцати одного года, неженатого, проживающего по адресу: Нью-Йорк-Сити, округ Манхэттен, Западная 10-я улица, 238, служащего компании Харберна, зарегистрированной по адресу: Нью-Йорк-Сити, округ Манхэттен, Восточная 42-я улица, 25. Свидетель, после приведения к присяге, показал следующее:

Ну, не знаю точно — около восьми утра в среду это было. Меня разбудил телефон. Я схватил трубку, чуть не свалившись с кровати, и прижал к уху. Женский голос тараторил: «Алло, это Ленни? Это ты, Ленни? Алло!»

Через пару секунд я сообразил, чей это голос, и сказал:

— Дорис? Ну да, это я. Что случилось?

— Это ты скажи мне, что случилось! — истерически вопила она. — Ты что, радио не слушаешь? Я позвонила уже троим, да только они бормочут такую же чепуху, что и приемник. Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Со мной все о'кей. Послушай, сейчас только восемь — мне полагается еще минут пятнадцать поспать. Да и кофе еще не сварился... Дай-ка я включу...

The Lemon-Green Spaghetti-Loud Dynamite-Dribble Day

Copyright © 1967 by Philip Klaas

Лимонно-зеленый громкий как спагетти моросящий динамитом день

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

— Ты тоже! — взвизгнула она. — Тебя тоже прихватило! Что со всеми творится? Что случилось? — И она бросила трубку.

Я тоже положил трубку и пожал плечами. Дорис — та девушка, с которой я встречался последнее время, и всегда она казалась совершенно нормальной. Теперь же стало ясно, что и она — еще одна свихнувшаяся пташка из Виллидж. Может, я и сам живу в Виллидж, да только у меня приличная работа и одеваюсь я солидно. Обычно я стараюсь держаться подальше от этих свихнувшихся пташек из Виллидж.

Снова ложиться уже смысла не было, так что я щелкнул выключателем электрической кофеварки, чтобы сварить кофе. Тут, похоже, и начинается самая важная часть моих показаний. Понимаете, я всегда с вечера кладу кофе и наливаю воду в кофеварку, потому что утром бываю слишком сонным, чтобы еще что-то готовить.

Из-за того, что наболтала Дорис, в тот день я по пути в ванную включил радио. Я плеснул себе в лицо холодной водой, сполоснул зубную щетку и выдавил на нее пасту. Я уже поднес ее ко рту, когда до меня дошло, что там передают по радио. Так что я положил щетку на раковину, вышел из ванной и уселся перед приемником — уж очень меня заинтересовали слова диктора. Зубы я так и не почистил — такой уж я везучий сукин сын.

У диктора был расслабленный, сонный голос, и он старательно отсчитывал: «Сорок восемь, сорок девять, сорок! Сорок один, сорок два, сорок три, сорок четыре, сорок пять, сорок шесть, сорок семь, сорок восемь, сорок девять, сорок! Сорок один...»

Я слушал этот голос уж не знаю сколько времени. До пятидесяти он так и не добрался. Кофе тем временем закипел, и я налил себе чашку, а сам тем временем вертел ручку настройки. На некоторых волнах — как я потом узнал, в основном это были станции из Джерси — все было вроде как обычно, но большинство передач оказались какими-то сумасшедшими. Там было одно сообщение о дорожном движении, оно меня просто поразило:

«...На шоссе Мэра Дигана движение от умеренного до средней громкости спагетти. По сообщениям транспортной полиции, динамитная морось продолжается. “Кадиллаки” удлинились, «континенталов» стало меньше, а «крайслеры империал» по большей части раздвоились. Пять тысяч «шевроле» с открытым верхом строят площадку для игры в баскетбол на проходящей через окраины части авеню Фрэнклина Д. Рузвельта...»

Когда я налил себе вторую чашку кофе и взялся за булочку, я случайно глянул на часы и обнаружил, что из-за этого проклятого радио уже почти час сижу как приклеенный! Тут я в темпе побрился электрической бритвой и лихорадочно стал одеваться.

Я подумал было, что надо бы позвонить Дорис и сказать, что она была совершенно права, да решил сначала добраться до работы. И знаете что? С тех пор о Дорис ни слуху ни духу. Теперь можно только гадать, что с ней приключилось в тот день. Верно?

На улице почти никого не было, только несколько человек со странными лицами сидели на бортике тротуара. Но тут я дошел до большого гаража между моим домом и станцией подземки, и меня как громом ошарашило: там всегда бывали выставлены самые дорогие в Виллидж машины, а теперь это выглядело... ну, не знаю — как свалка, пропущенная через мясорубку.

В полутьме только и можно было разглядеть, что машины, размазанные по другим машинам и стенам, и все это засыпанное мешаниной из осколков стекла и хрома, и оторванные подножки, и задранные и перекрученные капоты.

Чарли, управляющий гаражом, волоча ноги, вышел из своего застекленного закутка и вроде как улыбнулся мне. Выглядел он словно прошлой ночью основательно перебрал.

— Ну подожди, пока твой босс все это увидит, — сказал я ему. — Он же тебя уколошит, парень!

Он ткнул пальцем в две воткнувшиеся друг в друга машины у ворот.

— Мистер Карбонаро тут уже был. Он все уговаривал их продолжать заниматься любовью, а когда те заартачились, послал их куда подальше и сказал, что идет домой. Рыдал он как незаткнутая бутылка.

Да, утречко выдалось ничего себе. Я даже уже почти и не удивился, когда в подземке не оказалось никого в кассе. Ну да у меня-то жетон был. Я сунул его в автомат, и он с дребезжанием пропустил меня.

Вот тут-то мне впервые и стало страшно — на платформе в подземке. Что бы в мире ни творилось, для жителя Нью-Йорка подземка — вроде рукотворного явления природы, такого же обычного и неизменного, как восход и заход солнца. И уж если тут порядок нарушается, не заметить этого никак невозможно.

Вот и я заметил кое-что: какой-то парень, стоя на четвереньках, заглядывал дамочке под юбку, а она, раскачиваясь на высоких каблуках, задрала голову и распевала во всю глотку. Рядом смазливенькая негритяночка, сидя на скамейке, рыдала в три ручья и вытирала глаза свежим номером «Таймс». Солидный господин — то ли врач, то ли юрист — носился зигзагами между железными опорами платформы и орал «Чаг-чаг-чагазум, чаг-чаг-чагазум!» И никто ничему не удивлялся и вроде даже не беспокоился.

Три поезда подряд проскочили мимо станции не останавливаясь, даже не замедляя хода. Машинист третьего был здоровенным светловолосым парнем, и он у себя в кабине хохотал как сумасшедший, когда поезд пролетел мимо станции. Наконец подошел четвертый, и этот остановился.

Только два человека и рванули к дверям — я и еще парень в защитного цвета штанах и коричневом свитере. Двери открылись и тут же закрылись — жик-жик — без перерыва. Так что поезд ушел без нас.

— Что творится? — заскулил парень. — Я и так уже на работу опаздываю — даже позавтракать не успел. А в поезд не сядешь! Я же заплатил — так почему я не могу сесть в поезд?

Я сказал ему, что не знаю, и отправился наверх. Напугался я ужасно. Мне попалась телефонная будка, и я попытался дозвониться до своего офиса. Только без толку — сколько телефон ни звонил, так никто и не подошел.

Так что я попоколачивался на углу около станции подземки — все голову ломал, что же теперь делать, что вообще происходит; еще несколько раз позвонил в

офис, и снова ничего. Странно это было — ведь время давно перевалило за девять. Может быть, сегодня вообще никто на работу не явился? Такого я себе представить не мог.

Я начал замечать, что люди по улице идут вытаращив глаза, вроде как в транс. У Чарли, управляющего из гаража, тоже глаза вылезли на лоб. А вот у того парня в коричневом свитере на платформе ничего такого не было. Я увидел свое отражение в витрине — и у меня не было.

Это оказалось ателье по ремонту всякой электроники. У них в витрине был выставлен включенный телевизор, и я так и прилип к нему. Не знаю уж, что это была за программа — двое мужчин и женщина о чем-то разговаривали между собой, да только женщина при этом еще медленно раздевалась. Она и говорила, и снимала с себя одежду одновременно. Тут у нее приключилась заминка с поясом с резинками, и мужчины стали ей помогать.

Рядом народ так и валил в винный магазин; все выходили нагруженные бутылками. Только я заметил, что нельзя сказать, будто там шла торговля: каждый, бросив на хозяина подозрительный взгляд, хватал пару пузырьков и выметался, а хозяин смотрел на все это с радостной улыбкой.

Тут из лавки вывалился тип с парой бутылок виски, вонючий такой, грязный бродяга — типичный житель Бауэри*. Сиял он как медный грош — сами понимаете.

Мы оба тут же заметили, что ни у одного из нас глаза не лезут на лоб (это был первый такой случай, потом-то весь день мне случалось вот так неожиданно обмениваться с людьми понимающими взглядами: очень уж были заметны на улицах те, кто не ополоумел).

— Здорово, а? — осклабился бродяга. — И ведь по всему городу так. Не теряйся, браток, запасайся горячим. А знаешь, что с ними со всеми приключилось?

Я вытаращился на его не то три, не то пять уцелевших зубов.

— Нет. А что?

* Улицы на Манхэттене, нью-йоркское «дно». (Здесь и далее примеч. пер.)

— Они все, дураки, пили воду. Вот наконец оно и сказалось. Это же отравка, чистая отравка, я всегда говорил. Знаешь, когда я в последний раз выпил стакан воды? Знаешь, а? Двенадцать лет назад!

Ну, я просто повернулся к нему спиной и ушел, оставив его радоваться удаче.

Я двинулся от центра, в сторону 6-й улицы, хоть и спрашивал себя: куда это меня черт несет? Потом решил, что дойду до офиса своей фирмы на 42-й. Так уже было однажды, когда подземка бастовала, а все-таки мое место — на службе.

Я стал высматривать такси, да только знаете что? На улице машин было — раз, два и обчелся, да и те тащились как черепахи. Иногда вдруг, правда, вылетала какая-нибудь — словно на скоростном шоссе, так что аварий хватало.

Когда я увидел первое столкновение, я подбежал посмотреть — не могу ли чем помочь. Но водитель уже выполз из машины сам. Он уставился на пожарный кран, который своротил, посмотрел, как из него вода хлещет, потом встряхнулся и побрел прочь. После этого я уже не обращал внимания на аварии, только посматривал, не вынесет ли какую машину на тротуар, по которому я шел.

Но фонтан из пожарного крана напомнил мне, что сказал тот бродяга. Может, правда в воде что-то было? Я пил кофе, но ведь кофеварку я наполнил накануне. А зубы почистить я не успел. И Дорис, и тот парень в коричневом свитере — они оба не завтракали, воды не пили. А уж о бродяге и говорить нечего. Похоже, дело действительно в воде.

Я тогда ничего не знал о той компании ребят, увлекавшихся ЛСД, — ну, понимаете, о той, где тусовалась дочка инженера с водопроводной станции, — это уже потом выяснилось, что она добралась до схем своего папаши. Вот ведь бедняга! Но я сообразил, что лучше держаться подальше от всего, куда могла попасть водопроводная вода. Так что на всякий случай я заглянул в магазин самообслуживания и запасся упаковкой банок содовой — знаете, таких, с открывалкой на крышке.

Продавец в трансе вылупил глаза на стену. У него был такой ужас на лице, что я почувствовал, как у меня

волосы зашевелились. Я так и ждал, что сейчас он начнет визжать, но ничего не случилось. Я положил доллар на прилавок и ушел.

Пройдя квартал, я остановился посмотреть на пожар.

Горела одна из тех халуп, что тянутся вдоль начала 6-й улицы. Огня видно не было, просто из окна третьего этажа вырывалось облако дыма. Перед домом собралась толпа сонных, словно чем-то опоенных людей; там же околачивалось несколько таких же малахольных пожарных. Большущая красная пожарная машина стояла на тротуаре, врезавшись носом в витрину цветочного магазина, а рядом валялась кишка — кто-то догадался насадить ее на кран, и она изредка выкашливала полгаллона воды, словно туберкулезная змея.

Мне не понравилась мысль о том, что внутри могут быть люди — безропотно сгорающие живьем. Так что я протолкался сквозь толпу и вошел в дом — на лестничную площадку на первом этаже. Дым там был такой густой, что подняться выше оказалось невозможно. Но я обнаружил пожарника, который удобно расположился у стены, надвинув шлем на лицо.

— Никакого пива, — бормотал он себе под нос. — Ни пива, ни парилки. — Я взял его за руку и вывел оттуда.

К этому времени пошел дождь, и мне захотелось встать посреди улицы на колени и сказать «Спасибо» Господу Богу. Дело было даже не в том, что дождь погасил тот горевший дом — просто, знаете ли, если бы в тот день все время не начинало моросить, от Нью-Йорка мало что осталось бы.

Тогда я, понятно, не знал, что все происшествия сосредоточены только в Нью-Йорк-Сити. Помню, я еще гадал, спрятавшись от дождя в подъезде напротив, не было ли все случившееся хитрой военной операцией. И не только я так думал, как выяснилось потом. Я имею в виду объявленную по всей стране тревогу и отчаянные попытки Москвы связаться со своим представителем в ООН. Я недавно прочел о соглашении, которое русский ооновец в тот день подписал с Парагваем и Верхней Вольтой. Неудивительно, что Совету Безопасности пришлось объявить все, что произошло

в здании ООН в те двадцать четыре часа, не имеющим силы.

Когда дождь прекратился, я снова пошел на север. Перед витриной магазина Мэси — который на углу 34-й и Шестой авеню — собралась огромная толпа. Полуодетый парень и вовсе голенькая девица должны были заниматься любовью на кушетке — в тот день в витрине рекламировалась мебель — так они на самом деле этим занимались.

Я стоял, окруженный всеми этими лицами с выпученными глазами, и не мог с места двинуться. Рядом какой-то тип с хорошим кожаным кейсом в руках все бормотал: «Ах, как красиво! Просто пара лимонно-зеленых снежинок!» Потом куранты на Геральд-сквер — знаете, те, на которых две статуи с молотами в руках отбивают часы, колотя по колоколу, — начали вызывать двенадцать раз: полдень. Тут я встряхнулся и протолкался через толпу наружу. Те двое в витрине все продолжали.

Там, где толпа была не такая густая, какая-то женщина — очень приличная седая женщина в черном платье — переходила от человека к человеку, забирая у всех деньги. Она вытаскивала бумажники у мужчин и кошельки из сумочек у женщин и складывала их в большую хозяйственную сумку. Стоило кому-нибудь хоть чем-то проявить неудовольствие, когда она принималась за свое, она тут же оставляла этого человека в покое и бралась за следующего. Свою сумку она уже еле тащила.

Тут она вдруг поняла, что я за ней наблюдаю, и так и вытаращилась на меня. Как я говорил, мы — которые не зомби — в тот день узнавали друг друга немедленно. Она жутко покраснела — от шеи до своих седых волос, потом повернулась и бросилась бежать во все лопатки. Ее каблук громко стучали, из-под черного платья выбилась розовая комбинация, а сумку она крепко прижимала к себе.

Какие только номера люди в тот день не откалывали! Вроде тех двух парней из Хобокена*. Они слышали по

* Хобокен — город в штате Нью-Джерси, на правом берегу Гудзона, соединенный с Южным Манхэттенем туннелем.

радио, что в Манхэттене все посходили с ума, напялили на себя противогазы и рванули по туннелю — примерно за час до того, как по нему перекрыли движение — и явились на Уолл-стрит, чтобы ограбить банк. У них даже оружия не было: они решили, что просто заявятся в банк и покидают деньги в свои пустые чемоданы. Да только вместо этого голубчики угодили между молотом и наковальней: двое полицейских на патрульных машинах устроили на улице перестрелку — они уже давно терпеть друг друга не могли. Я много подобного тогда повидал — всего теперь и не упомнишь.

А вот что я хорошо помню — это что все шло по нарастающей. Я выбрался на Бродвей — к тому времени я уже махнул рукой на то, чтобы добраться до офиса, — так там было гораздо больше разбившихся машин и сидящих на тротуаре и по-идиотски улыбающихся людей. Пока я добрался до южной части Тридцатых улиц, по крайней мере трое выпрыгнули из окон. Они летели по длинной кривой, потом раздавался бумм-хлюп, а никто кругом и ухом не вел.

Чуть ли не в каждом квартале мне приходилось отбиваться от какого-нибудь умника, который жаждал рассказать мне о Боге или о Вселенной, а то и просто поделиться восторгами по поводу восхода. Я решил... ну вроде как уйти за кулисы на время, так что зашел в кафе поблизости от 42-й перекусить.

Двое официантов сидели на полу, держались за руки и рыдали как крокодилы. Пятеро девиц — с виду секретарши — тарасились на них, как болельщики на стадионе, и хором скандировали: «Не покупай в “Орбахе”, в “Орбахе” дорого! Не покупай в “Орбахе”, в “Орбахе” дорого!»

Я был голоден, и к тому времени все эти штучки меня уже не смущали. Я зашел за прилавок, нашел хлеб и сыр и сделал себе пару бутербродов, не обращая внимания на валявшийся рядом с разделочной доской окровавленный нож. Потом сел за стол у окна и открыл одну из своих банок с содовой.

Я правильно выбрал место у окошка — там было на что посмотреть, события набирали ход. По улице трусила школьная учительница, размахивала указкой и тонким голосом пела «Маленькое красное крылышко».

За ней бежало десятка два пухленьких восьмилеток — они тащили указатели автобусных остановок, по два-три человека каждый. Какая-то старушенция в новенькой зеленой тачке катала полдюжины дохлых кошек. Потом прошла целая толпа, распевая рождественские калядки, а им навстречу другая, поменьше, — те пели что-то еще — похожее на какой-то национальный гимн. Но вы знаете, что интересно: и пели многие, и что-то вдруг начинали делать вместе.

Когда я уже собрался уходить, снова пошел дождь, так что мне пришлось просидеть там еще около часа. Только дождь не остановил тех девчонок-секретарш: они бросили плачущих официантов и, выделявая что-то вроде танца живота, высыпали на улицу с воплями: «Все на Пятую авеню!»

Наконец небо посветлело, и я двинулся дальше. Всюду на улицах люди, держась друг за дружку, вопили, распевали, танцевали. Мне это все не понравилось: похоже было, вот-вот начнется потасовка. Перед кафе-автоматом на Даффи-сквер на тротуаре разлеглась целая компания и устроила что-то вроде оргии. Но когда я подошел поближе, оказалось, что они просто лежат себе и гладят друг друга по щекам.

Вот там-то я и встретил тех молодоженов — доктора Патрика Скэннела и его миссис, из Косаки в Индиане, которые будут давать показания после меня. Они стояли у входа в кафе-автомат и шептались друг с другом. Когда они увидели, что я не как все эти зомби, они кинулись ко мне как к родному.

Они приехали в Нью-Йорк поздно вечером накануне, остановились в отеле и, понимаете ли, как и положено новобрачным, не выбирались из койки сегодня где-то часов до двух. Это их и спасло. За несколько месяцев до того, еще только планируя свадебное путешествие, они заказали билеты на дневной спектакль в театре на Бродвее — на «Макбета» Шекспира, так что теперь пулей вылетели из отеля, чтобы не опоздать к началу. Им, понятно, было не до завтрака или еще чего, только у миссис Скэннел в сумочке оказалась шоколадка.

И, как они описывали, такой постановки «Макбета» никто никогда ни на земле, ни на море не видывал. По

сцене бродили четыре актера — только один из них в костюме — и все бормотали, кто во что горазд, — куски из «Макбета», «Гамлета», «Трамвая “Желание”», «Царя Эдипа», «Кто боится Вирджинии Вульф».

— Это было похоже на драматургическую антологию, — сказала миссис Скэннел. — И не так уж плохо поставленную. Каким-то образом все удивительно сочеталось одно с другим.

Да, это напомнило мне вот о чем. Как я понимаю, какое-то издательство выпускает сборник прозы и поэзии, написанной в Нью-Йорк-Сити в тот безумный элэсдэшный день. Я, черт возьми, уж эту книжицу не пропущу.

Но как ни удивительно и интересно это было, от такого представления в театре на Бродвее они чуть из штанов не выскочили от страха. А уж публика, хоть ее и немного было, напугала их еще больше. Они смылись оттуда и стали бродить по улицам, гадая, кто это сбросил на Нью-Йорк такую бомбу.

Я поделился с ними содовой; мы вместе добили мою упаковку. И я рассказал им, каким образом понял, что все дело в воде. Тут же доктор Скэннел — он был дантист, не терапевт, — но все равно он тут же щелкнул пальцами и сказал:

— Черт возьми, это же ЛСД!

Держу пари, он был первым человеком, который догадался.

— ЛСД, ЛСД, — повторял он. — Без цвета, запаха, вкуса, в одной унции 300 000 полных доз. Фунт или около того в водопровод, и... О Господи! Доигрались со всеми этими статьями в журналах — подали кому-то идею!

Мы втроем стояли на углу, пили содовую и смотрели, как люди вокруг вопят, хохочут, делают самые безумные вещи. Теперь все больше толп устремлялось на восток с криками: «Все на Пятую авеню! Все на Пятую авеню на парад!» Это было похоже на колдовство — как будто всему населению Манхэттена одновременно пришла одна и та же мысль.

Я не собирался, понятно, спорить с профессионалом, да только, знаете ли, и я тоже много чего читал в журналах про ЛСД. Вот я и сказал ему: мне не приходилось

читать, чтобы от ЛСД люди делали многое из того, чего я сегодня нагляделся. Вы только посмотрите, сказал я, на эти распевающие толпы.

Доктор Сканнел сказал, что это проявляется кумулятивный эффект обратной связи. «Чего?» — переспросил я. Тут он мне объяснил, что, наглотавшись этой дряни, люди становятся очень восприимчивы психологически, а кругом полно других психов, которые друг на друга воздействуют. Это и есть кумулятивный эффект обратной связи.

Потом он стал рассуждать о том, очищенное ли было зелье, о дозировке — о том, что в этой ситуации неизвестно, кто сколько принял. «Хуже всего, — говорил он, — что никто не был подготовлен психологически. При таких обстоятельствах может произойти что угодно». Он оглядел улицу, по которой маршировали поющие люди, и поежился.

Они решили запастись герметично запакованными продуктами и питьем, вернуться в отель и отсиживаться у себя в номере, пока все не кончится. Они приглашали и меня, да только к тому времени мне стало слишком интересно, чтобы сидеть в своей норе: мне хотелось досмотреть спектакль до конца. А еще я слишком боялся возможного пожара, чтобы запереться в комнате на четырнадцатом этаже.

Когда мы расстались, я отправился следом за толпой на восток — люди валили туда, словно у всех там было назначено свидание. На Пятой было не протолкнуться, а с запада подходили еще и еще участники. И все вопили о параде.

Что самое смешное — это что парад таки начался. Уж не знаю, как и кому удалось организовать людей, только парад оказался вершиной, завершающей нотой, последним штрихом того проклятого дня. И что за парад!

Шеренги маршировали по Пятой авеню против указателей одностороннего движения — да к тому времени никакого движения транспорта и не было. Шли группы по пятьдесят—сто человек, а между ними вышагивали цепочки распорядителей, иногда залезавшие на тротуары и смешивавшиеся со зрителями. С эмблем, которые они несли, еще капала свежая краска; другие

казались ужасно старыми и пыльными, словно их вытащили из гаражей или со складов. Большинство участников парада выкрикивали лозунги или пели песни.

Кто, черт возьми, мог бы упомянуть все организации, участвовавшие в параде? Вроде, знаете, Древнего Ордена Замороженных, Ассоциации ветеранов Корпуса Мира, Неприкасаемых с авеню Б, Анонимных Алкоголиков, НАСПЦН*, Лиги антививисекционистов, Клуба демократов Вашингтон-хайтс, Бнай брит интернэшнл**, Фонда взаимной юридической поддержки сутенеров и проституток 49-й улицы, Борцов за свободу Венгрии, комитета «Спасем Виллидж», Полицейского общества Спасителя, Дочерей Билитис, баскетбольной команды Пресвятой Богородицы Помпейской. Все-все вылезли на свет.

И все перемешалось — прокастровские кубинцы и антикастровские кубинцы шагали в обнимку и пели одну и ту же траурную испанскую песню. Трое полицейских, один из них босиком, вместе с группой студентов тащили транспарант: «Глуши пиво, а не радиостанции». Девчонка, прикрытая только плакатом, на котором черным фломастером было выведено «Немедленно узаконить изнасилования!» шла в окружении стариков и старушек, распевавших «Наша сила — в чистоте. Не позволим блудницам...» Оркестр графства Керри наяривал «Дойчланд юбер аллес», а следом за ними кучка солидных мужчин в деловых костюмах обучала двух итальянских монахинь петь «С днем рождения, Танненбаум, с днем рождения тебя!»; монахини хихикали и закрывали лица руками. А позади них двое негров лет по восемьдесят несли огромное белое полотнище, протянувшееся поперек всей Пятой авеню; на нем было написано: «Переизберем Вудро Вильсона — он не позволил втянуть нас в войну».

И по всей улице сновали какие-то люди с банками краски и кистями, рисовавшие закорючки на мостовой — зеленые, фиолетовые, белые. Один хорошо одетый

* Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

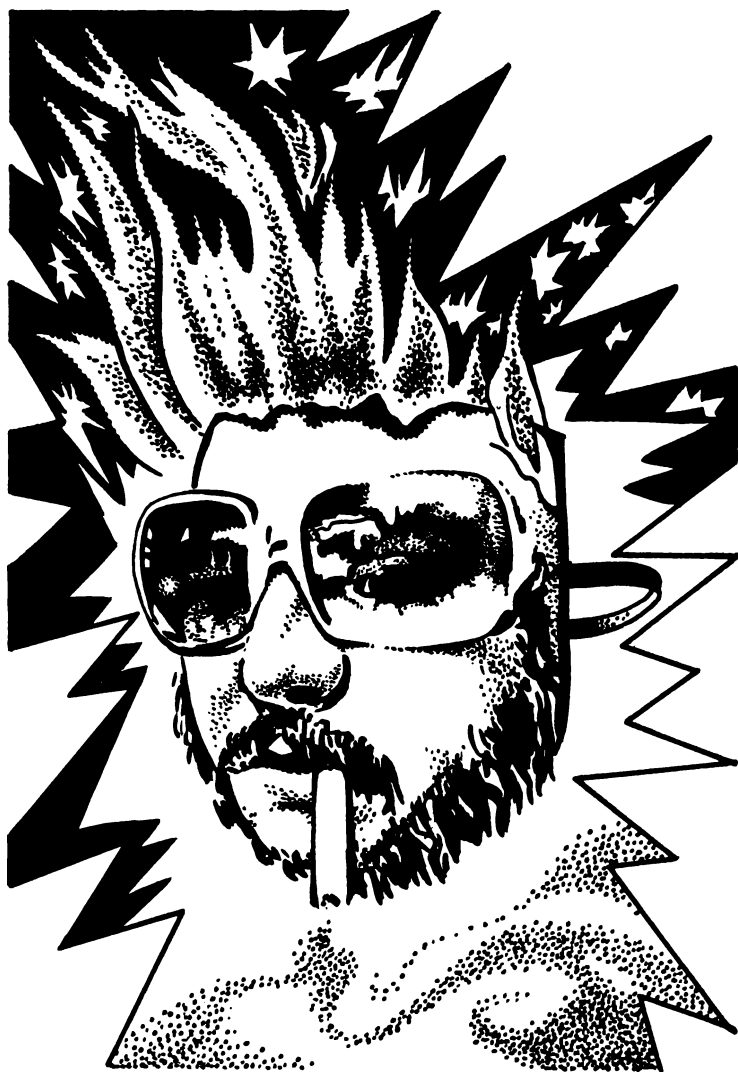
** Религиозная иудаистская организация со штаб-квартирой в Вашингтоне.

господин проводил красную линию, разделяя ею марширующих. Я думал, что это коммунист, пока не услышал, как он напевает «Боже, спаси королеву». Когда у него кончилась краска, он присоединился к компании из Союза музыкантов, которые потрясали плакатами и кричали: «Свободу народной музыке! Спасем улицу дребезжащих жестянок*!»

Лучшего парада я никогда не видел. Я смотрел до тех пор, пока армейский десант, высадившийся в Центральном парке, не начал загонять демонстрантов в развернутые военными специальные лечебные центры.

На том, черт возьми, все и кончилось.

* В конце 20 в. — квартал Манхэттена, где были сосредоточены музыкальные магазины, нотные издательства, фирмы грамзаписи.

ОГНЕННАЯ ВОДА

ОГНЕННАЯ ВОДА

Самый волосатый, грязный и старый из трех аризонских визитеров потерял спиною о пенопластовое кресло.

— Вкрадчивость напоминает лаванду, — заметил он, как бы начиная беседу.

Два его спутника — тощий юноша с бегающими глазами и женщина, чью красоту безнадежно портили чудовищно гнилые зубы, — захихикали и расслабились.

Тощий молодой человек сказал шепотом:

— Гы-гы-гы! — и двое других одобрительно закивали.

Грета Сейденхайм посмотрела на гостей, оторвав взгляд от маленькой стенографической машинки, лежавшей у нее на коленях — самых очаровательных коленях, которые только мог разыскать в Нью-Йорке ее начальник. Она повернула к боссу свою прекрасную белокурую голову:

— Это тоже, мистер Хебстер?

Президент компании «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед» подождал, когда эхо ее голоса кончит переливаться у него в ушах; ему необходимо было спокойно подумать о многих вещах. Затем он отчетливо произнес:

— Да, тоже, мисс Сейденхайм. Подыщите наиболее близкий фонетический эквивалент для этого гоготания и не забудьте обозначить, когда оно звучит вопросительно, а когда — как восклицание.

Firewater

Copyright © 1952 by Philip Klaas

Огненная вода

© С. Анисимов, перевод, 1997

Он провел наманикюренными ногтями по ящику письменного стола, где лежал «парабеллум» с полной обоймой. Проверь. Дюймах в восьми от другой его руки находились кнопки связи, с помощью которых он мог вызвать любое число сотрудников «Хебстер секьюритиз» — до девятисот человек, работавших в данный момент в здании «Башня Хебстер». Проверь. Еще были двери — там и вон там; за ними стояли телохранители в униформе, готовые ворваться в кабинет по сигналу, который раздастся, как только шеф уберет правую ногу с крохотной пружинки, вделанной в пол. И еще раз проверь.

Алгернон Хебстер умел говорить о делах — даже с Первачами.

Он вежливо кивнул каждому гостю из Аризоны и с грустью улыбнулся, увидев, что сделали грязные бесформенные обмотки, в которые были обуты посетители, с мягким глубоким ковром, специально вытканым для его личного кабинета.

— Давайте-ка быстренько представимся друг другу. Меня вы знаете. Я — Хебстер, Алгернон Хебстер. Именно обо мне вы спрашивали у вахтера в вестибюле. Если это существенно для нашей беседы, то моего секретаря зовут Грета Сейденхайм. А как ваше имя, сэр?

Он обращался к старику, однако тощий юноша подался вперед в своем кресле и вытянул худую, почти что прозрачную руку.

— Имена? — с живым интересом спросил он. — Имена округлы, если не раскрыты. Рассматривай имена. Сколько имен? Рассматривай имена, пересматривай имена!

Женщина тоже наклонилась вперед, и запах из ее почти беззубого рта достиг Хебстера, несмотря на огромные размеры кабинета.

— Толпа и досягаемость, и все это — верхнее бряцание, — заныла она, разводя руками, словно соглашаясь с очевидным заявлением. — Пустота унижается до бесконечности...

— До протяженности, — поправил ее старик.

— До бесконечности, — стояла на своем женщина.

— Га-га-га, гы? — с горечью в голосе осведомился молодой человек.

— Послушайте! — прорычал Хебстер. — Когда я спросил о...

На столе загудел переговорник, и Хебстер, сделав глубокий вдох, нажал кнопку. Раздался торопливый и испуганный голос вахтера:

— Я помню ваши приказания, мистер Хебстер, но эти два парня из Специальной следственной комиссии ОЧ снова здесь и, похоже, настроены очень серьезно. Я хочу сказать, что от них можно ждать неприятностей.

— Йост и Фунатти?

— Так точно, сэр. Мне показалось, будто им известно, что у вас там три Первача. Они спрашивают меня, чего вы добиваетесь: умышленно хотите раздражить Преждевсегошников? Они говорят, что намерены вызвать спецчасти и занять здание, если вы не...

— Задержи их.

— Но, мистер Хебстер, Специальная следственная коми...

— Задержи их, я сказал! Ты вахтер или распахнутая калитка? Придумай что-нибудь. В твоём распоряжении девятьсот служащих и корпорация с десятиллионным оборотом. Ты можешь разыграть в приемной любой фарс, какой придет в голову, — вплоть до спектакля, где актер, похожий на меня, выходит и падает замертво к их ногам. Задержи их, и я выпишу тебе премию. — Хебстер дал отбой и поднял глаза.

Его посетители, по крайней мере, пребывали в хорошем расположении духа. Они повернулись друг к другу, образовав зловонный треугольник невнятной тарабарщины, и то повышали, то понижали голоса, споря, умоляя и убеждая в чем-то друг друга; однако Алгернон Хебстер из всего их разговора мог ясно различить лишь звуки «га-га-га» да иногда категорическое «гы!».

Его губы презрительно вытянулись. Цвет человечества! Первые среди людей! Вот эти грязнули? Он закурил сигарету и пожал плечами. Ну да ладно. Первые среди людей. А бизнес есть бизнес.

«Только не забывай, что они не сверхлюди, — сказал себе Хебстер. — Они могут быть опасны, но они не

сверхлюди. Отнюдь нет. Вспомнить хотя бы ту эпидемию гриппа, которая почти всех их выкосила, или как ты сам надул двух других Первачей в прошлом месяце. Они не сверхлюди, однако и к человечеству не принадлежат. Просто они другие».

Хебстер одобрительно посмотрел на свою секретаршу. Грета Сейденхайм стучала по клавишам машинки, словно записывала самые что ни на есть заурядные деловые письма. Он с любопытством подумал, какой системой она пользуется, чтобы отразить интонационные особенности этой беседы. Впрочем, он верил в Грету — она уж что-нибудь придумает.

— Га-га-га, гы! Га-га-га, га-га-га, га-га-га, гы, гы. Га-га-га, гы, га-га-га, га-га-га, гы? Гы.

С чего вдруг столь бурное обсуждение? Он всего-навсего спросил, как их зовут. Разве в Аризоне не пользуются именами? Наверняка они знают, что здесь это вполне обычно. Сами ведь заявили, что о подобных вещах осведомлены, по крайней мере, не хуже, чем он сам.

Может быть, на этот раз их привело в Нью-Йорк что-то другое? Возможно, что-нибудь, связанное с Пришельцами?.. Хебстер почувствовал, что у него мурашки поползли по шее, и, дабы успокоиться, пригладил ладонью волосы.

Беда заключалась в том, что выучить их язык было так просто. Суметь понять их вот в такие моменты разговорчивости было сущим пустяком. Почти так же легко, как оступиться, балансируя на бревне, или как сигануть со скалы в пропасть.

Ладно, времени у него в обрез. Кто знает, как долго вахтер сумеет продержат следователей ОЧ в приемной? Необходимо снова перехватить инициативу, причем так, чтобы не обидеть посетителей каким-нибудь непредсказуемым и в высшей степени опасным образом, как оскорбить можно лишь Первачей.

Хебстер постучал по столу — очень осторожно. Гоготанье тут же резко оборвалось. Женщина медленно встала.

— Что касается имен, — гнул свое Хебстер, не сводя взгляда с женщины, — то поскольку вы, парни, утверждаете...

Женщина на миг скорчилась, словно от боли, и села на пол. Улыбнулась Хебстеру. Ее гнилозубая улыбка была ослепительна, как погасшая звезда.

Хебстер прочистил горло и приготовился сделать еще одну попытку.

— Если вас интересуют имена, — вдруг сказал старик, — то вы можете называть меня Ларри.

Президент «Хебстер секьюритиз» вздрогнул и заставил себя сказать «спасибо» хотя и слабым, но не слишком удивленным голосом. Он поглядел на щуплого юношу.

— Меня можно называть Тезей, — грустно представился молодой человек.

— Тезей? Чудесно! — Одно было хорошо в Первачах: уж если нашел с ними общий язык, то быстро продвигаешься вперед. Но подумать только — Тезей!.. Теперь женщина, — и можно приступать к делу.

Все смотрели на нее, даже на безупречно-красивом лице Греты проступило любопытство.

— Имя, — сама себе прошептала женщина. — Имя имени.

«Только не это, — простонал про себя Хебстер. — Как бы нам здесь не увязнуть».

Ларри, по всей видимости, решил, что потеряно уже достаточно много времени, и обратился к женщине с предложением:

— Почему бы тебе не назваться Мэу?

Молодой человек — Тезей, как выяснилось, — вроде бы тоже заинтересовался этой проблемой.

— Очень хорошее имя Ровер, — подсказал он.

— А как насчет Глории? — безнадежно спросил Хебстер.

Женщина размышляла.

— Мэу, Ровер, Глория, — бормотала она. — Ларри, Тезей, Сейденхайм, Хебстер, я. — Она как будто подводи́ла итог.

Хебстер знал, что произойти может все что угодно. Но, по крайней мере, они больше не вели себя, как снобы: говорили с ним на его языке. Не только перестали гоготать, но и оставили эти глумливые двусмысленности, которые были еще хуже. Во всяком случае, в их словах сквозил смысл — своего рода.

— Для данной встречи, — проговорила наконец женщина, — подходящим именем для меня было бы... Будет... Меня зовут Луизитания*.

— Превосходно! — выкрикнул Хебстер давно вертевшееся у него на языке слово. — Какое прекрасное имя. Ларри, Тезей и... э-э... Луизитания. Отличная компания. Замечательная. Итак, давайте перейдем к делу. Вы ведь пришли по делу, насколько я понимаю?

— Точно, — кивнул Ларри. — Мы слышали о вас от тех двоих, которые месяц назад ушли из дома в Нью-Йорк. Они рассказывали про вас, когда вернулись в Аризону.

— Правда? Я так и думал.

Тезей соскользнул с кресла и плюхнулся на пол рядом с женщиной, которая что-то выщипывала из воздуха.

— Да, рассказывали про вас, — повторил он. — Говорили, что вы приняли их очень хорошо, что вы оказали им такое уважение, на какое только способно подобное вам существо. Еще они сказали, что вы их обжулили.

— Ну что вам ответить, Тезей? — Хебстер развел холеными руками. — Я ведь бизнесмен.

— Вы бизнесмен, — согласилась Луизитания, тихонько поднявшись на ноги и с силой ударив обеими руками что-то невидимое перед собой. — Здесь, в данной точке, в данный момент — мы тоже. Вы можете получить то, что мы принесли, но вам придется за это заплатить. И не воображайте, будто вам удастся обдурить нас.

Она опустила сложенные пригоршней ладони, внезапно раскрыла их, и оттуда выпорхнул крохотный орел. Он полетел к флюоресцентным панелям, сияющим на потолке. Подниматься ему было трудно, поскольку на груди у него висел тяжелый полосатый щит, в одной лапе он сжимал пучок стрел, а в другой — оливковую ветвь. Орел повернул свою миниатюрную лысую головку и зашипел на Алгернона Хебстера —

* В мае 1917 г. германская подводная лодка потопила английский лайнер «Луизитания», на борту которого погибло 128 американцев, что и подтолкнуло США к вступлению в войну. (Здесь и далее примеч. пер.)

при этом из клюва выпала лента с надписью «E Pluribus Unum»*, — а потом начал быстро снижаться. Не успев коснуться пола, он исчез.

Хебстер зажмурился, вспомнив о необходимости проявлять полнейшее равнодушие по отношению ко всему происшедшему, оставаться столь же спокойным, как и Первачи. Профессор Клеймбохер утверждал, что Первачи — духовные алкоголики. Но тогда почему от общения с ними у всех остальных начиналась белая горячка?

Он открыл глаза.

— Итак, — промолвил Хебстер, — что вы продаете?

На несколько секунд воцарилось молчание. Тезей, казалось, позабыл, о чем хотел сказать. Луизитания уставилась на Ларри.

Ларри, закутанный в кусок грубой вонючей материи, почесал правый бок:

— Вот: наивернейший способ победить любого, кто пытается применить *reductio ad absurdum*** к разумным предложениям, с которыми вы выступаете. — Он самодовольно улыбнулся и принялся чесать левый бок.

Хебстер усмехнулся, поскольку чувствовал себя прекрасно:

— Нет. Не могу это использовать.

— Не можете использовать? — Старик изо всех сил старался изобразить удивление, украдкой покосившись на Луизитанию.

Женщина снова улыбнулась и села на пол.

— Ларри по-прежнему не говорит на том языке, который вы в состоянии понимать, мистер Хебстер, — ворковала она, напоминая внешним видом дружелюбную фабрику удобрений. — У нас есть то, что, как нам известно, вам очень нужно. Очень сильно нужно.

— Да? — «Они похожи на тех двоих Первачей, которые были месяц назад, — ликовал Хебстер. — Они не знают, что годится, а что нет. Интересно, а их хозяева знают? А даже если и знают, — разве кто-нибудь ведет дела с Пришельцами?»

* «В многообразии едины» (лат.) — девиз на гербе США.

** Приведение к абсурду (лат.).

— У нас... есть, — она говорила с расстановкой, из всех сил стараясь произвести глубокое впечатление, — новый оттенок красного цвета. Но не только это. О нет! Новый оттенок красного, а также полная цветовая гамма, производная от него! Полная гамма, производная от этого одного оттенка красного цвета, мистер Хебстер! Вы только представьте себе, что может сотворить художник не-объективист с такой...

— Мадам, меня это не интересует. Тезей, не хотите ли теперь вы что-нибудь предложить?

Тезей хмурился, созерцая зеленую подставку письменного стола. Потом с довольным видом откинулся назад.

Хебстер вдруг понял, что давление на его правую ступню внезапно исчезло. Каким-то образом Тезей распознал пружинку-выключатель, спрятанную в полу, и неизвестным способом уничтожил ее.

Дезинтегрировал ее, не включив сигнализацию, к которой она была подсоединена.

Трое Первачей захихикали и быстро обменялись своими «га-га-га-гы». Все они знали, что сделал Тезей и как Хебстер пытался защищаться. Тем не менее они не разозлились и даже, видимо, не испытывали торжества. Вот и пойми поведение Первачей!

Однако не стоит тревожиться раньше времени. Измотанные нервы — вот цена, которую приходится платить, когда имеешь дело с этими типами. Но, с другой стороны, вознаграждение...

Гости вдруг опять приняли деловой вид.

Тезей выпалил свое предложение, словно базарный торговец, называющий последнюю, абсолютно последнюю цену:

— Комплект демографических справочников, которые могут быть скоррелированы с...

— Не пойдет, Тезей, — мягко возразил ему Хебстер.

Он откинулся в кресле и наслаждался, временно позабыв об отсутствии выключателя под ногой, а посетители лихорадочно, отчаянно, перебивая друг друга, выплескивали все новые предложения:

— Портативный нейтронный стабилизатор для исключительно разъя...

— Более пятидесяти способов сказать «однако» без того, чтобы...

— ...и таким образом каждая домохозяйка сможет делать *entrechat** в процессе приготовления обе...

— ...синтетическая ткань, обладающая фактурой шелка и производя...

— ...Декоративные орнаменты для лысых с использованием фолликул в качестве...

— ...Полное и окончательное опровержение всех пирамидологов со стороны...

— Хорошо! — завопил Хебстер. — Хорошо! Этого достаточно!

Грета Сейденхайм уже почти не помнила себя и вздохнула с облегчением. Ее стенографическая машинка жужжала, как центрифуга.

— Так вот, — сказал предприниматель, — что вы хотите получить взамен?

— Одна вещь из тех, которые мы назвали, нужна вам, правильно? — пробормотал Ларри. — Какая именно? Опровержение пирамидологов? Черт, держу пари, что попал в точку!

Луизитания презрительно помахала руками над головой:

— Попал — пальцем в небо, дурень! Его восхитила новая гамма красного цвета. Этот новейший...

В переговорнике раздался голос вахтера:

— Мистер Хебстер, вернулись Йост и Фунатти. Я их было выставил, но только что дежурный по вестибюлю сообщил мне, что они вернулись и поднимаются наверх. У вас есть две минуты, может быть, три. К тому же они такие злые, что сами похожи на Преждевсегошников!

— Благодарю. Когда они вылезут из лифта, сделай все, что в твоих силах, только по возможности постарайся держаться в рамках закона. — Хебстер повернулся к своим гостям: — Послушайте...

Но они уже снова не обращали на него никакого внимания:

* Антраша (*фр.*) — в классическом балете — прыжок, во время которого вытянутые ноги танцовщика скрещиваются в воздухе несколько раз.

— Га-га-га, га-га-га, гы, гы, гы? Га-га-га, гы, га-га-га, га-га-га! Га-га-га, гы, га-га-га, гы, га-га-га, гы, гы.

Неужели эти звуки, напоминавшие не то кашель, не то храп, действительно имели для них какой-то смысл? Неужто и вправду это был язык, настолько превосходящий все прочие человеческие языки, насколько... Пришельцы, как считается, превосходят самого человека? Ну что ж, по крайней мере, они с его помощью могут общаться с Пришельцами. А Пришельцы, Пришельцы...

Хебстер вдруг вспомнил о двух разъяренных представителях мирового государства, рвущихся к его офису.

— Послушайте, друзья. Вы пришли сюда, чтобы торговать. Вы показали мне свой товар, и кое-что мне бы хотелось приобрести. Что именно — несущественно. Сейчас единственный вопрос заключается в том, что вы за это хотите получить. И давайте закончим поскорее. Меня ждут другие неотложные дела.

Обладательница стоматологического кошмара вскочила на ноги. Под потолком образовалась тучка величиной не больше ладони, и из нее пролилось примерно ведро дождя на дорогой ковер.

Хебстер провел холеным пальцем по внутренней стороне воротничка, чтобы вздувшиеся на шее вены не лопнули. Потом взглянул на Грету, и к нему вернулось самообладание, когда он увидел, с каким смирением девушка ждет возобновления беседы, чтобы записать ее. Первачи, может, трепались о том, как жили в Лондоне два года тому назад, когда их повыгоняли из всех крупных городов — потому что из ничтожной комнатной мухи они превратились в настоящих слонов, — но Грета Сейденхайм продолжала бы преобразовывать их разговор в соответствующие стенографические символы.

Интересно, почему, при всем их могуществе, они просто не брали то, что им хотелось? Зачем проделывали долгий и изнурительный путь до городов, где тайком устраивали нелегальные встречи с такими дельцами, как Хебстер? Их могли арестовать и вернуть в резервацию, а тех, кого не ловила полиция, безбожно обманывали «надежные» люди. Почему бы им просто не вломиться, не забрать несуразные и жалкие трофеи

и не мчаться назад к своим хозяевам? Если уж на то пошло, то почему их хозяева... Однако душа Первача была душой Первача: не от мира сего и не для мира сего.

— Мы скажем вам, чего хотим взамен, — начал Ларри прямо посередине криканин. Он поднял руку с длинными и необыкновенно грязными ногтями и начал перечислять предметы, загибая пальцы: — Во-первых, сто экземпляров «Моби Дика» Мелвилла в мягкой обложке. Затем двадцать пять транзисторных радиоприемников с наушниками. Затем два здания Эмпайр-стэйт-билдинг или три киноконцертных зала «Рэдио-сити» — как вам удобнее; их мы хотим получить вместе с фундаментами, в полной сохранности. Достаточно хорошую копию статуи «Гермес» Праксителя. И электрический тостер 1941 года выпуска. Вот, пожалуй, и все. Так, Тезей?

Тезей наклонился вперед, уперевшись носом в колени.

Хебстер тяжело вздохнул. Список был не таким уж плохим, он ожидал худшего — любопытно, между прочим, что их хозяева неизменно выпрашивали электроприборы и художественные ценности, — но у него не было времени торговаться. Три киноконцертных зала «Рэдио-сити»!..

— Мистер Хебстер, — сообщил в переговорник вахтер. — Эти парни из ССК... Мне удалось собрать толпу возле их лифта, когда он поднялся на наш этаж, и еще я закрыл на ключ... То есть я пытаюсь зак... Но я не думаю... Вы можете...

— Молодец! Ты все делаешь прекрасно!

— Тезей, это все, что мы хотели? — снова спросил Ларри. — Га-га-га?

В приемной раздался громкий треск и топот бегущих ног.

— Посмотрите-ка, мистер Хебстер, — наконец сказал Тезей, — если вы не желаете покупать Ларрину защиту от *reductio ad absurdum* и вам не нравится мой метод украшения лысин, несмотря на всю его бесспорную художественность, то как насчет системы музыкальной записи...

Кто-то попробовал открыть дверь кабинета Хебстера, однако та была заперта. Послышался стук в дверь, потом еще один — громче и нетерпеливее.

— Он уже выбрал, что ему нужно, — встряла Луизитания. — Да, Ларри, ты ничего не пропустил.

Хебстер пригладил волосы на своем уже лысеющем лбу.

— Отлично! Теперь послушайте. Я могу дать вам все, что вы просите, кроме двух зданий Эмпайр-стэйт-билдинг и трех «Рэдио-сити».

— Или три зала «Рэдио-сити», — поправил Ларри. — Не пытайтесь надуть нас! Два здания Эмпайр-стэйт-билдинг или три «Рэдио-сити». На ваше усмотрение. Почему... разве это слишком дорого для вас?

— Откройте двери! — раздался голос, больше похожий на рев разъяренного быка. — Именем Объединенного Человечества, откройте двери!

— Мисс Сейденхайм, откройте дверь, — громко сказал Хебстер и подмигнул своей секретарше, которая встала и медленно, с задумчивым видом направилась к скрытой панели.

Два плеча с силой ударили в дверь. Хебстер знал, что дверь его офиса способна выдержать натиск среднего танка. Однако существовал определенный предел, до которого можно валять дурака со Специальной следственной комиссией ОЧ. Эти парни отлично знали и Первачей, и дельцов, которые с ними работают, поэтому имели полномочия сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы — буде таковые возникнут.

— Вопрос не в том, дорого это для меня или нет, — говорил Хебстер своим гостям, подводя их к запасному выходу, находившемуся за его письменным столом. — По причинам, которые, я убежден, вас не интересуют, я не могу отдать два здания Эмпайр-стэйт-билдинг или три киноконцертных зала «Рэдио-сити» с неповрежденными фундаментами — по крайней мере, сейчас. Все остальное я вам заплачу, и...

— Откройте дверь, или мы взорвем ее!

— Пожалуйста, джентльмены, прошу вас, — уговаривала их Грета сладким голоском. — Вы ведь можете убить бедную девушку, которая изо всех сил старается

вас впустить. Замок что-то заело. — Она дергала дверную ручку, глядя на Хебстера с легкой озабоченностью.

— Но вместо этих предметов, — продолжал Хебстер, — я дам...

— Я имею в виду, — перебил его Тезей, — вот что. Вам, разумеется, известна основная проблема композиторов, пишущих в двенадцатитональной системе?

— Я могу предложить вам, — упрямо продолжал бизнесмен, весь покрывшись потом, который струился по его телу, словно весенние ручейки, — полный комплект архитектурных чертежей Эмпайр-стэйт-билдинг и «Рэдио-сити» плюс пять... — нет, я даже дам вам десять! — уменьшенных моделей каждого здания. К тому же вы получите все остальное, о чем просите. Вот так. Хотите — соглашайтесь, а нет — так нет. Быстро!

Гости переглянулись. Хебстер распахнул дверь запасного выхода и помахал рукой пяти насторожившимся телохранителям, стоявшим у его личного лифта.

— Договорились, — сказали продавцы одновременно.

— Отлично, — чуть ли не пропищал Хебстер и втолкнул их в дверь, сказав самому высокому из пяти охранников: «Девятнадцатый этаж!».

Он захлопнул запасный выход в тот момент, когда мисс Сейденхайм открыла дверь кабинета и в него ворвались Йост и Фунатти, оба в темно-зеленых мундирах ОЧ. Не мешкая, они бросились к тому месту, где только что стоял Хебстер, и высадили дверь запасного выхода. До них донесся звук тронувшегося лифта.

Фунатти, коротышка с оливкового цвета кожей, фыркнул:

— Первачи! У него здесь были Первачи, как пить дать. Чувствуешь этот запах немытых тел, Йост?

— Ага, — проговорил человек повыше ростом. — Пошли. Аварийная лестница. Мы сможем засечь лифт!

Агенты спрятали в кобуры свое служебное оружие и затопали по металлическим ступеням. Где-то внизу остановился лифт.

Секретарша Хебстера подошла к переговорнику.

— Ремонтная бригада! — Она подождала. — Ремонтники, автоматические замки на выходе с девятнадцатого этажа до тех пор, пока группа, которую мистер Хебстер только что отправил вниз, не доберется до

какой-нибудь лаборатории. И все время извиняйтесь перед полицейскими. Не забывайте, они из ССК.

— Спасибо, Грета, — сказал Хебстер, перейдя на неофициальный тон, как только они остались одни. Он плюхнулся в свое рабочее кресло и с облегчением вздохнул: — Ведь должны же существовать какие-нибудь более простые способы заработать миллион!

Девушка подняла безукоризненные светлые брови.

— Или стать абсолютным монархом?

— Если мне дадут достаточно времени, — ответил он лениво, — я стану воплощением ОЧ, планетарным правительством и все такое прочее. Еще год или, может, два — и все.

— А ты случайно не забываешь о некоем Вандермеере Демпси? Его молодчики тоже хотят занять место ОЧ. Не говоря уже об их причудливых планах в отношении твоей особы. К тому же их ужасно, ужасно много.

— Они меня не волнуют, Грета. «Человечество прежде всего» распадется в одночасье, как только этот дряхлый старый демагог испустит дух. — Хебстер нажал на кнопку переговорника. — Ремонтники! Ремонтники, та компания, которую я послал вниз, уже добралась до безопасной лаборатории?

— Нет, мистер Хебстер. Но все идет как надо. Мы направили их на двадцать четвертый этаж, а тех ребят из ССК доставили вниз на служебные этажи. Кстати, мистер Хебстер, об ССК... Мы выполняем ваши приказы и все такое, но никому из нас не хочется неприятностей со Специальной следственной комиссией. В соответствии с последним законодательством, противодействие им практически приравнивается к уголовным преступлениям.

— Не беспокойтесь, — сказал Хебстер. — Я еще не подставил ни одного моего служащего. Свяжитесь со мной, как только надежно спрячете Первачей и они будут готовы к допросу.

Он снова повернулся к Грете:

— Прежде чем уйдешь, перепечатай всю эту фигню и отдай профессору Клеймбохеру. Ему вроде удалось найти новый подход к их тарабарщине.

Девушка кивнула:

— Мне бы хотелось, чтобы ты пользовался записывающими устройствами, а не заставлял меня сидеть за допотопной машинкой.

— Мне тоже хотелось бы. Но Первачи страшно любят налагать заклятие на электрические аппараты, — если не собирают их для Пришельцев. У меня накопилась целая гора радиопередатчиков и магнитофонов, безнадежно вышедших из строя посередине разговора с Первачами, и наконец я пришел к выводу, что единственным решением проблемы будет обычная стенографистка. Рано или поздно Первачи научатся и с этим управляться.

— Сколь отратно об этом думать! Как-нибудь холодным вечером я помечтаю о такой перспективе. С другой стороны, что мне жаловаться, — бормотала Грета, входя в свой собственный маленький кабинет. — На колдовстве Первачей держится весь наш бизнес, который приносит жалованье и дает мне маленькие блестящие безделушки, а я их очень люблю!

Увы, не совсем так, размышлял Хебстер, сидя в ожидании гудка переговорника, который должен был сообщить ему о прибытии гостей в безопасную лабораторию. Примерно девяносто пять процентов капитала компания «Хебстер секьюритиз» извлекла из технических новинок, купленных у Первачей в результате сомнительных сделок, однако основой всего был небольшой инвестиционный банк, который он унаследовал от своего отца еще во времена Полувойны — в те дни, когда Пришельцы впервые появились на Земле. Ужасающе разумные точки, кружащиеся внутри своих разноцветных бутылок разнообразной формы, находились совершенно за гранью человеческого понимания.

В те далекие дни какой-то остряк заметил, что Пришельцы явились не для того, чтобы уничтожить человека, не с тем, чтобы его покорить или поработить. У них была поистине чудовищная цель — игнорировать его!

Даже сегодня никто не знал, из какой области Галактики прибыли Пришельцы. Или зачем. Никто не имел понятия, какова была их численность. А также как они управляют своими открытыми и совершенно бесшумными космическими кораблями. Те немногие

вещи, которые удалось о них узнать, когда Пришельцы соизволяли спикировать вниз и исследовать какое-нибудь человеческое предприятие с отстраненным видом высокоцивилизованных туристов, служили подтверждением такого технологического превосходства над Человеком, какое опрокидывало все представления и повергало в отчаяние самую бурную фантазию. Хебстер недавно прочитал социологический трактат, где делалось предположение, что Пришельцы оперировали концепциями, настолько опережающими состояние современной науки, насколько метеоролог, засевающий пораженную засухой почву сухим льдом, непостижим для первобытного земледельца — тот, тщетно пытаясь разбудить задремавших богов дождя, трубит в бараний рог.

Длительные, бесконечно опасные наблюдения показали, что эти «точки в бутылках», видимо, перешагнули в своем развитии потребность в готовых инструментах любого рода, создавая их по мере надобности, творя и уничтожая материю по собственной воле!

Некоторые люди входили с ними в контакт...

Людьми они не оставались.

Некоторые выдающиеся личности проникали в кружащиеся мерцающие поселения чужаков. Кое-кто вернулся, рассказывая о чудесах, которые они понимали очень смутно и плохо рассмотрели. Их описания неизменно звучали так, словно в самый критический момент им закрыли глаза, или перегорели душевные предохранители, и по ту сторону понимания проникнуть не удалось.

Другие — такие знаменитости, как президент Земли, трехкратный лауреат Нобелевской премии, выдающийся поэт, — очевидно, каким-то образом сумели прорваться за эту грань. Однако они были среди тех, которые не вернулись. Они остались в поселениях Пришельцев на Юго-Западе Америки, в Гоби и Сахаре. Едва способные заботиться о себе, несмотря на вновь обретенное и почти невероятное могущество, они молитвенно слонялись вокруг чужаков, разговаривали, терзая гортань и носоглотку, в муках рождая человеческую имитацию языка их хозяев. Кто-то сказал, что разговор с Первачом подобен попыткам слепого прочитать книгу, написанную азбукой Брайля для осьминога.

И то, что эти бородатые, завшивевшие, воняющие отщепенцы, опьяневшие и отупевшие от логики совершенно иной жизненной формы, были сливками человеческой расы, отнюдь не поднимало самосознания людей.

Люди и Первачи почти не причисляли друг друга к человечеству; люди — из-за раболепства и беспомощности Первачей, если пользоваться человеческой терминологией, а Первачи — за невежественность и скудоумие людей, пользуясь понятиями Пришельцев. Поэтому, за исключением тех случаев, когда они действовали по приказу Пришельцев через полулегальных дельцов вроде Хебстера, Первачи не общались с людьми, как и их хозяева.

Когда их помещали в лечебницы, то они либо быстро сводили себя в могилу, либо, внезапно теряя терпение, пролагали себе дорогу свободы сквозь стены сумасшедших домов и стражников, которым не посчастливилось оказаться у них на пути. Поэтому первоначальный энтузиазм полицейских и чиновников, медперсонала и законодателей развеялся, и принудительная изоляция Первачей почти полностью прекратилась.

Поскольку эти две группы психологически были столь чужды друг другу, что совместное существование стало невозможным, то чудотворцы в лохмотьях получили особый почетный статус: цвет человечества, первые среди людей. Не лучше, чем люди, и не обязательно хуже их — но другие, и опасные.

Что привело их к этому? Хебстер откатил назад кресло и обследовал дырку в полу, где находилась спираль сигнальной пружины. Тезей дезинтегрировал ее — как? С помощью мысли? Телекинез, направленный одновременно на все молекулы металла и заставивший их двигаться быстро и беспорядочно? Или, возможно, он просто переместил пружину — куда? В пространстве? В гиперпространстве? Во времени?

Хебстер покачал головой и снова придвинулся к надежному, гладкому, рациональному и полезному письменному столу.

— Мистер Хебстер? — вдруг осведомился переговорник, и он даже слегка подпрыгнул. — Говорит Маргритт из Общей лаборатории 23Б. Ваши Первачи только что прибыли. Обычная проверка?

«Обычная проверка» означала выкачивание информации по всем мыслимым техническим предметам, которое проводили девять специалистов в общей лаборатории. Эта процедура заключалась в «обстреле» Первачей вопросами со скоростью полицейского допроса, выводе их из равновесия и поддержании в этом состоянии в надежде, что неожиданно просочится хоть небольшая капля полезных научных знаний.

— Да, — ответил Хебстер. — Обычная проверка. Только сначала пускай над ними поработает спец по текстилю. Собственно говоря, пусть он и ведет всю проверку.

Возникла некоторая пауза.

— Единственный специалист по текстилю в этом отделе — Чарли Верус.

— Ну и?.. — спросил Хебстер, немного раздражаясь. — Почему такой тон? Он компетентен, я надеюсь? Что о нем говорит отдел кадров?

— Отдел кадров считает, что он компетентен.

— Тогда приступайте. Смотрите, Маргритт, у меня здесь ССК носится по всему зданию с налитыми кровью выпученными глазами. Сейчас нет времени копаться в дрязгах вашего отдела. Подключайте Веруса.

— Да, мистер Хебстер. Эй, Берт! Разыщи Чарли Веруса. Да, того самого.

Хебстер покачал головой и хихикнул. Ох уж эти техники! Верус, вероятно, был очень башковитым и очень противным.

Переговорник снова ожил:

— Мистер Хебстер? Верус слушает.

В этом голосе звучала такая смертная скука, что казалась совершенно наигранной. Однако специалистом он был, вероятно, хорошим, несмотря на все его невроты. В «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед» держали первоклассный отдел кадров.

— Мистер Верус? Я хочу, чтобы вы возглавили проверку Первачей. Один из них знает, как делать синтетическую материю с фактурой шелка. Сначала займитесь этим, а уж потом посмотрите, что у них есть еще.

— Первачи, мистер Хебстер?

— Я сказал Первачи, мистер Верус. Вы специалист по текстилю, прошу об этом не забывать, а не правдо-

любец и не комедийный простак. Принимайтесь за дело. Мне нужен отчет об этой материи к завтрашнему дню. Если понадобится, работайте всю ночь.

— Прежде чем мы начнем, мистер Хебстер, возможно, вас заинтересует небольшая справка. Уже существует синтетика, превосходящая шелк...

— Я знаю, — коротко ответил начальник. — Ацетат целлюлозы. К несчастью, у него есть несколько недостатков: низкая температура плавления, никудышная химическая сопротивляемость... Я прав?

На другом конце ничего не ответили, Хебстер как бы почувствовал озадаченный кивок. Он продолжал:

— У нас есть также протеиновые волокна. Они хорошо окрашиваются, приятны на ощупь, обладают теплопроводностью, необходимой для изготовления одежды, однако прочность на разрыв у них — смехотворная. Ответом может стать искусственное протеиновое волокно: материя будет иметь фактуру шелка, не исключено, мы сумеем использовать здесь кислотные красители, которые применяем на шелке и которые придают ему такие оттенки, что у женщин кружится голова и они широко раскрывают свои кошельки. Во всем этом одна беда — множество «если», я знаю. Но один из Первачей сказал что-то о синтетике с фактурой шелка, и вряд ли он настолько в своем уме, чтобы толковать об ацетате целлюлозы. Или о нейлоне, орлоне, винилхлориде и вообще о чем-нибудь таком, что у нас уже есть.

— Вы разбираетесь в проблемах текстильной промышленности, мистер Хебстер.

— Разбираюсь. Я разбираюсь во всем, что связано с большими деньгами. А теперь, прошу вас, займитесь Первачами. Несколько миллионов женщин, затаив дыхание, ждут секретов, спрятанных в их бородах. Как вы полагаете, Верус, с персоналом, находящимся в вашем распоряжении, и с научными сведениями, которые вы сейчас от меня получили, смогли бы вы приступить к работе, за которую вам платят деньги?

— М-м-м-м. Да.

Хебстер подошел к стенному шкафу и достал оттуда шляпу и пальто. Ему нравилось работать в сложных

условиях; ему приятно было видеть, как люди вскакивают и вытягиваются в струнку, едва он на них гавкнет. И вот теперь его радовала перспектива отдыха.

Хебстер соорудил гримасу, посмотрев на кресло, в котором сидел Ларри. Нет смысла отчищать его. Проще заказать новое.

— Я буду в университете, — сказал он вахтеру, выходя из офиса. — Вы можете связаться со мной через профессора Клеймбохера. Но только в случае крайней необходимости. Профессор чрезвычайно раздражается, когда его отвлекают.

Вахтер кивнул. Потом спросил с весьма озабоченным видом:

— Те два человека, Йост и Фунатти, из Специальной следственной комиссии... Они сказали, что никому не разрешат покинуть здание.

— Они и сейчас так говорят? — Хебстер усмехнулся. — Я думаю, они просто злились. Такое с ними и раньше случалось. Но до тех пор, пока им не удастся что-нибудь навесить на меня... Да, кстати, передайте моим телохранителям, чтобы они шли домой, кроме того человека, который находится при Первачах. Пусть связывается со мной, где бы я ни был, каждые два часа.

Хебстер легкой походкой направился к выходу, не забывая благожелательно улыбаться каждому третьему клерку и каждой пятой машинистке в большом офисе. Персональный лифт и вход были хороши для кризисных ситуаций, но Хебстеру нравилось часто появляться на людях, демонстрируя им свое благорасположение.

Приятно будет снова увидеться с Клеймбохером. Хебстер очень большие надежды возлагал на лингвистический подход к проблеме. Благодаря финансовой поддержке от его корпорации филологическое отделение университета выросло в три раза. В конечном итоге фундаментальной проблемой между людьми и Первачами, так же как между людьми и Пришельцами, была проблема общения. Любой попытке овладеть наукой чужаков, понять их менталитет и логику должно предшествовать понимание.

Докопаться до этого понимания было задачей Клеймбохера, а не его. «Я — Хебстер. Я нанимаю людей, чтобы они решали задачи. Затем я из этого делаю деньги».

Кто-то преградил ему дорогу. Кто-то другой взял его за руку.

— Я — Хебстер, — машинально повторил он, но уже вслух. — Алгернон Хебстер.

— Именно этот Хебстер нам и нужен, — проговорил Фунатти, крепко вцепившись ему в руку. — Вы не откажетесь проследовать с нами?

— Это арест? — спросил Хебстер у более высокого Йоста, который посторонился, чтобы пропустить его. Йост трясущимися пальцами поглаживал свою кобуру.

Сотрудник ССК пожал плечами:

— К чему задавать лишние вопросы? Просто следуйте с нами и будьте чуточку повежливее. С вами хотят поговорить.

Хебстер позволил протащить себя через вестибюль, украшенный фресками художников-модернистов, и с благодарностью кивнул швейцару, который, глядя сквозь его конвоиров, радостно проговорил: «Добрый день, мистер Хебстер». Он довольно сносно устроился на заднем сиденье автомобиля ССК — это была последняя модель «одноколесника Хебстера».

— Странно видеть вас без телохранителей, — бросил через плечо Йост, севший за руль.

— Я предоставил им отгул.

— Как только закончили дело с Первачами? О нет, — признал Фунатти, — нам так и не удалось найти, куда вы их запрятали. Ваше здание, мистер, такое огромное!.. А Специальной следственной комиссии ОЧ катастрофически не хватает сотрудников.

— И им, не забывая, катастрофически мало платят, — добавил Йост.

— Даже если бы хотел, не смог бы забыть, — заверил его Фунатти. — Знаете, мистер Хебстер, на вашем месте я не стал бы отпускать телохранителей. Сейчас за вами охотятся люди, которые раз в пять опаснее Первачей. Я имею в виду «Человечество превыше всего».

— Придурки Вандермеера Демпси? Спасибо, что предупредили, но я надеюсь выжить.

— Ну вот и хорошо. Главное — не давайте им форы. Их ряды растут быстро и стремительно. У одного только «Вечернего гуманитария» огромный тираж. А потом добавьте еще еженедельные газеты, дешевые брошюры, листовки — все вместе представляет собой впечатляющую пропагандистскую машину. Изо дня в день они со страниц прессы ведут атаку на людей, которые делают деньги на Пришельцах и Первачах. Разумеется, на самом деле их цель — ОЧ, как всегда, но рядовой Преждевсегошник, повстречав вас на улице, не раздумывая перережет вам глотку. Не тревожитесь? Извините. Что ж, возможно, вам понравится вот это. «Вечерний гуманитарий» дал вам остроумное прозвище. — Йост захохотал. — Скажи ему, Фунатти.

Президент корпорации благожелательно посмотрел на коротышку.

— Они называют вас, — четко и с удовольствием произнес Фунатти, — они называют вас межпланетным сводником!

Вынырнув наконец из магистрального туннеля, машина выехала на новейшее Истсайдское воздушное скоростное шоссе, в просторечии известное как Маршрут пикирующего бомбардировщика. Около Сорок второй улицы — самого перегруженного въезда в Манхэттен — Йост не успел проскочить на разрешающий сигнал. Он рассеянно ругнулся, и Хебстер машинально кивнул в знак согласия. Они смотрели, как секция лифта, уменьшаясь в размерах, уплывает вниз, а машины, выезжающие на шоссе, по спирали поднимаются справа. Между ними взлетали вверх и опускались мощные портовые платформы, а далеко внизу, сложенные, словно множество карточных колод, ждали своей очереди подмости для пешеходов.

— Смотри! Вон там, прямо над головой! Видишь?

Хебстер и Фунатти посмотрели туда, куда показывал длинный трясущийся палец Йоста. В двухстах футах к северу от выезда и почти в четверти мили над их головой висел, словно зачарованный, какой-то коричневый объект. Время от времени сияющая голубая

точка оживляла тяжелый мрак, заключенный в эту кувшинообразную форму, и, кружась, исчезала, чтобы уступить место другой.

— Глаза? Тебе не кажется, что это глаза? — спросил Фунатти, рассеянно потирая друг о друга темные кулаки. — Я знаю, что говорят ученые: каждая точка эквивалентна одной личности, а вся бутылка — вроде как семья или, может, город. Только вот откуда они знают? Это ведь только теория, как я понимаю. Я говорю, что это глаза.

Йост наполовину высунул из открытого окна машины свое мощное тело, прикрыв от солнца глаза форменной фуражкой.

— Вы только поглядите! — сказал он через плечо. В его голосе появились гнусавые нотки, — кипящие внутри эмоции вернули давно забытый акцент. — Ишь, сидит там, уставился и смотрит! Подумайте только, как интересно: люди съезжают и выезжают на переполненное шоссе! Ведь не скажет «прошу прощения», когда мы пытаемся заговорить с ним, когда хотим узнать, откуда оно и зачем пожаловало, кто оно такое. Куда там! Оно слишком недосягаемо, чтобы общаться с нам подобными. Но оно может наблюдать за нами — часами, днями, ночами, зимой и летом! Оно может наблюдать за нами, когда мы занимаемся своими делами. И каждый раз, когда мы, тупые двуногие животные, пытаемся решить какую-нибудь слишком сложную для нас задачу, появляются проклятые «точки в бутылке», которые наблюдают, усмеваются и...

— Эй, парень, — Фунатти протянул руку и дернул своего напарника за зеленый китель. — Полегче там. Мы как-никак ССК, при исполнении.

— А! Какая разница! — Йост злобно усмехнулся, сел на свое место и надавил на кнопку газа. — Хотел бы я, чтобы у меня сейчас был в руках папочкин старый малютка «М-1». — Они проехали вперед, мягко вкатились на следующую длинную секцию лифта и начали опускаться. — Не посмотрел бы даже на то, что могут пинять.

«И это говорит сотрудник ОЧ, — размышлял Хебстер, почему-то чувствуя себя крайне неудобно. — Не просто сотрудник ОЧ, если уж на то пошло, а член

специального подразделения, которого тщательнейшим образом проверяли на отсутствие антиперваческих предвззсудков, приносивший присягу соблюдать резервационное законодательство безо всякой дискриминации, и убежденный сторонник концепции, что Человек как-то сумеет достигнуть равенства с Пришельцем».

А с другой стороны, сколько люди могут глотать дерьмо? То есть люди, лишщенные коммерческой жилки. Его отец сам мало-помалу выбился из толпы крохоборов и воспитал своего единственного сына так, чтобы тот постоянно стремился к еще большей власти, всегда искал лишшний процент дохода. Однако другие люди, очевидно, лишшены таких всепоглощающих страстей, как с сожалением понимал Алгернон Хебстер.

Им было невыносимо жить среди достижений, которые Пришельцы сделали ничтожными. Мучительно знать наверняка, что наиболее яркие озарения, на какие они только способны, самые хитроумные конструкции и величайшее мастерство могут быть скопированы — и превзойдены — за одно мгновение какими-то чужаками и представляют для них интерес лишь как объекты коллекционирования. Ощущение неполноценности достаточно чудовищно, если даже его просто воображают. Когда же оно из ощущения превращается в знание, когда неполноценность неизбежна и самоочевидна, когда она касается любого аспекта созидательной деятельности, то становится невыносимой и сводит с ума.

Неудивительно, что люди впадали в неистовство под многочасовым немигающим пристальным взглядом Пришельцев — наблюдающих, как они маршируют на красочном костюмированном местном параде, или ловят рыбу через дырку во льду, или с огромным трудом пытаются мягко приземлить гигантский межконтинентальный авиалайнер, или сидят потные рядами вокруг футбольного поля и орут что-то другим потным людям, бегающим по траве. Неудивительно, что они хватаются за ржавое ружье или блестящую винтовку и мстительно палят в небо, отравленное высокомерным любопытством какой-нибудь коричневой, желтой или алой «бу-тылки».

Между тем толку от этого никакого не было, только давало определенную разрядку нервам, загнанным в жуткий психологический угол. А Пришельцы по-прежнему не обращали ни на что ровно никакого внимания, и это было самым важным. Пришельцы просто-напросто продолжали наблюдать, словно вся эта стрельба и вой, все проклятия и бряцание оружием были частью некоего увлекательного спектакля, за просмотр которого они заплатили и намеревались досмотреть его до конца — хотя бы ради удовольствия видеть, как иногда сойдется с роли какой-нибудь актеришка этой неопытной труппы.

Пришельцы не несли никакого ущерба и не считали, что на них нападают. Пули, снаряды, дробь, картечь, стрелы, камни, пущенные из пращи — весь арсенал ярости Человека просачивался сквозь них, словно безобидный теплый дождик. Тем не менее Пришельцы были вполне материальны — они поглощали свет и тепло. А еще...

А еще иногда случались «пинь».

Время от времени кто-нибудь явно немного задевал кого-либо из Пришельцев. Или, правильнее сказать, раздражал его каким-то неизвестным обстоятельством, сопутствующим выстрелу из ружья или метанию копья.

Возникало как будто бы легчайшее подобие звука — словно гитарист коснулся кончиком пальца струны, но в последнее мгновение передумал. И после этого нежного и едва различимого «пинь» стрелок — довольно нелепым образом — оказывался безоружным. Он стоял, тупо глядя на свои скрюченные пальцы, с отставленным локтем и поднятым плечом, как большой придурковатый ребенок, забывший, что игра уже кончилась. Никто никогда больше не находил ни самого оружия, ни какой-либо его части. А Пришелец продолжал себе наблюдать — серьезно, пристально, с любопытством.

Эти «пинь» были направлены, казалось, главным образом на оружие. Однако иногда Пришельцы могли «спиньнуть» и 155-миллиметровую гаубицу, и мускулистую руку, отведенную назад, чтобы бросить еще один камень. А еще бывали случаи, — можно предположить, что Пришелец, утратив интерес, становился в своем раздражении несколько небрежен, — когда целый человек

в смертельном неистовстве и помрачении издавал «пинь» и переставал существовать.

Это не походило на применение какого-то контроружия, а скорее было ответом несоизмеримо более высокого уровня, вроде шлепка в ответ на укус насекомого.

Хебстер с содроганием вспомнил однажды увиденное. Черный Пришелец, внутри которого кружились янтарные точки, завис над местом, где перекапывали улицу; очевидно, его покорило зрелище людей, копошащихся в земле у себя под ногами. Похожий на секвойю рыжий рабочий-ирландец оторвал взгляд от твердого манхэттенского гранита и посмотрел вверх, смахивая со лба пот. Тут он заметил переливающегося точками наблюдателя, зарычал и поднял свой отбойный молоток, чтобы хоть звуком поугрожать небеса. Остальные рабочие даже и не видели, как темный, искрящийся представитель звездной расы повернулся и издал «пинь».

Тяжелый отбойный молоток еще мгновение висел в воздухе, а потом будто вдруг понял, что хозяин пропал. Пропал? Казалось, что бедолага и не существовал-то никогда. Настолько совершенным было его исчезновение, так быстро и с такой легкостью он был отменен, — ничего не повредив и не взяв с собой, — что все случившееся можно было назвать актом совершенного антисотворения.

«Ну уж нет, — решил Хебстер, — делать угрожающие жесты в адрес Пришельцев — сущее самоубийство. Хуже того: как и все прочее, что испробовано по сей день, это бесполезно. А с другой стороны, подход партии “Гуманность прежде всего” — полнейший невроз... Ну что тут можно поделать?»

Он порывлся в своей душе в поисках какого-то фундаментального символа веры и нашел его. «Я могу делать деньги, — процитировал Хебстер самому себе. — Это у меня хорошо получается. Это я всегда могу делать».

Когда машина остановилась возле приземистого и унылого здания из красного кирпича, которое раньше было арсеналом, а теперь ССК приспособило его для своих нужд, Хебстер испытал потрясение. Через улицу

находился маленький табачный магазин, единственный на весь квартал. Названия сигарет, украшавшие витрину всеми цветами радуги, пополнились недавно появившимися лозунгами, написанными золотыми буквами. В последнее время их можно было встретить повсюду — но чтобы так близко от конторы ОЧ, от Специальной следственной комиссии? В самой верхней части витрины хозяин декларировал свою партийную принадлежность тремя огромными словами, которые прямо-таки изливали на улицу ненависть:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПРЕЖДЕ ВСЕГО!

Чуть ниже, точно в центре окна, красовался большой золотой символ организации — переплетенные буквы ЧПВ, вырастающие из лезвия бритвы.

Еще ниже каракулями было написано как бы пояснение:

«Человечество прежде всего, после всего и навсегда!»

Надпись на двери звучала уже угрожающе:

«Депортируйте Пришельцев! Отошлите их туда, откуда они явились!»

Центр двери занимало коммерческое объявление:

«Покупайте здесь! Покупайте только человеческое!»

— «Человеческое», — с горечью проговорил Фунати. — Вы когда-нибудь видели, что остается от Первача, если он без охраны ССК попадает в руки кучке Преждевсегошников? Чтобы убрать, достаточно промокاشки. Ведь вас, я полагаю, не радуют такие магазины, призывающие к бойкоту?

Они проходили мимо охранников в темно-зеленой форме, отдавших им честь. Хебстер через силу усмехнулся:

— Вряд ли многие из дурачков, вдохновленных лозунгами Преждевсегошников, занимаются табачным бизнесом. Но даже если таковые и находятся, то один «Человеческий магазин» меня не разорит.

«Однако они существуют, — подумал про себя Хебстер с тревогой. — И разорят меня, если все это действительно так серьезно, как кажется. Членство в организации — одно дело, так же, как и планетарный патриотизм, а бизнес — нечто совсем другое».

Хебстер тихонько пошевелил губами, вспоминая одну из первейших заповедей: независимо от того, во что верит и во что не верит хозяин магазина, он должен получать от своей лавки достаточный доход, чтобы его не беспокоил полицейский пристав. Но это было бы невозможно, если бы он раздражал большую часть своих потенциальных клиентов.

Таким образом, поскольку он все еще в бизнесе и, судя по внешним признакам, дела его идут очень хорошо, хозяин этого магазина не зависит от сотрудников ОЧ на другой стороне улицы. Значит, должно продаваться достаточно много товара — за счет покупателей, которые не только не возражают против преждевсезизма продавца, но и готовы отказаться от интересных новых разработок и более низких цен на бытовые товары, производимые по технологиям Первачей.

«Следовательно, вполне вероятно — если судить на основании этого совершенно случайного, но в высшей степени показательного примера, — что газеты, которые я читаю, лгут, а социоэкономисты, которые на меня работают, некомпетентны. Очень возможно, что потребители — то есть единственная часть населения, которая меня хоть как-то интересует — в целом начинают менять точку зрения, что в конечном итоге отразится на их покупательских ориентациях».

Возможно, вся экономика ОЧ сейчас находится в самом начале долгого соскальзывания к диктату «Человечества прежде всего», в безопасную зону фанатичной слепоты, границы которой определяют люди вроде Вандермеера Демпси. Ростовщическая, спекулятивная экономика Римской империи совершила аналогичную метаморфозу в течение гораздо более долгого исторического периода два тысячелетия тому назад, и всего за три века мир стал статичным и непредприимчивым, когда банковское дело считалось греховным занятием, а богатство, полученное не по наследству, — непристойным и позорным.

Между тем, возможно, люди уже начали судить о промышленных товарах с точки зрения морали, а не их полезности, понял Хебстер, — и смутные догадки стали бесстрастно выстраиваться, формируя окончательный вывод. Он припомнил объемистую папку с блестящими

объяснениями, полученную на прошлой неделе из Отдела исследования рынка, относительно неожиданного неприятия потребителями новой посуды «Эвваклин». Он не придавал значения тщательно обоснованному тезису о том, что женщины подсознательно ассоциируют название продукта с некоей Катрин Эвакиос, которая недавно появилась на первых страницах всех таблоидов мира благодаря тому, что перерезала горло хлебным ножом пятерым своим детям и двум любовникам. Тогда Хебстер лишь улыбнулся и зевнул, изучив первую разноцветную диаграмму этого опуса.

— Вероятно, не более чем обычная подозрительность домохозяек в отношении радикально новой идеи, — пробормотал он. — После того как они годами мыли посуду, им говорят, что больше этого делать не нужно! Женщина не в силах поверить, что ее тарелка «Эвваклин» останется точно такой же, как раньше, если удалить тончайшую пленку молекул после еды. Надо бы несколько заострить внимание на образовательном аспекте — возможно, провести аналогию с отмершими молекулами, которые кожа теряет под душем.

Он сделал несколько замечаний на полях и передал эту проблему в не знающий покоя Отдел рекламы.

Однако затем последовал сезонный спад продажи мебели — приблизительно на месяц раньше обычного срока. Удивительное отсутствие интереса к стулу «хебстер» — изделию, которое должно было произвести переворот в представлениях человека о том, как нужно сидеть.

Вдруг он припомнил еще более десятка необъяснимых сбоев на рынке, и все они касались товаров широкого потребления. Правильно: любое изменение в покупательских привычках не отражается на тяжелой промышленности по крайней мере в течение года. Станкостроительные заводы почувствуют это быстрее сталелитейных; сталелитейные заводы — раньше обогачительных комбинатов; банки же и крупные инвестиционные компании окажутся теми костями домино, которые упадут последними.

Принимая во внимание, что капитал его компании очень тесно связан с исследованиями и новейшими технологиями, самыми тяжелыми последствиями чреват

даже временные колебания такого рода. «Хебстер секьюритиз» может исчезнуть, как пылинка, сдутая с воротника пальто.

«Далеко идущие размышления о маленькой табачной лавочке... Видно, страх Фунатти перед растущим распространением преждевсегошных настроений заразителен! Если бы только Клеймбохер сумел решить языковую проблему! Если бы мы смогли поговорить с Пришельцами, найти для себя какое-нибудь место в их вселенной. Тогда бы у Преждевсегошников не оказалось никакой политической опоры!»

Хебстер вдруг понял, что очутился в большом неприбранном кабинете, по стенам которого были развешаны карты, и его конвой отдает честь здоровенному, еще более неопрятному, нежели его кабинет, человеку. Незнакомец нетерпеливо махнул, чтобы они опустили руки, и кивком приказал им выйти. Хебстеру он движением руки предложил выбрать, куда сесть. Выбирать предстояло из нескольких крашенных коричневых скамеек, в беспорядке стоявших в комнате.

«П. Браганза» — стилизованными под готические буквами сообщала табличка на столе. У П. Браганзы были длинные, закрученные и потрясающе густые усы. Кроме того, П. Браганзе срочно следовало бы подстричься. Казалось, и он сам, и вся комната просто специально созданы для того, чтобы наносить наиболее острые оскорбления Преждевсегошникам. Принимая во внимание короткие стрижки Преждевсегошников, их чисто выбритые лица, философию «Чистота — почти Человечность», этот кабинет сам по себе был очень неприятен, когда в результате разгона уличной демонстрации он наполнялся сопротивляющимися фанатиками, антисептически чистыми и одетыми с аскетической простотой и аккуратностью.

— Итак, вы озабочены влиянием Преждевсегошников на бизнес?

Хебстер с удивлением взглянул на своего собеседника.

— Нет, я не читаю ваши мысли, — засмеялся Браганза, показав желтые от табака зубы, и махнул в сторону окна рядом с письменным столом. — Я заметил, как вы немного вздрогнули, увидев тот табачный

магазинчик. А потом смотрели на него целых две минуты. Я знаю, о чем вы думали.

— Вы очень наблюдательны, — холодно заметил Хебстер.

Офицер ССК отрицательно затряс головой:

— Нет-нет. Наблюдательность здесь совершенно ни при чем. Я догадался, о чем вы думаете, потому что сижу здесь, день за днем смотрю на эту лавчонку и думаю точно то же самое. «Браганза, — говорю я себе, — это конец твоей работе. Это конец просвещенному мировому правительству. Вон там, в витрине табачного киоска».

Несколько секунд он взирал на свой заваленный всяким хламом стол.

Хебстер инстинктивно насторожился: в воздухе запахло торговлей. Он понял, что этот человек занят непривычным делом — подыскивает тему, чтобы начать разговор. Хебстер ощутил в животе холодок страха. Зачем высокопоставленному должностному лицу ССК, чья власть была почти что выше закона и уж наверняка больше, чем у правительств, пытаться с ним торговаться?

Учитывая репутацию человека, привыкшего задавать вопросы с помощью завязанного конца резинового шланга, Браганза был слишком уж обходителен, чересчур разговорчив, непомерно дружелюбен. Хебстер чувствовал себя как пойманная мышь, которой кошка вдруг начинает жаловаться на соседскую собаку.

— Хебстер, ответьте, пожалуйста: каковы ваши цели?

— Прошу прощения?

— Чего вы хотите от жизни? Какие планы строите днем, о чем мечтаете по ночам? Йост любит девочек и желает получить их как можно больше. Фунатти — человек семейный, пятеро детей; он доволен своей работой, потому что его работа достаточно надежна и обеспечивает всякие там пенсии и страховки.

Браганза опустил голову и начал медленно, размеренно вышагивать перед столом.

— Ну, я немного другой человек. Не то чтобы мне не нравилось быть знаменитым полицейским. Я ценю, разумеется, регулярность, с какой финансовое ведомство платит мне жалованье; и в этом городе найдется очень немного женщин, которые могли бы сказать,

будто, узнав об их благосклонности, я их с презрением отверг. Однако есть одна вещь, за которую я был бы готов отдать свою жизнь. Это Объединенное Человечество. Был бы готов отдать свою жизнь? Если говорить о кровавом давлении или шумах в сердце, то можете не сомневаться: я уже это сделал. «Браганза, — говорю я себе, — ты чертовски везучий остопоп! Ты работаешь на первое мировое правительство в истории человечества. А это кое-что значит».

Он остановился перед Хебстером и раскинул руки. Расстегнутый китель разошелся и обнажил черные густые волосы на груди.

— Вот он я. Вот, в сущности, все, что можно сказать о Браганзе. Если мы собираемся говорить серьезно, мне нужно столько же знать и о вас. Я спрашиваю: каковы ваши цели?

Президент компании «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед» облизнул губы.

— Боюсь, что я даже еще менее сложен.

— Ничего, — подбодрил его собеседник. — Расскажите об этом так, как вам больше нравится.

— Можно сказать, что прежде всего я бизнесмен. Главным образом я заинтересован в том, чтобы стать еще лучшим бизнесменом, то есть более крупным. Другими словами, я хочу стать богаче, чем сейчас.

Браганза пристально посмотрел на него:

— И все?

— Все? Разве вы никогда не слышали, как говорят: «Деньги — еще не все». Вот только назовите мне, чего деньги не могут купить?

— Они не могут купить меня.

Хебстер холодно оглядел хозяина кабинета.

— Затрудняюсь сказать, насколько велик спрос на подобный предмет потребления. Я покупаю то, что мне необходимо, иногда делая исключение, чтобы доставить себе удовольствие.

— Вы мне не нравитесь, — голос Браганзы стал грубым и неприятным. — Мне никогда не нравились люди вашего типа, так что нет нужды быть вежливым. Я, пожалуй, даже и стараться не буду. Я вам прямо скажу: я думаю, вы засранец.

Хебстер встал:

— В таком случае я полагаю, что должен поблагодарить вас за...

— Сядьте! Вас сюда пригласили по делу. Я в этом смысла не вижу, но сделаем все, как положено. Садитесь.

Хебстер сел. Он нехотя размышлял, получал ли Браганза хотя бы половину той зарплаты, какую он платил Грете Сейденхайм. Разумеется, Грета обладала многочисленными и разнообразными талантами и выполняла несколько отдельных и полезных работ. Нет, после вычета налогов и пенсионных взносов Браганза вряд ли получал даже треть Гретиного жалованья.

Он заметил, что ему протягивают газету, и взял ее. Браганза хмыкнул, снова залез за свой письменный стол и повернулся в крутящемся кресле к окну.

Это был недельной давности номер «Вечернего гуманитария». Еще когда Хебстер просматривал газету в прошлый раз, он отметил, что она уже перестала быть «рупором немногочисленного меньшинства, у которого есть свой отчетливый голос» и приобрела вид солидного издания. Даже если тираж, указанный в левом верхнем углу, поделить на два, то все равно у них должно быть не менее трех миллионов читателей. В правом верхнем углу в красной рамке располагался призыв к правоверным: «Читайте “Вечерний гуманитарий”!» Зеленая полоса через всю верхнюю часть первой страницы сообщала, что «Люди говорят дело, Первачи плетут околесицу!» Но самое важное находилось в центре полосы. Карикатура.

Полдюжины Первачей с длинными спутанными бородами, кретинскими улыбками и высунутыми языками сидят в рахитичной повозке. Они держат вожжи, прикрепленные к группе тянущих эту тележку дородных мужчин, которые одеты — весьма скромно — во фраки и цилиндры. Самый жирный и омерзительный из них держит в зубах бумажку с надписью «бешеные деньги», а сам джентльмен помечен «Алгернон Хебстер».

Колеса повозки давят и крушат различные предметы, как-то: забранную в рамку надпись «Родной дом» вместе с куском стены, опрятного подростка в форме

бойскаута, обтекаемой формы локомотив и прекрасную молодую женщину с ревущим младенцем на руках.

Карикатура ядовито вопрошала: «Хозяева Мироздания или рабы?»

— Эта газетка, похоже, превратилась в довольно грязный скандальный листок, — пробормотал вслух Хебстер. — Не удивлюсь, если узнаю, что она приносит доход.

— Я так понимаю, — сказал Браганза, не поворачиваясь и не отрываясь от созерцания улицы, — что в последние месяцы вы ее читали не очень регулярно?

— Счастлив сообщить, что нет.

— И зря.

Хебстер с удивлением уставился на спутанные пряди черных волос:

— Почему?

— Потому что она превратилась в исключительно грязный и чрезвычайно доходный скандальный листок. И вы — ее главный скандал. — Браганза засмеялся. — Видите ли, эти люди считают связи с Первачами скорее грехом, нежели преступлением. И в соответствии с этой моралью вы для них чуть ли не сам сатана!

На секунду зажмурившись, Хебстер попытался понять людей, которые считали такую красивую и услаждающую душу категорию, как прибыль, чем-то грязным и отвратительным, словно копошащиеся личинки. Он вздохнул:

— Мне самому всегда казалось, что преждевсезизм — просто религия.

Видимо, это задело сотрудника ССК за живое. Браганза резко повернулся и возбужденно указал на Хебстера двумя пальцами:

— И вы совершенно правы, скажу я вам! Это переходит всякие границы — несовместимые и враждебные концепции сливаются воедино. Осознанное, бездумное отрицание в высшей степени болезненного факта: где-то еще во Вселенной существует разум, превосходящий наш собственный. И это отрицание набирает силу с каждым днем, по мере того как мы оказываемся не в состоянии вступить в контакт с Пришельцами. Если для человечества нет достойного места в галактической цивилизации — а это представляется очевидным, — ну

что ж, говорят люди, подобные Вандермееру Демпси, тогда давайте, по крайней мере, сохраним наше самоуважение. Давайте сплотимся и будем наслаждаться тем, что несомненно принадлежит человечеству. Через несколько десятилетий всю людскую расу засосет в этот дурной вакуум.

Браганза встал и снова вышел из-за письменного стола. В его голосе появились ужасно честные, трагически-умоляющие нотки. Он смотрел в лицо Хебстеру, как будто отыскивал там хоть какой-нибудь признак слабости, хоть одну уязвимую точку в ледяном спокойствии.

— Подумайте об этом, — попросил он Хебстера. — Периодические казни ученых и художников, которые, по разумению Демпси, слишком отделились от общепринятого центра того, что они называют человеческим. А также — время от времени — *auto-da-fe* в честь какого-нибудь коммерсанта, пойманного на продаже товаров Первачей...

— Мне бы это не понравилось, — признал, улыбнувшись, Хебстер. Он на миг задумался. — Я понимаю, вас подтолкнула карикатура в «Вечернем гуманитарии».

— Мистер, это же очевидно. Они хотят получить вашу голову на конце длинной палки. Они хотят ее, потому что вы стали символом сотрудничества — ради собственной выгоды — со звездными чужаками или, по крайней мере, с их мальчиками на побегушках и горничными. Они считают, что, может быть, сумеют покончить с этим явлением в целом, если покончат с вами. И вот что я вам скажу: возможно, они и правы.

— И что конкретно вы предлагаете? — спросил Хебстер низким голосом.

— Чтобы вы присоединились к нам. Мы объявим вас честным человеком — официально. Мы хотим, чтобы вы встали во главе нашего исследования; только целью здесь будет не лишний доллар, а наиважнейшее межрасовое общение и в итоге — межзвездные переговоры.

Президент «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед» несколько минут раздумывал над услышанным. Он хотел сформулировать осторожный ответ. И ему требовалось время — прежде всего ему требовалось время!

Он был так близок к созданию цельной, всемирной коммерческой империи! На протяжении десяти лет он кропотливо строил в нужных местах индустриальные королевства, укреплял сюзеренитет в своей промышленной сети, выжимая все больше и больше власти из этой экономической сатрапии. Он нашел сладчайшие лакомства власти в разложении своей цивилизации, бесконечные возможности преумножать богатство среди осколков самоуважения человеческой расы. Теперь ему требовалось каких-нибудь двенадцать месяцев, чтобы все объединить и скоординировать. И вдруг — точь-в-точь как Джим Фиске, который скупил золото на Фондовой бирже и стоит с открытым ртом, вдруг с ужасом узнав, что Казначейство США надуло его, выбросив на рынок неимоверное количество металла из собственных запасов, — вдруг Хебстер осознал, что времени у него нет. Он был слишком опытным игроком, чтобы не почувствовать, как в игру включился новый фактор, не имеющий ничего общего с его таблицами статистических отчетов, рыночными диаграммами и индексами грузоперевозок. Ему свело губы, и он ощутил тяжелый тошнотворный вкус неожиданного поражения.

Хебстер заставил себя ответить:

— Я польщен. Браганза, я действительно очень польщен. Вижу, Демпси связал нас вместе — либо мы выстоим, либо падем одновременно. Но... я всегда был одиночкой. Я сам забочусь о своих делах, покупая необходимую помощь. Меня не интересуют никакие иные цели, кроме лишнего доллара. С начала и до конца я — бизнесмен.

— А, перестаньте! — Чернявый мужчина повернулся и прошелся туда-сюда по кабинету. — Сложилась чрезвычайная ситуация. Бывают моменты, когда нельзя оставаться просто бизнесменом.

— Не могу согласиться. Я не в силах вообразить себе такой момент.

Браганза фыркнул:

— Нельзя оставаться бизнесменом, если вас поджаривают на огромном пылающем костре. Нельзя оставаться бизнесменом, когда мозги людей так тщательно контролируются, что они перестают есть по команде

своего лидера. Нельзя оставаться бизнесменом, мой раболепствующий алчный друг, если спрос удовлетворен настолько, что перестает существовать.

— Это невозможно! — Хебстер вскочил на ноги. К собственному удивлению, он услышал, как в его голосе зазвучали чуть ли не истерические интонации. — Спрос есть всегда. Всегда! Вся штука в том, чтобы распознать, какие формы он принял, а затем удовлетворить его!

— Извините. Я не хотел высмеивать вашу религию.

Хебстер глубоко вздохнул и очень осторожно сел. Он почти физически ощущал, как закипают его красные кровяные тельца.

«Не расстраивайся, — предупредил он самого себя, — не волнуйся! Этого человека нужно завоевать, а не противостоять ему. На рынке меняются правила игры, Хебстер, и тебе понадобится каждый друг, какого только можно купить».

Деньги тут не сработают, однако существуют другие ценности...

— Послушайте меня, Браганза. Мы имеем дело с психосоциальными последствиями встречи исключительно развитой цивилизации со сравнительно варварской. Вы знакомы с так называемой теорией огненной воды профессора Клеймбохера?

— О том, что логика Пришельцев оказывает на нас такое же воздействие, как в свое время виски — на североамериканских индейцев? А Первачи, представляющие собой наши лучшие умы, являются эквивалентом тех индейцев, которым нравилась цивилизация белых людей? Да, это сильная аналогия. Даже в применении к тем индейцам, которые, накачавшись алкоголем, валялись на улицах пограничных городков и помогали создавать миф о вероломных, ленивых, готовых за выпивку убить аборигенах и которых в то же время так ненавидели их соплеменники, что они не смели вернуться домой, опасаясь расправы. Мне всегда казалось...

— Меня сейчас интересует один аспект: вопрос об огненной воде. Там, в индейских деревнях, все возрастающее число жителей приходило к убеждению, что огненная вода и всепожирающая цивилизация бледнолицых являются синонимами, что им нужно восстать

и силой отобрать назад свои земли, попутно убивая как можно больше пьяных ренегатов. Эта группа похожа на «Человечество прежде всего». Было еще и меньшинство, которое признавало превосходство белых людей в численности и вооружении и отчаянно старалось договориться с их цивилизацией — договориться на условиях, не включающих выпивку. Им соответствует теперешнее ОЧ. И наконец, были индейцы моего типа.

Браганза сдвинул густые брови и уселся на краешек письменного стола:

— Да? Ну и каким же индейцем были вы, Хебстер?

— Тем, у которого достаточно мозгов, чтобы понимать: бледнолицые ни в малейшей степени не заинтересованы в том, чтобы спасти его от медленной и болезненной культурной анемии. А также тем индейцем, чьи инстинкты достаточно сильны и который до смерти боится новинок вроде огненной воды и не притрагивается к ней, даже чтобы спастись от змеиного укуса. Но при этом таким индейцем...

— Продолжайте!

— Таким индейцем, которого крайне интересовал прозрачный сосуд, в котором находилась огненная вода! Подумайте, с каким вожделением, должно быть, смотрел индейский гончар на бутылку из-под виски — нечто, находящееся абсолютно за гранью возможностей его с таким трудом освоенных технологий. Представьте себе, как он ненавидит, прокликает и боится вонючую янтарную жидкость, которая повергает наземь самых доблестных воинов, и в то же время жаждет обладать этой бутылкой, только без ее содержимого. Вот приблизительно как я вижу себя, Браганза, — тем индейцем, чье жадное любопытство светится ярким огоньком во мраке истерии племенных политиков и презрения отщепенцев. Я хочу как-нибудь отделить новый сосуд от огненной воды.

На Хебстера, не мигая, смотрели большие темные глаза. Браганза поднял руку и машинально подкрутил свои огромные усы. Проходили минуты.

— Ну что ж. Хебстер в роли благородного дикаря нашей цивилизации... — проговорил наконец сотрудник ССК. — В этом что-то есть. Однако что это означает, если смотреть на проблему в целом?

— Я уже говорил вам, — утомленно сказал Хебстер, хлопнув ладонью по скамейке, — что меня никоим образом не интересует проблема в целом.

— И вам нужна только бутылка. Я слышал. Но вы не гончар, Хебстер, вам совершенно не свойственна любознательность мастера. А что касается всех этих исторических примеров, о которых вы тут разглагольствовали, — так вам совершенно наплевать, если даже планета провалится в тартарары. Все, что вам нужно, — это прибыль.

— Я никогда и не декларировал альтруистических мотивов. Я оставляю глобальные решения людям, у которых достаточно хорошие мозги, чтобы преодолеть такого рода сложности — как, например, у Клеймбохера.

— Думаете, кто-нибудь вроде Клеймбохера сумеет с этим справиться?

— Почти уверен. С самого начала мы допустили ошибку — пытались прорваться с помощью историков и психологов. Но они были ограничены либо в результате изучения человеческих обществ, либо — э-э, это, конечно, личное, но мне всегда казалось, что наука о мышлении привлекает главным образом тех, кто уже сам столкнулся с серьезными психологическими проблемами. Несмотря на то что подобные специалисты могут в ходе своей работы достигнуть такого понимания самих себя, что в конечном счете станут более приспособленными, нежели индивиды, у которых изначально было меньше проблем, я все равно считаю их слишком неуравновешенными для столь чреватого внутренним потрясением дела, как установление взаимоотношений с Пришельцами. Их внутренняя динамика неизбежно превратит их в Первачей.

Браганза цыкнул зубом и задумчиво осмотрел стену позади Хебстера.

— А Клеймбохера, по вашему мнению, это не касается?

— Нет. Только не профессора филологии. У него нет ни интересов, ни интеллектуальных корней в личностной или групповой нестабильности. Клеймбохер занимается сравнительным языкознанием. Он, в сущности, техник — специалист по основам общения. Я наблюдал

за его работой. Он подходит к проблеме исключительно в терминах своего предмета — общение с Пришельцами вместо попыток понять их. Было уже слишком много замысловатых домыслов относительно сознания Пришельцев, их половой активности и социальной организации, о вещах, из которых мы не извлечем осязаемой и немедленной пользы. А Клеймбохер совершенно прагматичен.

— Хорошо. Вот только сегодня утром он стал Первачом.

Хебстер замолчал, осекшись на полуслове, и у него отвалилась челюсть.

— Профессор Клеймбохер? Рудольф Клеймбохер? Но он был так близок... он почти закончил... словарь первичных сигналов... он уже почти...

— Стал. Приблизительно в девять сорок пять. Всю ночь провел с Первачом, которого какому-то профессору-психиатру удалось загипнотизировать, и ушел домой в очень приподнятом настроении. Сегодня утром в середине первого занятия он прервал лекцию по средневековой кириллической письменности и... и начал гоготать. Он чихал и хрипел на студентов минут десять, как обычно это делают Первачи в состоянии сильного раздражения, потом отвернулся от них, как от безнадежных и никчемных идиотов, и с мрачным видом поднялся в воздух. Ударившись головой о потолок, потерял сознание и упал. Не знаю, в чем тут дело, может, это был испуг, волнение, возможно, уважение к старику, но студенты почему-то не связали его, прежде чем бросились за помощью. Когда они вернулись вместе с университетским сотрудником ССК, Клеймбохер уже пришел в себя и, чтобы выйти, убрал одну из стен Высшей школы. Вот фотография: лежа на спине и закинув руки за голову, он летит в западном направлении со скоростью двадцать миль в час.

Предприниматель, моргая, рассматривал маленький бумажный квадратик.

— Вы, конечно, связались с военно-воздушными силами, чтобы организовать погоню?

— А что толку? Мы это делали уже много раз. Он либо увеличит скорость и вызовет торнадо, либо упадет

камнем вниз и забрызгает собой все окрестности, либо материализует внутри реактивных двигателей преследующего самолета что-нибудь вроде кофейной гущи или золотых слитков. Никому еще не удавалось поймать Первача во время его первой вспышки... не знаю, что они там вначале чувствуют. И при этом мы можем потерять все что угодно — от довольно дорогостоящего самолета вместе с пилотом до нескольких сотен акров плодородной почвы в Нью-Джерси.

Хебстер застонал:

— Но восемнадцать лет исследовательской работы!..

— Именно. Тупик. Все это ужасно близко к концу. Если мы не можем расколоть Пришельцев на чисто лингвистической основе, значит, мы не можем расколоть Пришельцев вообще. Точка. Самое мощное наше оружие действует на них, как трубочки для мыльных пузырей, а наши лучшие умы пригодны лишь для того, чтобы прислуживать им в качестве никудышных, влияющих хвостом идиотов. Но Первачи — это все, что у нас осталось. Может, мы сумеем договориться до чего-то разумного со слугой, раз уж не сумели с хозяином.

— Если не принимать во внимание, что Первачи, по определению, не говорят ничего разумного.

Браганза кивнул:

— Но поскольку они были людьми — обыкновенными людьми, — они, для начала, представляют собой надежду. Мы всегда знали, что, возможно, однажды нам снова придется прибегнуть к нашему единственному реальному контакту. Именно поэтому действуют столь строгие законы по охране Первачей; поэтому резервации Первачей, окружающие поселения Пришельцев, охраняются вооруженными подразделениями. Настроения линчевания перерастали в настроения погрома, по мере того как в людях росло чувство обиды и беспокойства. «Человечество превыше всего» начинает набирать достаточно силы, чтобы бросить вызов Объединенному Человечеству. И честно говоря, Хебстер, трудно сегодня сказать, кто выживет, если дело дойдет до настоящей схватки. Но вы — один из тех немногих, кто разговаривал с Первачами, работал с ними...

— Только по бизнесу.

— Такое начало — в тысячу раз лучше всего, чего нам удалось до сих пор достигнуть. Что за чудовищная на-смешка, когда людей, которые вообще хоть как-то общались с Первачами, ни на йоту не интересует полное крушение цивилизации!.. Ну да ладно. Главное, в сложившейся политической ситуации вы потонете вместе с нами. Признавая это, мои люди готовы очень многое забыть и вернуть вам респектабельность. Что скажете?

— Забавно, — задумчиво проговорил Хебстер. — Не может быть, чтобы знания превращали вполне трезвых ученых в чудотворцев. Все они начинают метать молнии в свои семьи и извлекать воду из скалы, сразу как только становятся Первачами, то есть слишком рано, чтобы овладеть новой техникой. Похоже, сам факт приближения к Пришельцам, чтобы поклоняться им, немедленно дает возможность овладеть некоторыми космическими законами, более фундаментальными, нежели причина и следствие.

Лицо Браганзы медленно наливалось краской и багровело.

— Вы с нами или нет? Запомните, Хебстер, в наше время человек, занимающийся бизнесом, как обычно, является предателем по отношению к истории.

— Я думаю, что Клеймбохер — это и есть конец, — кивнул Хебстер сам себе. — Не имеет особого смысла стараться понять менталитет Пришельцев, если при этом теряешь лучших людей. Лучше забыть обо всей этой чепухе насчет существования на равных в одной Вселенной с Пришельцами. Давайте сосредоточимся на человеческих проблемах и будем благодарны, что они не явились в наши основные населенные центры и не приказали нам выметаться.

Зазвонил телефон. Браганза уселся в крутящееся кресло. Он дал аппарату пронзительно пропищать несколько раз, стиснул мощные квадратные зубы и пристально, в упор посмотрел на своего посетителя. Наконец поднял трубку и выдал скудный словесный паек:

— Слушаю. Он здесь. Передам. Пока.

Браганза поджал губы и резко повернулся к окну.

— Ваш офис, Хебстер. Похоже, что ваши жена и сын в городе и хотят видеть вас по срочному делу. Это та, с которой вы развелись десять лет назад?

Хебстер кивнул его спине и снова встал.

— Наверное, хочет получить причитающиеся ей за полгода алименты. Мне придется поехать. Из появлений Сони в офисе никогда не выходило ничего хорошего.

Он знал, что это означало неприятности. «Жена и сын» была фраза из внутреннего кода для обозначения серьезных сбоев в работе «Хебстер секьюритиз, инкорпорэйтед». Он не видел жену с тех пор, как ему удалось благополучно взять в свои руки контроль над образованием сына. Свои обязанности по отношению к ней он считал выполненными, предоставив ей солидный пожизненный доход за то, что она родила ему здорового наследника.

— Послушайте! — сказал Браганза, все еще упорно смотревший на улицу, когда Хебстер подошел к двери. — Вот что я вам скажу. Вы не желаете быть с нами. Ладно. Вы в первую очередь бизнесмен и лишь во вторую гражданин мира. Хорошо! Но будьте крайне осторожны, Хебстер. Если, начиная с сегодняшнего дня, мы поймаем вас на самом ничтожном нарушении, то припомним все. Мы не только устроим самый красочный судебный процесс, какой только видела эта старая коррумпированная планета, но между делом бросим вас и всю вашу организацию на растерзание волкам. Мы проследим за тем, чтобы «Человечество прежде всего» натянуло «Башню Хебстер» вам на уши.

Хебстер покачал головой и облизнул губы:

— Почему? Что это вам даст?

— Ха! Это доставит очень многим из нас превеликое наслаждение. Но одновременно и избавит нас от массированного давления, которое мы сейчас испытываем. Всегда есть шанс, что Демпси потеряет контроль над наиболее горячими своими соратниками и они действительно учинят какое-нибудь кровавое буйство, вызвав достаточно шума и ярости, чтобы оправдать полномасштабное применение войск. Мы сможем свалить Демпси и всех главных заправил Преждевсегошников, потому что рядовой член Объединенного Человечества

тогда воочию убедится — к своему стыду и вящему удовольствию, — насколько это опасный сброд.

— И таково, — с горечью прокомментировал Хебстер, — отстаивающее высокие идеалы и законность мировое правительство!

Кресло Браганзы повернулось к Хебстеру, и его кулак упал на стол с беспощадной окончательностью судейского молотка:

— Отнюдь нет! Это ССК, всесильное и исключительно практичное бюро ОЧ, специально созданное для организации взаимоотношений между Пришельцами и людьми. Более того, ССК находится сейчас в чрезвычайном положении, когда власть закона и мирового правительства может пасть по сигналу какого-то демагога. Неужели вы думаете, — Браганза по-змеиному выставил вперед голову, его глаза превратились в узкие щелочки, из которых лилась чистейшая ярость, — что карьера и состояние, даже жизнь такого откровенно эгоистичного слизняка, как вы, Хебстер, будут поставлены выше представительного органа двух миллиардов человеческих существ, занятых общественным трудом?

Функционер ССК ткнул себя в неряшливый китель.

— Браганза, говорю я себе, тебе повезло, что он так жаден до своих чертовых прибылей и не хочет принять наше предложение. Подумай, что за потеха будет всадить в него багор, когда он наконец допустит промах! Бросить кость «Человечеству прежде всего», чтобы они обезумели и погубили сами себя!.. Ох, убирайтесь, Хебстер. Я с вами закончил.

И все-таки он допустил ошибку, размышлял Хебстер, выходя из здания арсенала и щелкая пальцами, чтобы остановить гиротакси. ССК — самое могущественное правительственное агентство в мире, наводненном Первачами; для человека в его положении ссориться с ними было то же самое, как если бы водитель такси в присутствии ошарашенного автоинспектора пустился разбирать наиболее темные и щекотливые аспекты его родословной.

Но что он мог поделать? Сотрудничество с ССК означало работу в подчинении у Браганзы, а Алгернон Хебстер еще с юношеских лет очень внимательно сле-

дил за тем, чтобы им никто не командовал. Это означало бы отказаться от планов при небольшом запасе времени превратить свою компанию в самый крупный синдикат на планете. И что хуже всего, это означало неизбежность общественной ориентации и отказ от аналитического мировоззрения бизнесмена, которое было всего ближе его душе.

В «Башне Хебстер» привратник быстрым шагом проводил шефа в боковой коридор, который вел к личному лифту, и отступил в сторону, пропуская Хебстера в кабину. Лифт остановился на двадцать третьем этаже. С упавшим сердцем Хебстер шел мимо таращивших на него глаза служащих, которые высыпали в коридор. У входа в Общую лабораторию 23Б высокие мужчины в серых униформах телохранителей расступились, чтобы дать ему войти. Если их вызвали после того, как он дал им отгул, значит, произошло нечто совершенно чрезвычайное. Хебстер надеялся, что об этом было должно своевременно и никакой утечки информации в прессу не произошло.

Утечки информации действительно не произошло, заверила шефа Грета Сейденхайм:

— Я была здесь через пять минут после того, как поднялся переполох, и все перекрыла. Этажи с двадцать первого по двадцать пятый заблокированы, внешние телефонные линии прослушиваются. Вы вправе задержать сотрудников самое большее на час после семнадцати ноль-ноль, — что дает вам максимум два часа четырнадцать минут.

Он посмотрел туда, куда указывал ее покрытый зеленым лаком ноготь, и увидел в углу лаборатории тело, завернутое в темные отрепья. Тезей. Из его спины торчала желтоватая рукоятка из слоновой кости. Старый немецкий эсэсовский кинжал образца 1942 года. Серебряная свастика на эфесе была заменена витиеватым символом — ЧПВ. Кровь, пропитавшая длинные спутанные волосы Тезея, делала их похожими на отвратительный красный ковер.

Мертвый Первач, подумал Хебстер, безнадежно глядя вниз. В его здании, в лаборатории, куда его заперли, опережая на два-три прыжка Йоста и Фунатти. Это уже самое настоящее уголовное преступление.

— Посмотрите-ка на этого друга Первачей! — донесся до него справа слегка знакомый голос. — Он испуган! Попробуй сделать деньги вот из этого, Хебстер!

Президент корпорации резко повернулся к худощавому мужчине с обритой наголо головой, привязанному к трубе отопления. На его галстук, висевшем поверх лабораторного халата, примерно посередине был необычный орнамент. Хебстеру потребовалось несколько секунд, чтобы разобрать, что там нарисовано. Миниатюрное безопасное лезвие поверх черной цифры «3».

— Функционер третьего эшелона в «Человечестве превыше всего»!

— А также Чарли Верус из «Лабораторий Хебстер», — сказал ему очень маленький мужчина с морщинистым лбом. — Меня зовут Маргритт, мистер Хебстер, доктор Дж. Х. Маргритт. Я беседовал с вами по переговорнику, когда пришли Первачи.

Хебстер кивнул в сторону других ученых, которые, задумавшись, стояли рядом.

— С каких пор функционеры третьего эшелона, равно как и рядовые члены «Человечества прежде всего», получают зарплату в моих лабораториях?

— Не знаю, — Маргритт пожал плечами. — Теоретически ни один Преждевсегошник не может быть сотрудником «Хебстер». Считается, что наш отдел кадров вдвое эффективнее, чем ССК, когда дело касается проверки лояльности. Видимо, так оно и есть. Но что они могут поделать, если сотрудник вступает в «Человечество прежде всего» уже после того, как прошел испытательный срок? В наше время развелось столько новообращенных, что недостаточно и всей мощи тайной полиции!

— Когда мы с вами сегодня говорили, Маргритт, вы высказали неодобрение в адрес Веруса. Почему же не сообщили, что я собираюсь допустить к работе с Первачами функционера Преждевсегошников?

Маленький человек сделал энергичный отрицательный жест:

— Мне платят за то, чтобы я наблюдал за исследованиями, мистер Хебстер, а не регулировал трудовые отношения или поддерживал ваши политические убеждения!

Злость — злость ученого-исследователя на бизнесмена-предпринимателя, который платил ему жалованье и теперь столкнулся с серьезными неприятностями, — скрывалась за каждым его словом. «Ну почему, — с раздражением и удивлением подумал Хебстер, — почему люди так презирают человека, который делает деньги? Йост и Фунатти, Браганза, даже Первачи тогда у него в кабинете, Маргритт, который уже столько лет работает в его лабораториях... Ведь это его единственный талант. Безусловно, как таковой, он не менее ценен, чем талант пианиста».

— Мне никогда не нравился Чарли Верус, — продолжал заведующий лабораторией, — однако у нас не было оснований подозревать его в принадлежности к Прежде-всегошникам! Наверно, он получил ранг третьего эшелона с неделю назад, ведь так, Берт?

— Ага, — подтвердил Берт, стоявший в другом конце комнаты. — В тот день он пришел на час позже, перебил тут все флорентийские колбы и задумчиво сказал нам, что когда-нибудь, возможно, мы будем с гордостью рассказывать своим внукам, как работали в одной лаборатории с Чарлзом Болопом Верусом.

— Лично я, — вставил Маргритт, — подумал, что он, наверное, закончил писать книгу: египетские пирамиды как пророчество в камне о наших современных текстильных разработках. Верус именно такого склада человек. На самом деле его, вероятно, так взвинтило это маленькое безопасное лезвие. Я бы сказал, что он получил повышение в качестве аванса за работу, которую сегодня наконец исполнил.

Хебстер повернулся и поспешил к двери, где его секретарша говорила с дежурившим в лаборатории охранником.

Позади них, прислонившись к стене, стояли Ларри и Луизитания, которые о чем-то тревожно совещались, тихонько гогоча. Они, судя по всему, были крайне взволнованы. Луизитания без конца выковыривала из своей хламиды крохотных слоников, которые, брыкаясь и тоненько трубя, лопались, как кривобокие мыльные пузыри, когда она роняла их на пол. Ларри в ходе разговора чесал спутанную бороду, время от времени помахивая рукой в сторону потолка, который уже был

утыкан пятьюдесятью или шестьюдесятью копиями кинжала, поразившего Тезея. Хебстер никак не мог отогнать неприятную мысль о том, что случилось бы с этим зданием, будь Первачи в состоянии действовать хотя бы немного по-человечески, чтобы защищаться.

— Послушайте, мистер Хебстер, — начал охранник, — мне велели не...

— Ладно, — резко перебил его Хебстер. — Это не ваша вина. Тут нельзя винить даже отдел кадров. Мне и моим экспертам следует оторвать головы за то, что мы так отстали от времени. Мы в состоянии проанализировать любую тенденцию, кроме той, которая нас уничтожит. Грета! Я хочу, чтобы мой вертолет на крыше был готов к вылету, так же, как и стратолет в Ла-Гуардии. Быстрее, девочка! А вы... Вильямс, кажется? — осведомился он, чуть наклонившись, чтобы прочитать имя охранника на карточке. — Вильямс, упакуйте этих двоих Первачей в мой вертолет наверху и ждите взлета.

— Внимание! Все присутствующие! — обратился Хебстер к сотрудникам. — Через час вам позволят разойтись по домам и оплатят один час сверхурочной работы. Благодарю.

Когда Хебстер выходил из лаборатории, Чарли Верус начал петь. К тому моменту как шеф дошел до лифта, несколько человек уже определенно подпевали Верусу. Хебстер остановился у двери лифта, осознав, что не менее четверти обслуживающего персонала, мужчины и женщины, подтягивали за хриплым, скорбным, но ужасно искренним тенором.

Славу стриженных мои очи видели,
Не допустим Человека погибели!
Уничтожим яму помойную —
Первачей отечество!
Выйдем в чистых одеждах строем —
Встречать зарю человечества!
Слава, слава, аллилуйя!
Слава, слава, аллилуйя!
Слава, слава, аллилуйя!

Если уж такое творится в «Хебстер секьюритиз», думал он, с перекошенным гримасой лицом входя в кабинет, то насколько быстро популярность «Человечества прежде всего» должна расти среди населения?

Разумеется, многие из этих певцов всего лишь сочувствующие, а не убежденные сторонники, — это люди, склонные к разного рода объединениям — хоровым кружкам и народным дружинам. Но сколько еще энергии должна породить организация, чтобы стать политическим Джаггернаутом*?

Единственным утешением служило то, что ССК, очевидно, была прекрасно осведомлена об опасности и готова пойти на беспрецедентные шаги в качестве контрмер.

К несчастью, эти беспрецедентные шаги придутся по Хебстеру.

Теперь у него оставалось меньше двух часов, чтобы отвертеться от самого серьезного преступления за всю историю существования Мирового Кодекса.

Он поднял трубку одного из телефонов:

— Рут, я хочу говорить с Вандермеером Демпси. Соедините меня с ним лично.

Через несколько секунд он услышал знаменитый голос, красивый, медлительный и густой, как расплавленное золото:

— Алло, Хебстер, говорит Вандермеер Демпси. — Он помолчал, словно переводя дыхание, а затем высокопарно продолжал: — «Человечество — пусть оно всегда будет впереди, но, впереди или позади, это Человечество!» — Он усмехнулся. — Наше самое последнее телефонное приветствие. Нравится?

— Очень, — с уважением в голосе проговорил Хебстер, памятуя о том, что его бывший ведущий специалист по видеотехнике в скором времени может стать одновременно и церковью, и государством. — Э-э... мистер Демпси, я вижу, у вас тут вышла новая книга, и меня заинтересовало...

— Какая? «Антрополитика»?

— Точно. Прекрасное исследование! У вас там есть очень чеканные формулировки в главе, которая называется «Не больше, не меньше, как человек».

Послышался густой удовлетворенный смех:

* Джаггернаут — одно из воплощений бога Вишну; перен.: неумолимая, безжалостная сила, уничтожающая все на своем пути и требующая слепой веры или самоуничтожения от служащих ей.

— Молодой человек, у меня чеканные формулировки в каждой главе каждой книги! Я установил здесь в штаб-квартире писательский конвейер, который способен производить до пятидесяти пяти запоминающихся эпиграмм на любую тему в течение десяти минут. Не говоря уже о политических метафорах и коротких анекдотах с сексуальным подтекстом!.. Но вы звоните мне не для того, чтобы обсуждать литературные вопросы, как бы хороша ни была эмоциональная инженерия в моем скромном тексте. Так в чем дело, Хебстер? Выкладывайте.

— Дело вот в чем, — начал бизнесмен, почувствовав смутное удовлетворение от атаманского цинизма Преждевсегошника и в то же время слегка раздраженный его откровенным презрением. — Мы тут сегодня болтали с вашим и моим другом, П. Браганзой.

— Я знаю.

— Вот как? Откуда?

Вандермеер Демпси снова расхохотался медленным, добродушным смехом толстяка, раскачивающегося в кресле:

— Шпионы, Хебстер, шпионы! У меня они есть практически везде. Политика состоит на двадцать процентов из шпионажа, на двадцать процентов из правильной организации и на шестьдесят процентов из выжидания нужного момента. Мои шпионы доносят мне обо всех ваших шагах.

— Они случайно не говорили вам, о чем мы с Браганзой беседовали?

— Ну конечно, сказали, молодой человек, конечно, сказали! — Демпси хохотнул с беззаботным торжеством. Хебстер вспомнил его фотографии: голова, похожая на мягкий, огромный апельсин с полукруглой щелью сияющей улыбки. На голове у него совершенно не было волос — все они, до последней ресницы и мохнатой бородавки, регулярно удалялись при помощи электролиза. — Если верить моим агентам, Браганза сделал вам несколько весьма серьезных предложений от имени Специальной следственной комиссии, которые вы совершенно справедливо отклонили. Затем, будучи несколько не в духе, он заявил, что, если вы отныне будете пойманы на гнусных сделках, которые,

как всем известно, превратили вас в одного из богатейших людей на планете, он использует вас в качестве наживки, чтобы возбудить наше негодование. Должен сказать, что мне ужасно понравился этот остроумный план.

— И вы не собираетесь проглатывать наживку, — предположил Хебстер.

В кабинет вошла Грета Сейденхайм и показала на потолок круговым жестом. Он кивнул.

— Напротив, Хебстер, мы как раз собираемся проглотить наживку! Только несколько более энергично, чем от нас ожидают. Мы собираемся проглотить эту провокацию, которую стряпает для нас ССК, и превратить ее в мировую революцию. И мы это сделаем, мой мальчик.

Хебстер потер губы тыльной стороной ладони. «Через мой труп!» — хотел он усмехнуться, но у него получился лишь хрипловатый кашель.

— Вы правы насчет разговора с Браганзой и, возможно, правы относительно того, как вы поступите, когда дело дойдет до булыжников и бейсбольных бит. Однако если хотите, чтобы все это прошло намного проще, то я мог бы предложить маленькое соглашение...

— Извините, Хебстер, мой мальчик. Никаких соглашений. Не по этому вопросу. Неужели вы не понимаете, что на самом деле мы не хотим, чтобы было проще? По той же причине мы ничего не платим нашим шпионам, несмотря на огромный риск, которому они подвергаются, и на растущее благосостояние «Человечества прежде всего». Тот, кто сотрудничает с нами в силу своих убеждений, работает эффективнее и изобретательнее, чем тот, кто пришел к нам из-за экономических обстоятельств. Нет, для нас крайне важно «Дело Хебстера», чтобы воспламенить население. Нам нужно, чтобы страсти достаточно накалились и мы могли бы переключить возбуждение на жандармерию и армию; тогда консервативные граждане, которые обычно лишь покачивают головами во время наших парадов, бросят свои дела и присоединятся к насилию и грабежу. Если таких граждан будет достаточно, то планета Земля перейдет к «Человечеству прежде всего».

— Орел — вы выигрываете, решка — я проигрываю. Полилось расплавленное золото смеха Демпси:

— Понимаю, что вы хотите сказать, Хебстер. В любом случае, возьмет ли верх ОЧ или ЧПВ, от вас останется лишь мокрое место на песках времени. У вас был шанс, когда мы обращались за вспомоществованием к общественно настроенным бизнесменам четыре года назад. Некоторые из ваших конкурентов сумели рассмотреть тесную взаимосвязь между экономикой и политикой. Вудран из «Андервуд инвестмент траст» сегодня функционер первого эшелона. Ни один из ваших высших руководителей не носит бритвы. Но что бы ни случилось с вами, это покажется очень добросердечным по сравнению с тем, что ожидает Первачей.

— Пришельцы могут воспротивиться, если станут терзать их прислужников.

— Никаких Пришельцев нет! — ответил Демпси совершенно другим голосом. Было похоже, что он так сильно напрягся, что ему даже трудно шевелить губами.

— Нет Пришельцев? Это ваш последний лозунг? Вы шутите?

— Существуют только Первачи — существа, отказавшиеся от человеческой ответственности и поэтому способные творить множество мнимых чудес, на что не согласны настоящие люди, ибо с этим связан отказ от собственного достоинства. Но никаких Пришельцев нет. Пришельцы — это миф, созданный Первачами.

Хебстер усмехнулся:

— Идеальный способ смотреть в лицо неприятным фактам! Смотреть сквозь них!..

— Если вы настаиваете на обсуждении таких иллюзий, как Пришельцы, — перебил его скрипучий и злой голос, — то я боюсь, что мы не сможем продолжать разговор. Хебстер, вы, очевидно, сами становитесь Первачом.

Линия разъединилась.

— Он верит собственной чепухе! — проговорил Хебстер с благоговейным страхом. — Несмотря на всю эту декадентскую изысканность, ему нужны такие же увещания, какие он раздает своим последователям!

Грета Сейденхайм ждала у двери. В руках она держала его кейс и оба их пальто. Выйдя из-за стола, Хебстер сказал:

— Я не стану просить тебя не ехать со мной, Грета, но...

— Отлично, — ответила она, следуя за шефом. — Думаю, мы благополучно доберемся до... куда мы там летим?

— В Аризону. В первое и самое большое поселение Пришельцев. То место, откуда приходят наши друзья со смешными именами.

— Что ты хочешь делать там, чего не смог бы сделать здесь?

— Честно говоря, Грета, сам не знаю. Но мне нравится мысль затеряться на какое-то время. Опять-таки я хотел бы увидеть то место, с которого начались все наши страдания, и рассмотреть его получше. Я не формалист; все свои самые важные решения я принимаю на месте.

Около вертолета их ждали плохие новости.

— Мистер Хебстер, — доложил пилот бесцветным голосом, разгрызая сухую пластинку жевательной резинки, — стратолет захвачен ССК. Мы все еще летим? Если мы воспользуемся этой штуковиной, получится медленно и недалеко.

— Мы все еще летим, — ответил Хебстер, подумав секунду.

Они забрались в вертолет. Двое Первачей сидели сзади и что-то друг другу чихали. Вильямс почтительно помахал боссу:

— Смирные, как ягнята. Вообще-то одного ягненка они сделали. Пришлось его выбросить.

Большая брюхатая машина поднялась вверх и полетела прочь от «Башни Хебстер».

— Происходит утечка информации, — пробормотала Грета со злостью. — Они знают про мертвого Первача. Где-то в организации есть течь, которую я не смогла вычислить. ССК провела об убитом Перваче и теперь объявила на нас охоту. Вот вам моя эффективность!

Хебстер грустно улыбнулся ей. На самом деле Грета была очень эффективна. То же можно было сказать об отделе кадров и десятке других подразделений его организации. То же самое можно было сказать и о самом Хебстере. Но все они — сотрудники нормального предприятия, созданного для работы в спокойной обстановке. Политические шпионы! Если у Демпси в

«Хебстер секьюритиз» есть свои шпионы и саботажники, то почему их не может быть у Браганзы? Они могли бы поймать его еще до того, как он пустился бежать; они бы вернули его раньше, чем он нашел бы лазейку.

И отдали бы под суд, который, по всей вероятности, вошел бы в историю как «Дело кровавого Хебстера». Событие, спровоцировавшее мировую революцию.

— Мистер Хебстер, что-то наши гости забеспокоились, — окликнул шефа Вильямс. — Может, мне их как-нибудь уговорить?

Хебстер резко выпрямился, у него мелькнула надежда.

— Нет! Оставьте их в покое!

Он очень внимательно следил за внезапно разволновавшимися Первачами. Это был тот редкий шанс, ради которого он взял их с собой. За многие годы общения с Первачами Хебстер многое узнал о них. Они годились отнюдь не только для того, чтобы выбалтывать секреты технических новинок.

В окне показались две точки и, быстро увеличившись, приняли форму двух реактивных самолетов с опознавательными знаками ССК.

— Пилот! — позвал Хебстер, глядя на Ларри, который с мученическим видом теребил свою бороду. — Оторвитесь от преследователей! Быстро! Вы меня слышите? Это приказ! Оторвитесь от преследователей!

Пилот едва успел. Фюзеляж самолета позади с грохотом рассыпался на пурпурные черепки, а турбины вертолета вдруг взвыли, подвластные какой-то чудовищной силе, которая швырнула их вперед...

Через пять секунд они были в Аризоне.

Люди вывалились из своего искореженного аппарата прямо посреди пустыни.

— Я даже знать не желаю, во что превратилась моя мельница, — проговорил пилот, — или какая сила ее несла, но вот как Первачи поняли, что нас преследует полиция?

— Не думаю, что они поняли, — ответил Хебстер. — Просто достаточно чутко уловили, что возвращаются домой, а те самолеты каким-то образом пытаются помешать этому. И действовали, с точки зрения их интересов, почти что по-человечески. Они защищались!

— Возвращался домой, — сказал Ларри. Он очень внимательно слушал Хебстера, пуская слюни из правого уголка рта. — Гемостат, бей молотком, горб. Дом там, где ненависть. Удача там, где горб. Домой и закрыть дверь.

Луизитания запрыгала на одной ноге и одарила их своей необыкновенной мясистой улыбкой.

— Задний вид, — лукаво спросила она, — не более чем местонахождение дома. Га-га-га, гы?

Ларри последовал за ней, футов на три приподнявшись над землей. Он плелся по воздуху медленно и с огромным трудом, словно дорога, по которой он шел, была усеяна многочисленными валунами, к тому же безжалостно острыми.

— До свидания, люди, — проговорил Хебстер. — Я уйду с моими друзьями в грязных серых одеждах, чтобы встретиться с волшебником. Помните, что, когда ССК разыщет вас по вашему необыкновенному летательному аппарату — кстати, поэтому держитесь к нему поближе, — пожалуй, самым мудрым будет сослаться на меня как на человека, силой принудившего вас к этому. Вы можете сказать, что я боялся расправы: мол, если я превращусь в Первача, мне все равно будет лучше, чем когда я стану боксерской грушей, право на которую будут оспаривать такие типы, как П. Браганза и Вандермеер Демпси.

Хебстер потрепал Грету по мокрой щеке и проворно зашагал следом за Ларри и Луизитанией. Один раз он оглянулся назад и улыбнулся, увидев, как они стоят такие растерянные и одинокие, особенно Вильямс, здоровенный детина, зарабатывающий себе на жизнь, охраняя тела других людей.

Первачи двигались своеобразным маршрутом, разработанным, очевидно, большим поклонником волнообразных движений аккордеона. Снова и снова они возвращались на прежнее место, кружили, петляли на протяжении сотни ярдов и опять начинали сначала.

— Ларри, — окликнул Хебстер, которому вдруг пришла в голову неприятная мысль. — Ларри! Твои... твои хозяева знают, что я иду?

Первач, услышав этот властный вопрос, посмотрел на Хебстера, споткнулся и упал, а затем опустился на

землю. Он встал на ноги, сморщился от вида Хебстера и потряс головой.

— Ты не бизнесмен, — сказал он. — Здесь не может быть бизнеса. Здесь может быть только забавное... то, что ты назвал бы поклонением. Движение к единому, внутренняя природа... Осознание, полное и вечное, частичного и мимолетного, которое лишь одно позволяет... — Его скрюченные пальцы впились друг в друга, словно он отчаянно пытался извлечь вразумительный смысл из своих ладоней. Ларри медленно из стороны в сторону качал головой круговыми движениями.

С ужасом Хебстер увидел, что старик плачет. Значит, превращение в Первача имеет еще одну общую черту с безумием! Оно дает человеку понимание чего-то такого, что совершенно выходит за границы его самого, открывает духовные вершины, на которые он по своей природе не в состоянии вскарабкаться. Оно дало ему видение некоей психологической обетованной земли, а потом похоронило его, все еще томящегося, под его же собственным несовершенством. И в конце концов лишило его гордости, дав ему осознание достижений, даровав какое-то близорукое полужнание того, куда нужно идти, но оставив без средств попасть к цели.

— Когда я пришел первый раз, — запинаясь сказал Ларри, пристально глядя в лицо Хебстеру, как будто знал, что бизнесмен думает над его словами, — когда я впервые пытался узнать... я имею в виду схемы и учебники, которые я принес сюда... моя статистика, мои графики оказались такими бесполезными. Все игрушки, что я нашел, в беспорядке, основанные на призрачном мышлении. А потом, Хебстер, видеть настоящую мысль, настоящий контроль!.. Ты поймешь эту радость — ты будешь служить рядом с нами, ты будешь! О, невероятный подъем...

Его речь стала сердитой и неразборчивой, и старик укусил свой кулак. Луизитания приблизилась, все еще прыгая на одной ноге.

— Ларри, — обратилась она к нему очень мягким голосом, — га-га-га-гы от Хебстера?

Казалось, он удивился, потом кивнул. Двое Первачей взяли за руки и снова старательно полезли вверх на невидимую дорогу, с которой упал Ларри. Несколь-

ко секунд они стояли, повернувшись к Хебстеру, похожие на таинственных, оборванных, сюрреалистических Труляля и Траляля.

Потом они исчезли, и вокруг Хебстера сгустилась тьма, словно ее выплеснули из ведра. Он осторожно ощупал землю под собой и сел на песок, который хранил весь жар аризонского дня.

Вот!

Предположим, явился Пришелец. Предположим, Пришелец спросил его без обвиняков, чего он хочет. Это было бы скверно. Алгернон Хебстер, выдающийся бизнесмен — сейчас, правда, находящийся, некоторым образом, в бегах, — не знал, чего ему хочется; во всяком случае, по отношению к Пришельцам.

Он не хотел, чтобы они исчезли, поскольку технологии Первачей, которые он использовал в десятках производств, были, по сути, интерпретацией и адаптацией методов Пришельцев. Он не хотел, чтобы они оставались, потому что всякая упорядоченность его мира растворялась под воздействием кислоты их повсеместного превосходства.

Он знал также, что ему лично не хочется становиться Первачом.

Что же остается? Бизнес? Ладно, тогда вопрос Бранзанзы. Чем заниматься бизнесмену, если спрос так хорошо контролируется, что, можно сказать, перестает существовать?

Или что ему делать в сегодняшней ситуации, когда спроса, по сути, не существует, ибо Пришельцам ничего не нужно от тщедушного человеческого стада?

— Найти то, что они хотят, — сказал Хебстер вслух. Как? Как?

Индеец изменил образ жизни, начав продавать бледнолицым свои красочные одеяла, это стало источником его дохода. И он настаивал, чтобы ему платили наличными, — а не огненной водой. Если бы только, подумал Хебстер, как-нибудь ухитриться встретиться с Пришельцем, он бы достаточно быстро выяснил, что им нужно, каковы их фундаментальные желания.

И вдруг, когда повсюду вокруг него материализовались бутылочки в форме трубок, реторт, колокольчиков, он понял! Они формировали у него в мозгу настойчивые

вопросы. И их не удовлетворяли ответы, которые он находил до сих пор. Им хотелось ответов. Они жаждали ответов. Если его это интересует, то всегда есть возможность...

Огромная «бутылка с точками» погладила кору его головного мозга, и он вскрикнул.

— Нет! Я не хочу!

Пины! — издала «бутылка с точками», и Хебстер стал ошупывать себя. Наличие собственного тела успокаивало. Так, наверное, чувствовала себя девушка из древнегреческого мифа, которая умоляла Зевса позволить ей увидеть божество во всем его блеске. Через мгновение после того, как ее просьба была удовлетворена, от любознательной женщины не осталось ничего, кроме нескольких пушинок пепла.

Бутылки влетались одна в другую в странном и замысловатом танце, который излучал эмоции, смутно напоминающие любопытство, однако с примесью веселья и восторга.

Почему восторг? Хебстер был совершенно уверен, что ощутил этот сигнал, даже принимая во внимание различия между душевными структурами. Он быстро забросил в свою память бредень, поймал несколько соответствующих предметов, однако отбросил их после краткого, но скрупулезного анализа. Что он пробовал вспомнить, о чем его безупречно-эффективные инстинкты бизнесмена пытались напомнить?

Танец убыстрялся, становился все более сложным. Несколько бутылок нырнули ему под ноги и волнообразно кружились футах в десяти под ним, как будто их присутствие делало Землю прозрачной и проницаемой средой. Будучи совершенно не знакомым с чем-либо, касающимся Пришельцев, не зная — да и не интересуясь! — был ли их танец обычным разговором или неким необходимым общественным ритуалом, Хебстер тем не менее смог почувствовать приближение кульминационного момента. Маленькие кривые черточки зеленых молний начали проскакивать между крупными бутылками. Что-то взорвалось около его левого уха. Хебстер в страхе потер лицо и отодвинулся. Бутылки последовали за ним, образуя вокруг него глухую сферу, сотканную из их бешеного движения.

Почему восторг? Там, в городе, Пришельцы производили впечатление какой-то ужасной занятости, когда нависали, почти что в полной неподвижности, над теми местами, где работало и жило человечество. Они были холодными и внимательными учеными и не выказывали ни малейшей способности к... к...

Итак, что-то у него уже есть. Наконец что-то у него уже есть. Но что делать с мыслью, если не в силах ее ни выразить, ни действовать в соответствии с ней?

Пинь!

Повторялось предыдущее приглашение, уже более настойчиво. **Пинь! Пинь! Пинь!**

— Нет! — заорал он и попытался встать. И понял, что не может. — Я не... Я не хочу становиться Первачом!

Раздался отстраненный, почти божественный смех.

Внутри собственного мозга Хебстер ощутил странное царапанье, словно два существа там отпихивали друг друга. Он крепко зажмурил глаза и стал думать. Он где-то рядом, он уже совсем близко. У него была мысль, но требовалось время, чтобы сформулировать ее — небольшой перерыв, чтобы понять, что именно это была за мысль и что именно ему следовало делать!

Пинь, пинь, пинь! Пинь, пинь, пинь!

Голова раскалывалась от боли, словно из черепной коробки высасывали мозг. Хебстер попробовал воспрепятствовать этому. И не смог.

Что ж, тогда ладно. Он внезапно расслабился, оставив попытки защищаться. Но он кричал — мозгом и ртом. Первый раз в жизни, лишь частично сознавая, к кому он обращал свой вопль отчаяния, Алгернон Хебстер взывал о помощи.

— Я могу это сделать! — попеременно кричал он и думал. — Экономить деньги, экономить время, экономить все, что вы хотите экономить, кто бы вы ни были и как бы себя ни называли! Помогите мне, помогите мне — мы сможем сделать это, — только быстрее. Балансовый отчет... Помогите...

Слова и безумные мысли мешались друг с другом, как перепутанные кольца Пришельцев. Он продолжал кричать, сосредоточившись на своих мысленных образах,

но где-то внутри души некая радостная и веселая сила начала перекрывать клапан его разума.

Внезапно он перестал что-либо ощущать. И вдруг узнал десятки вещей, которые ему даже и не снились, и позабыл еще в тысячу раз больше. И вдруг почувствовал, что может контролировать любой нерв в своем теле. И вдруг...

Пинь, пинь, пинь! Пины! Пины! ПИНЬ! ПИНЬ! ПИНЬ! ПИНЬ!

— ...Вроде этого, — сказал кто-то.

— Что, к примеру? — спросил кто-то еще.

— Ну, они даже лежать нормально не могут. А наш парень спит, как обычный человек. Первачи крутятся и стонут ну точь-в-точь, как старые пропойцы... Кстати, о столах: вот мы и пришли в себя.

Хебстер с трудом сел на армейской койке, вертя головой. Страхи покидали его, а когда не будет страхов, никто уже не сможет причинить ему вреда. Браганза с чрезвычайно озабоченным и несчастным видом стоял около его кровати рядом с человеком, который, совершенно очевидно, был доктором. Хебстер улыбнулся им обоим, мужественно сопротивляясь искушению выпалить пулеметную очередь бессмысленных слогов.

— Привет, ребята. Вот я и вернулся.

— Уж не хотите ли вы сказать мне, что общались? — заорал Браганза. — Вы общались с Пришельцами и не превратились в Первача!

Хебстер посмотрел через полог палатки, где стояла Грета Сейденхайм рядом с вооруженным охранником. Он помахал ей рукой, и девушка в ответ широко улыбнулась.

— Нашли меня в пустыне, где я лежал, как рухлядь, так ведь?

— Нашли его! — Браганза плюнул. — Да вас принесли Первачи. Впервые в истории они такое сделали. Мы ждали, когда вы вернетесь, в искренней уверенности, что если у вас это получится, то все будет в порядке.

Президент корпорации потер лоб.

— Будет, Браганза, будет. Только Первачи, да? Им не помогали Пришельцы?

— Пришельцы? — Браганза сглотнул. — Почему вы полагаете... Что дает вам основание надеяться... будто Пришельцы стали бы помогать Первачам тащить вас?

— Ну, пожалуй, мне не стоило употреблять слово «помогали». Но я действительно думал, что среди тех, кто сопровождал к вам мое бессознательное тело, будет несколько Пришельцев. Что-то вроде почетного эскорта, Браганза. По-настоящему красивый жест, как вы думаете?

Сотрудник ССК переглянулся с доктором, который с интересом следил за их беседой.

— Минутное помрачение рассудка, — предположил тот.

Браганза отошел и задернул полог палатки. Потом вернулся, встал около койки и с силой дернул себя за ус.

— Теперь смотрите сюда, Хебстер. Если вы и дальше будете строить из себя клоуна, ей-Богу, я разрежу вам брюхо и намотаю кишки на голову. Что произошло?

— Что произошло? — Хебстер медленно и осторожно потянулся, словно боялся сломать себе руку. — Не думаю, что когда-нибудь сумею дать полный ответ на этот вопрос. И какая-то часть моего мозга очень рада, что не сумею. Но вот что я отчетливо помню: у меня была мысль. Я сообщил ее кому надо, заинтересованной стороне. Мы — эта сторона и я — в качестве уполномоченных заключили предварительное соглашение, с тем чтобы окончательные условия соглашения были выработаны нашим руководством. Далее мы... Ладно, Браганза, ладно! Я вам сейчас все расскажу покороче. Только поставьте раскладной стул на место. Не надо забывать, что я едва вышел из дьявольской передряги!

— Не страшнее той, в какую вот-вот угодит этот мир, — прорычал чиновник. — Пока вы прохлаждаетесь в своем трехдневном отпуске, Демпси занимается подготовкой полномасштабной революции. Он очень предусмотрительно ограничивается только парадами и словесными фейерверками, так что мы не можем пустить в дело спецподразделения полиции, но совершенно ясно, что он готов перейти к насилию. Это может начаться завтра; Демпси будет разглагольствовать

одновременно по всем программам всемирного видео, и наши лучшие эксперты считают, что его заключительная реплика и станет сигналом к действию. Знаете, под каким лозунгом они сейчас выступают? Их волнует участь Веруса, приговоренного к смертной казни: они заявляют, что он станет мучеником.

— И вас застали со спущенными штанами... Сколько сотрудников ССК оказались Преждевсегошниками?

Браганза кивнул:

— Не слишком много, но больше, чем мы предполагали; больше, чем мы могли себе позволить. Демпси точно устроит кровавую резню, если только вы не наткнулись на что-то стоящее. Смотрите, Хебстер, — в его грубом голосе зазвучали просительные нотки, — не надо со мной играть. Не держите на меня зла за угрозы. В них не было никакой личной неприязни, только ужасное, страшное беспокойство за этот мир, за его людей, за правительство, которое я должен защищать. Если вы все еще что-то имеете против меня, то разрешаю вам все это выместить на моей шкуре, как только мы покончим с Преждевсегошниками. Но только сначала объясните, что происходит. От того, что вы там делали в этой паршивой пустыне, зависит жизнь многих людей, да и сама история.

И Хебстер объяснил. Начал он с внеземной вальпургиевой ночи.

— Пришельцы скользили внутри друг друга, соблюдая какой-то кривой и сложный ритм, и меня вдруг осенило, насколько они отличаются от тех задумчивых точек в бутылках, висящих у нас над оживленными районами, как вообще отличается поведение всех существ в домашнем окружении, — и как трудно понять чужаков на основе их совместного поведения. И тогда я понял, что это место — не их дом.

— Разумеется. Вы выяснили, из какой части Галактики они прибыли?

— Я не то имею в виду. Пометив эту территорию, — и другие такие же в Гоби, Сахаре, Центральной Австралии, — как резервации для тех из нас, чей разум сломался от ясного, рационального и точного осознания неполноценности, мы и представить не в силах,

что Пришельцы, вокруг которых они собираются, не обязательно обосновались там добровольно.

— То есть? — Браганза быстро затряс головой и начал моргать.

— Другими словами, мы сделали некоторые допущения на основании совершенно очевидного превосходства Пришельцев над нами. Сделали, исходя из наших собственных понятий о том, что является превосходством и неполноценностью, но отнюдь не из понятий Пришельцев. И особенно наша ошибка относится к тем Пришельцам — в резервации.

Сотрудник ССК пробежался по палатке и ударил огромным кулаком в потную ладонь:

— Я, кажется, начинаю, лишь начинаю...

— В тот момент со мной происходило то же самое. Я только начинал. Допущения, не выдерживающие конструкции, которую они должны подпирать, стали причиной разорения большого числа достойных бизнесменов. Те четверо брокеров, например, которые после краха фондовой биржи в 1929 году...

— Хорошо, — торопливо перебил его Браганза и сел на стул рядом с койкой. — И что дальше?

— Я все еще ни в чем не был уверен. Все, чем я располагал, — это несколько обрывочных мыслей, возникших в результате выброса адреналина, и, конечно, сильное ощущение, что именно эти Пришельцы делают не то, чего я привык ожидать от Пришельцев. Что-то они мне напоминали... Я был уверен, что, как только мне удастся вспомнить, основная часть задачи будет решена. И я не ошибся.

— В чем вы не ошиблись?

— В общем, можно сказать, что я подобрался с тыла. Я вернулся к аналогии профессора Клеймбохера о бледнолицых, спаивающих индейцев огненной водой. Мне всегда казалось, что решение кроется где-то в этой аналогии. И вдруг, думая о профессоре Клеймбохере и наблюдая, как эти могущественные существа перекручиваются вокруг и внутри друг друга, я вдруг понял, что именно не так. Аналогия верна, а вот выводы... Мы взяли молоток за боек, а не за ручку. Бледнолицые действительно дали индейцам огненную воду, — но и сами кое-что получили взамен.

— Что?

— Табак. В наши дни табак особой опасности не представляет, если, конечно, соблюдать меру, но первые белые курильщики, вероятно, так же им злоупотребляли, как первые пьющие индейцы — алкоголем. Как табак, так и выпивка имеют одно общее свойство — от них человек ужасно болеет, если употребляет их в слишком больших дозах. Понимаете, Браганза? Пришельцы в пустынной резервации больны. Они подхватили что-то такое из нашей культуры, что психологически не могут переварить, так же, как... ну, что-то такое, что раздражает наш духовный пищевод и вызывает у нас язвы. Их изолировали в наших пустынных областях до тех пор, пока не будет найдено решение этой проблемы.

— Нечто такое, что психологически не переваривается? Хебстер, что это может быть?

Бизнесмен нетерпеливо пожал плечами:

— Не знаю. Да и знать не хочу. Возможно, ответ прост: они не в состоянии бросить проблему до тех пор, пока не решат ее, — а они не могут решить загадок человеческой деятельности в силу врожденных и фундаментальных отличий человечества. Лишь потому, что мы не способны понимать их, мы не имели права делать допущение, будто они способны понимать нас.

— Они могут скопировать все, что мы делаем.

— Хорошо, но не в этом ли дело? — предположил Хебстер. — Они могут все скопировать, но могут ли они разработать? По всем признакам, это раса существ, которым никогда не приходилось многое делать самим. Может быть, эволюция достаточно рано наделила их способностью непосредственно воздействовать на материю и им не пришлось проходить через различные стадии конструирования предметов искусства и ремесла. Это — в нашем понимании — огромное преимущество; однако здесь неизбежно должны быть и соответствующие неудобства. Помимо всего прочего, такая способность влечет за собой минимум видов искусства и отсутствие фундаментальных инженерных знаний о самих искусственных объектах, если не о том матери-

але, который они изменяют прямым воздействием мысли. Как бы то ни было, я оказался прав.

Например. Музыка не является функцией теории гармонии, законченных партитур в голове дирижера или композитора — все это возникает позже, намного позже. Музыка в первую очередь и главным образом — функция определенного инструмента: свирели, барабана, голосовых связок. Это функция тех осязаемых, материальных вещей, с которой раса, оперирующая электронами, позитронами и мезонами, никогда не столкнется в процессе их создания. Как только я это понял, то увидел и другой изъян в сопоставлении, причем самый основной.

— Вы имеете в виду допущение, что мы непременно хуже Пришельцев?

— Точно, Браганза. Они умеют очень многое из того, чего не можем делать мы, но возможно — и еще как возможно! — обратное. Каким количеством уникальных талантов мы обладаем, остается только гадать. И хорошо. Пускай ребята-теоретики лет через сто ломают себе над этим голову — лишь бы сейчас держались подальше от таких вопросов.

Браганза покрутил пуговицу на зеленом кителе и посмотрел поверх головы Хебстера.

— И никакого больше научного изучения Пришельцев, да?

— Ну, сейчас мы так или иначе бессильны, и надо с этим смириться. Утешением может служить то, что им придется поступить аналогичным образом. Неужели вы не понимаете? Дело не в фундаментальном несоответствии. Просто у нас нет достаточного количества фактов, и сегодня мы не можем их получить путем обычного научного наблюдения в силу таящихся здесь психологических опасностей для обеих рас. Наука, мой впередсмотрящий друг, есть комплекс взаимосвязанных теорий, выведенных на основании наблюдений.

Не забывайте, что задолго до того, как у нас появилась наука навигации, существовали купцы, которые отправлялись в каботажное плавание или путешествие по рекам и знали, какое влияние оказывали различные

течения на их маленькие утлые суденышки. Они имели представление о влиянии луны и звезд, — при этом не испытывая ни малейшего желания объединить эти крохи знания в более широкие теории. До тех пор пока не накопится достаточно большое количество таких крох и появится возможность отличать предположения от действительных наблюдений, нельзя развивать науку навигации без риска утонуть в ходе проведения экспериментов.

Купца не интересуют теории. Его заботит лишь, как обменять нечто блестящее на то, что блесит еще сильнее. И, занимаясь этим, он безболезненно и незаметно для себя самого собирает обрывки знаний, постепенно сокращая область неизвестного. До тех пор, пока однажды не накопится достаточно отрывочных знаний и на их основе не возникнет нечто вроде предварительного понимания, рабочей гипотезы. А затем какой-нибудь Клеймбохер будущего, работая в области, которая уже больше не будет являться сферой внезапных и необъяснимых душевных болезней, сумеет сформулировать подробные и точные законы на основании более обоснованных гипотез.

— Мне следовало догадаться, Хебстер, что если вы вернулись, то вывод будет именно таким!.. Итак, их теоретики и наши теоретики должны уступить место купцам. Вот только как мы будем общаться с их торговцами — если среди них вообще есть такие звери?

Президент корпорации вскочил с кровати и стал одеваться.

— Они у них есть. Может, на Совет директоров это и не похоже, но определенно есть Пришельцы, ориентированные на бизнес. Как только я осознал, что точки в бутылках ведут себя, по сравнению с их уравновешенными научными коллегами, точно так же, как наши собственные высокоинтеллектуальные Первачи, я понял, что нуждаюсь в помощи. Мне был необходим кто-то с их стороны, кому я мог бы рассказать об этом, для кого оперативное решение являлось бы таким же важным, как для меня. Где-то там должен был находиться Пришелец, кого заботят такие вещи, как прибыль и убытки, а также эффективность вложенного

времени, персонала, сырья и энергии. Я считал, что с ним я смогу говорить — о деле. Подход прост: что у тебя есть из нужного нам, и как мало из того, что есть у нас, ты за это возьмешь. Никаких попыток понять несовместимые философии. Существо такого типа просто обязано входить в состав экспедиции. И вот я закрыл глаза и испустил, как я всей душой надеялся, телепатический вой, направленный ему. И достиг цели.

Конечно, у меня могло ничего не получиться, если бы он сам отчаянно не искал такого сигнала. Он примчался стремглав, засунул мою вытекающую по каплям душу на место и вытащил меня на какой-то почти необитаемый корабль. Я пробыл в этом межзвездном подобии Гробницы Магомета, подвешенной между Небом и Землей, целых три дня, пока мы с ним торговались и он консультировался со своим министерством внутренних дел по поводу наших переговоров.

Мы действовали так же, как я привык работать с Первачами, — просматривали список того, что каждый из нас мог предложить, и сравнивали его с тем, что нам нужно. Каждый из нас старался получить немного больше того, что предлагал другому — разумеется, если пользоваться нашими терминами. Купля и продажа — процесс, по существу, очень несложный. Мне представляется, что наш разговор мало чем отличался от беседы каких-нибудь финикийских моряков с раскрашенными синей краской кельтскими обитателями древней Британии.

— И этот... этот Пришелец-бизнесмен ни разу не упомянул о возможности взять то, что им нужно...

— Силой? Нет, Браганза, ни разу. Возможно, они слишком цивилизованны для такого рода непотребства. Но скорее дело здесь, главным образом, в другом: они не имеют ни малейшего представления, что им от нас нужно. Мы для них представляем собой фантастическую загадку — существа, использующие материю, чтобы изменять материю для производства предметов, которые, хотя и выполняют схожие функции, чрезвычайно отличаются друг от друга. Можно сказать, что,

когда мы имеем в виду их деятельность, мы задаем вопрос «как?»; а они о нас спрашивают «зачем?». Их исследователи недоумевают даже больше, чем наши. Насколько я понимаю, разумные расы, с которыми они до сих пор сталкивались, им понятны, поскольку шли параллельными эволюционными путями. Всякий раз, когда кто-нибудь из их исследователей приближается к ответу на вопрос, почему мы носим разнообразную цветную одежду даже в том климате, где одежда не нужна, то падает за борт и начинает тонуть.

Естественно, это очень беспокоит моего контрагента. Я не знаю точно, какое положение он занимает — он может оказаться кем угодно, от бухгалтера до администратора экспедиции, — но отвечать придется ему, если экспедиция принесет одни убытки. Кроме того, я понял, что по своему положению он не может заниматься исследованиями, после которых его неуравновешенные товарищи покалеченными возвращаются в сумасшедшие дома, которые он для них построил в пустынях. Более того, те из них, кто ухитрился сохранить душевное здоровье, постоянно выказывают ему свое презрение. Они, видите ли, считают, что их функция — выполнение задач экспедиции; он же отвечает только за материальное обеспечение. Думаете, их сколько-нибудь волнует, — Хебстер фыркнул, — что ему нужно представить отчет о результатах экспедиции в терминах балансовой ведомости?

— Что ж, по крайней мере в этом вопросе вы достигли взаимопонимания, — усмехнулся Браганза. — Возможно, торговцы со своим простым, откровенно надувательским подходом и станут решением проблемы. Вы уже дали нам больше важнейших сведений, чем мы сумели получить за многие годы дорогостоящих исследований. Хебстер, я хочу, чтобы вы выступили со своим рассказом в эфире и показали парочку спятивших Пришельцев — аналогов наших Первачей — зрителям.

— Нет уж. Рассказывать будете сами. И вообще все лавры можете оставить себе. Я телепатирую соответствующую просьбу своему дружку-Пришельцу по каналу, который он зарезервировал для меня, и он придет вам

для телепередачи пару помешавшихся на человечестве «бутылок с точками». А мне надо побыстрее возвращаться в Нью-Йорк и сажать всех сотрудников за поистине энциклопедическую работу.

— Энциклопедическую?

Бизнесмен застегнул брючный ремень и потянулся за галстуком.

— Ну а как еще назвать первое издание «Хебстерского межзвездного каталога человеческой деятельности и наличных артефактов» с указанием примерных цен?

БОЛЕЗНЬ

Согласно отчетам, разносчиком болезни был русский, Николай Белов; именно он принес заразу на корабль, подцепив ее во время обычного геологического поиска на следующий день после посадки. Если это имеет какое-то значение, поиск Белов осуществлял на гусеничном вездеходе, произведенном в Детройте, США.

Почти немедленно он радировал на корабль. В это время в рубке, как обычно, находился Престон О'Брайен, штурман — проверял электронное оборудование и прокладывал воображаемый обратный курс. Он-то и ответил на вызов.

Белов, конечно, говорил по-английски; О'Брайен — по-русски.

— О'Брайен! — воскликнул Белов взволнованно, как только связь была установлена. — Догадайтесь, что я нашел! Марсиан! Целый город!

О'Брайен щелкнул крышкой компьютера, откинулся в противоперегрузочном кресле и запустил пальцы в свою стриженную под «ежик» рыжую шевелюру. Конечно, ничто не давало людям такого права, но почему-то космонавты принимали как само собой разумеющееся, что кроме них на этой холодной, пыльной, безводной планете никого нет. И, узнав, что это не так, штурман испытал острый приступ клаустрофобии. Как будто только что он сидел в просторной тихой библиотеке колледжа, работая над диссертацией, — и вдруг,

The Sickness

Copyright © 1955 by Philip Klaas

Болезнь

© В. Файнберг, перевод, 1997

подняв голову, обнаружил, что ее заполнила толпа возбужденно болтающих первокурсников, едва закончивших писать сочинение. Или как в тот неприятный момент в самом начале их экспедиции, когда он очнулся от кошмарного сна, в котором беспомощно дрейфовал в беззвездном черном вакууме... очнулся и увидел крепкую правую руку Колевича, свисающую с верхней койки, и услышал густой славянский храп, заполнивший всю комнату.

Да нет, я вовсе не нервничаю, постарался заверить сам себя О'Брайен; в конце концов, все они несколько... нервничали в последние дни.

Ему никогда не нравилось быть в толпе. И он не любил, когда его заставляли врасплох.

Штурман раздраженно потер руки над уравнениями, которые он писал минуту назад, потом откашлялся и спросил:

— Живые марсиане?

— Нет, конечно, нет! Откуда могут взяться живые марсиане в несчастной пригоршне молекул, которая здесь называется атмосферой? Единственные живые создания в этом месте — обычные лишайники да, может быть, пара плоских червей, таких же, как те, которых мы нашли рядом с кораблем. Последний из марсиан умер по меньшей мере миллион лет назад. Однако город цел, О'Брайен, цел и почти нетронут.

Штурман совершенно ничего не смыслил в геологии, но даже он не поверил.

— Цел? Вы хотите сказать, что за миллион лет он не рассыпался в прах?

— Ни капельки! — фыркнул Белов. — Понимаете, город подземный. Я заметил большой провал с покатыми стенками и никак не мог определить, что это такое: он никак не соответствовал рельефу. И изнутри шел поток воздуха, не дававший песку осыпаться. Я съехал туда на вездеходе — пятьдесят, ну шестьдесят ярдов по откосу — и попал в него, в этот огромный, пустой марсианский город... Так будет выглядеть Москва через тысячу, десять тысяч лет! Он прекрасен, О'Брайен, просто прекрасен!

— Ничего не трогайте, — предостерег его О'Брайен. Москва!.. Вот уж в самом деле!

— Вы думаете, я спятил? Сейчас я здесь как раз фотографирую. Автоматика, которая регулирует систему вентиляции и поддува, управляет и освещением — в городе почти так же светло, как днем наверху. Что за чудесное место! Бульвары — как цветная паутина. Здания — как... как... Вспомните Долину Царей*, вспомните Хараппу**! Вы знаете, О'Брайен, я ведь любитель-археолог. Да, да. Так вот, должен вам сказать, что Шлиман*** отдал бы свои глаза — да, свои глаза! — за это открытие! Город просто великолепен!

Энтузиазм Белова вызвал у О'Брайена улыбку. В такие минуты нельзя было удержаться от мысли, что русские в общем-то нормальные ребята, что все в конце концов утрясется... так или иначе.

— Поздравляю, — сказал он. — Делайте свои снимки и быстро возвращайтесь. Я сообщу капитану Гоусу.

— Слушайте, О'Брайен, это еще не все. Эта раса — эти марсиане — они были похожи на нас! Они были гуманоидами!

— Гуманоиды? Вы говорите, гуманоиды? Как мы?

Наушники взорвались восторженным смехом Белова.

— Вот именно! Изумительно, не правда ли? Они были гуманоидами, совсем как мы. Может, даже больше, чем мы. В центре площади, где заканчивается входной туннель, стоит пара обнаженных скульптур. Должен сказать, что Фидию, или Праксителю, или Микеланджело**** не было бы стыдно за такую работу. Их изваяли в плейстоцене или плиоцене, когда по Земле еще бродили саблезубые тигры.

* Долина Царей (или Долина Фараонов) — название местности под Каиром (Египет), где находятся самые величественные пирамиды, в частности пирамида Хеопса. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Величественные руины одного из центров хараппской цивилизации (3-е—2-е тысячелетие до н. э.) в Пенджабе (Пакистан).

*** Генрих Шлиман (1822—1890) — немецкий археолог, открыл и раскопал остатки Трои.

**** Фидий (5 в. до н. э.) — древнегреческий скульптор, автор скульптурного убранства Парфенона (храм Афины в Афинах, Греция).

Пракситель (390—330 до н. э.) — древнегреческий скульптор, автор великолепных скульптур.

Буонаротти Микеланджело (1475—1564) — итальянский скульптор, архитектор и художник. Автор скульптур «Оплакивание Христа», «Давид», «Моисей», росписи свода Сикстинской капеллы в Ватикане, руководитель строительства собора св. Петра и ансамбля дворцов Капитолия в Риме.

О'Брайен хмыкнул и отключился. Штурман подошел к иллюминатору рубки, одному из двух корабельных иллюминаторов, и взглянул на красную пустыню и бесконечные песчаные дюны, убегающие за горизонт, где они сливались в колеблющуюся песчаную дымку.

Марс. Мертвая планета. Безжизненная — если не считать бактерии и самые примитивные формы растительности, которые смогли выжить на тех минимальных количествах воды и воздуха, которые предоставлял им бесконечно враждебный мир. Но некогда здесь жили люди, люди, подобные ему самому и Николаю Белову. У них было искусство, была наука, а также, несомненно, были различные философские системы. Да, некогда они жили здесь, эти марсиане... а теперь их нет. Неужели перед ними тоже встала проблема сосуществования — и они не смогли разрешить ее?

Из-под корабля неуклюже выбрались две одетые в космические скафандры фигуры. Сквозь прозрачные шлемы О'Брайен разглядел лица: более низкий — Федор Гуранин, главный инженер, второй — Том Сматерс, его первый помощник. Они, очевидно, совершали обход кормовых двигателей в поисках возможных повреждений, полученных во время космического полета. Через восемь дней Первой земной экспедиции на Марс предстояло стартовать обратно; все оборудование вплоть до последнего винтика должно было быть в полном порядке задолго до этого.

Сматерс увидел О'Брайена в иллюминаторе и махнул ему рукой; штурман помахал в ответ. Гуранин с любопытством взглянул вверх, чуть помедлил, затем тоже помахал рукой. Теперь замешкался О'Брайен. Черт, это же глупо! Почему бы и нет? И он помахал Гуранину длинным, дружеским, круговым взмахом.

И тут же усмехнулся сам над собой. Не хватало, чтобы их сейчас увидел Гоус! На аристократическом, кофейного цвета лице высокого капитана заиграла бы улыбка безумца. Бедный парень! Подобные крупницы эмоций были смыслом его жизни.

И тут О'Брайен вспомнил. Он вышел из рубки и взглянул в сторону камбуза, где Семен Колевич, помощник штурмана и главный кок, открывал консервы, готовясь к обеду.

— Не знаете, где капитан? — спросил О'Брайен по-русски.

Колевич холодно взглянул на него, закончил открывать жестянку, бросил круглую крышку в отверстие стенного мусоросборника и только тогда коротко ответил по-английски:

— Нет.

Выйдя в коридор, штурман встретил доктора Элвина Шнейдера, который направлялся на камбуз, в наряд.

— Док, не видели капитана Гоуса?

— Он внизу, в машинном отделении, ждет Гуранина, чтобы что-то обсудить, — ответил ему низенький круглолицый корабельный врач. Оба они говорили по-русски.

О'Брайен кивнул и пошел дальше. Спустя несколько минут штурман толчком распахнул дверь в машинное отделение и наткнулся на капитана Субодха Гоуса, выпускника Бенаресского политехнического института, Бенарес, Индия. Капитан рассматривал большую настенную схему корабельных двигателей. Несмотря на его молодость — как и каждому члену экипажа, Гоусу не было еще двадцати пяти лет, — огромная ответственность, лежащая на его плечах, прорезала под глазами капитана две черные ямы. Они придавали ему предельно напряженный и усталый вид.

О'Брайен передал капитану сообщение Белова.

— Гм-м, — произнес Гоус, нахмурившись. — Надеюсь, у него хватит ума не... — Внезапно он оборвал себя, поняв, что говорит по-английски. — Простите, О'Брайен! — сказал он по-русски, и глаза его еще больше потемнели. — Я стоял здесь и думал о Гуранине; должно быть, я вообразил, что говорю с ним. Простите.

— Ерунда, — пробормотал О'Брайен. — Мне это было даже приятно.

Гоус улыбнулся, затем улыбка резко исчезла с его лица.

— Я постараюсь, чтобы такое больше не повторилось. Как я говорил, надо надеяться, что у Белова хватит ума обуздать свое любопытство.

— Он обещал ничего не трогать. Капитан, не волнуйтесь, Белов — умница. Он — как все остальные; мы все — умницы.

— Функционирующий город... — размышлял вслух высокий индус. — Там могла сохраниться жизнь; вдруг Белов включит тревогу и приведет в действие что-нибудь невообразимое. Почему знать, там может оказаться автоматически действующее оружие, бомбы — все что угодно! Белов подорвется сам и взорвет всех нас. В этом единственном городе может быть столько всего, что весь Марс разнесет вдребезги!

— Ну уж вряд ли, — заметил О'Брайен. — Я думаю, вы переборшили. Я думаю, бомбы сидят у вас в голове.

Гоус посмотрел на него долгим отрешающим взглядом:

— Да, мистер О'Брайен, сидят. Это точно.

О'Брайен почувствовал, что краснеет. Чтобы сменить тему, он сказал:

— Хотелось бы на несколько часов получить Сматерса. Компьютеры, похоже, работают отлично, но лучше произвести выборочную проверку пары схем — так, на всякий случай.

— Я спрошу Гуранина, сможет ли он отпустить его. А ваш помощник?

На лице штурмана появилась гримаса.

— Колевич не разбирается в электронике и вполонину так хорошо, как Сматерс. Он чертовски хороший математик, не больше.

Капитан пристально посмотрел на штурмана, как бы пытаясь определить, нет ли иной причины в нежелании работать с Колевиным.

— Возможно. Но это напомнило мне кое о чем. Я буду вынужден просить вас не покидать корабль до старта на Землю.

— О, капитан, нет! Ужасно тянет размять ноги. И у меня столько же прав, сколько у остальных, чтобы... ступить на поверхность другой планеты.

Собственная фразеология заставила О'Брайена слегка смутиться, но, черт возьми, он преодолел сорок миллионов миль вовсе не для того, чтобы тарашиться на Марс сквозь иллюминаторы!

— Можете размять ноги и внутри корабля. Мы оба знаем, что хождение в космическом скафандре — не слишком приятное занятие. Что же касается пребывания на поверхности другой планеты, то вы, О'Брайен,

уже сделали это — вчера, во время церемонии установки маркера.

О'Брайен взглянул мимо капитана в иллюминатор машинного отделения. Через него была видна маленькая белая пирамида, которую они установили снаружи. На каждой из трех ее граней красовалась одинаковая надпись на трех разных языках: английском, русском и хинди. «Первая земная экспедиция на Марс. Во имя жизни человечества».

Миленькая надпись. Типично индийская. Но трогательная. И, как и все остальное в этой экспедиции, чистая патетика.

— Вы — слишком большая ценность, О'Брайен, чтобы рисковать вами, — пояснил Гоус. — Мы уже столкнулись с этим на пути сюда. Человеческий мозг не в состоянии рассчитать внезапное необходимое изменение курса с той скоростью и точностью, с какой делают это ваши компьютеры. А так как именно вы участвовали в их разработке, никто не может работать с ними так же успешно. Поэтому я приказываю вам оставаться на корабле.

— Но послушайте, все не так страшно: под рукой остается Колевич.

— Как вы сами только что заметили, Семен Колевич недостаточно хорошо разбирается в электронике. И если с этими компьютерами что-нибудь случится, мы будем вынуждены призвать Сматерса и использовать их в тандеме — далеко не самая эффективная рабочая схема. Да и, кроме того, я полагаю, что Сматерс плюс Колевич не вполне равняются Престону О'Брайену. Простите меня, но боюсь, мы не можем так рисковать — вы почти незаменимы.

— Ладно, — мягко сказал О'Брайен. — Приказано оставаться. Только позвольте мне чуточку возразить вам, капитан. Мы оба знаем, что на борту нашего корабля есть только один незаменимый человек — и это не я.

Гоус хмыкнул и отвернулся.

Вошли Гуранин и Сматерс, оставившие свои скафандры в воздушном шлюзе. Капитан и главный инженер быстро обсудили ситуацию (разумеется, по-

английски), и в конце разговора Гуранин, почти без возражений, согласился одолжить Сматерса О'Брайену.

— Но он потребуется мне, самое позднее, к трем.

— Управимся, — пообещал О'Брайен по-русски и увел Сматерса. Гуранин пустился обсуждать с капитаном вопросы ремонта двигателей.

— Я удивляюсь, как он не заставил тебя заполнить на меня требование, — заметил Сматерс. — Черт возьми, он думает, что я — сибирский каторжник?

— Том, у него полно хлопот со своим хозяйством. И ради Бога, говори по-русски. Представь себе, что капитан или один из Иванов услышали бы тебя. Ты хочешь, чтобы сейчас же начались неприятности?

— Прес, я не нарочно. Я просто забылся.

О'Брайен по себе знал, что забыться очень легко. Какого черта индийское правительство не захотело, чтобы все семеро американцев и семеро русских выучили хинди? Тогда экспедиция могла бы пользоваться общим языком, языком их капитана. Хотя, если подумать, родным языком Гоуса был бенгальский...

В общем-то понятно, почему индусы настояли на включении этих двух языков в и без того напряженную программу тренировок участников экспедиции. Их замысел заключался в том, что, если русские будут говорить между собой и с американцами по-английски, а американцы будут разговаривать и отвечать по-русски, вся эта затея сможет принести определенную пользу в моральном микроклимате корабля, даже если экспедиция и не достигнет глобальных политических целей. А потом, вернувшись на Землю, каждый из космонавтов будет распространять в своей родной стране идеи и принципы согласия и сотрудничества, накопленные и выработанные во время экспедиции.

Или что-то в этом роде.

Идея красивая — и жалкая. Но разве положение в мире в этот момент не было еще более жалким? Требовалось что-то делать, и делать быстро. Индусы, во всяком случае, пытались. Они не просто просиживали ночи напролет, глядя на ужасающие картины, вырисовываемые пляшущей перед глазами магической цифрой шесть: шесть, шесть бомб, шесть новейших кобальтовых бомб — и на Земле не останется никакой жизни.

Ни для кого не было тайной, что Америка обладает по меньшей мере девятью такими бомбами, Россия — семью, Британия — четырьмя, Китай — двумя, и еще пять бомб, если не больше, находятся в арсеналах пяти гордых и суверенных государств. Что способны сделать эти бомбы, было убедительно продемонстрировано на новых полигонах, созданных Америкой и Россией на обратной стороне Луны.

Шесть. Всего шесть бомб могут покончить со всей планетой. Все знали это, и все знали, что, если вспыхнет война, эти бомбы будут пущены в ход, раньше или позже, проигрывающей стороной, стоящей перед мрачной перспективой вражеской оккупации и суда над ее руководителями, как над военными преступниками.

И все знали, что война будет.

Десятилетие за десятилетием ее удавалось предотвратить, но десятилетие за десятилетием мир неотвратимо сползал к войне. Это напоминало хроническую, затяжную болезнь, когда силы больного непрерывно убывают, а бедняга безнадежно смотрит на термометр и с растущим ужасом вслушивается в свое затрудненное дыхание — и так до тех пор, пока болезнь не одолеет и не убьет его. Каждый очередной кризис удавалось каким-то образом разрешить, и каждый раз положение хоть чуточку, но ухудшалось. За международными конференциями следовали новые союзы, за ними — новые конференции, а война все приближалась и приближалась.

Она уже почти началась. Даже чуть было не началась — три года назад, из-за Мадагаскара, черт бы его побрал, но каким-то чудом ее удалось предотвратить. Война чуть было не разразилась в прошлом году — из-за территориальных прав на обратную сторону Луны, но в последнюю минуту сверхчудо в форме арбитража индийского правительства снова предотвратило ее.

Однако сейчас мир определенно стоял на краю пропасти. Два месяца, полгода, еще год — и она начнется. И все знали это. Все ждали смерти, временами судорожно удивляясь, почему они ничего не предпринимают, а просто ждут. Но знали: война неминуема.

И вот в разгар всего этого, когда и Советский Союз, и Соединенные Штаты Америки полным ходом совер-

шенствовали ракетно-космические технологии — для того чтобы, когда настанет время пустить эти бомбы в ход, их можно было бы использовать с максимальной убойной эффективностью, — в разгар всего этого Индия публично сделала свое предложение.

Пусть противостоящие сверхдержавы сотрудничают в предприятии, которое обе они так или иначе планируют и в котором каждая из держав смогла бы использовать достижения другой стороны. Одна из них вырвалась чуть вперед в осуществлении пилотируемых космических полетов, а другая, как известно, разработала чуть лучший атомный ракетный двигатель. Пусть они объединят свои ресурсы для полета на Марс, под командой индийского капитана и под эгидой Индии, во имя всего человечества. И пусть мир раз и навсегда узнает, какая из сторон откажется сотрудничать.

Учитывая природу этого предложения и удивительно точно выбранное время, отказаться было невозможно. Самое оно, решил про себя О'Брайен; они добрались-таки до Марса и, возможно, вернутся обратно. Но, хотя экспедиция могла бы многое прояснить, она ничего не предотвратит. Политическую ситуацию как лихорадило, так и будет лихорадить; не пройдет и года, как мир, несмотря ни на что, будет охвачен войной. И команда этого корабля знала это так же хорошо, как и все остальные, если не лучше.

По пути в рубку они миновали воздушный шлюз, где Белов выкарабкивался из своего скафандра. Русский неловко суетился, прыгая на одной ноге и стаскивая нижнюю часть костюма.

— Вот это открытие, да? — радостно крикнул он. — На второй день и посреди пустыни!.. Подождите, вы еще увидите мои снимки!

— С нетерпением жду, — ответил ему О'Брайен. — А пока вы бы лучше пошли в машинное отделение и доложили капитану. Он боится, что вы могли нажать кнопку, включающую механизм, который разнесет весь Марс прямо под нашими ногами.

Русский подарил ему широкую улыбку, обнажив чуть редковатые зубы.

— Ох уж этот Гоус со своими планетарными взрывами!

Геолог потер макушку и тяжело покачал головой из стороны в сторону.

— Что-нибудь случилось? — спросил О'Брайен.

— Голова заболела. Началось пару секунд назад. Должно быть, провел слишком много времени в скафандре.

— Я только что пробыл в скафандре вдвое дольше, — сказал Сматерс, отвлеченно тыча в брошенную Беловым экипировку, — и у меня голова не болит. Возможно, у нас в Америке делают лучшие головы.

— Том! — рявкнул О'Брайен. — Ради Бога!

Губы Белова сжались и побелели. Затем он пожал плечами:

— Как насчет партии в шахматы, О'Брайен? После обеда?

— С удовольствием. Только учтите: я собираюсь сожрать вас с потрохами. Я по-прежнему утверждаю, что черные могут устоять и выиграть.

— Это будет ваша погибель, — усмехнулся Белов и пошел в машинное отделение, осторожно потирая голову.

Когда они оказались вдвоем в рубке и Сматерс начал разбирать компьютерный блок, О'Брайен закрыл дверь и сердито сказал:

— Том, ты отмочил самую дурацкую, опасную и неуместную шутку! И это было так же смешно, как объявление войны!

— Понимаю. Но Белов просто достал меня!

— Белов? Он самый приличный из всех русских на борту.

Помощник главного инженера отвинтил боковую панель и присел на корточки рядом.

— Может быть, для тебя. Надо мной же он всегда издевается.

— Как?

— О, по-всякому. Возьмем шахматы. Всякий раз, когда я прошу его сыграть, он говорит, что будет играть со мной, только пожертвовав ферзя. А потом смеется — этим своим мерзким смехом, ну, ты знаешь.

— Проверь соединение наверху... — предупредил штурман. — Ну, Том, Белов — очень хороший шахматист. На прошлом московском турнире он был седьмым, играя против кучи мастеров и гроссмейстеров. В стра-

не, где к шахматам относятся так, как у нас — к бейсболу и футболу, вместе взятым, это очень хороший результат.

— Да я знаю, что он хороший игрок. Но ведь и я не так плох. Не на ферзя. Целого ферзя!

— И это все? Тебе не кажется, что при подобной мотивировке ты слишком сильно не любишь его?

Сматерс помолчал с минуту, осматривая плату.

— А ты, — произнес он, не поднимая головы. — Тебе не кажется, что ты слишком сильно любишь его?

Готовый взорваться, О'Брайен внезапно кое-что вспомнил и заткнулся.

В конце концов, это мог быть кто угодно. Это мог быть Сматерс.

Непосредственно перед отъездом из Соединенных Штатов в Бенарес, чтобы соединиться с русскими, сотрудники военной разведки провели с американскими участниками экспедиции последнюю, сверхсекретную беседу. Им еще раз разъяснили деликатность ситуации, в которую они попадают, и ее возможную опасность. С одной стороны, требовалось, чтобы Соединенные Штаты не мешкали с принятием индийского предложения, чтобы перед лицом всего мира они отнеслись к этому совместному научному предприятию по меньшей мере с таким же энтузиазмом и готовностью к сотрудничеству, как и русские. С другой стороны, так же важно, а может быть, даже более важно — не дать будущему противнику использовать это объединение знаний и технологий для получения преимущества, которое могло бы оказаться решающим, например, захватить этот корабль во время обратного полета и посадить его в Баку, а не в Бенаресе.

Поэтому, сообщили им, один член экипажа прошел специальную подготовку и на время экспедиции является офицером корпуса военной разведки армии Дядюшки Сэма. Его личность будет оставаться в тайне до того момента, когда он решит, что русские что-то затевают. Тогда он произнесет специальную кодовую фразу, и, начиная с этого времени, все американцы на борту должны выполнять его распоряжения, а не распоряжения капитана Гоуса. Отказ подчиняться приравнен к измене.

А кодовая фраза? Вспомнив ее, О'Брайен не смог сдержать ухмылки: «Обстрелян форт Самтер*».

Но когда один из них встанет и произнесет эту фразу, будет совсем не смешно...

Штурман не сомневался, что среди русских тоже есть такой человек. Наверняка Гоус подозревает о мерах обеих сторон, что заметно ухудшало и без того тяжелый сон капитана.

Интересно, а какую кодовую фразу придумали русские? «Обстрелян форт Кронштадт»? Нет, скорее: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Да уж, если кто-нибудь совершит действительно неверный поступок, наступят веселые времена.

Сматерс вполне мог быть офицером американской разведки. Особенно после этой его последней шуточки. И О'Брайен решил, что лучше ему не отвечать. Сейчас каждому следует проявлять осторожность, а людям на этом корабле — в особенности.

Хотя он знал, что гложет Сматерса — то же самое, в общем смысле, что побуждало Белова играть в шахматы со штурманом, которого там, на Земле, просто не допустили бы к участию в одном турнире с ним.

Из всех членов экипажа О'Брайен обладал наивысшим КИ — коэффициентом интеллектуального развития. Ничего особенного, немногим выше, чем у любого другого. Просто на этом корабле, с его командой из талантливых молодых людей, отобранных из сливок научной элиты двух стран, кто-то должен был иметь КИ выше, чем у остальных. И этим человеком оказался О'Брайен.

Но О'Брайен был американцем. А все, что относилось к подготовке марсианской экспедиции, решалось на самом высоком уровне, с такими дипломатическими тонкостями и закулисными маневрами, которые обычно связаны с демаркацией границ в стратегически важных регионах. Поэтому человек с самым низким КИ на борту тоже должен был быть американцем.

И им был Том Сматерс, помощник главного инженера.

* Обстрел южанами форта Самтер 12 апреля 1861 г. явился фактическим началом и первым сражением Гражданской войны в США 1861—1865 гг.

Опять же, ничего страшного, всего на балл или два ниже, чем у следующего перед ним. И, сам по себе, этот КИ был чертовски высок.

Но перед тем как корабль стартовал из Бенареса, члены экипажа провели вместе достаточно много времени. Они узнали друг о друге много всего — как из личных контактов, так и из официальных досье, ибо никто не ведает, какие сведения о товарище по полету смогут предотвратить несчастье в случае невероятных, непредвиденных кризисов.

Поэтому-то Николай Белов, обладавший таким же огромным природным талантом к шахматам, как Сара Бернар* — к сцене, получал особое и постоянное удовольствие, громя человека, которого вряд ли взяли бы играть за студенческую любительскую команду. А в Томе Сматерсе нарастало чувство неполноценности, и раздражение его по любому поводу могло перерасти в настоящую ярость.

О'Брайен чувствовал, что это нелепо.

Нелепо? Не более нелепо, чем шесть кобальтовых бомб. Раз, два, три, четыре, пять, шесть — и бух!

Возможно, подумал он, ответ состоит в том, что люди — нелепые существа.

Прекрасно. Скоро они исчезнут, вымрут, как динозавры.

А тут эти марсиане.

— Мне не терпится взглянуть на снимки Белова, — сказал он Сматерсу, пытаясь перевести разговор в нейтральную, не вызывающую споров плоскость. — Ты только представь себе: по этому пустынному шарiku ходили гуманоиды, строили города, влюблялись, занимались наукой — и все это миллион лет назад!

Помощник главного инженера, запустив руки в пучину проводов, просто хмыкнул, давая тем самым знать, что он не позволит своему воображению попасть в дурную компанию, а таковой он, несомненно, считал все, относящееся к Белову.

— Куда они подевались — я имею в виду марсиан? Если они достигли такого уровня развития, причем много лет назад, то должны были разработать космическую

* Сара Бернар (1844—1923) — знаменитая французская актриса.

технику и найти себе более приличное жилище. Том, как ты думаешь, они посещали Землю? — настаивал О'Брайен.

— Да-а. И все погребены на Красной площади.

Нет, с таким скверным характером решительно ничего не поделаешь, решил О'Брайен; надо оставить это. Сmaterса все еще заедала готовность Белова играть со штурманом на равных.

Как бы то ни было, ему действительно хотелось взглянуть на фотографии. И когда они пошли есть в большой отсек в середине корабля, который служил одновременно спальней, столовой, гостиной и складом, штурман прежде всего поискал взглядом Белова.

Белова не было.

— Он в изоляторе с доктором, — тяжело и печально сказал Лятинский, сосед по столу. — Плохо себя чувствует. Шнейдер осматривает его.

— Что, головная боль усилилась?

Лятинский кивнул:

— Очень — и быстро. А потом появилась боль в суставах. И его лихорадит. Гуранин говорит, что это похоже на менингит.

— О-ох!

Они теснятся в столь ограниченном пространстве, что болезнь вроде менингита распространится среди них, как чернила по промокашке. Хотя Гуранин инженер, а не врач. Что он в этом понимает, с чего он взял такой диагноз?

И тут О'Брайен заметил, что в столовой необычно тихо. Люди ели, не поднимая глаз от тарелок, а Колевич мрачно подавал и убирал; впрочем, последнее было вызвано тем, что после стряпни ему пришлось еще играть и роль подавальщицы, так как наряженного на кухню доктора Элвина Шнейдера внезапно вызвали для более важного дела.

Но если американцы просто молчали, то у русских был похоронный вид. Лица у всех напряглись и застыли, словно люди ждали расстрела. Все они тяжело дышали — тем медленным пыхтящим дыханием, которое обычно сопровождает размышления над чрезвычайно трудной задачей.

Понятно. Если Белов действительно серьезно болен, если он вышел из строя, американцы получают серьезное преимущество. Силы русских уменьшаются почти на пятнадцать процентов. И в случае серьезной стычки между двумя группами...

Значит, любительский диагноз Гуранина следует определенно рассматривать как попытку поднять дух. Да, поднять дух! Если это менингит, а менингит весьма заразен, другие, вероятно, тоже заболеют, и этими «другими» будут не только русские, но и американцы. Таким образом равновесие будет восстановлено.

О'Брайен вздрогнул. Что за бред...

Но потом он понял: если бы сейчас в изоляторе лежал серьезно заболевший американец, а не русский, он думал бы так же, как Гуранин. Менингит в этом случае мог оказаться той соломинкой, за которую хватается утопающий.

В столовую спустился капитан Гоус. Его глаза казались еще темнее и меньше.

— Друзья, внимание. Когда вы закончите есть, все должны явиться в рубку; до дальнейших распоряжений та будет служить филиалом изолятора.

— Зачем, капитан? — спросил кто-то. — Зачем это надо?

— Профилактическая прививка.

Наступила тишина. Гоус упорно смотрел в сторону. Потом главный инженер кашлянул.

— Как Белов?

Капитан с минуту помолчал, затем, не оборачиваясь, сказал:

— Пока не ясно. И если вы собираетесь спросить меня, что с ним, это тоже пока не ясно.

Молчаливо и задумчиво стояли они в длинной очереди у двери рубки, входя и выходя по одному. Наконец подошла очередь О'Брайена.

Он вошел, засучивая, как ему было велено, правый рукав. В дальнем конце помещения Гоус пристально смотрел в иллюминатор, как будто ожидал прибытия спасательной экспедиции. Стол штурмана был занят ватными тампонами, мензурками со спиртом и пузырьками с мутной жидкостью.

— Док, что это за средство? — спросил О'Брайен после укола, когда ему разрешили опустить рукав.

— Дуоплексин. Новый антибиотик, разработанный австралийцами в прошлом году. Его терапевтическое действие еще не полностью изучено, но из всего, чего достигла медицина, эта штука ближе всего к панацее. Не хотелось бы прибегать к такому непроверенному средству, однако перед стартом из Бенареса мне приказали накачать вас им в случае появления любых необычных симптомов.

— Гуранин говорит, что это менингит, — заметил О'Брайен.

— Это не менингит.

О'Брайен подождал с минуту, но доктор занялся подготовкой нового шприца для подкожных инъекций и, очевидно, не был склонен к продолжению разговора. Тогда О'Брайен обратился к спине Гоуса:

— А что с теми снимками, которые сделал Белов? Пленку уже проявили? Взглянуть бы.

Капитан отвернулся от иллиуминатора и прошелся по рубке, сцепив руки за спиной.

— Все снаряжение Белова, — произнес он тихо, — находится в изоляторе, в карантине, вместе с Беловым. Так распорядился доктор.

— А-а... Скверно. — О'Брайен понимал, что ему следует уйти, но любопытство заставило его продолжать говорить. Этих двоих что-то беспокоило, что-то гораздо большее, чем страх, одолевавший русских. — Он сказал мне по радио, что марсиане определенно были гуманоидами. Изумительно, не правда ли? Выходит, эволюция шла параллельным путем.

Шнейдер осторожно положил шприц.

— Параллельная эволюция... — пробурчал врач. — Параллельная эволюция и параллельная патология. Хотя и не совсем похоже на действие земного возбудителя... Параллельная восприимчивость тем не менее. Вот это можно сказать определенно.

— То есть вы думаете, что Белов подцепил марсианскую болезнь? — О'Брайен на секунду задумался. — Но город чудовищно стар! Никакой микроб не мог сохраниться так долго!

Низенький доктор решительно хлопнул себя по брюшку.

— У нас нет никаких оснований так считать. Некоторые земные микроорганизмы способны сохраняться очень долго. В виде спор — и многими другими способами.

— Но если Белов...

— Хватит, — прервал его Гоус. — Доктор, не надо рассуждать вслух. А вы, О'Брайен, помалкивайте об этом, пока мы не решим сообщить всем. Следующий! — пригласил он.

Вошел Том Сматерс.

— Эй, док! Не знаю, важно ли это, но у меня началась такая ужасная головная боль, какой в жизни не было.

Трое остальных уставились друг на друга. Затем Шнейдер выхватил из нагрудного кармана термометр и сунул его в рот Сматерсу, невнятно выругавшись. О'Брайен сделал глубокий вдох и вышел.

Вечером экипаж попросили собраться в столовой-спальне. Шнейдер, выглядящий очень устало, сел на стол, вытер руки о свой джемпер и сказал:

— Такие вот дела, друзья. Николай Белов и Том Сматерс заболели, Белов — серьезно. Болезнь, похоже, начинается с умеренной головной боли, которая быстро усиливается, затем подскакивает температура; все это сопровождается сильными болями в спине и суставах. Такова первая стадия болезни. У Сматерса сейчас как раз первая стадия. Белов...

Никто ничего не сказал. Люди сидели в расслабленных позах, глядя на доктора. Гуранин и Лятинский подняли головы от шахматной доски с таким видом, словно было сделано какое-то маловажное замечание и они вынуждены оторваться от своей королевской игры просто из вежливости. Но когда Гуранин, сдвинув локоть, случайно столкнул короля, никто из них не кинулся поднимать фигуру.

— Белов... — продолжал Шнейдер, чуть помолчав. — Болезнь Белова вступила во вторую стадию. Она характеризуется непонятными скачками температуры, бредом и значительной потерей координации — что, безусловно, указывает на поражение нервной системы.

Потеря координации является настолько острой, что затрагивает даже перистальтику, делая необходимым внутривенное питание. Поэтому сегодня я покажу вам, как делать внутривенные вливания, чтобы каждый из вас мог ухаживать за больными. Так, на всякий случай.

Через комнату О'Брайен увидел, как губы Гопкинса, корабельного связиста, округлились в молчаливом «Ой!».

— Теперь о том, что это за болезнь. Признаться честно, понятия не имею. Но я стопроцентно уверен, что это не земная болезнь, хотя бы лишь потому, что у нее один из самых коротких инкубационных периодов, о которых я когда-либо слышал, и она прогрессирует фантастически быстро. Полагаю, Белов подцепил ее в этом марсианском городе и занес на корабль. Я не имею ни малейшего представления, насколько она опасна, хотя в подобных случаях разумно ожидать самого худшего. В настоящее время я надеюсь только на то, что у обоих заболевших симптомы проявились до того, как я смог накачать их дуоплексином. Все остальные на корабле — включая меня — получили профилактический укол. Больше сказать мне нечего. Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Хорошо, — кивнул доктор Шнейдер. — Хотелось бы еще раз предупредить вас, хотя в данной ситуации это кажется мне лишним, что любой человек, который почувствует какую-либо головную боль — любую головную боль, — должен немедленно обратиться ко мне для госпитализации в изоляторе. А теперь попрошу всех подойти поближе, и я продемонстрирую на капитане Гоусе, как делать внутривенные вливания. Капитан, прошу.

Когда демонстрация была закончена и члены экспедиции подтвердили, к удовлетворению врача, свое умение друг на друге, он собрал все принадлежности, которые едко воняли антисептиком, и сказал:

— Прекрасно, об этом мы позаботились. Подстраховались на всякий случай. Желаю приятного сна.

Потом Шнейдер пошел к выходу. На пороге, остановившись, обернулся и внимательно поглядел на каждого.

— О'Брайен, — сказал он наконец. — Составьте мне компанию.

«Ну что ж, — думал штурман, направляясь за врачом, — по крайней мере, счет сравнялся. Один русский и один американец. Если б только дело на этом и кончилось!»

Шнейдер заглянул в изолятор и кивнул сам себе:

— Болезнь Сматерса достигла второй стадии. Возбудитель действует дьявольски быстро. Возможно, нашел в нас отличных реципиентов.

— И все-таки что это может быть? — спросил О'Брайен, к своему удивлению обнаруживая, что он с трудом поспевает за низеньким доктором.

— Понятия не имею. Днем я просидел за микроскопом два часа — впустую. Я приготовил кучу предметных стекол, кровь, спинномозговую жидкость, слюну; целая полка заставлена бюксами с образцами — они ждут земных врачей, если, конечно, нам... А, ладно. Видите ли, это может быть фильтрующийся вирус, или бактерия, требующая специального окрашивания, чтобы сделаться видимой, или вообще что угодно. Самое большее, на что я надеялся, — это обнаружить возбудитель; у нас все равно не будет времени на получение лекарства.

Он вошел в рубку, далеко опережая высокого штурмана, остановился у стены и, как только тот вошел, запер дверь. О'Брайен нашел его действия загадочными.

— Док, я не понимаю, почему вы смотрите на все так пессимистично. У нас, в конце концов, есть белые мыши, которых мы собирались использовать для опытов, если бы оказалось, что на Марсе есть атмосфера. Нельзя ли использовать их в качестве экспериментальных животных для получения вакцины?

Доктор усмехнулся, не разжимая губ.

— Ага, за двадцать четыре часа. Как в кино. Нет, даже если бы я и собирался спешно заняться этим — а я, будьте уверены, не бездельничаю, — сейчас об этом не может быть и речи.

— Что значит — сейчас?

Шнейдер осторожно сел и положил чемоданчик с медицинскими принадлежностями на стол рядом. Потом усмехнулся:

— Прес, нет ли аспиричику?

Рука О'Брайена автоматически нырнула в карман джемпера.

— Нет, но я думаю, что...

И тут до него дошло. Как будто к животу приложили мокрое полотенце.

— Когда это началось? — спросил он тихо.

— Должно быть, в самом конце лекции, но я был слишком занят и не обратил внимания. Я почувствовал головную боль, когда выходил из столовой. А сейчас голова просто раскалывается. Нет, не подходите! — крикнул Шнейдер, когда штурман сочувственно дернулся вперед. — Скорее всего это не поможет, но все-таки держитесь подальше.

— Позвать капитана?

— Через несколько минут я сам себя госпитализирую и тогда уже позову капитана. А пока я просто хотел передать вам свои полномочия.

— Ваши полномочия? Так это вы... вы...

Доктор Элвин Шнейдер кивнул. Он продолжал — по-английски:

— Да, я — сотрудник военной разведки. Вернее, следует сказать — был им. А теперь это ты. Слушай, Прес, у меня мало времени. Допустим, что мы все не умрем за неделю, и допустим, что будет решено вернуться на Землю — тем самым рискуя заразить всю планету (как врач, возвращаться не советовал бы). Ты должен сохранять свой статус в тайне. Если возникнет необходимость разделаться с русскими, подашь сигнал кодовой фразой, которую вы все знаете.

— Обстрелян форт Самтер, — произнес О'Брайен тихо. Он все еще переваривал тот факт, что Шнейдер был сотрудником разведки. Да, разумеется, агентом мог оказаться любой из семерых американцев. Но чтобы Шнейдер!..

— Правильно. Если вы сумеете захватить управление кораблем, постарайтесь произвести посадку в Уайт-Сэндс, в Калифорнии, где мы начинали подготовку. Объяснишь властям, при каких условиях принял мои полномочия. Вот, пожалуй, и все. Ах да!.. Если заболеешь и ты, сам решай, кому передать скипетр. И последнее: я, конечно, могу ошибаться, однако считаю, что у

русских такие же функции возложены на Федора Гура-нина.

— Принято. — И тут внезапно до О'Брайена дошло все. — Но, док, ты сказал, что сделал себе укол дуоп-лексина. Это означает...

Шнейдер встал и потер лоб кулаком.

— Боюсь, именно означает. Вся эта церемония более чем бессмысленна. Тем не менее на мне лежала ответственность, которую я должен был передать. И я ее передал. Прости, сейчас мне лучше лечь. Желаю удачи.

По дороге к каюте капитана О'Брайен понял, что ощущали русские днем. Теперь их было пять американцев против шести русских. Это могло плохо кончиться. А ответственность лежала на нем.

Но когда его рука опустилась на ручку двери, он вздрогнул. Какая, к чертям, разница! Как только что выразился Шнейдер: «Допустим, что мы все не умрем за неделю...»

Дело было в том, что политическая ситуация на Земле, со всеми ее последствиями для двух миллиардов людей, больше не имела для членов марсианской экспедиции никакого значения. Риск занести болезнь на Землю слишком велик, а если они не вернуться туда, то практически нет и шансов найти лекарство. Люди прикованы к чужой планете, обречены ждать, пока болезнь, поразившая свою последнюю жертву тысячу тысяч лет назад, не свалит их одного за другим.

И все-таки... Неприятно быть в меньшинстве.

Быть в меньшинстве долго не пришлось. За ночь еще двое русских слегли с тем, что они теперь называли болезнью Белова. Оставалось пятеро американцев против четверки русских. Впрочем, к этому времени члены экспедиции перестали считать головы по национальному признаку.

Гоус решил, что нужно превратить отсек, служивший столовой и спальней, в изолятор и что все здоровые должны разместиться в машинном отделении. Он также распорядился, чтобы Гурагин смонтировал перед входом в машинное отделение дезинфекционную камеру.

— Все члены экипажа, ухаживающие за больными в изоляторе, должны носить скафандры, — приказал

капитан. — Перед входом в машинное отделение необходимо подвергать скафандры облучению максимальной интенсивности. Этого вряд ли достаточно, и я думаю, что такой вирулентный возбудитель не удастся остановить подобными мерами, но по крайней мере мы должны сделать все возможное.

— Капитан, — спросил О'Брайен. — Почему бы нам не попытаться тем или иным способом установить контакт с Землей? Хотя бы сообщить, что с нами случилось — для сведения будущих экспедиций. Я знаю: мощности передатчика не хватит, но ведь можно соорудить ракету: в нее поместим сообщение, а потом ее подберут.

— Я уже думал об этом. Начнем с того, что подобный проект чрезвычайно сложен. И все же, допустим, нам удалось сделать это... Как гарантировать, что вместе с сообщением мы не пошлем заразу? А принимая во внимание нынешнюю ситуацию на Земле, я не думаю, что нам следует особенно волноваться по поводу следующей экспедиции, если мы не вернемся назад. Вы так же хорошо, как и я, знаете, что через восемь, самое большее, через девять месяцев... — Капитан замолчал. — Кажется, у меня слегка болит голова, — произнес он тихо.

При этих словах даже те, кто отработали тяжелую вахту в изоляторе и сейчас лежали, вскочили на ноги.

— Вы уверены? — спросил Гуранин с ноткой безнадёжности в голосе. — Может, просто...

— Я уверен. Ну, рано или поздно это должно было случиться. Полагаю, все вы знаете свои обязанности в данной ситуации. Итак. В случае необходимости, в случае любого вопроса, который потребует командирского решения, капитаном будет тот из вас, чья фамилия стоит последней по алфавиту. Постарайтесь жить в мире — по крайней мере то время, которое вам осталось. Прощайте.

Гоус повернулся, вышел из машинного отделения и направился в изолятор — тонкокостный темнокожий человек, плечи которого сгибала усталость.

Вечером, к ужину, в изоляторе не было только двух человек: Престона О'Брайена и Семена Колевича. Они

тупо и апатично продолжали делать внутривенные вливания, обтирали больных и содержали их в чистоте.

Когда слягут последние, ухаживать за больными будет некому.

И тем не менее они старательно делали свое дело, не забывая тщательно облучать скафандры перед возвращением в машинное отделение. Когда у Белова и Сmaterса наступила третья стадия — полная кома, — штурман внес соответствующие записи в медицинский журнал доктора Шнейдера, под столбиком записей температуры, напоминавших котировки фондовой биржи на Уолл-стрит в очень неопределенный биржевой день.

Поужинали вместе, в молчании. Они никогда не нравились друг другу; сейчас неприязнь, казалось, лишь стала сильнее. После ужина О'Брайен через иллюминатор машинного отделения наблюдал, как в черном небе восходили марсианские луны: Деймос и Фобос. Позади него Колевич читал Пушкина, пока не заснул.

На следующее утро О'Брайен обнаружил Колевича на койке в изоляторе. Помощник штурмана уже бредил.

— И вот он остался один... — произнес Престон О'Брайен. — До чего мы так дойдем, ребята, до чего мы дойдем?

Выполняя обычные дела, он начал разговаривать сам с собой. Какого черта, все равно это лучше, чем ничего. По крайней мере позволяло ему забыть, что он был единственным разумным существом на просторах красной, овеваемой песчаными бурями планеты. Позволяло ему забыть, что вскоре он умрет. Позволяло ему, хотя бы и таким безумным способом, сохранять рассудок.

Потому что дела обстояли именно так. Именно. Корабль был рассчитан на экипаж из пятнадцати человек. В чрезвычайной ситуации им могли управлять пятеро. Возможно, двое или трое, разрываясь на части и будучи невероятно изобретательными, смогли бы довести его до Земли и чудом совершить аварийную посадку. Но один человек...

Даже если ему повезет и болезнь Белова пройдет стороной, он привязан к Марсу навсегда. Ему суждено остаться на Марсе до тех пор, пока не кончатся пища

и воздух, и космический корабль будет его ржавеющим гробом. А если у него возникнет головная боль... Что ж, неизбежный конец наступит гораздо раньше.

Так обстояли дела. И он был не в силах что-либо изменить.

Штурман бродил по кораблю, внезапно ставшему огромным и пустым. О'Брайен вырос на ранчо в Северной Монтане, и ему никогда не нравилось находиться в толпе. Стесненность, вызванная условиями космического полета, раздражала его, как пешехода раздражает попавший в ботинок камешек, но сейчас он обнаружил, что безграничное, предельное одиночество подавляет. И когда он задремал, ему приснились переполненные трибуны на бейсбольном матче и потная толпа в нью-йоркской подземке в час пик. А когда он проснулся, снова навалилось одиночество.

Просто чтобы не дать себе свихнуться, О'Брайен придумывал якобы неотложные маленькие задания. Так, он написал краткую историю их экспедиции для вымышленного популярного журнала; на компьютерах в рубке просчитал с дюжину обратных курсов; порывлся в личных вещах русских, чтобы узнать — так, любопытства ради, поскольку это больше совершенно ничего не значило, — кто из них был сотрудником советской разведки.

Выяснилось, что Белов. Это О'Брайена удивило. Белов очень ему нравился. Хотя, припомнил он, Шнейдер тоже очень нравился ему. В конце концов, те, кто планировал все это наверху, не были дураками.

Он нашел, к своему большому удивлению, что ему жалко Колевича. Черт возьми, следовало предпринять более решительные попытки сблизиться с этим человеком!

Они с самого начала питали друг к другу сильную антипатию. Со стороны Колевича неприязнь наверняка вызывала профессиональная ревность, ведь главным штурманом назначили О'Брайена. О'Брайен же считал своего помощника человеком, абсолютно лишенным чувства юмора, да еще и грубияном, которому, однако, удавалось сдерживать свою грубость, не давая ей перейти в откровенное неподчинение.

Однажды, когда Гоус выговаривал ему за неприкрытое отрицательное отношение к коллеге, О'Брайен воскликнул:

— Да, вы правы, и я должен был бы испытывать чувство вины. Но к любому из остальных русских я отношусь иначе. Я прекрасно лажу со всеми остальными. И только Колевича мне хочется прихлопнуть.

Капитан вздохнул:

— Ну как вы не понимаете, к чему сводится эта неприязнь? Вы считаете, что русские члены экипажа — славные парни, с которыми легко поладить, однако в глубине души уверены, что русские — это звери и их следует уничтожить до последнего человека. Поэтому все страхи, вся ненависть и все стремление уничтожить, которые, по вашему мнению, вы должны испытывать по отношению к ним, сосредоточились в одном направлении. Вы сделали из одного человека психологического козла отпущения для всей нации и изливаете на Семена Колевича всю ту ненависть, которую хотели бы направить против остальных русских, но не можете, поскольку, будучи человеком умным и рассудительным, вы нашли их слишком приятными.

— На этом корабле каждый кого-нибудь ненавидит. И все считают, что на то у них есть основания. Гопкинс ненавидит Лятинского — тот заявляет, будто Гопкинс постоянно крутится возле радиорубки. Гуранин ненавидит доктора Шнейдера — почему, не могу понять.

— Не согласен. Колевич лезет из кожи вон, чтобы досадить мне. Я это точно знаю. А возьмите Сматерса. Он ненавидит всех русских. Всех до единого.

— Сматерс — особый случай. Боюсь, ему недостает эмоциональной уверенности, а его особое положение в этой экспедиции — на нижнем полюсе КИ — тем более не идет ему на пользу. Вы могли бы помочь Сматерсу, если бы подружились с ним ближе.

— Ах, — О'Брайен даже вздрогнул от неловкости положения. — Я не психолог-общественник. Я неплохо с ним лажу, но могу переносить Тома Сматерса только в очень маленьких дозах.

И еще об одном он сожалел. Он никогда не хвастался ни своей абсолютной незаменимостью как штурмана, ни тем, что он самый умный на борту; более того,

он даже был уверен, что почти не думал об этом. Но сейчас, на сверкающем фоне своей предстоящей кончины, О'Брайен понял, что почти ежедневно он, в глубине своего сознания, самодовольно лелеял этот факт.

Нет, определенно это болезнь. Как болезнь Гопкинса-Лятинского, Гуранина-Шнейдера, Сматерса-любого другого. Та болезнь, которой сейчас больна вся Земля, когда два из крупнейших народов планеты — а им вполне хватает своей земли и вовсе нет потребности жаждать чужих земель — собираются, упираясь и скорбя, вступить в войну друг с другом, в войну, которая уничтожит их обоих, а также и все остальные народы, в войну, которой так легко можно было бы избежать и которая, однако, совершенно неизбежна.

«Может быть, — подумал О'Брайен, — мы ничем не заразились на Марсе; может быть, это мы занесли болезнь — назовем ее Болезнью Человечества — на прекрасную, чистенькую, песчаную планету, и она убивает нас, поскольку здесь ей больше нечем питаться».

О'Брайен одернул себя. Так недалеко и до безумия.

«Лучше я буду снова разговаривать сам с собой. Как поживаешь, парень? Чувствуешь себя нормально? Голова не болит? Ничего не болит, нигде не колет, никакой усталости? Тогда, парень, ты, должно быть, уже умер».

Днем, проходя по изолятору, он заметил, что болезнь вступила в четвертую стадию. Рядом со Сматерсом и Гоусом, которые все еще находились в коме, Белов словно бы пришел в сознание. Он беспокойно крутил головой из стороны в сторону, а глаза его смотрели страшным, просто пугающим взглядом.

— Николай, как ты себя чувствуешь? — на всякий случай спросил О'Брайен.

Вместо ответа голова геолога медленно повернулась, и Белов уставился прямо на него. О'Брайена прошибла дрожь. От такого взгляда стынет кровь в жилах, решил он, вернувшись в машинное отделение и сняв скафандр.

Возможно, это и есть последняя стадия. Возможно, болезнь Белова не смертельна. Шнейдер говорил, что она поражает нервную систему; быть может, все кончится только сумасшествием.

— Хорошенькое дело, — пробормотал О'Брайен. — Хорошенькое, хорошенькое дело.

После обеда он подошел к иллюминатору машинного отделения. Глаза его остановились на пирамидальном знаке, который они установили в первый день — это был единственный предмет, привлекающий взгляд на фоне крутящихся вихрей, срывающихся с песчаных холмов. «Первая земная экспедиция на Марс. Во имя жизни человечества».

Зря Гоус поспешил установить этот знак. Надпись следовало бы переделать. «Последняя земная экспедиция на Марс. В память о существовании человеческой жизни — здесь и на Земле». Это было бы более подходящим.

О'Брайен знал, что произойдет, если экспедиция не вернется и от нее не поступит никаких сообщений. Русские будут уверены, что американцы захватили корабль и используют информацию, полученную во время экспедиции, для совершенствования своего ракетного оружия. Точно так же американцы будут уверены, что русские...

Экспедиция послужит поводом.

— Гоусу не мешало бы подумать об этом, — кривя лицо, сказал О'Брайен сам себе.

И тут у него за спиной раздался звон посуды.

Штурман обернулся.

Чашка и тарелка, оставленные им на столе, плавали в воздухе!

О'Брайен закрыл глаза, затем медленно открыл их. Да, несомненно, посуда плыла в воздухе! Казалось, чашка и тарелка медленно и лениво танцевали друг вокруг друга. Время от времени они мягко соприкасались, как бы целуясь, затем разлетались. Затем вдруг резко опустились на стол и, чуть подскочив пару раз, подобно воздушным шарикам, застыли.

Он что, ничего не заметив, заболел болезнью Белова? Можно ли перейти прямо в последнюю стадию — галлюцинации — без головной боли и жара?

Из изолятора донеслись какие-то странные звуки, и О'Брайен выскочил из машинного отделения, даже не натянув скафандра.

В воздухе, подобно чашке с блюдцем, танцевали несколько одеял: кружили, как бы подхваченные сильным порывом ветра. Пока штурман наблюдал за ними, чуть не падая от изумления, к ним присоединились и другие предметы — термометр, футляр и пара подштанников.

Члены экипажа, однако, молча лежали в своих койках. Сматерс, очевидно, достиг четвертой стадии. Те же беспокойные движения головой, тот же ужасный взгляд, когда его глаза останавливались на О'Брайене...

Но, повернувшись к койке Белова, штурман увидел, что она пуста! Неужели бедняга в бреду вскочил? Или ему стало лучше? Куда он пошел?

О'Брайен начал методично обходить корабль, окликая русского по имени. Отсек за отсеком, помещение за помещением... Наконец он дошел до рубки. В ней тоже было пусто. Тогда где же Белов?

Рассеянно слоняясь по маленькому помещению, О'Брайен случайно взглянул в иллюминатор. И там, снаружи, увидел Белова. Без скафандра!

Это было невозможно — ни один человек не мог без скафандра выжить и минуты на голой поверхности почти лишенного воздуха Марса, — и тем не менее там разгуливал Николай Белов, ступающий так беззаботно, словно песок под его ногами был тротуаром Невского проспекта! Затем контур его фигуры чуть блеснул, как будто он частично стал стеклянным — и исчез.

— Белов! — Голос О'Брайена сорвался в визг. — Ради Бога! Белов! Белов!

— Он отправился осматривать марсианский город, — произнес голос у него за спиной. — Скоро вернется.

Штурман резко повернулся. В рубке никого не было. Он, должно быть, окончательно спятил.

— Нет, — произнес тот же голос. И сквозь прочный пол в рубку медленно вплыл Том Сматерс.

— Что с вами случилось, парни? — разинул рот О'Брайен. — Что это?

— Пятая стадия болезни. Последняя стадия. Пока ее достигли только мы с Беловым.

О'Брайен ощупью нашел кресло и буквально упал в него. Он несколько раз попытался открыть рот, но не мог заставить себя говорить.

— Ты думаешь, что болезнь Белова сделала из нас кудесников, — сказал Сматерс. — Нет. Во-первых, это вовсе не болезнь.

В первый раз Сматерс взглянул прямо на него, и О'Брайен вынужден был отвести глаза. Это был не тот пугающий взгляд, который штурман видел в изоляторе. Это было... как будто Сматерс перестал быть Сматерсом, а превратился в какое-то другое существо.

— Да, она вызывается бактерией, но не паразитической. Эта бактерия — симбионт.

— Симби...

— Подобно нашей кишечной флоре, она выполняет полезные функции. В высшей степени полезные.

У О'Брайена создалось впечатление, что Сматерс с трудом находит подходящие слова, что он очень тщательно подбирает их, словно... словно... Словно говорит с маленьким ребенком!

— Правильно, — кивнул Сматерс. — Хотя я думаю, что смогу тебе объяснить. Бациллы болезни Белова обитали в нервной системе древних марсиан, подобно тому как наши желудочные бактерии живут в пищеварительной системе человека. И та и другая — симбионты, и та и другая позволяют системе, в которой они живут, функционировать гораздо более эффективно. Бацилла Белова трансформирует нашу нервную систему, умножая умственные способности почти в тысячу раз.

— Ты имеешь в виду, что стал в тысячу раз умнее, чем раньше?

Сматерс нахмурился:

— Все не так просто. Да, грубо говоря, в тысячу раз умнее, если так тебе легче представить. Фактически происходит тысячекратное увеличение умственных сил. А интеллект — просто одна из этих сил. Существует много других сил, например, телепатия и телекинез, которые раньше существовали в таком зачаточном состоянии, что почти не проявлялись. Я, к примеру, могу поддерживать постоянную связь с Беловым, где бы он ни находился. Белов практически полностью способен управлять окружающей его физической средой и ее воздействием на организм. Те движущиеся предметы, которые так напугали тебя, были результатом первых

неуклюжих опытов с нашими новыми возможностями. Нам предстоит еще многое познать и научиться использовать.

— Но... Но... — О'Брайен порывлся в своем возбужденном мозгу и наконец нашел связную мысль: — Но вы были так больны!

— Симбиоз устанавливается достаточно тяжело, — заметил Сматерс. — Да и мы не идентичны марсианам физиологически. Однако теперь все это позади. Мы вернемся на Землю, распространим болезнь Белова — если хочешь, можешь продолжать называть это так — и приступим к исследованию пространства и времени. Впоследствии мы собираемся вступить в контакт с марсианами в том... в том месте, куда они переселились.

— И у нас начнутся такие страшные войны, которые нам и не снились!

Существо, которое некогда было Томом Сматерсом, помощником главного инженера, покачало головой:

— Войн больше не будет. Среди умственных сил, усилившихся в тысячу раз, имеется одна, относящаяся к тому, что ты мог бы назвать моральными принципами. Все мы на борту этого корабля в состоянии остановить любую угрозу войны — и сделаем это. А когда бацилла Белова распространится среди населения Земли, опасность окажется в прошлом. Нет, войн больше не будет.

Наступило молчание. О'Брайен пытался собраться с мыслями.

— Прекрасно, — сказал он. — Мы действительно нашли на Марсе нечто стоящее, верно? И если мы собираемся стартовать в обратный путь, на Землю, я, пожалуй, займусь расчетом курса для текущего положения планет.

И опять это непонятное выражение в глазах Сматерса, еще более сильное, чем раньше.

— О'Брайен, это излишне. Мы не будем возвращаться тем же способом, каким мы прилетели сюда. Наш способ будет... скажем, быстрее.

— Отлично, — сказал О'Брайен потрясенно и поднялся. — Пока вы будете прорабатывать детали, я забегу в скафандр и поспешу в марсианский город. Мне

надо подхватить приличную дозу бактерий болезни Белова.

Существо, которое было Томом Сматерсом, хмыкнуло.

О'Брайен остановился. Внезапно штурман понял значение этого пугающего взгляда, который он наблюдал сначала у Белова, а теперь у Сматерса.

Это было выражение огромной жалости.

— Увы, — проговорил Сматерс с бесконечной нежностью. — Ты не можешь заболеть болезнью Белова. У тебя природный иммунитет.

ХОЗЯЙКА СЭРИ

Сегодня вечером, уже собираясь войти в дом, я увидел на мостовой двух маленьких девочек, чинно игравших в мяч, напевавших одну старинную девчоночью считалку. Душа у меня ушла в пятки, кровь бешено заколотилась в правом виске, и я знал, что пропади все пропадом, но я шагу не ступлю с этого места, пока они не закончат.

Раз-два-три-элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Когда они прекратили свое механическое пение, я пришел в себя. Я открыл дверь своего дома и, войдя, быстро повернул ключ. Везде — в прихожей, кухне и библиотеке — я включил свет. И потом, потеряв счет времени, я шагал из угла в угол, пока дыхание не выровнялось, а страшные воспоминания не уползли назад, в трещину прошедших лет...

Сэриетта Хон переехала из Вест-Индии к миссис Клейтон, когда умер ее отец. Ее мать была единственной сестрой миссис Клейтон, а за отцом, служащим колониальной администрации, родственники не числились. Поэтому ничего удивительного не было в том, что девочку переправили через Карибское море, и она поселилась в Нэнвилле, в доме моей квартирной хозяйки. Естественным же образом ее определили в нэнвилльскую начальную школу, где я преподавал арифметику

Mistress Sary
Copyright © 1947 by Philip Klaas
Хозяйка Сэри
© Г. Палагута, перевод, 1975

и естествознание в дополнение к английскому, истории и географии мисс Друри.

— Таких невыносимых детей, как эта Хон, я еще не видела! — Мисс Друри ворвалась в мой кабинет во время утреннего перерыва. — Это выродок, бесстыжий, гадкий выродок!

Я подождал, пока в пустой комнате отзвучит эхо, забавляясь разглядыванием подчеркнуто викторианских форм мисс Друри. Ее затянутая корсетом грудь вздымалась, а многочисленные юбки колыхались и шлепали по щиколоткам, пока она в раздражении металась перед моим столом. Я отклонился назад и обхватил голову руками:

— Советую вам не горячиться. Эти две недели с начала четверти я был слишком занят и у меня не было времени присмотреться к Сэриетте. У миссис Клейтон нет собственных детей, и с самого четверга, когда девочку привезли, она носится с ней как с сокровищем. Если вы накажете Сэриетту как... ну, как вы наказали Джоя Ричардса на прошлой неделе, — она этого терпеть не будет. И школьное управление — тоже.

Мисс Друри с вызовом вскинула голову:

— Если бы вы проработали учителем столько же, сколько я, молодой человек, вы знали бы, что отказ от розги — это не метод для такого упрямого ублюдка, как Джой Ричардс. Он вырастет такой же винной прорвой, как его папаша, если вовремя не узнает у меня, чем пахнет розга.

— Ну хорошо. Не забывайте только, что кое-кто из школьного управления начинает вами очень интересоваться. И потом, почему, собственно, Сэриетта Хон — выродок? Насколько я помню, она альбинос; недостаток пигментации — это случайный фактор наследственности, а вовсе не уродство, что подтверждают тысячи людей, проживших нормальную счастливую жизнь.

— Наследственность! — Она презрительно фыркнула. — Чушь собачья, эта ваша наследственность. Она выродок, я вам говорю, поганка, гнусное исчадие Сатаны. Когда я попросила ее рассказать классу о своем доме в Вест-Индии, она встала и проквашала: «Это не для дураков и не для средних умов». Вот! Если бы в

этот момент не прозвенел звонок на перерыв, я бы с нее шкуру спустила.

Она бросила педантичный взгляд на часы:

— Перерыв заканчивается. Вы бы лучше проветрили систему, мистер Флинн; мне кажется, утром звонок был на минуту раньше. И не позволяйте этой девчонке садиться вам на голову.

— Со мной такое не случается, — я усмехнулся, когда она хлопнула дверью.

Через минуту в комнату ворвался смех и галдеж восьмилеток.

Я начал свой урок, посвященный делению столбиком, с того, что тайком взглянул на последний ряд. Там, как гвоздями прибитая, сидела Сэриетта Хон, послушно сложив руки на парте. На фоне красного дерева, под которое была облицована мебель в классе, ее белесые мышинные хвостики и абсолютно белая кожа зрительно приобретали желтоватый оттенок. Ее глаза, тоже слегка желтоватые, с огромными бесцветными радужками под полупрозрачными веками не мигали, когда я смотрел на нее.

Она действительно была уродиной. Рот у нее был невероятного размера, уши торчали под прямым углом к голове, а кончик длинного носа загибался вниз до верхней губы. Она носила белоснежное платье строгого покроя, взрослый вид которого никак не вязался с ее костлявой фигурой.

Закончив урок арифметики, я подошел к ней, сидевшей в гордом одиночестве.

— Может быть, ты сядешь поближе к моему столу? — спросил я медовым голосом. — Так тебе лучше будет видно доску.

Она поднялась и сделала маленький книксен:

— Благодарю вас, сэр, но там слишком солнечно, а яркий свет вреден для моего зрения. Поэтому я чувствую себя намного лучше в темноте и тени. — На ее лице неуклюже изобразилось нечто, похожее на любезную улыбку. Я кивнул. Мне стало как-то неловко от формальной точности ее ответа.

В течение всего урока естествознания я чувствовал, что она буквально прикипела ко мне глазами. Под ее немигающим, неотвязным взглядом я начал путаться в

наглядных пособиях, а ученики, догадываясь о причине, стали шептаться и вертеть головами.

Ящик с коллекцией бабочек выскользнул у меня из рук. Я нагнулся, чтобы поднять его. Вдруг какой-то изумленный вздох прошумел по всей комнате, вырвавшись из тридцати маленьких глоток:

— Смотри! Она снова это делает!

Сэриетта Хон сидела все в той же странной, оцепенелой позе. Только волосы у нее были теперь густо-каштанового цвета, глаза — голубыми, а щеки и губы нежно порозовели.

Мои пальцы уперлись в надежную поверхность стола. Не может быть! Неужели это свет и тень проделывают такие фантастические трюки? Не может быть!

Даже когда я, забыв о педагогической дистанции, с открытым ртом смотрел на нее, она продолжала темнеть, а тень вокруг нее рассеивалась. Дрожащим голосом я попытался вернуться к коконам и чешуекрылым.

Через минуту я заметил, что ее лицо и волосы снова чистейшего белого цвета. Я не стал искать этому объяснения, равно как и ученики. Но урок был сорван.

— В точности то же самое она вытворила на моем уроке, — сказала за ленчем мисс Друри. — В точности то же самое! Правда, мне показалось, что она была жгучей брюнеткой, с копной черных волос, а глазищи у нее сверкали. Это было сразу после того, как она назвала меня дурой — наглая стерва! Я потянулась за розгой. Тут-то она и обернулась смуглой брюнеткой. У меня бы она живо покраснела, если бы звонок не прозвенел на минуту раньше.

— Представляю себе, — сказал я. — Но при ее внешности любой световой эффект может сыграть дурную шутку со зрением. Да и вообще не уверен, что видел все это. Не хамелеон же она, в конце концов.

Старая учительница поджала губы, так что они превратились в бледную розовую линию, пересекающую ее дряблое лицо. Она покачала головой и перегнулась через стол, усыпанный крошками.

— Не хамелеон. Ведьма! Я знаю! И Библия приказывает нам уничтожать ведьм, сжигать их со всеми потрохами.

Мой смех прокатился по грязному школьному подвалу, который служил нам столовой.

— Ну вы и скажете! Восьмилетняя девчонка...

— Вот именно. И ее нужно обезвредить, пока она не выросла и не наделала гадостей. Поверьте мне, мистер Флинн, уж я-то знаю! Один из моих предков сжег тридцать ведьм в Новой Англии во время процессов. У нашего рода особый нюх на этих тварей. Между нами не может быть мира!

Дети в благоговейном страхе разделяли мнение мисс Друри. Они прозвали девочку-альбиноса «Хозяйкой Сэри». Сэриетта, со своей стороны, с удовольствием приняла это прозвище. Когда Джой Ричардс ворвался в компанию детей, которые, скандируя песенку, сопровождали ее по улице, она остановила его.

— Оставь их в покое, Джозеф, — сказала она в своей забавной взрослой манере. — Они совершенно правы. Я в самом деле злая-злая фея.

Джой опустил свое озадаченное конопатое лицо, разжал кулаки и молча пристроился сбоку маленького кортежа. Он боготворил ее. Они всегда были вместе — возможно, потому, что оба были аутсайдерами в этом детском сообществе, а возможно, потому, что были сиротами — его вечно поддатого папашу трудно было назвать отцом. Я часто заставлял его сидящим на корточках у ее ног в сырых сумерках, когда выходил на крыльцо пансиона подышать свежим воздухом. Она останавливалась на полуслове, продолжая указывать пальцем куда-то вверх. Они оба сидели в заговорщицком молчании, пока я не уходил с крыльца.

Джою я немного нравился. Именно поэтому мне единственному он приоткрыл завесу над прежней жизнью Хозяйки Сэри. Гуляя как-то вечером, я обернулся и увидел, что Джой догоняет меня. Он только что ушел с крыльца.

— Эх, — вздохнул он. — Хозяйка Сэри столько всему научилась у Стоголо! Если бы этот парень был здесь, он показал бы старухе где раки зимуют. Он проучил бы ее, еще как проучил бы!

— Стоголо?

— Ну да. Этот колдун, который проклял мать Сэри, до того как Сэри родилась, за то, что она засадила его

в тюрьму. Мать Сэри умерла, когда рожала, а отец ее начал пить, хуже, чем мой папаша. А Сэри потом нашла Стоголо, и они подружились. Они обменялись кровью и заключили мир на могиле ее матери. И он научил ее колдовству, и родовому проклятию, и как делать любовное зелье из кабаньей печени, и...

— Ты меня удивляешь, Джой, — прервал я его. — Верить в эти глупые предрассудки! Хозяйка Сэри, то есть Сэриетта, выросла в обществе примитивных людей, которые не знают ничего лучшего. Но ты-то знаешь!

Он покачал ногой какой-то сорняк на обочине.

— Да, — тихо произнес он. — Да. Извините, мистер Флинн, что я про это сказал.

Погода установилась поразительно теплая.

— Поверьте моему слову, — однажды утром сказала мисс Друри. — Такой зимы я сроду не видала. Бабье лето и оттепели — это одно дело, но когда такое продолжается изо дня в день, непрерывно — это Бог знает что!

— Ученые говорят, что на всей Земле климат становится теплее. Конечно, сейчас это трудно заметить, но Гольфстрим...

— Гольфстри-и-и-м, — передразнила она. На ней был все тот же тяжелый чопорный наряд, и жара доводила ее взрывной темперамент до точки кипения. — Гольфстрим! С тех пор как это Хоново отродье приехало в Нэнвилль, все перевернулось вверх дном. Мел у меня все время крошится, ящики в столе застревают, тряпки расползаются на клочки. Эта чертовка пытается наслать на меня порчу!

— Послушайте, — я остановился, повернувшись спиной к школе. — Все это слишком далеко заходит. Если вы не можете отказаться от своей веры в колдовство, держите ее подальше от детей. Они здесь для того, чтобы получать знания, а не слушать истерические выдумки... выдумки...

— Чокнутой старой девы. Ну что же вы, давайте, продолжайте, — огрызнулась она. — Я знаю, что вы так думаете, мистер Флинн. Вы к ней подмазываетесь, и поэтому она вас терпит. Но я знаю то, что я знаю, и исчадие ада, которое вы называете Сэриеттой Хон, тоже

это знает. Между нами война, и битва добра и зла никогда не закончится, пока кто-нибудь из нас не погибнет! — Она повернулась в завихрении своих юбок и быстро зашагала к школе.

Мне стало страшно за ее рассудок. Я вспомнил, чем она гордилась: «Я не прочла ни одного романа, написанного после 1893 года!»

В этот день ученики заходили на урок арифметики медленно, тихо, будто накрытые колпаком молчания. Но как только дверь закрылась за последним из них, колпак слетел, и шепот пополз по комнате.

— Где Сэриетта Хон? И Джой Ричардс? — добавил я, не находя и его тоже.

Поднялась толстушка Луиза Белл в своем накрахмаленном, мешковатом розовом платье:

— Они нарушали порядок. Мисс Друри поймала Джоя, когда он хотел срезать у нее волосы, и начала его пороть. Тогда Хозяйка Сэри встала и сказала, что она не имеет права трогать его, потому что он под ее про-тек-ци-ей. Мисс Друри нас всех прогнала, и теперь она точно обоих выпорет. Она просто бешеная!

Я немедленно подошел к задней двери. Внезапно раздался крик, голос Сэриетты! Я помчался по коридору. Крик дошел до уровня дисканта, завис на секунду и прекратился.

Когда я рванул на себя дверь кабинета мисс Друри, я был готов ко всему, включая убийство. Но к тому, что я увидел, я не был готов. Вцепившись в дверную ручку, я замер, уставившись на таблицу времен.

Джой Ричардс прижимался спиной к доске и в своей потной пятерне сжимал длинную прядь темно-русых волос учительницы. Хозяйка Сэри, наклонив голову, стояла перед мисс Друри; на ее белой как мел шее красовался недвусмысленный рубец. А мисс Друри тупо смотрела на кусок березового прута в своей руке; раздробленные остатки розги валялись у ее ног.

Увидев меня, дети очнулись. Хозяйка Сэри выпрямилась и с поджатыми губами направилась к двери. Джой Ричардс подался вперед. Он потерял прядь волос о спину учительницы, чего она совершенно не заметила. Когда он догнал девчонку у двери, я увидел, что волосы блестели от пота, стертого с блузы мисс Друри.

Хозяйка Сэри слегка кивнула, и Джой передал ей прядь волос. Она осторожно положила ее в карман платья.

Без единого слова они прошмыгнули мимо меня и побежали в класс.

Мне показалось, что они не слишком пострадали.

Я подошел к мисс Друри. Она дико тряслась, разговаривала сама с собой и не сводила глаз с остатка розги:

— Она разлетелась на кусочки. На кусочки! Я только... А она на кусочки!

Обняв старую деву за талию, я подвел ее к стулу. Она села и продолжала бормотать:

— Один раз... один раз я ее ударила. Только я замахнулась, чтобы снова... розга у меня над головой... и — на кусочки!

Она таращила глаза на березовый обломок в своей руке и раскачивалась из стороны в сторону, будто оплакивая большую потерю.

У меня был урок. Я дал ей стакан воды, попросил сторожа присмотреть за ней и поспешил в класс.

Кто-то из учеников, с чисто детской злобой и мстительностью нацарапал во всю ширину доски:

Раз-два-три-элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Раздраженно повернувшись лицом к классу, в привычной обстановке я заметил перемену. Пárта Джоя Ричардса пустовала.

Он занял место рядом с Хозяйкой Сэри в длинной густой тени на последнем ряду.

К моей превеликой радости, Хозяйка Сэри и не думала вспоминать об инциденте. За обеденным столом она, как всегда, молчала, уставившись в тарелку. Не досидев до конца ужина, она незаметно поднялась и улизнула. Миссис Клейтон слишком много болтала и суежилась, чтобы это заметить.

После ужина я направился к старинному дому с острой крышей, в котором жила со своими родственниками мисс Друри. Озера пота разливались у меня под

одеждой, и я был не в состоянии сосредоточиться. Ни единый листик не шевелился на деревьях в этот влажный безветренный вечер.

Старая учительница чувствовала себя намного лучше. Но она ни в какую не желала оставить свою тему, что было бы единственным способом — как предложил я — наладить отношения. Она энергично раскачивалась в кресле-качалке времен колоний и протестовала:

— Нет, нет, нет! Я не собираюсь мириться с этим порождением ехидны; я скорее самому Вельзевулу пожму руку. А теперь она ненавидит меня еще больше, потому что — неужели вы не понимаете? — я вывела ее на чистую воду. Ей пришлось показать свое мастерство. Теперь... теперь я должна сразиться с ней и победить ее и Того, кто ей покровительствует. Я все должна обдумать, я должна... но какая же дьявольская жара. Невыносимая жара! Мозги... мозги у меня отключаются... — Она вытерла лоб тяжелой кашемировой шалью.

По дороге домой я пытался найти хоть какой-нибудь выход. Где тонко, там и рвется. Нагрянет комиссия, начнут копать, и школа вылетит в трубу. Я пытался спокойно продумать все возможные варианты, но одежда прилипала к телу, и я буквально задыхался.

На крыльце было пусто. Я заметил движение в саду и пошел в ту сторону. Две тени воплотились в Хозяюку Сэри и Джоя Ричардса. Они подняли головы, будто дожидаясь, когда я обнаружу себя.

Она сидела на корточках и в руках держала куклу. На голове маленькой восковой куклы была прилеплена прядь волос в виде жесткого пучка, излюбленной прически мисс Друри. Грубая маленькая кукла, обернутая в грязный клочок миткаля, напоминавший длинный и строгий покрой всех нарядов мисс Друри. Тщательная карикатура из воска.

— Вам не кажется, что это просто глупо? — наконец спросил я. — Мисс Друри уже достаточно раскаивается в своем поступке, чтобы издеваться над ее предрассудками таким образом. Я думаю, если вы очень постараетесь, мы все станем друзьями.

Они поднялись, Сэриетта прижала куклу к груди:

— Это не глупо, мистер Флинн. Этой дурной женщине следует преподать урок. Страшный урок, который

она запомнит на всю жизнь. Прошу прощения за спешку, сэр, но этой ночью мне предстоит большая работа.

Она ушла. Шелестящее белое пятно скользнуло по ступеням и исчезло в спящем доме.

Я повернулся к мальчишке:

— Джой, ты ведь толковый парень. Послушай, как мужчина мужчине...

— Извините, мистер Флинн, — он направился к воротам. — Мне... мне нужно идти домой.

Ритмические удары теннисок по обочине стали глуше и растворились в отдалении. Я, похоже, навсегда лишился его доверия.

Этой ночью мне не спалось. Я ворочался в скомканных простынях, засыпал, вскакивал и снова засыпал.

Около полуночи я проснулся от озноба. Вzbив подушку, я собирался снова впасть в забытие, когда услышал какой-то протяжный звук. Я узнал его. Это он проникал в мои сны и заставлял с ужасом таращиться в темноту. Я приподнялся.

Голос Сэриетты!

Она пела песню, быструю песенку с невразумительными словами. Голос звучал все выше и выше, быстрее и быстрее, будто приближаясь к какой-то жуткой мертвой точке. Наконец, когда он достиг предела слышимости, она остановилась. И потом, на такой высокой ноте, от которой у меня чуть не лопнули перепонки, раздался нечеловеческий нутряной вопль: «Куруну-у О Стоголо-о-о-о!»

Молчание.

Заснуть снова мне удалось только через два часа.

Я проснулся от солнца, прожигавшего мне веки. Я оделся, чувствуя себя до странного измотанным и апатичным. Есть мне не хотелось, и впервые в жизни я ушел утром не позавтракав.

Жар поднимался от тротуара и пропитывал лицо и руки. Горячий булыжник жег ступни сквозь подошвы. Даже тень в здании школы не приносила облегчения.

У мисс Друри тоже не было аппетита. Ее аккуратно завернутые сэндвичи с латуком остались лежать нетронутыми на столе. Она обхватила голову своими тощими руками и смотрела на меня из-под красных век.

— Адская жарница! — прошептала она. — Сил моих нет. Не понимаю, почему все так сочувствуют этому Хонову отродью. Я всего-то заставила ее сесть на солнце. Мне от этого пекла в тысячу раз хуже.

— Вы... заставили... Сэриетту... сесть...

— Вот именно! Она не привилегированная особа. А то сидит на задней парте, прохлаждается в свое удовольствие. Я пересадил ее на другое место, у большого окна, где самое солнце. Она это оценит как пить дать. Правда, мне после этого как-то не по себе. Внутри все на части рвется. Этой ночью я глаз не сомкнула — такие кошмарные сны. Будто огромные лапы меня хватают, мучают, нож в лицо втыкают...

— Но ребенок не выносит солнечного света! Она альбинос!

— Альбинос! Рассказывайте сказки. Она ведьма. Еще немного, и она восковую куклу сделает. Джой Ричардс не для баловства пытался у меня волосы срезать. Это ему... о-ох! — Она перегнулась пополам. — Проклятые колики!

Я подождал, пока приступ пройдет, глядя на ее потное, изможденное лицо.

— Странно, что вы упомянули восковую куклу. Вы так убедили девочку в том, что она ведьма, что она действительно ее сделала. Хотите верьте, хотите нет, но прошлой ночью, когда я от вас ушел...

Она вскочила на ноги и насторожилась. Одной рукой держась за паровую трубу, она впилась в меня взглядом:

— Она сделала восковую куклу. С меня?

— Ну, вы знаете, что такое дети. Это было ее представление о вашей внешности. Грубовато оформлено, но в общем небесталанно. Лично я считаю, что ее способности заслуживают поощрения.

Мисс Друри не слышала меня.

— Колики! — пробормотала она. — А я-то думала, что это колики! Она втыкает в меня булавки! Ах ты!.. Я должна... только осторожно... Но быстро. Быстро!

Я встал и попытался положить ей руку на плечо, перегнувшись через обеденный стол:

— Держите себя в руках. Все это добром не кончится.

Она отскочила и остановилась у лестницы, быстро бормоча себе под нос:

— Дубиной и палкой ее не взять, они в ее власти. Но мои руки — если я схвачу ее руками и быстро стисну, она не вырвется. Но я должна дать ей шанс, — почти рыдала она, — я должна дать ей шанс!

Она взметнулась по лестнице с выражением решимости на лице.

Перевернув стол, я ринулся за ней.

Дети ели свой ленч за длинным столом на краю школьного двора. Но сейчас они остановились, зачарованно и испуганно за чем-то наблюдая. Сандвичи застыли в руках у открытых ртов. Я проследил направление их взглядов.

Мисс Друри кралась вдоль здания, как вставшая на задние лапы пантера в юбке. Она пошатывалась и хваталась за стену. В нескольких шагах от нее, в тени, сидели Сэриетта Хон и Джой Ричардс. Они пристально смотрели на восковую куклу в миткалевом платье, которая лежала на цементе за чертой прохлады. Она лежала на спине под прямыми лучами, и даже на расстоянии я видел, что она тает.

— Эй! — крикнул я. — Мисс Друри! Не делайте глупостей!

Дети испуганно обернулись на мой крик. Мисс Друри рванулась вперед и прыгнула, а точнее, свалилась на девчонку. Джой Ричардс схватил куклу и выкатился с ней на дорогу. Тяжеловесным галопом я припустил ему наперерез. На полпути я краем глаза заметил правую руку мисс Друри, молотившую по девчонке. Сэриетта сжалась под учительницей в маленький жалкий комок.

Присев, я смотрел на Джоя. За моей спиной дети визжали смертным визгом.

Обеими руками Джой сжимал куклу. Не в силах отвести взгляд, я видел, как воск — уже размягченный солнцем — теряет форму и вылезает в щели между его конопатыми пальцами. Он сочился сквозь миткалевое платье и падал на цемент школьного двора.

Перекрывая и глуша детские вопли, голос мисс Друри перешел в крик агонии и звучал, звучал, звучал...

Джой, выпучив глаза, смотрел через мое плечо. И все же он продолжал сжимать куклу, а я не сводил с нее глаз, отчаянно, с мольбою, пока крик звенел в моей голове, а солнце гнало потоки пота по моему лицу. Глядя, как воск вытекает у него из пальцев, Джой вдруг запел-закудахтал, истерически задыхаясь:

Раз-два-три-элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Мисс Друри вопила, дети визжали, Джой пел, но я не сводил глаз с маленькой восковой куклы. Я не сводил глаз с маленькой восковой куклы, тающей в маленьких скрюченных пальцах Джоя Ричардса. Я не сводил глаз с куклы.

ПОСЫЛЬНЫЙ

— Добрый день, да, я Малькольм Блин, это я утром звонил вам из деревни... Можно войти? Я вас не отрываю?.. Спасибо. Сейчас я вам все расскажу, и, если вы — тот человек, из-за которого я ношусь по всей стране, дело пахнет миллионами... Нет-нет, я ничего вам не собираюсь продавать... Никаких золотых приисков, атомных двигателей внутреннего сгорания и прочего. Вообще-то я торговец, всю жизнь им был и прекрасно понимаю, что выгляжу как торговец с головы до пят. Но сегодня я ничего не продаю. Сегодня я покупаю. Если, конечно, у вас есть то, что мне нужно. То, о чем говорил посыльный... Да послушайте, я не псих какой-нибудь. Сядьте и дайте мне сказать до конца. Это не обычный посыльный. И вообще, он такой же посыльный, как Эйнштейн — бухгалтер. Сейчас вы все поймете... Держите сигару. Вот моя визитная карточка. «Краски для Малярных Работ Малькольма Блина. Любая Краска в Любом Количестве в Любое Место в Любое Время». Само собой, под «любым местом» подразумевается только континентальная часть страны, но звучит красиво. Реклама! Так вот, я свое дело знаю. Я смогу продать с прибылью все что угодно. Новую технологию, услуги, какую-нибудь техническую штучковину... Народ валом повалит. У меня в кабинете на стене есть даже цитата из Эмерсона. Слышали, наверно: «Если человек может написать книгу лучше других, прочесть лучше проповедь или сделать мышеловку

Errand Boy

Copyright © 1947 by Philip Klaas

Посыльный

© А. Корженевский, перевод, 1981

лучше, чем его сосед, то пусть он хоть в лесу живет, люди протопчут к его дому тропинку». Железный закон! А я — тот самый парень, что заставляет их пробивать тропу. Я знаю, как это делается, и хочу, чтобы вы сразу это поняли. Если у вас есть то, что мне нужно, мы сможем такое дело провернуть!.. Нет-нет, у меня все дома... Вы вообще-то чем занимаетесь? Цыплят выращиваете? Ну ладно. Слушайте...

Было это пять недель назад, в среду. К нам как раз поступил срочный заказ. Время — одиннадцать часов, а к полудню надо доставить триста галлонов белой краски в Нью-Джерси на стройку одной крупной подрядческой фирмы, с которой я давно хотел завязать прочные отношения. Я, естественно, был на складе. Накачивал Хеннесси — он у меня за старшего, — чтобы тот накачал своих людей. Канистры с краской грузили и отвозили с такой же молниеносной быстротой, с какой в банке вам отвечают отказом на просьбу об отсрочке платежа. Короче, все бегает, суетятся, и тут Хеннесси ехидно так говорит:

— Мальчишки-то, посыльного, что-то долго нет. Наверно, ему уже надоело.

Человек десять прервали работу и засмеялись. Мол, начальник шутит, значит, положено смеяться.

— С каких это пор у нас новый посыльный? — спрашиваю я Хеннесси. — По-моему, до сегодняшнего дня я здесь принимал на работу и увольнял. Каждый, кто поступает вновь, должен быть зарегистрирован. А то что ни день, то новые... Ты слышал про законы о детском труде? Хочешь, чтобы у меня были неприятности? Сколько ему лет?

— Откуда мне знать, мистер Блин? — отвечает Хеннесси. — Они все выглядят одинаково. Девять, может, десять, а может, и все одиннадцать. Худой такой, но не дохлый и одет не бедно.

— Нечего ему здесь делать. А то еще прицепятся к нам из Совета по образованию или из профсоюза. Хватит с меня двух водителей-идиотов, которые по карте Пенсильвании доставляют груз в Нью-Джерси...

Хеннесси начал оправдываться:

— Я его не нанимал, ей-Богу. Он пришел с утра и начал ныть, что, мол, хочет «начать с самого низа» и

«показать себя», значит, что, мол, «далеко пойдет», чувствует, мол, что сможет «выбиться в люди», и ему, мол, «нужен только шанс». Я ему сказал, что у нас дела идут туго и мы бы даже самого Александра Грейэма Белла не взяли сейчас на должность телеграфиста, но он согласился работать за бесплатно. Все, что ему, мол, нужно, — это «ступенька на лестнице к успеху», и дальше в таком же духе.

— И что?

— Ну, я сделал вид, что раздумываю, потом говорю: «Ладно, дам тебе шанс. Поработаешь посыльным». Вручил ему пустую банку и приказал срочно найти краску, зеленую в оранжевый горошек. Пошутил, значит. А он схватил банку и бегом. Парни тут чуть не померли от смеха. Я думаю, он больше не вернется.

— Да уж, смешнее некуда. Как в тот раз, когда ты запер Вейлена в душевой и подсунул туда бомбу-вонючку. Кстати, если фирма не получит краску вовремя, я вас с Вейленом местами поменяю — вот тогда совсем смешно будет!

Хеннеси вытер руки о комбинезон, собрался было что-то ответить, но передумал и начал орать на грузчиков так, что у всех уши завяли. Шутки дурацкие он любит, наверно, еще с тех пор, когда первый раз надул в пеленки, но одно могу сказать: парни при нем работают как положено.

И тут как раз входит этот паренек.

— Эй, смотрите, Эрнест вернулся! — крикнул кто-то.

Работа опять остановилась. Запыхавшись, мальчишка подбежал к нам и поставил на пол перед Хеннеси банку с краской.

Одет мальчишка был в белую рубашку, латаные вельветовые брюки и высокие шнурованные ботинки. Должен сказать, я такого вельвета раньше никогда не видел, да и материала, из которого была сшита рубашка, тоже. Тонкий и, похоже, действительно дорогой материал, вроде как металлом отливает, просто уж и не знаю, как иначе описать.

— Я рад, что ты вернулся, малыш, — сказал Хеннеси. — Мне как раз срочно понадобилась левосторонняя малярная кисть. Сбегай-ка разыщи. Только обязательно левостороннюю.

Двое или трое грузчиков осторожно засмеялись. Мальчишка побежал к выходу, но в дверях остановился и обернулся к нам.

— Я постараюсь, сэр, — сказал он, и мне почудилось, будто в голосе у него зазвучала флейта. — Но краска... Я не мог найти зеленую в оранжевый горошек. Только в красный. Надеюсь, она тоже подойдет.

И убежал.

Секунду было тихо, потом всех как прорвало. Грузчики стояли, держа в руках банки с краской, и неудержимо гоготали, захлебываясь ядовитыми репликами в адрес Хеннесси.

— Как он тебя, а?..

— В красный горошек!..

— Надеюсь, тоже подойдет!..

— Ну и влип же ты!

Хеннесси стоял, в ярости сжав кулаки, раздумывая, на кого бы наброситься, потом заметил банку с краской, размахнулся ногой, чтобы ударить по ней, но промахнулся, задев только самый край, и растянулся на полу. Хохот стал еще громче, но, когда он поднялся на ноги, все мгновенно успокоилось и бросились грузить машину. Желающих привлечь к себе внимание Хеннесси, когда он в таком настроении, не было.

Все еще посмеиваясь, я наклонился над банкой. Хотел посмотреть, что мальчишка туда налил. В банке было что-то прозрачное с бурыми точками. Явно не краска. Но тут я заметил лужицу рядом с банкой и чуть не задохнулся. Это действительно была краска. *Зеленая в красный горошек!*

Я даже не успел засомневаться: такого же цвета пятно было на стенке банки. Где этот мальчишка, этот посыльный, этот Эрнест, мог достать такую краску?!

Я всегда чую, что можно хорошо продать. В этом мне не откажешь. Нюхом чую! Кому-нибудь в другом конце города ночью приснится что-нибудь такое, на чем можно заработать, — я учую. Такую краску с руками оторвут! Промышленники, дизайнеры, декораторы, просто чудачки, которые любят возиться с красками на своих участках... Это же золотое дно!

Но надо действовать быстро!

Подхватив банку за проволочную ручку, я старательно затер ногой разлитую лужицу, которая, к счастью, успела смешаться с пылью на полу, и вышел на улицу. Хеннесси стоял около грузовика и следил за погрузкой.

Я подошел к нему.

— Как мальчишку-то зовут? Эрнест?

— Да, — пробурчал он, — фамилии он не соизволил сообщить. И вот что я вам скажу: если этот умник здесь еще раз появится...

— Ладно, ладно. У меня дела. Проследи тут без меня за погрузкой.

И я двинулся в ту же сторону, куда убежал мальчишка.

Хеннесси, надо полагать, заметил банку с краской у меня в руке. Наверно подумал, на кой черт мне понадобился этот мальчишка? Я еще, помнится, сказал себе: «Пусть думает. Оставим Хеннесси любопытство, а сами возьмем прибыль!»

Через три квартала я увидел его в конце улицы, ведущей к парку, и бросился догонять. Мальчишка остановился напротив скобяной лавки, задумался на секунду, потом зашел внутрь. К тому времени когда он вышел, я уже был рядом. Некоторое время мы шли бок о бок. Вид у него был удрученный, и он не сразу меня заметил.

Странная на нем была одежда. Даже старомодные шнурованные ботинки были сделаны из какого-то непонятного материала. Я такого никогда раньше не видел, но готов поклясться, что это не кожа.

— Что, не нашел? — спросил я сочувственно.

Мальчишка вздрогнул, но, очевидно, признал меня.

— Нет, не нашел. Продавец сказал, что у них как раз сейчас нет левосторонних кисточек. И про краску то же самое говорили. Как у вас все-таки неэффективно распределяют промышленные товары...

Я сразу заметил, с какой серьезностью он это произнес. Ну и парень!

Я остановился и почесал в затылке. То ли сразу его спросить, где он краску такую взял, то ли дать выговориться? Может, сам проболтается, как это с большинством людей бывает?

Он вдруг побледнел и тут же покраснел. Не люблю таких неженков. Он ведь ростом чуть ли не с меня вымахал, а голос тоненький — прямо сопрано какое-то. Но это бы еще ладно. А вот если парень так краснеет, значит, его в школе по-настоящему не дразнили.

— Послушай, Эрнест, — начал я и положил руку ему на плечо. Этак по-отцовски. — Я...

Он отскочил назад, словно я его консервным ножом по шее пощекотал. И опять покраснел! Ну прямо как невеста, которая уже пожила в свое удовольствие, а перед алтарем краснеет как маков цвет, чтобы убедить будущую свекровь, что ничего такого не было.

— Не надо этого делать! — говорит. А сам весь трясется.

«Ну, — думаю, — лучше переменить тему».

— Костюмчик у тебя неплохой. Откуда? — неназойливо так говорю, бдительность его ослабляю.

Он самодовольно оглядел себя.

— А, это из школьной пьесы. Правда, немного не соответствует этой эпохе, но я думал... — Он замялся, словно выдал какой-то секрет. Что-то здесь было не так.

— А где ты живешь? — быстро спросил я.

— В Бруксе, — так же быстро ответил он.

Явно что-то не так.

— Где-где? — переспросил я.

— Ну, в этом, знаете, Бруксе... Вернее, в Бруклине...

Я задумался, потер рукой подбородок, и тут мальчишка опять весь затрясся.

— Ну пожалуйста, — произнес он своим тоненьким голоском. — Зачем вы все время скингируете?

— Зачем я что?

— Скингируете. Ну, касаетесь тела руками. Даже на людях. Плеваться и икать — тоже плохие привычки, и большинство из вас этого не делают. Но все, абсолютно все всегда скингируют.

Я сделал глубокий вдох и пообещал ему больше не скингировать. Однако, как говорится, если хочешь узнать чужие карты, надо начинать ходить самому.

— Послушай, Эрнест, я хочу с тобой поговорить... Короче, меня зовут Малькольм Блин, и я...

Его глаза округлились.

— О-о-о! Нувориш-грабитель? Хозяин складов...

— Чего? — переспросил я.

— Вы же владеец «Красок для Малярных Работ». Я видел вашу фамилию на вывеске. — Тут он кивнул сам себе. — Я все книжки приключенческие перечитал. Дюма... Нет, не Дюма... Элджер, Синклер, Капон. «Шестнадцать торговцев» Капона — вот это книжка! Пять раз читал. Но вы Капона еще не знаете. Его книгу опубликовали только в...

— Когда?

— В этом... Ну ладно, вам я могу все рассказать. Вы один из главных здесь, владеец склада. Дело в том, что я совсем не отсюда.

— В самом деле? А откуда же?

У меня-то на этот счет были свои соображения. Наверно, из тех богатеньких сынков, что переусердствовали с учением, — а может, беженец какой, если судить по его худобе и акценту.

— Из будущего. Мне вообще-то сюда еще нельзя. Может быть, меня даже понизят за это на целую степень ответственности. Но я просто должен был увидеть нуворишей-грабителей собственными глазами. Это так все интересно... Я хотел увидеть, как создают компании, разоряют конкурентов, «загоняют в угол»...

«Ну-ну, из будущего, значит, — подумал я. — Тоже мне, экономист в вельветовых штанах!.. Вельветовых?..»

— Стой, стой. Из будущего, говоришь?

— Да, по вашему календарю. Сейчас соображу... В этой части планеты это будет... Из 6130 года. Ой нет — это другой календарь. По-вашему это будет 2369 год нашей эры. Или 2370-й? Нет, все-таки, я думаю, из 2369-го.

Я обрадовался, что он наконец решил этот вопрос. Тут же ему об этом сказал, и он меня вежливо поблагодарил. И все это время я думал: если мальчишка врет или просто чокнутый, откуда он тогда взял краску в горошек? Одежду эту? Что-то я не слышал, чтобы у нас такую делали. Надо бы спросить...

— Эта краска... тоже из будущего? Я хочу сказать — тоже из твоего времени?

— Ну да. В магазинах нигде не было, а мне так хотелось себя проявить. Этот Хеннесси тоже «воротила»,

да? Вот я и отправился к себе, попробовал по спирилликсу и нашел.

— Спирилликс? Это еще что?

— Это такой круглый узикон, ну, вы знаете, такой... Ваш американский ученый Венцеслаус изобрел его примерно в это время. Да, точно, это было в ваше время. Я еще, помню, читал, у него были трудности с финансированием... Или это было в другом веке? Нет, в ваше время! Или...

Он опять задумался и принялся рассуждать сам с собой.

— Ладно, — остановил я его, — плюс-минус сто лет — какая разница? Ты мне лучше скажи, как эту краску делают? И из чего?

— Как делают? — Он начертил носком ботинка маленький круг на земле и уставился на него. — Из плавиковой кислоты... Трижды бластированной. На упаковке не было указано сколько, но я думаю, ее бластируют трижды, и получается...

— Хорошо, подожди. Что значит «бластируют» и почему трижды?

Мальчишка весело рассмеялся, показав полный рот безукоризненных белых зубов.

— О, я еще этого не знаю. Это все относится к технологии дежекторного процесса Шмутца, а я его буду проходить только через две степени ответственности. А может, даже не буду, если у меня будет хорошо получаться самовыражение. Самовыражаться мне нравится больше, чем учиться... У меня еще два часа есть. Но...

Он продолжал что-то говорить про то, как он хочет кого-то там убедить, чтобы ему разрешили больше самовыражаться, а я в это время напряженно думал. И пока ничего хорошего в голову не приходило. Краски этой много не достанешь. Единственная надежда — произвести анализ образца, который у меня был, но эта чертовщина насчет плавиковой кислоты и какого-то тройного бластирования... Темное дело.

Сами подумайте. Люди знакомы со сталью уже давно. Но вот взять, например, образец хорошей закаленной стали с одного из заводов Гэри или Питтсбурга и подсунуть его какому-нибудь средневековому алхими-

ку. Даже если дать ему современную лабораторию и объяснить, как пользоваться оборудованием, он вряд ли много поймет. Может, он и определит, что это сталь, и даже сумеет сказать, сколько в ней примесей углерода, марганца, серы, фосфора или кремния. Если, конечно, кто-нибудь перед этим расскажет ему о современной химии. Но вот как сталь приобрела свои свойства, откуда взялись ее упругость и высокая прочность — этого бедняга сказать не сможет. А расскажешь ему про термообработку или про отжиг углерода — он только рот будет раскрывать, как рыба на рыночном прилавке.

Или взять стекловолокно. Про стекло знали еще древние египтяне. Но попробуй покажи им кусок такой блестящей ткани и скажи, что это стекло. Ведь посмотрят как на психа.

Короче, у меня есть только краска. Всего одна банка, та самая, которую я держу своей потной рукой за проволочную ручку. Ясно, это мне ничего не даст, но я не я буду, если что-нибудь не придумаю.

Стоит тут перед тобой такой вот мальчишка-посыльный, а на самом деле — величайшая, небывалая возможность разбогатеть. Ни один бизнесмен в здравом уме от такой возможности не откажется.

И я, признаюсь, тоже жаден. Но только до денег. Вот я и подумал, как бы мне превратить этот невероятный случай в кучу зеленых бумажек с множеством нулей. Мальчишка ничего не должен заподозрить или догадаться, что я собираюсь его использовать. Торговец я или нет? Я просто должен его перехитрить и заставить работать на себя с максимальной отдачей.

С беззаботным видом я двинулся в ту же сторону, куда шел Эрнест. Он догнал меня, и мы пошли рядом.

— А где твоя машина времени, Эрнест?

— Машина времени? — Его худенькое личико искажилось в удивленной гримаске. — У меня нет никакой... А, понял, вы имеете в виду хронодром. Надо же такое сказать — машина времени!.. Я установил себе совсем маленький хронодром. Мой отец работает на главном хронодроме, который используют для экспедиций, но на этот раз я хотел попробовать один, без надзора. Мне так хотелось увидеть все самому: как бедные, но целеустремленные разносчики газет поднимаются к вершинам

богатства. Или великих смелых нуворишей-грабителей — таких, как вы, а если повезет — настоящих «воротил экономики»! Или вдруг бы я попал в какую-нибудь интригу, например в настоящую биржевую махинацию, когда миллионы мелких вкладчиков теряют деньги и «идут по ветру»! Или «по миру»?

— По миру. А где ты установил этот свой хронодром?

— Не «где», а «когда». Сразу после школы. Мне все равно сейчас положено заниматься самовыражением, так что большой разницы это не делает. Но я надеюсь успеть вовремя, до того как Цензор-Хранитель...

— Конечно, успеешь. Не беспокойся. А можно мне воспользоваться твоим хронодромом?

Мальчишка весело засмеялся, словно я сказал какую-то глупость.

— У вас не получится. Ни тренировки, ни даже второй степени ответственности. И дестабилизироваться вы не умеете. Я рад, что скоро возвращаться, хотя мне тут понравилось. Все-таки здорово! Настоящего нувориша-грабителя встретил!

Я покопался в карманах и закурил «нувориш-грабительскую» сигарету.

— Я думаю, ты и левостороннюю кисть там у себя найдешь без особого труда?

— Не знаю, может быть, и нет. Я никогда про такие не слышал.

— Послушай, а у вас там есть какая-нибудь штука, чтобы видеть будущее? — спросил я, стряхивая пепел на дорогу.

— Вращательный дистрингулятор? Есть. На главном хронодроме. Только я еще не знаю, как он работает. Для этого нужно иметь шестую или седьмую степень ответственности — с четвертой туда и близко не подпустят.

И здесь неудача! Конечно, я мог бы убедить мальчишку притащить еще пару банок краски. Но если анализ ничего не даст и современными методами ее изготовить нельзя, какой смысл? Другое дело — какой-нибудь прибор, что-то совершенно новое, что можно не только продать за большие деньги, но и самому воспользоваться. Взять, например, эту штуковину, че-

рез которую можно видеть будущее, — я бы на ней сам миллионы сделал: предсказывал бы результаты выборов, первые места на скачках... Неплохо бы иметь такую штуку. Этот самый вращательный дистрингулятор. Но мальчишка не может ее добыть! Плохо!

— А как насчет книг? Химия? Физика? Промышленные методы? У тебя есть что-нибудь такое дома?

— Я живу не в доме. И учусь не по книгам. По крайней мере не физику с химией. У нас для этого есть гипнотическое обучение. Вот вчера шесть часов просидел под гипнозом — экзамены скоро...

Я потихоньку закипал. Целые миллионы долларов уплывают из рук, а я ничего не могу сделать. Парень уже домой собирается, все увидел, что хотел (даже настоящего живого «нувориша-грабителя»), а теперь домой — самовыражаться! Должна же быть хоть какая-нибудь зацепка...

— А где твой хронодром? Я имею в виду, где он здесь выходит, у нас?

— В Центральном парке. За большим камнем.

— В Центральном парке, говоришь? Не возражаешь, если я посмотрю, как ты к себе отправишься?

Он не возражал. Мы протопали в западную часть парка, потом свернули на узенькую тропинку. Я отломил от дерева сухую ветку и стегнул себя по ноге. Просто необходимо что-то придумать до того, как он смотается к себе. Банка с краской уже здорово действовала мне на нервы. Она была в общем-то не тяжелая, но если это все, что я получу с этого дела?.. А вдруг еще и анализ ничего не даст?..

Надо, чтобы мальчишка говорил, говорил... Что-нибудь да подвернется.

— А какое у вас правительство? Демократия? Монархия?

Мальчишка залился радостным смехом, и я еле удержался, чтобы не задать ему трепку. Я тут, можно сказать, состояние теряю, а он забавляется, словно я клоун.

— Демократия! Вы имеете в виду политическое значение этого слова, да? Это у вас тут разные нездоровые личности, политические группировки... Мы прошли эту стадию еще до того, как я родился. А последний

президент — его не так давно собрали — по-моему, был реверсибилистом. Так что можно сказать, что мы живем при реверсибилизме. Впрочем, еще не завершеном.

Очень ценно! Сразу все так понятно стало... Я уже дошел до такого состояния, что готов был схватиться буквально за любую идею. А Эрнест тем временем продолжал болтать про какие-то непонятные вещи с непроизносимыми названиями, которые творят невероятные дела. Я тихо ругался про себя.

— ...Получу пятую степень ответственности. Потом экзамены, очень трудные. Даже тенденсор не всегда помогает.

Я встрепенулся:

— Что это за тенденсор? Что он делает?

— Анализирует тенденции. Тенденции и ситуации в развитии. На самом деле это статистический анализатор, портативный и очень удобный. Но примитивный. Я по нему узнаю вопросы, которые будут на экзамене. У вас такого нет. У вас, как я помню, в школьном воспитании бытует множество суеверий и считается, что молодежь не должна предвидеть вопросы, которые ставит постоянное изменение окружающего мира или просто личное любопытство их инструкторов. Пришли!

Рядом, на вершине невысокого холма, проглядывали из-за деревьев серые бесформенные обломки скал, и даже на расстоянии я заметил слабое голубое свечение за самым большим камнем.

Эрнест соскочил с тропинки и стал взбираться на холм. Я бросился за ним. Времени оставалось в обрез. Этот тенденсор... Может быть, он-то мне и нужен!

— Послушай, Эрнест, — спросил я, догнав его около большого камня, — а как этот твой тенденсор работает?

— О, все очень просто. Вводишь в него факты — у него обычная клавиатура, — а он их анализирует и выдает наиболее возможный результат или предсказывает тенденцию развития событий. Еще у него встроенный источник питания... Ну ладно, мистер Блин, до свидания!

И он двинулся к голубому туману в том месте, где он был наиболее плотным. Я обхватил его рукой и дернул к себе.

— Опять вы скингируете! — завизжал мальчишка.

— Извини, малыш. В последний раз. Что ты скажешь, если я тебе покажу действительно крупную аферу? Хочешь увидеть напоследок, как я прибираю к рукам международную корпорацию? Я эту махинацию уже давно задумал, будет крупная игра на повышение. Уолл-стрит ничего не подозревает, потому что у меня свой человек на чикагской бирже. Я потороплю это дело, сегодня займусь специально, чтобы ты увидел, как работает настоящий нувориш-грабитель. Только вот с твоим тенденсором я бы провернул это дело наверняка гораздо быстрее. Вот это было бы зрелище! Сотни банков прогорают, я «загоняю в угол» производство каучука, золотой стандарт падает, мелкие вкладчики «идут по миру»! Все сам увидишь, своими глазами! А если притащишь мне тенденсор, я даже разрешу тебе руководить «накоплением капитала»!

Глаза у парнишки заблестели, как новенькие десятицентовики.

— Ух ты! Вот это здорово! Подумать только! Самому участвовать в такой финансовой битве! Но ведь рискованно... Если Цензор-Хранитель подведет итоги и узнает, что я отсутствовал так долго... Или моя наставница поймает меня во время незаконного использования хронодрома...

Но я ведь вам говорил, что я свое дело знаю. Что-что, а людей убеждать я умею.

— Ну, как хочешь. — Я отвернулся и затоптал сигарету. — Я просто хотел дать тебе шанс, потому что ты такой замечательный парень, неглупый. Думал, ты далеко пойдешь. Но у нас, нуворишей-грабителей, тоже, знаешь ли, есть своя гордость. Не каждому посыльному я бы доверил такое важное дело, как накопление капитала.

И я сделал вид, будто ухожу.

— Ой, мистер Блин, — мальчишка забежал вперед меня, — я очень ценю ваше предложение. Только вот рискованно. Но ...«опасность — это дыхание жизни для вас», так ведь? Ладно, я принесу тенденсор. И мы вместе распотрошим рынок. Только вы без меня не начинайте.

— Хорошо, но ты поторопись. До захода солнца нужно еще много успеть. Двигай. — Я поставил банку

с краской в траву и скрестил руки. Потом взмахнул веткой, словно этой штуковиной, ну, которую короли-то все таскают, — скипетром.

Он кивнул, повернулся и побежал к голубому туману за камнями. Коснувшись его, он сначала стал весь голубой, затем исчез. Какие возможности открываются! Вы ведь понимаете, о чем я. Этот тенденсор... Если все, что сказал мальчишка, — правда, то его действительно можно использовать именно так, как я наобещал Эрнесту. Можно предсказывать движение биржевого курса: вниз, вверх, хоть в сторону! Предвидеть финансовые циклы, развитие отраслей промышленности. Предрекать войны, перемирия, выпуск акций... Все, что нужно, — это запихать в машинку факты, например финансовые новости из любой ежедневной газеты, а затем грести деньги лопатой. Ну, теперь можно будет развернуться.

Я запрокинул голову и подмигнул кроне дерева.

Честное слово, я чувствовал себя словно пьяный. Должно быть, я и в самом деле опьянел от предвкушения успеха. Я потерял хватку, перестал думать. А этого нельзя допускать ни на секунду. Никогда!

Подойдя к голубому облаку, я потрогал его рукой — как каменная стена. Мальчишка не соврал, действительно без подготовки мне туда не попасть...

«Ну и ладно, — подумал я. — Хороший все-таки парнишка, Эрнест. И имя у него красивое. Эрнест. И все замечательно».

Туман расступился, оттуда выскочил Эрнест. В руках он держал продолговатый серый ящик с целой кучей белых клавиш, как у счетной машинки. Я выхватил ящик у него из рук.

— Как он работает?

— Моя наставница... Она меня заметила, — задыхаясь от бега, произнес мальчишка. — Окликнула меня... Надеюсь... она не видела... что я побежал к хронодрому... Первый раз не послушался... Незаконное использование хронодрома...

— Ладно, успокойся, — прервал я его, — нехорошо, конечно. А как он работает?

— Клавиши. Надо печатать факты. Как на древней — как на ваших пишущих машинках. А результаты появятся вот здесь, на маленьком экране.

— Да, экран маловат. И потребуется чертова уйма времени, чтобы напечатать пару страниц финансовых новостей. И еще биржевой курс. У вас что, нет ничего лучше? Чтобы можно было показать машине страницу — а она тебе сразу выдаст ответ.

Эрнест задумался.

— А, вы имеете в виду *открытый* тенденсор. У моей наставницы такой есть. Но это только для взрослых. Мне его не дадут, пока я не получу седьмую степень ответственности. И то если у меня будет хорошо с самовыражением...

Опять он с этим своим самовыражением!

— Но это именно то, что нам нужно, Эрнест. Давай-ка слетай к себе и прихвати тенденсор своей наставницы.

Мальчишка остолбенел от страха. Глядя на его лицо, можно было подумать, что я приказал ему застрелить президента. Того самого, что они недавно изготовили.

— Но я же сказал! Тенденсор не мой. Это моей наставницы...

— Ты хочешь руководить накоплением капитала или нет? Хочешь увидеть самую грандиозную из всех когда-либо проведенных на Уолл-стрит операций? Банки прогорают, мелкие вкладчики... и все такое... Хочешь? Тогда дуй к своей наставнице...

— Это вы обо мне говорите? — раздался чистый высокий голос.

Эрнест резко обернулся.

— Моя наставница! — пискнул он испуганной флейтой.

Около самого голубого облака стояла маленькая старушка в чудаковатой зеленой одежде. Она печально улыбнулась Эрнесту и, качая головой, взглянула на меня с явным неодобрением.

— Я надеюсь, ты уже понял, Эрнест, что этот «период необычайных приключений» на самом деле весьма уродлив и населен множеством недостойных личностей... Однако мы заждались, ты слишком надолго дестабилизировался — пора возвращаться.

— Вы хотите сказать... Цензоры-Хранители знали про мой незаконный хронодром с самого начала? И мне позволили?..

— Ну конечно. Мы очень довольны твоими успехами в самовыражении и поэтому решили сделать для тебя исключение. Твои искаженные, слишком романтические представления об этой сложной эпохе нуждались в исправлении, и поэтому мы решили дать тебе возможность самому убедиться, сколь жестока и несправедлива порой она была. Без этого ты не смог бы получить пятую степень ответственности. А теперь пойдем.

Тут я решил, что настало время и мне поучаствовать в разговоре. Вдвоем они звучали как дуэт флейтистов. Ну и голоса!

— Подождите-ка, не исчезайте. Со мной-то как?

Старушка остановила недобрый взгляд своих голубых глаз на мне.

— Боюсь, что никак. Что же касается различных предметов, которые вы незаконно получили из нашей эпохи, — Эрнест, право же, не следовало заходить так далеко, — то мы их забираем.

— Я так не думаю, — сказал я и схватил Эрнеста за плечи. Он начал вырываться, но я держал его крепко и занес над его головой ветку. — Если вы не сделаете, что я прикажу, мальчишке будет плохо. Я... я его всего заскинжирую!

Затем на меня напало вдохновение, и я понес:

— Я его в бараний рог согну. Я ему все кости переломаю.

— Что вы от меня хотите? — спокойно спросила старушка своим тоненьким голоском.

— Ваш тенденсор. Который без клавиш.

— Я скоро вернусь. — Она повернулась, издав своим зеленым одеянием легкий звон, и исчезла в голубом тумане хронодрома.

Вот так просто все оказалось! Ничего лучше я за всю свою жизнь не проворачивал. И почти без труда. Мальчишка дергался и дрожал, но я держал его крепко. Я не мог позволить ему убежать от меня, нет, сэр, — ведь это было все равно что своими руками отдать чужому мешок с деньгами.

Затем туман задрожал, и из него появилась старушка. В руках она держала какую-то круглую черную штуку с рукояткой в середине.

— Ну так-то лучше... — начал я, и в этот момент она повернула рукоятку.

Все. Я застыл. Я не мог пошевелить даже волоском в носу и чувствовал себя как надгробный камень на собственной могиле. Мальчишка метнулся в сторону, подобрал с земли выпавший из моих рук маленький тендensor и побежал к старушке. Она подняла руку и снова обратилась к Эрнесту:

— Видишь, Эрнест, совершенно типичное поведение. Эгоизм, жестокость, бездушие. Алчность при полном отсутствии социального...

Взмах руки, и они оба исчезли в голубом тумане. Через мгновение сияние померкло. Я бросился вперед, но за камнями было пусто. Все пропало... Хотя нет!

Банка с краской все еще стояла под деревом, где я ее оставил. Я усмехнулся и протянул к ней руку. Внезапно сверкнуло голубым, тоненький голосок произнес: «Извините. Оп!» — и банка исчезла. Я резко обернулся — никого.

В последующие полчаса я чуть не рехнулся. Сколько я мог всего заполучить! Сколько вопросов мог задать и не задал! Сколько получить информации! Информации, на которой я сделал бы миллионы!

Информация! И тут я вспомнил. Мальчишка говорил, что какой-то Венцеслаус изобрел этот самый спирилликс примерно в наше время. И, мол, у него были трудности с финансированием. Я понятия не имею, что это за штука: может быть, она карточки опускает в ящик для голосования, может, дает возможность чесать левой рукой левое плечо. Но я сразу решил: что бы это ни было, найду изобретателя и вложу в это дело весь свой капитал до последнего цента. Все, что я знаю, — это что спирилликс что-то делает. И делает хорошо.

Я вернулся в контору и нанял частных детективов. Ведь ясно, что только по телефонным справочникам моего Венцеслауса не найти. Вполне возможно, что у него вообще нет телефона. Может быть, он даже не назвал свой прибор спирилликсом, и это название придумали позже. Конечно, я не рассказывал детективам

подробностей, просто дал задание разыскать мне по всей стране людей с фамилией Венцеслаус или похожей на нее. И сам со всеми разговариваю. Естественно, каждый раз приходится пересказывать всю эту историю, чтобы прочувствовали. Вдруг тот, кто этот спирилликс изобрел, признает его в моем пересказе. Вот поэтому я к вам и пришел, мистер Венцилотс. Приходится опрашивать всех с похожей фамилией. Может, я не расслышал или потом фамилию изменили...

Теперь вы все знаете. Подумайте, мистер Венцилотс. Вы, кроме цыплят, чем-нибудь еще занимаетесь?.. Может, вы что-нибудь изобрели? Нет, я думаю, самодельная мышеловка — это немного не то. Может, вы книгу написали?.. Нет? А не собираетесь?.. Может, разрабатываете новую социальную или экономическую теорию? Этот спирилликс может оказаться чем угодно. Не разрабатываете?.. Ну ладно, я пойду. У вас случайно нет родственников, которые балуются с инструментами? Нет?.. Мне еще многих надо обойти. Вы себе не представляете, сколько в стране Венцеслаусов и похожих... Хотя постойте... Говорите, изобрели новую мышеловку?.. Держите еще сигару. Давайте присядем. Эта ваша мышеловка, что она делает?.. Мышей ловит... Это понятно. А как именно она работает?

БЕРНИ ПО ПРОЗВИЩУ ФАУСТ

Фаустом прозвал меня Рикардо, а что это значит, я и сам толком не знаю.

Так вот, сижу я, значит, в своей крохотной конторе шесть футов на девять. Читаю объявления о распродаже списанного государственного имущества. Пытаюсь смекнуть, на чем можно заработать доллары, а на чем — головную боль.

Тут дверь конторы открывается. И этот тощий тип с неумытой рожей, одетый в замызганный светлый костюм, заходит в мою контору и, откашлявшись, предлагает:

— Двадцать долларов за пять не купите?

— Что-о? — спросил я, вытаращив глаза.

Он переступил с ноги на ногу и опять откашлялся.

— Двадцать, — пробормотал он. — Двадцать за пять.

Под моим взглядом он потупился и уставился на свои ботинки. Паршивые, грязные ботинки — такие же паршивые и грязные, как и все, что было на нем.

— Я плачу вам двадцать долларов, — объяснял он носкам своих ботинок. — И покупаю за них пять. У вас остается двадцатка, у меня — пятерка.

— Как вы сюда попали?

— Взял да и вошел, — ответил он, немного смешавшись.

— Ах, так вы просто взяли да и вошли, — злобно передразнил я его. — А теперь возьмите да и спуститесь

Bernie the Faust

Copyright © 1963 by Philip Klaas

Берни по прозвищу Фауст

© А. Чапковский, перевод, 1968

вниз и выметайтесь отсюда к чертовой матери. В вестибюле ясно написано, что нищим вход воспрещен.

— Я не прошу подаяния, — он одернул пиджак. Таким движением разглаживают складки смятой ночной пижамы. — Я предлагаю сделку. Двадцатку за пятерку. Я вам...

— Вызвать полицию?

Он явно сдрейфил.

— Нет. Зачем вызывать полицию? Я вам ничего не сделал!

— Через секунду я вызываю полицию. Я вас честно предупреждаю. Стоит мне только позвонить вниз, в вестибюль, и сюда тотчас пришлют полицейского. Здесь не попрошайничают. Здесь занимаются бизнесом.

Он провел ладонью по лицу, и ладонь стала грязной; он вытер ее о лацкан.

— Значит, не хотите? — сказал он. — Двадцать за пять. Ведь вы занимаетесь куплей-продажей! Что же вам не подходит?

Я поднял телефонную трубку.

— Ладно, — остановил он меня, вытянув вперед грязную пятерню. — Я ухожу.

— Так-то оно лучше. И дверь за собой закройте.

— Если вы передумаете, — он запустил руку в карман своих грязных, мятых брюк и достал визитную карточку. — Вы можете найти меня здесь. Почти в любое время.

— Убирайтесь, — сказал я ему.

Он протянул руку, бросил карточку на стол, на кучу объявлений о распродаже, раза два кашлянул, взглянул на меня — не клюнул ли я на этот раз. Нет? Нет. И он поплелся к выходу.

Кончиками указательного и большого пальцев я брезгливо взял визитную карточку и собрался было бросить ее в корзину.

Но потом передумал. Визитная карточка. Все-таки чертовски необычно — такая рвань и с карточкой. Но карточка — вот она.

Да, если разобраться, и вся сцена была необычна. Я даже начал жалеть, что выгнал его, не дав высказаться до конца. Он ведь и правда ничего не сделал — выдумал новый рекламный трюк, и только. Я и сам

постоянно заимствую новые рекламные трюки. Я расширяю свою маленькую контору, я покупаю и продаю, но половина моих товаров — хорошие идеи. Идеи я готов заимствовать даже у нищего.

Карточка была чистая, белая — только от пальцев остались темные пятна. Через всю карточку каллиграфическим почерком было выведено: *Мистер Ого Эксар*. Ниже стояли название и номер телефона гостиницы на площади Таймс-сквер, расположенной неподалеку от моей конторы. Я знал эту гостиницу — не слишком дорогая, но и не ночлежка, так, что-то среднее.

В углу карточки стоял номер комнаты. Это меня вдруг развеселило. Совершенно непонятно!

Но, с другой стороны, почему бы попрошайке не зарегистрироваться в гостинице? Не будь снобом, Берни, сказал я себе.

Двадцать за пять. В чем тут фокус? Я не мог отвязаться от этой мысли.

Оставалось только одно. Посоветоваться с кем-нибудь. Рикардо? Как-никак видный профессор колледжа. Одно из лучших моих знакомств.

Он немало помогал мне — намекнул о решении строить новое здание колледжа, на что отпустили полторы тысячи долларов, сообщил о распродаже конторского оборудования в ООН и т. д. Как только у меня возникал вопрос, требовавший университетской эрудиции, он всегда выручал меня. И все это за какие-нибудь две-три сотни комиссионных.

Я взглянул на часы. Рикардо должен быть сейчас у себя в колледже — проверяет контрольные или чем он там еще занимается. Я набрал его номер.

— Ого Эксар? — переспросил он. — Наверное, финн. А может быть, эстонец. Скорее всего откуда-нибудь из Прибалтики.

— Неважно, — сказал я. — Меня вот что интересует. — И я рассказал ему насчет пяти и двадцати долларов.

Он рассмеялся:

— Опять то же самое!

— Какой-нибудь древний трюк из тех, что греки выкидывали с египтянами?

— Нет. Из тех, что выкидывали американцы. И это не совсем трюк. Во время кризиса одна нью-йоркская

газета послала своего корреспондента по городу с двадцатидолларовым банкнотом, который он продавал за один доллар. Охотников купить не нашлось. Их не нашлось даже среди безработных, полуголодных — из страха оказаться в дураках они отказались от барыша в 1900 %.

— Двадцать за один? Тут было двадцать за пять.

— Ну, сам знаешь, Берни, — инфляция, — сказал он, снова рассмеявшись. — А в наши дни это скорее напоминает какое-то телевизионное представление.

— Телевизионное? Поглядели бы вы, как этот парень одет!

— Просто добавочный и вполне логичный штрих — больше шансов, что люди не примут это предложение всерьез. Университеты то и дело проводят такие исследования. Несколько лет назад группа социологов исследовала отношение публики к уличным сборщикам благотворительных средств. Ты знаешь этих людей, стоят на перекрестках и гремят копилками: «Помогите двуглавым детям! Пожертвуйте пострадавшим от наводнения в Атлантиде!» Вот они и нарядили нескольких студентов...

— Думаете, это тот самый случай?

— Полагаю, что так. Вот только зачем он оставил свою визитную карточку?

И вдруг меня осенило:

— Знаете, я понял. Если это телевизионная затея, то тут есть чем поживиться. Телевикторина с призами — машины, холодильники, замок в Шотландии и прочее.

— Телевизионная викторина? Что ж, возможно.

Я повесил трубку, тяжело вздохнул и набрал номер гостиницы, где жил Эксар. Он действительно числился в списке проживающих. И только что вернулся в номер.

Я быстро спустился вниз и сел в такси. Кто знает, с кем он еще успел связаться?

Поднимаясь в лифте, я все еще размышлял, как от двадцати долларов перейти к действительно крупной игре, затеянной телевидением, и не дать Эксару понять, что я раскусил их трюк. И тогда — ведь может же и мне подфартить. Вдруг и мне выпадет выигрыш?

Я постучал в дверь. Когда он сказал «войдите», я вошел, но какое-то мгновение не мог разглядеть никого.

Номер был маленький, как и все номера в этой гостинице, маленький и душный. Он не включил света, ни одной лампочки. Окна были зашторены донизу.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я наконец смог рассмотреть этого молодчика. Он сидел на кровати лицом ко мне. На нем все еще был этот идиотский костюм.

И знаете, чем он занимался? Он смотрел забавный маленький переносной телевизор, стоявший на письменном столе. Цветной телевизор. Но работал телевизор плохо. На экране не было ни лиц, ни картинок, а только разноцветные сполохи по всему экрану. Громадная красная вспышка, громадная оранжевая вспышка, дрожащие переходы между голубым, зеленым, черным. Из телевизора доносился голос, разобрать слова было невозможно: «Вах-вах, девах».

Как только я вошел, он сразу выключил телевизор.

— Таймс-сквер — плохое соседство для телевизора, — сказал я. — Слишком много помех.

— Да, — сказал он. — Слишком много помех.

Он закрыл телевизор крышкой и убрал его. Хотелось бы посмотреть этот телевизор, когда он работает как следует.

Странно, правда? В комнате, как ни удивительно, не было запаха дрянного ликера, и в задвинутой под письменный стол мусорной корзине не валялись пустые бутылки, как это бывает обычно в таких номерах. Ничего такого.

Единственный запах, который я почувствовал, был мне совершенно незнаком. Я думаю, это был запах самого Эксара.

— Хм, — промычал я, чувствуя себя неловко из-за давешнего разговора с ним в конторе. Я себя вел тогда слишком грубо.

Он спокойно сидел на кровати.

— У меня двадцать долларов, — сказал он. — Вы принесли пять?

— Я думаю, найдутся, — сказал я, роясь в бумажнике и стараясь обернуть дело в шутку. Он не проронил ни

слова, даже не пригласил меня сесть. Я вытащил банкнот.

— Идет?

Он наклонился вперед и уставился на него, будто в такой темноте можно было увидеть, что это за банкнот.

— Идет, — сказал он. — Но мне нужна расписка. Заверенная расписка.

«Заверенная расписка? Вот это да!» — подумал я и сказал: — Пойдемте. Аптека на Сорок пятой улице.

— Пойдемте, — сказал он, поднимаясь и коротко откашливаясь — раз, два, три, четыре, пять, шесть, — почти беспрерывно.

По дороге в аптеку я остановился возле киоска с канцелярскими товарами, купил книжку с бланками расписок и тут же заполнил одну из них. Получена от мистера Ого Эксара сумма в двадцать долларов за пятидолларовый банкнот под номером... Нью-Йорк, дата».

— Идет? — спросил я его. — Я поставил здесь номер и серию банкнота, чтобы казалось, будто вам нужен именно он.

Он повернулся ко мне и прочел расписку. Затем сверил номер с банкнотом, который я держал в руках, и кивнул.

Мы подождали аптекаря, который в это время отпускал товар. Когда я подписал расписку, аптекарь прочел ее про себя, пожал плечами и поставил свою печать.

Я заплатил ему два доллара: все равно я был в барыше.

Эксар бросил на прилавок новенькую, хрустящую двадцатку. Он наблюдал, как я рассматриваю ее на свет то с одной, то с другой стороны.

— Не фальшивая? — спросил он.

— Нет... Но поймите, я вас не знаю и не знаю, какие у вас деньги.

— Конечно. Я бы и сам так поступил.

Сунув расписку и пять долларов в карман, он направился к выходу.

— Эй! — крикнул я. — Вы спешите?

— Нет, — он остановился и удивленно посмотрел на меня. — Не спешу. Но вы получили двадцать за пять. Дело сделано. И конец.

— Все в порядке, дело сделано. Не выпить ли нам по чашке кофе?

Он заколебался.

— Плачу я, — сказал я ему. — Давайте выпьем кофе.

— А вы не захотите расторгнуть сделку? — забеспокоился он. — У меня расписка. Все заверено. Я дал вам двадцать долларов, а вы мне — пять. Дело сделано.

— Сделано, сделано, — говорил я, подталкивая его к свободному столику. — Все замечано, подписано, заверено и проверено. Никто и не собирается идти на пятную. Просто я хочу угостить вас кофе.

Несмотря на слой грязи, покрывающий его лицо, я увидел, что оно прояснилось.

— Не надо кофе. Я бы съел грибной суп.

— Прекрасно, прекрасно. Суп, кофе — все равно. Я выпью кофе.

Я сел напротив и изучал его. Он сгорбился над тарелкой и торопливо отправлял в рот ложку за ложкой — живой пример негодяя, у которого с утра маковой росинки во рту не было.

Такой тип должен валяться пьяный в дверях, пытаясь защитить себя от полицейской дубинки. И место ему в кабаке, а не в приличной гостинице, и не подобает ему продавать мне двадцать долларов за пять и есть, как порядочному, грибной суп.

Но так и должно быть. Для телепередачи, которую они затеяли, это чертовски подходящий актер, лучшего ни за какие деньги не найдешь, только зря доллары выбросишь. Парень так здорово играет попрошайку, что люди смеются ему в лицо, когда он пытается навязать им прибыльное дельце.

— Может быть, купите что-нибудь еще? — спросил я его.

Он не донес ложку до рта и подозрительно посмотрел на меня:

— Например?

— Ну, не знаю. Может быть, приобретете десять долларов за пятьдесят? Или двадцать за сто?

Он задумался, этот парень. Потом снова набросился на суп.

— Это не дело! — презрительно бросил он. — Разве это дело?

— Уж вы меня, пожалуйста, простите! Я только так спросил, на всякий случай. Я вовсе не хочу на вас заработать. — Я закурил сигарету и замолчал.

Мой собеседник покончил с едой и, оторвав свою грязную физиономию от тарелки, вытер губы бумажной салфеткой.

— Хотите купить что-нибудь еще? Пока я здесь и располагаю временем. Если у вас имеются какие-нибудь интересные предложения, мы можем тотчас, как говорится, не отходя от кассы все оформить.

Он скомкал бумажную салфетку и бросил ее в тарелку. Салфетка намокла: он выловил только грибы, а суп оставил.

— Мост через пролив Золотые Ворота, — внезапно предложил он.

Я выронил сигарету:

— Что?

— Мост через пролив Золотые Ворота. В Сан-Франциско. Я плачу за него... — он задумчиво уставился в потолок. — Скажем, сто двадцать пять долларов. Сто двадцать пять долларов. Деньги на бочку.

— А почему именно этот мост? — как идиот, переспросил я.

— Потому что он мне нужен. Вы спросили меня, что я хочу купить еще, — я отвечаю: «Мост через пролив Золотые Ворота».

— А почему бы не мост Джорджа Вашингтона? Он здесь, в Нью-Йорке, на реке Гудзон. Зачем покупать мост на Западе?

Он усмехнулся, словно отдавая дань моей хитрости.

— Нет, — сказал он, дергая левым плечом. — Я знаю, что хочу. Мост через пролив Золотые Ворота в Сан-Франциско. Хотите продавайте, хотите нет.

— Я согласен. Пусть будет по-вашему — уступаю. Но учтите, я могу вам продать только свою часть моста — только то, что принадлежит мне.

Он кивнул:

— Мне нужна расписка. Напишите.

Я написал расписку. Все снова здорово. Аптекарь заверил расписку, сунул печать в ящик и отвернулся. Эксар отсчитал шесть двадцаток и одну пятерку из

здоровенной пачки банкнотов, которые хрустели, как накрахмаленные. Сунув пачку в карман брюк, он вновь направился к выходу.

— Может быть, еще кофе? — спросил я его. — Или хотите супу?

Он озадаченно поглядел на меня и даже вроде бы передернулся.

— С какой стати? Вы что-нибудь еще хотите продать?

Я пожал плечами:

— А вы покупаете? Скажите, что именно, и мы обстригаем это дельце.

Время шло, но я не жалел. Я сделал сто сорок долларов за пятнадцать минут. Точнее, немного меньше — ведь я уплатил аптекарю и еще за кофе и суп. Впрочем, это необходимые издержки, так положено. Я не жалел.

Может, теперь подождать, что у них дальше по сценарию. Они спросят, что я держал в уме, продавая Эксару все это. Я объясню, и на меня посыпятся призы: и холодильники, и ювелирные изделия лучшей фирмы, и...

Пока я витал в облаках, Эксар сказал что-то. Что-то совсем непонятное. Я попросил повторить.

— Пролив Эресунн, — повторил он. — Между Данией и Швецией. Я плачу за него триста восемьдесят долларов.

Я ничего не слышал о таком проливе. Я поджал губы и на секунду задумался, кругленькая сумма — триста восемьдесят долларов. За какой-то идиотский пролив. Я попытался схитрить.

— Четыре сотни — и по рукам.

Он сильно закашлялся и в этот момент выглядел совсем больным.

— В чем дело? — выдавил он из себя между приступами кашля. — Разве триста восемьдесят долларов — плохая цена? Это маленький пролив, один из самых маленьких. Всего-то две с половиной мили. А знаете его максимальную глубину?

— Уж никак не мельче других, — с умным видом сказал я.

— Двенадцать футов, — кричал Эксар. — Всего двенадцать футов! Где вы получите больше за такой пролив?

— Спокойней, — сказал я, похлопывая его по грязному плечу. — Давайте ни вашим, ни нашим. Вы говорите — триста восемьдесят, я прошу четыре сотни. Как насчет трехсот девяноста?

На самом деле мне было все равно: десять долларов больше или меньше. Но мне было интересно, что будет дальше.

Он успокоился.

— Триста девяносто долларов за пролив Эресунн, — пробормотал он, боясь, что я натягиваю ему нос. — Но мне нужно только море; я не прошу в придачу чего-нибудь еще.

— Вот что я вам скажу, — я поднял руки. — Дайте мне триста девяносто, и я отдаю вам побережье бесплатно. Идет?

Он задумался. Он засопел. Он вытер нос рукой.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Идет. Пролив Эресунн за триста девяносто долларов.

Бац! Шлепнулась печать аптекаря. Дело пошло на лад. Эксар дал мне шесть пятидесятидолларовых купюр, четыре двадцатки и десятку — все из той же пачки новеньких банкнотов, которую он держал в кармане брюк.

Я подумал о пятидесятидолларовых банкнотах, которые остались в пачке, и почувствовал, что у меня текут слюнки.

— О'кей, — сказал я. — Что дальше?

— Вы все еще продаете?

— По сходной цене, разумеется. Что вы хотите?

— Очень многое, — вздохнул он. — Но стоит ли сейчас этим заниматься? Вот я о чем думаю.

— Конечно, стоит, раз есть такая возможность. Позже — кто знает? — меня может не быть рядом, найдутся другие люди, которые взвинтят цены, что угодно может случиться. — Я сделал паузу, но он продолжал хмуриться и кашлять. — Как насчет Австралии? — предложил я. — Может быть, вы купите Австралию долларов, скажем, за пятьсот? Или Антарктиду? Антарктиду я уступаю по дешевке.

Он явно заинтересовался:

— Антарктиду? Сколько вы за нее просите? Нет, больше покупать в розницу я не буду. Здесь кусочек, там кусочек. Получается слишком дорого.

— Вы, милый, покупаете по бросовым ценам. Оптом обычно дороже.

— А если я куплю оптом? Сколько за все?

— Простите, не совсем понял, — я покачал головой. — Что оптом?

Он сгорал от нетерпения.

— Все. Весь мир. Землю.

— Ого, — сказал я. — Это много.

— Я устал покупать по частям. Назначайте оптовую цену — я покупаю все сразу.

Я мотнул головой — не утвердительно, не отрицательно, ни да ни нет. В руки шли деньги, и большие. Но, пожалуй, вот тут-то я должен был рассмеяться ему в лицо и уйти. Однако я даже не улыбнулся.

— Конечно, вы можете узнать эту цену. Но что это значит? Я хочу спросить, что вы, собственно, собираетесь покупать?

— Землю, — сказал он, придвинувшись так близко, что я ощутил его дыхание. — Я хочу купить Землю. Целиком и полностью.

— Только хорошо заплатите. Продам все на корню.

— Я за ценой не постою. Ведь это настоящая сделка. Плачу две тысячи долларов. Я получаю Землю — всю планету — с правами на полезные ископаемые и клады. Идет?

— Вы получаете чертовски много.

— Я знаю, что много, — согласился он. — Но я и плачу много.

— За то, что просите, — не много. Дайте мне подумать.

Это была большая сделка, большой приз. Я не знал, сколько денег ему дали на телевидении, но был уверен, что две тысячи долларов — только начало. Но как назначить разумную цену за мир и не промахнуться?

Я не должен выглядеть на телевидении мелкой сошкой. Надо угадать высшую цену, названную Эксару режиссером.

— Вам действительно нужно все? — спросил я, поворачиваясь к нему. — Земля и Луна?

Он выставил вперед свою грязную пятерню:

— Только права на Луну. Остальное можете оставить себе.

— Все равно это слишком много. За такую кучу недвижимости вам придется выложить больше двух тысяч.

Эксар поморщился и дернулся всем телом.

— Насколько... насколько больше?

— Ладно, давайте без дураков. Дело крупное! Мы ведь не толкуем больше о мостах, или реках, или морях. Вы покупаете целый мир и часть другого в придачу. Придется раскошелиться. Готовьте деньги.

— Сколько? — Казалось, его тело так и ходит ходуном под грязным костюмом. Люди оборачивались на нас. — Сколько? — прошептал он.

— Пятьдесят тысяч. И это еще чертовски дешево. Сами понимаете.

Эксар весь обмяк. Его страшные глаза, казалось, запали еще глубже.

— Вы сумасшедший, — пробормотал он упавшим голосом. — Вы не в своем уме.

Он повернулся к двери с таким измученным видом, что мне стало ясно — я хватил через край. Он даже не обернулся.

Я сильно потянул за полу его пиджака.

— Эксар, послушайте, — быстро проговорил я, а он тем временем вырывался. — Я понимаю, что заломил слишком много. Но вы можете дать больше двух тысяч. Я хочу знать самую высокую вашу цену. Иначе какого черта я трачу на вас время? И кто еще станет возиться с вами?

Он остановился. Потом поднял голову и закивал. А когда мы пошли бок о бок, я отпустил пиджак. Все началось сначала!

— Ладно. Вы уступаете мне, а я — вам. Поднимем немного цену. Ваше последнее слово? Сколько вы можете дать?

Он поглядел в окно и задумчиво облизал языком грязные губы. Его язык тоже был грязный. Правда! Какая-то грязь, похожая то ли на жир, то ли на сажу, покрывала весь его язык.

— Как насчет двух с половиной тысяч? — спросил он чуть спустя. — Больше не могу. У меня не остается ни цента.

Он был из того же теста, что и я: торгаш до мозга костей.

— Столкнемся на трех тысячах, — не уступал я. — Ну разве это много — три тысячи? Еще каких-то пятьсот долларов! Подумайте, что вы получаете за это! Земля — целая планета — и рыболовство, и полезные ископаемые, и клады, да и к тому же все богатства Луны. Ну как?

— Не могу. Просто не могу. Хотел бы, но не могу. — Он покачал головой, словно стараясь избавиться от своих тиков и подергиваний. — Договоримся так. Я даю вам две тысячи шестьсот. За это вы уступаете мне одну Землю, а на Луне только клады. Полезные ископаемые остаются вам. Я и без них обойдусь.

— Пусть будут две тысячи восемьсот, и берите полезные ископаемые. Они вам наверняка пригодятся. Берите и владейте. Еще двести долларов — и все ваше.

— Не могу я обладать всем. Есть вещи, которые мне не по карману. Как насчет двух тысяч шестисот пятидесяти без прав на полезные ископаемые и клады?

Дело закрутилось. Я это чувствовал.

— Вот мое последнее слово, — сказал я. — Я не могу тратить на это целый день. Предлагаю две тысячи семьсот пятьдесят и ни центом меньше. За это я отдаю вам Землю и право отыскивать клады на Луне. Выбирайте, что хотите.

— Ладно, — сказал он. — Черт с вами — согласен.

— Две тысячи семьсот пятьдесят за Землю и клады?

— Нет, ровно две тысячи семьсот и никаких прав на Луну. Забудем о ней. Ровно две тысячи семьсот, и я получаю Землю.

— Идет! — воскликнул я, и мы ударили по рукам. На том и столковались.

Потом я обнял его за плечи — стоит ли обращать внимание на грязь, если парень принес мне две тысячи семьсот долларов? — и мы снова направились в аптеку.

— Мне нужна расписка, — напомнил он.

— Отлично, — ответил я. — Я напишу вам то же самое: я продаю все, чем владею или имею право продавать. Вы сделали удачную покупку.

— А вы неплохо заработали на своем товаре, — ответил он. Теперь он мне нравился. Дергающийся, грязный, какой угодно, — он был свой человек.

Мы подошли к аптекарю заверить расписку, и, честное слово, я никого противнее не видел.

— Сделали хороший бизнес, а? — сказал он. — Не слишком ли погорячились?

— Слушайте, вы, — ответил я. — Ваше дело — заверить. — Я показал расписку Эксару. — Годится?

Он кашлял и изучал расписку.

— Все, чем вы владеете или имеете право продавать. Прекрасно. И знаете что, напишите о вашей правомочности как торгового агента, о вашей профессиональной правомочности.

Я внес изменения и расписался. Аптекарь заверил расписку.

Эксар вытащил из кармана брюк пачку денег. Он отсчитал пятьдесят четыре хрустящие, новенькие пятидесятидолларовые купюры и положил их на стеклянный прилавок. Затем осторожно взял расписку, спрятал ее и направился к двери.

Я схватил деньги и бросился за ним.

— Может, что-нибудь еще?

— Ничего, — ответил он. — Все. Дело сделано.

— Я понимаю, но мы можем найти еще что-нибудь, какой-то другой товар.

— Больше искать нечего. Дело сделано.

По его голосу я понял, что так оно и есть.

Я остановился и поглядел, как он толкает вращающуюся дверь. Он выкатился на улицу, свернул налево и пошел так быстро, будто чертовски спешил.

Дело сделано. О'кей. В моем бумажнике лежали три тысячи двести тридцать долларов, которые я сделал за это утро.

Но верно ли я действовал? Была ли это действительно высшая сумма, предназначенная мне по сценарию? И как близко я к ней подобрался?

Один из моих знакомых, Морис Барлап, пожалуй, поможет мне разобраться в этом деле.

Морис, как и я, занимался бизнесом, но бизнесом своего рода — он был театральным агентом и дело знал как свои пять пальцев. Вместо того чтобы сбывать медную проволоку или, скажем, устраивать кому-то участок земли в Бруклине, он торговал талантами. Он продавал группу актеров в горный отель, пианиста в бар, ведущего для театрального обозрения, комика в ночную радиопрограмму.

Я позвонил ему из телефонной будки и спросил о телевикторине.

— Так я хочу узнать...

— Нечего узнавать, — отрезал он. — Никакой викторины нет, Берни.

— Да есть она, черт возьми, Морис. Ты просто не слышал.

— Такого представления нет. Не готовится и не репетируется, нет ничего такого. Подумай сам — до начала передачи тратится уйма денег: нужен сценарий, нужно время на телевидении. А прежде чем купить время, режиссер готовит рекламу. И когда мне звонят насчет исполнителей, я уже слышан о представлении, мне о нем все уши прожужжали. Я знаю, что говорю, Берни, и раз я сказал, что такого представления нет, значит, его нет.

Он был чертовски уверен в себе. Безумная мысль неожиданно промелькнула в моем мозгу. Нет. Не может быть. Нет.

— Значит, это, как и говорил Рикардо, газета или университетское исследование?

Он задумался. А я стоял в душной телефонной будке и ждал — у Мориса Барлапа была голова на плечах.

— Эти чертовы документы, все эти расписки — газеты и университеты так не работают. И на чудачество это непохоже. Я думаю, тебя облапошили, Берни, не знаю на чем и как, но облапошили.

Этих слов для меня было достаточно. Морис Барлап чувствует обман сквозь шестнадцатифутовую изоляцию из силикатной шерсти. Он не ошибается. Никогда.

Я повесил трубку и задумался. Безумная мысль вновь вернулась ко мне и бомбой разорвалась в моем мозгу.

Шайка космических пришельцев решила захватить Землю. Может быть, они собираются устроить здесь

колонию, а может, курорт, черт их знает. У них свои соображения на этот счет. Они достаточно сильны и высокоразвиты, чтобы захватить Землю силой. Но они не хотят делать это незаконно, им нужно юридическое обоснование.

Так вот. Может быть, этим бандитам только и надо, что получить от одного полноправного представителя рода человеческого клочок бумаги на передачу им Земли. Неужели правда? Любой клочок бумаги? Подписанный кем угодно?

Я опустил монету в автомат и набрал номер Рикардо. Его не было в колледже. Я объяснил телефонистке, что у меня очень важное дело, и она ответила: «Хорошо, я постараюсь его отыскать».

Все эти туры на колесах, думал я, мост через пролив Золотые Ворота, пролив Эресунн — все это такие же уловки, как продажа двадцатки за пятерку. В действиях бизнесмена есть одна верная примета — раз он прекращает все переговоры, закрывает лавочку и уходит, значит, он получил, что хотел.

Эксар хотел получить Землю. А все эти дополнительные права на Луну — чистейший вздор! Они выдумали этот трюк, чтобы сбить меня с панталыку и побольше выторговать.

Да, Эксар меня облапошил. Он словно специально изучил, как я работаю. Словно ему надо было купить именно у меня.

Но почему у меня?

И что означал этот бред на расписках о моей правомочности, что, черт возьми, это означало? Я не владею Землей, я не занимаюсь куплей-продажей планет. Вы должны владеть планетой, прежде чем продавать ее. Таков закон.

Но что я продал Эксару? У меня нет никакой недвижимости. Может быть, они собираются забрать мою контору, заявить права на часть тротуара, по которому я хожу, или наложить арест на стул в кафе, где я пью кофе?

Это вернуло меня к исходному вопросу: кто «они»? Кто, черт возьми, «они»?

Телефонистка дозвонилась наконец до Рикардо. Он был недоволен.

— У меня факультетское собрание, Берни. Я позволю тебе позже.

— Подождите секунду, — умолял я. — Я влип и не знаю, удастся мне выпутаться или нет. Мне очень нужен совет.

Я говорил без передышки — в трубке слышались голоса каких-то крупных боссов, а я без умолку рассказывал о происшедшем со мной после нашего утреннего разговора. Как выглядел Эксар, какой от него шел запах, какой странный цветной телевизор он смотрел, как он отказался от прав на Луну и ушел, удостоверившись, что купил Землю. Что сказал по этому поводу Морис Барлап, и какие у меня самого подозрения, все сказал.

— Только вот одно, — я усмехнулся, сделав вид, будто не принимаю эту историю всерьез. — Кто я такой, чтобы заключать подобные сделки, а?

Какое-то время он размышлял.

— Не знаю, Берни, возможно ли это. Надо рассмотреть все «за» и «против». Пожалуй, это связано с ООН.

— С ООН? Не понимаю. Какое отношение имеет к этому ООН?

— Самое прямое. Вспомни исследование, которое мы вместе с тобой проводили в ООН два года назад.

Он говорил намеками, чтобы стоявшие рядом коллеги не могли его понять. Но я-то понял. Понял.

Эксар, должно быть, разнюхал, что Рикардо дал мне подработать на сбыте списанного оборудования и конторской мебели из нью-йоркского здания ООН. Мне даже выдали официальный документ. И в какой-нибудь картотеке до сих пор хранится бланк ООН, где написано, что я — их официальный представитель по сбыту неликвидов, списанного оборудования и конторской мебели.

Вот вам и юридическое обоснование!

— Вы думаете, эта бумага действительна? — спросил я Рикардо. — Допустим, что Земля — списанное оборудование. Но при чем тут неликвиды?

— Международные законы — штука запутанная, Берни. А здесь все может оказаться куда сложнее. Надо собраться с мыслями и что-то придумать.

— Но что? Что я должен делать, Рикардо?

— Берни, — сердито закричал он, — я же сказал тебе, что у меня факультетское собрание, черт подери! Факультетское собрание!

И он повесил трубку. Я выскочил как сумасшедший из аптеки, схватил такси и понесся к гостинице, где жил Эксар.

Чего я так испугался? Не знаю, но меня чуть удар не хватил. Все это было слишком значительно для маленького человека, как я, и в этой значительности было что-то опасное. В результате я мог стать величайшим идиотом за всю историю человечества. Никто не заключит со мной ни одной сделки. Я чувствовал себя так, будто кто-то попросил меня продать фотографию и я ответил: «Пожалуйста», а оказалось, что это фотография одной из сверхсекретных атомных ракет. Будто я случайно продал свою страну. Только на самом деле все еще хуже: я продал весь этот мир! Я должен выкупить его, должен!

Когда я вбежал в комнату Эксара, он уже собирался уходить. Он укладывал свой забавный транзисторный телевизор в дешевый кожаный саквояж. Я не закрыл за собой двери, чтобы в комнате было посветлее.

— Дело сделано, — сказал он. — Все кончено. Больше дел не будет.

Я загородил ему дорогу.

— Эксар, — сказал я. — Послушайте, что я вам скажу. Вы не человек. Как я, например.

— Я, любезный, человечнее вас!

— Возможно, но вы не землянин — вот в чем дело. Зачем вам Земля?..

— Мне она ни к чему. Я представляю некое лицо.

Так вот оно, напрямик! Ты прав, Морис Барлап! Я уставился в его рыбы глаза, которые придвинулись ко мне вплотную. Но я не уступал.

— Вы чей-то агент, — медленно произнес я. — Чей? И зачем кому-то понадобилась Земля?

— Это не мое дело. Я агент. Я только покупаю для них.

— Вы получаете комиссионные?

— Ну уж конечно, я работаю не за здорово живешь.

«Да, ты работаешь не за здорово живешь», — подумал я. Все эти кашли, да тики, да подергивания. Я понял,

отчего они. Он не привык к нашему климату. Так, окажись я в Канаде, я бы непременно слег от приступов какой-нибудь болезни из-за другой воды или еще чего-нибудь.

А грязь на его лице была чем-то вроде мази от загара! От нашего солнца! Все одно к одному — окна зашторены, лицо запачкано, грязь на одежде та же, что и на лице.

Эксар не был попрошайкой. Что угодно, только не это. «Пошевели мозгами, Берни, — сказал я себе. — Этот парень здорово тебя охмурил!»

— Сколько вы зарабатываете — десять процентов? — Он мне не ответил, а наклонился ко мне, часто задыхался и задержался. — Я заплачу больше, Эксар. Знаете, сколько я дам? Пятнадцать процентов! Мне больно смотреть, как человек носится взад и вперед из-за паршивых десяти процентов.

— А как же этика? — грубо прервал он меня. — Ведь у меня клиент.

— Вы только подумайте, он заговорил об этике! А купить всю эту проклятую Землю за две тысячи семьсот долларов? И это вы называете этикой?

Теперь он озлобился. Он поставил саквояж на пол и ударил кулаком по ладони:

— Нет, это я называю бизнесом, сделкой — я предлагаю, вы соглашаетесь. Вы уходите счастливый, вы преуспели. И вдруг ни с того ни с сего вы прибегаете назад, распускаете нюни и заявляете, что не хотели продавать так много за такие гроши. Что за дела! У меня своя этика: я не подведу клиента из-за какого-то слюнтяя.

— Я не слюнтяй! Я просто мелкая сошка и еле свожу концы с концами. Что я против воротилы из другого мира, который знает, как обвести меня вокруг пальца!

— Если бы вы могли обвести вокруг пальца, вы что, не воспользовались бы этим?

— Но не так. Не смейтесь, Эксар, это правда. Я бы не стал обманывать калеку. Я бы не стал обводить простака из жалкой конторы, чтобы он продал мне планету.

— Но вы-то продали, — сказал он. — Эта расписка действительна где угодно. А техники, чтобы подкрепить

ее силу, у нас хватит. Как только мой клиент вступит во владение документом, человеческой расе конец, «капут» ей наступит, забудьте о ней. А козлом отпущения будете вы.

В номере стояла жара, и я вспотел как мышь. Но у меня отлегло от сердца. Эксар все-таки пошел на переговоры. Я усмехнулся.

Его лицо слегка порозовело под грязью.

— Что вы предлагаете? — спросил он. — Назовите цифру.

— Называйте вы. Вы продаете, я покупаю.

— Хм, — нетерпеливо хмыкнул он и оттолкнул меня. Он оказался крепким парнем! Я побежал за ним к лифту.

— Сколько вы хотите, Эксар? — спросил я, когда мы спускались.

Он пожал плечами:

— У меня есть планета и покупатель на нее. Вы влипли. Сами влипли, сами и выпутывайтесь.

Вот сволочь! На все у него готов ответ.

Он сдал ключи, и мы вновь оказались на улице. Мы шли по Бродвею, и я предложил ему три тысячи двести тридцать долларов, которые получил с него, а он ответил, что не прокормится, если будет получать и отдавать одну и ту же сумму. — Три тысячи четыреста, — предложил я. — То есть хочу сказать, три тысячи четыреста пятьдесят. — Он даже головы не повернул.

Если бы я не называл какие-то цифры — какие угодно, тут бы мне и конец.

Я забежал вперед.

— Эксар, хватит натягивать друг другу нос, он у меня и так большой. Называйте сумму. Сколько бы ни было, я заплачу.

Это подействовало.

— Точно? И не обманете?

— Как я могу обмануть?! У меня нет выхода.

— Идет. Я помогу вам вывернуться и силы сберегу — не придется тащиться к своему клиенту. Но как сделать, чтобы всем было хорошо — и вас не обидеть, и самому не остаться внакладе? Пусть будет ровно восемь тысяч.

Восемь тысяч — это почти все, что лежало у меня в банке. Он точно знал, сколько у меня денег на счете — до последнего вклада!

И мысли мои он тоже знал.

— Если решил иметь с кем-нибудь дело, — говорил он между приступами кашля, — то о таком человеке стоит навести справки. У вас есть восемь тысяч с мелочью. Это не так уж много для спасения собственной шеи.

Я вскипел:

— Не так много? Ну, я поговорю с тобой по-другому, филантроп несчастный, благодетель проклятый. Черта лысого я уступлю! Разве что чуть-чуть! Но ни единого цента из банка ни за вас, ни за Землю, ни за кого другого я не отдам!

Полисмен подошел поближе посмотреть, чего это я разорался, и мне пришлось поутихнуть немного, пока он не отошел.

— Помогите! Полиция! Пришельцы посягают на нас! — едва не завопил я. Во что бы превратилась улица, где мы стояли, не уговори я тогда Эксара отказаться от расписки?

— Предположим, что ваш клиент захватит Землю, размахивая моей распиской, — меня вздернут на первом суку. Но у меня одна жизнь, и эта жизнь — купля-продажа. Я не могу покупать и продавать без капитала. Отними мой капитал, и мне будет все равно, кто владеет Землей, а кто нет.

— Кого вы, черт побери, надуваете? — спросил он.

— Я никого не надуваю. Честное слово, это правда. Отнимите мой капитал, и мне все равно, жив я или мертв.

Эта последняя капля вранья, кажется, переполнила чашу. Поверьте, когда я выводил эти трели, на мои глаза навернулись самые натуральные слезы. Сколько мне надо, хотел бы он знать, — пятьсот долларов? Я ответил, что и дня не проработаю без суммы в семь раз большей. Он поинтересовался, действительно ли я собираюсь выкупить эту проклятую планету или у меня сегодня день рождения и я жду от него подарка?

— Не нужны мне ваши подарки, — сказал я. — Подарите их толстякам. Им стоит посидеть на диете.

Так мы и шли. Оба спорили до хрипоты, клялись чем угодно, препирались и торговались, расходились и возвращались. Было совершенно непонятно, кто же все-таки уступит первым.

Но никто не уступал. Мы оба стойко держались, пока не пришли к сумме, на которую я и рассчитывал, пожалуй чуть большей, но на ней и порешили.

Шесть тысяч сто пятьдесят долларов.

Эта сумма с лихвой перекрывала данную мне Эксаром. Но больше выторговать я не сумел. Знаете ли, могло быть и хуже. И все-таки мы чуть не разошлись, когда речь зашла о расчете.

— Ваш банк неподалеку. Мы успеем до закрытия.

— Хотите довести меня до инфаркта? Мой чек — то же золото.

В конце концов я уговорил его взять чек. Я дал ему чек, а он протянул мне расписки, все до единой. Все подписанные мной расписки. Затем он взял свой маленький саквояж и зашагал прочь.

Он пошел вниз по Бродвею, даже не попрощавшись со мной. Для Эксара существовал только бизнес и ничего больше. Он даже не обернулся.

Только бизнес. На следующее утро я узнал, что он успел зайти в банк до закрытия и удостоверился в моей платежеспособности. Как вам это понравится? У меня все валилось из рук: я лишился шести тысяч ста пятидесяти долларов. Из-за какого-то разговора с незнакомцем!

Рикардо прозвал меня Фаустом. Я вышел из банка, колотя себя кулаком по голове, и позвонил ему и Морису Барлапу, чтобы пригласить их на ленч. Мы зашли в дорогой ресторан, выбранный Рикардо, и там я рассказал им все.

— Ты Фауст, — сказал он.

— Что Фауст? — спросил я. — Кто Фауст? Какой Фауст?

Само собой, ему пришлось рассказать мне про Фауста. Только я-де новый тип Фауста — американский Фауст двадцатого века. До меня Фаусты хотели все знать, а я хотел всем владеть.

— Но я ничем не овладел, — вставил я. — Меня надули. Меня надули на шесть тысяч сто пятьдесят долларов.

Рикардо рассмеялся и откинулся на спинку кресла.

— Люди гибнут за металл, — пробормотал он. — Люди гибнут за металл.

— Что?

— Цитата, Берни. Из оперы Гуно «Фауст». И, по моему, цитата подходящая. Люди гибнут за металл.

Я перевел взгляд на Мориса Барлапа, но никто никогда не скажет, что у него на уме. Одетый в дорогой твидовый костюм, он смотрел на меня таким глубоким и задумчивым взглядом, что в этот момент походил на профессора куда больше, чем Рикардо. Рикардо, знаете, слишком уж щеголеватый.

А их уму и находчивости мог позавидовать любой. Потому-то я чуть душу не заложил, но все же повел их в этот ресторан. Хотя Эксар почти разорил меня.

— Морис, скажи правду! Ты понял его?

— А что тут понимать, Берни? Цитату о гибели за золото? Может, это и есть ответ, а?

Теперь я посмотрел на Рикардо. Он приканчивал итальянский пудинг со сливками. Этот пудинг стоил здесь ровно два доллара.

— Допустим, он пришелец, — сказал Морис Барлап. — Допустим, он явился откуда-то из космоса. Прекрасно. Спрашивается, на что пришельцу американские доллары? Интересно, кстати, какой у них курс?

— Ты хочешь сказать, что ему надо было сделать покупки здесь, на Земле?

— Совершенно верно. Но какие покупки? Вот в чем вопрос. Что ему могло понадобиться на Земле?

Рикардо прикончил пудинг и вытер губы салфеткой.

— Я думаю, вы на верном пути, Морис, — сказал он и опять завладел моим вниманием. — Мы можем предположить, что их цивилизация намного превосходит нашу. Они считают, что нам еще рано знать о них. И хотят превратить примитивную маленькую Землю в своеобразную резервацию, куда вход воспрещен, и нарушить это запрещение осмеливаются только преступники.

— Откуда же в таком высокоорганизованном обществе берутся преступники, Рикардо?

— Законы порождают преступников, Берни, как курица — яйца. Цивилизация бессильна против них. Теперь я начинаю понимать, кто такой этот Эксар. Беспринципный авантюрист, космический бродяга, подобно головорезам, бороздившим южные моря сотню, а то и больше лет назад. Представим себе, что пассажирский пароход врезается в коралловые рифы и какой-нибудь вонючий гад из Бостона выбирается на берег и начинает жить среди примитивных, неразвитых дикарей. Надеюсь, вы понимаете, что произойдет дальше.

Морис Барлап заявил, что не прочь выпить еще бренди. Я заказал. И он, как обычно, едва улыбаясь, доверительно наклонился ко мне:

— Рикардо прав, Берни. Поставь себя на место твоего покупателя. Он терпит аварию и врывается в грязную маленькую планету, к которой по закону ему и близко подходить нельзя. Он может подлатать свой корабль с помощью местного хлама, но за все надо рассчитываться. Малейший шум, малейшее недоразумение, и его застукает Космическая полиция. Что бы ты делал на его месте?

Теперь я понял.

— Я бы менял и выторговывал. Медные браслеты, бусы, доллары — все, что попало бы под руку и на что можно получить их товары. Я бы менял и выторговывал, проворачивая сделку за сделкой. Даже какое-нибудь ненужное оборудование с корабля бы снял, а потом нашел бы новый товар, представляющий для них ценность. Но все это земные представления о бизнесе, человеческие представления.

— Берни, — сказал мне Рикардо, — было время, когда как раз на том месте, где сейчас находится фондовая биржа, индейцы меняли бобровый мех на блестящие гильзы. Какой-то бизнес есть и в мире Эксара, я уверен в этом, и по сравнению с ним объединение наших крупнейших концернов выглядит ребячьей забавой.

— Да, вот оно как. Выходит, я был обречен с самого начала. Охмурил меня этот проходимец-супермен. Увидел, что шляпа, вот и взял на арапа.

Рикардо кивнул:

— Мефистофель бизнесменов, спасающийся от грома небесного. Ему нужно было вдвое больше денег, чтобы залатать свой рыдван. Вот он и проделал самую фантастическую махинацию за всю историю коммерции.

— Из слов Рикардо следует, — донесся до меня голос Мориса Барлапа, — что этот парень, который так круто обошелся с тобой, на пять голов выше тебя.

У меня прямо руки опустились.

— Какая разница? — сказал я. — Тебе может наступить на ногу лошадь, а может и слон. Но кто-то все равно отдавит тебе ногу.

Я оплатил счет, собрался с духом и вышел.

И тут я задумался, так ли все это на самом деле. Они оба с наслаждением зачисляли Эксара в межпланетные подонки. Конечно, Рикардо — голова, а Барлап хитер, как черт, но что из этого? Идеи есть. А фактов-то нет.

Но вот и факт.

В конце месяца в мою контору пришел чек, который я выписал Эксару. Он был индоссирован крупным магазином в районе Кортленд-стрит. У меня были дела с этим магазином. Я отправился туда порасспросить насчет своего клиента.

Они торгуют электронной некондицией. У них-то Эксар и сделал покупки. Большую партию транзисторов и трансформаторов, сопротивлений и печатных схем, электронных трубок, проволоки, инструментов и т. д. Все вперемешку, сказали они, миллион деталей, которые невозможно соединить. Они решили, что у Эксара какая-то очень срочная работа и он берет все, что хоть как-то могло ему подойти. Он выложил кучу денег за доставку — товар отправлялся в какую-то глухомань в Северной Канаде.

Вот он, факт. Я должен его признать. А вот еще один.

Как я уже говорил, я был связан с этим магазином. Цены у них самые низкие в округе. А почему, вы думаете, они продают по дешевке? Ответ один: потому что они дешево покупают. Они покупают по бросовым ценам, на качество им плевать: единственное, что их интересует, — это прибыль. Я сам сбыв им груды электронного лома, который мне бы в жизни нигде не сплавить; бракованные отбросы, это даже опасно, если хотите. Вы туда можете снести хлам, когда,

затоварившись еще большим хламом, потеряете всякую надежду заработать.

Представляете себе? Я краснею, вспоминая об этом.

Я вижу, как где-то в космосе летит Эксар. Он залатал свою посудину. Все в порядке, Эксар на пути к новым великим свершениям. Моторы жужжат, корабль несется вперед, а он сидит с радостной улыбкой на грязной роже, вспоминает, как ловко обвел меня вокруг пальца.

Он смеется до колик в животе.

И вдруг раздается пронзительный скрип и тянет гарью. В цепи управления главного двигателя изоляция протерлась, провода замкнулись, корабль теряет управление, и тут начинается настоящий ад. Эксар сдрейфил. Он включает вспомогательные двигатели. Вспомогательные двигатели не работают — знаете почему? В вакуумные трубки не поступает электрический ток. Бац! Короткое замыкание в хвостовом двигателе. Крах! В середине корабля расплавляется некондиционный трансформатор.

И вот на тебе, до жилья миллионы миль, кругом беспредельный космос, запасных частей нет, инструменты ломаются прямо в руках, и кругом ни души — надуть некого.

А я здесь, в своей конторе, думаю о нем и чуть не надорвал живот со смеху. Так как возможно и очень даже вероятно, что все неполадки с кораблем происходят из-за десятка бракованных деталей и списанного электронного оборудования, которое я сам, Берни, по прозвищу Фауст, время от времени сплавлял магазину уцененных товаров.

Больше я ни о чем не прошу. Только бы все так и вышло.

Фауст. Получит он у меня Фауста! Прямо в рожу! Фауст! Расшибешь себе за Фауста башку! Я тебе дам Фауста!

Да вот беда — обо всем этом я ведь так и не узнаю. Но одно я знаю точно — я единственный человек за всю историю Земли, кто продал эту проклятую планету.

И снова ее выкупил!

ТАКИ У НАС НА ВЕНЕРЕ ЕСТЬ РАББИ!

Вот вы смотрите на меня, мистер Великий Журналист, как будто и не ожидали увидеть маленького седобородого человечка. Он встречает вас в космопорту на такой развалине, какую на Земле давно бы уже зарыли. И этот человек, говорите вы себе, это ничтожество, пустое место — должен рассказать о величайшем событии в истории иудаизма?!

Что? Не ошибка ли это? Пятьдесят, шестьдесят, я не знаю сколько, может, семьдесят миллионов миль — ради несчастного шлимазла с подержанным кислородным ранцем за спиной?

И ответ: нет, не ошибка. Бедный, таки да, невзрачный, таки да, но вы разговариваете с человеком, который может рассказать все, что желаете, о тех скандалах с четвертой планеты звезды Ригель. Вы разговариваете с Мильчиком, мастером по ремонту телевизоров. С ним самым. Собственной персоной.

Вещи ваши положим назад, а сами сядем впереди. Теперь захлопните дверь — посильнее, пожалуйста, — и если это еще работает, и то еще работает, и несчастный старенький модуль еще способен шевелиться, тогда, пожалуй, полетим. Сказать, что роскошно, таки нет, но — модуль-шмодуль — на место он доставит.

Вам нравятся песчаные бури? Это песчаная буря. Если вам не нравятся песчаные бури, не надо было прилетать на Венеру. Это все, что есть у нас из красот.

On Venus Have We Got a Rabbi!
Copyright © 1974 by Philip Klaas
Таки у нас на Венере есть рабби!
© В. Баканов, перевод, 1991

Тель-авивского пляжа у нас нет. Песчаные бури у нас есть.

Но вы говорите себе: я прилетел не ради песчаных бурь, я прилетел не ради разговоров. Я прилетел, чтобы выяснить, что же случилось у евреев, когда они со всей Галактики собрались на Венере. С чего этот шмендрик, этот Мильчик-телемастер вздумал рассказывать о таком важном событии? Он что, самый умный? Самый ученый? Пророк среди своего народа?

Так я вам скажу. Нет, я не самый умный, я не самый ученый, уж точно не пророк. Я еле свожу концы с концами, ремонтируя дешевые телевизоры... Ученый? — нет, но человек — да. И это первое, что вам надо усвоить. Слушай, говорю я Сильвии, моей жене, или в наших Книгах не сказано: убивающий единого человека убивает всю человеческую расу? Разве не следует отсюда, что слушающий одного слушает всех? И что слушающий одного еврея на Венере слушает всех евреев на Венере, всех евреев во Вселенной до единого?

Но Сильвия — поди, поговори с женщиной! — заявляет:

— С меня достаточно твоих Книг! У нас три сына в женихах. А кто будет платить за переезд их невест на Венеру? Ты думаешь, хорошая еврейская девушка придет сюда за так? Она придет жить в этой геенне огненной, жить в норе, будет растить детей, которые не увидят солнца, не увидят звезд, одни только стены и пьяные шахтеры из кадмиевых шахт? Разве узнаешь из Книг, где взять денег? Или Книги помогут сыновьям Мильчика найти невест, раз их отец занят философией?

Мне не надо напоминать вам — вы журналист, вы образованный человек — мнение Соломона о женщинах. Хорошая женщина, говорит он, в конце концов обходится вам дороже жемчуга. И все же кто-то должен думать о деньгах и о невестах для мальчиков. Это второе. Первое то, что я человек, и я еврей, может быть, это две разные вещи, но у меня есть право говорить от имени всех людей и всех евреев.

Но этого мало, так я еще и отец. У меня три взрослых сына здесь, на Венере. И если хотите нажить себе врага, скажите: «Слушай, ты еврей? У тебя три сына? Ступай на Венеру!»

И это третье. Почему я, Мильчик-телемастер, вам это рассказываю, и почему вы прилетели с Земли меня слушать. Потому что я не только еврей, и не только отец, но и...

Подождите. Дайте я задам вам вопрос. Вы не обидитесь? Вы точно не обидитесь?

...Вы случайно не еврей? Я имею в виду, может быть, дедушка? Прапрапрадедушка? Вы уверены? Может быть, кто-нибудь из них просто изменил фамилию в 2553 году? Не то чтобы вы выглядели евреем, нет, Боже упаси, но вы такой интеллигентный человек и задаете такие умные вопросы... Вот я и подумал...

Вам нравится еврейская еда? Через двадцать минут мой старенький усталый модуль выйдет из этой оранжевой пыли и доставит нас в шлюзовую камеру Дарджилинга. Вы попробуете еврейскую еду, поверьте мне, после нее расцелуете каждый пальчик.

Почти всю нашу еду привозят с Земли в особой упаковке и по особому договору. И, разумеется, по особой цене. Моя жена Сильвия готовит поесть, так приходят со всего нашего уровня просто попробовать: рубленая селедка для возбуждения аппетита... И то, что я вам говорю, тоже для возбуждения аппетита, чтобы подготовить вас к главному блюду, большой истории, за которой вы прилетели.

Сильвия готовит все, что мы едим в шule — нашей синагоге. Она готовит даже формальный субботний завтрак, который должны съесть мужчины после субботней молитвы. Мы все здесь ортодоксы и практикуем обряды Левиттауна. Наш рабби Джозеф Смолмэн — сверхортодокс и без ермолки, передававшейся от отца к сыну в его семье уж и не знаю сколько веков, не появляется.

О, вы улыбаетесь! Вы знаете, что я перешел к главному блюду!.. Рабби Джозеф Смолмэн. Хотя это всего лишь Венера, но рабби у нас таки есть! Для нас он Акиба, Рамбам.

Знаете, как мы его зовем между собой? Великий Рабби Венеры.

Теперь вы смеетесь. Нет-нет, я слышал. Как, простите, отрыжка после сытного обеда.

Этот Мильчик, говорите вы себе, он и его соседи по норе, семьдесят, ну, может быть, восемьдесят еврейских семей, с Божьей помощью сводят концы с концами, и их рабби — Великий Рабби Венеры?

А что? Разве есть невозможное для Всевышнего, благословенно будет Имя Его? В конце концов, как говорят наши Книги: «Последний станет первым». Только, пожалуйста, не спрашивайте меня, какие Книги.

Почему он Великий Рабби? Что ж, во-первых, почему бы рабби Смолмэну не быть Великим Рабби? Или ему требуется сертификат от Лицензионного бюро Великих Рабби? Или надо кончить Специальную Иешиву Великих Рабби?.. Так вот: вы — Великий Рабби, потому что вы ведете себя, как Великий Рабби, вы принимаете решения, как Великий Рабби, вы признаны Великим Рабби... Должно быть, слышали, как он вел себя и как принимал решения, когда у нас на Венере проходил вселенский еврейский съезд.

У вас есть время выслушать один пример? Лет пять назад, накануне Пасхи, случился настоящий кошмар. Прямо у Венеры взорвался грузовой корабль. Никто не пострадал, но груз был поврежден, и корабль опоздал, пришел чуть ли не за час до начала первого седера. Так на том корабле находилась вся пасхальная еда, заказанная двадцатью четыремя еврейскими семьями из Алтуна-Барроу. Она хранилась в банках и в герметических пакетах. Когда им доставили заказ, они заметили: многие банки погнуты и покорежены. И что гораздо хуже, большинство из них испещрено крошечными дырками! В соответствии с решениями Раввината 2135 года по Космическим путешествиям еда в испорченной посуде считается автоматически нечистой — нечистой для каждодневного пользования, нечистой для Пасхи. Вот вам почти седер, и что прикажете делать?

Они небогатые люди. У них нет запасов, у них нет выхода, у них нет даже своего рабби. Было бы это делом жизни или смерти — хорошо, все годится. Но это не дело жизни или смерти. Они всего лишь не могут отпраздновать седер. А еврей, который не может отпраздновать Исход из Египта мацой, травками и пейсаховкой — такой еврей, что невеста без хупы, что синагога без Торы.

Алтуна-Барроу соединен с Дарджилинг-Барроу, это наша окраина. Да, окраина! Слушайте, где это сказано, что в маленьком местечке не может быть пригорода? И вот идут они со своими проблемами к нашему рабби Джозефу Смолмэну. Из банок, правда, не течет, но сделанная ими проверка дала плохой результат. Как рекомендовано Раввином 2135 года, взяли волос с чьей-то головы и засунули его в дырку, и волос не завернулся назад... Что же, значит, пропала дорогая еда? Не будет седера в Алтуна-Барроу?

Таки да — для обычного рабби. Наш же рабби Смолмэн все смотрел на них и смотрел, а потом почесал прыщ с правой стороны носа. Он красивый человек, рабби Смолмэн, сильный и полный, вылитый Бен-Гурион в расцвете сил, но у него всегда большой красный прыщ с правой стороны носа... Затем поднялся и подошел к книжной полке, и снял полдюжины томов Талмуда и последние три тома заседания Раввина по Космическим путешествиям. И заглянул в каждую книгу по меньшей мере раз и подолгу думал. Наконец он спросил:

— Какой волос вы выбрали и с чьей головы?

Ему показали волос — хороший белый волос с головы древнего старца, тонкий и нежный, как первый вздох младенца.

— Теперь сделаем проверку с волосом по моему выбору.

И он позвал моего старшего, Аарона Давида, и велел ему выдернуть волос.

Вы не слепой, вы видите мой волос — в таком возрасте! — какой он жесткий и грубый. А поверьте мне, это уже не тот волос... Мой мальчик, мой Аарон Давид, у него наш семейный волос, каждый вдвое, втрое толще обычного. И когда рабби Смолмэн берет продырявленную банку и сует волос Аарона Давида, тот, разумеется, вылезает назад, как кусок гнутой проволоки. И когда рабби пробует на другой банке, волос снова не идет внутрь.

И вот рабби Смолмэн указывает на первую банку, которую ему принесли, ту, которую проверяли волосом старика, и говорит:

— Я объявляю пищу в этой банке нечистой и негодной, а все остальное хорошего качества. Идите домой и делайте седер.

Вы понимаете, надеюсь, в чем величие этого решения? Евреи со всей Венеры обсуждали, и каждый приходил в восхищение.

Нет. Простите, вы не правы. Величие — не просто в решении, позволившем нескольким бедным евреям насладиться седером в своих домах. Это старая истина — лучше еврей без бороды, чем борода без еврея. Попробуйте еще. Снова неверно. Любой хороший рабби взял бы толстый волос в подобных обстоятельствах. Для этого не обязательно быть Гилелем. Вы все еще не догадались? Гойше коп!

Извините. Я не хотел говорить на непонятном вам языке. Что я сказал? О, совершенные пустяки! Просто замечание по поводу того, как некоторые люди намерены стать учениками Талмуда, а другие не намерены стать учениками Талмуда. Что-то вроде старой поговорки среди нас.

Конечно, я объясню. Почему великий? Во-первых. Всякий приличный рабби обязательно признает пищу чистой и годной. И во-вторых. Хороший рабби, перво-классный рабби найдет способ, как это сделать: возьмет волос моего сына, то, се, все что угодно. Но, в-третьих, лишь воистину великий рабби изучит столько книг и будет думать напряженно и долго, прежде чем объявит свое решение. Как евреи могут действительно насладиться седером, если не уверены в правильности решения? А как им быть уверенными, если они не увидят, что для этого приходится изучить девять разных томов?

Ну, теперь-то вам ясно, почему мы звали его Великим Рабби Венеры еще за пять лет до Неосионистской конференции и грандиозного скандала с бульбами?

Поймите, я не выдающийся муж Талмуда — у человека есть семья, а дешевые телевизоры на такой планете, как Венера, не помогают вам решать проблемы Гемара. Но всякий раз, когда я думаю, что наша конгрегация имеет в лице рабби Смолмэна, мне вспоминается, как Книги начинают спор: «Человек находит сокровище...»

Только не сочтите, что наше сокровище — для всех сокровище. Почти все евреи на Венере ашкенази — люди, чьи предки эмигрировали из Западной Европы в Америку до холокоста и не вернулись в Израиль после Сбора. Но у нас по крайней мере три вида ашкенази, и только мы, левиттаунские ашкенази, зовем рабби Смолмэна Великим Рабби Венеры. Вильямсбургские ашкенази, а их гораздо больше, черно-габардиновые ашкенази, которые дрожат и молятся, дрожат и молятся, зовут рабби Смолмэна пасхальным рабби. А для ашкенази Майами, богатых счастливиц, живущих в большом Ай-Би-Эм-Барроу, рабби — что незамужняя девчонка, напустившая на себя умный вид. Говорят, вильямсбургские ашкенази верят во все чудеса, для левиттаунских ашкенази чудо — найти работу, а ашкенази Майами не верят ни в чудеса, ни в работу, они верят только в экспорт-импорт.

Я вижу, вам не терпится. Вы закусили, сейчас попробовали супа и ждете главного блюда. Послушайте, успокойтесь немножко. Я только расскажу вам одну вещь. Назовем это салат. Вы думаете что? — это не салат, а так, пустяк. Хотите историю, как бутерброд? Так идите куда-нибудь еще. Мильчик подает только полные обеды.

В тот вечер после седера сижу я на скамейке возле нашей квартиры в Дарджилинг-Барроу. По мне это лучшее время: спокойно, тихо, большинство уже в постели, в коридоре есть чем дышать.

Сижу, думаю, и выходит Аарон Давид и садится рядом со мной.

— Папа, — начинает он, помолчав. — Я собираюсь стать рабби.

— Поздравляю, — говорю я. — Что касается меня, то я собираюсь стать вице-королем Венеры.

— Я серьезно, папа.

— А я шучу? Почему бы меня не назначить в Совет Одиннадцати Земных Наций или президентом Титана и Ганимеда? Я буду еще хуже, чем этот нынешний хулиган, так что — у него разобьется сердце в груди?.. Ну хорошо, — говорю я сыну, я ему говорю «хорошо», потому что он поворачивается ко мне и смотрит на меня глазами Сильвии, а такие глаза, я вам скажу, могут

смотреть. — Итак, ты хочешь стать рабби. Чего же зря хотеть. Я тебе дам все, что смогу дать. Ты знаешь, у меня есть маленькая синяя отвертка. Ее сделали в Израиле пятьсот лет назад, когда Израиль еще считался еврейским государством. Это драгоценная маленькая отвертка, что как кость моей правой руки, и все же я отдам ее тебе, если ты попросишь. Но я не могу достать денег на обучение в иешиве. И, что еще важнее, у меня нет денег даже на перевозку твоей невесты. Традиция, ей много сотен лет, с тех пор, как евреи начали эмигрировать в космос: невеста в Левиттаун должна прилететь с другой планеты... А ведь у тебя еще два брата.

Аарон Давид чуть не плачет.

— Если бы только... если...

— Если, — повторяю я. — Если... Ты знаешь, что мы говорим о «если». Если бы у твоей бабушки была мошонка, она была бы твоим дедушкой! Посуди сам, до начала обучения нужно знать три древних языка: арамейский, иврит и идиш. Так я тебе скажу. Если ты многому научишься заранее, может быть, если произойдет чудо и мы сумеем отправить тебя в иешиву, ты сможешь кончить ее раньше, чем наша семья разорится. Если рабби Смолмэн, например, согласится давать тебе уроки.

— Согласится! — перебивает меня мой мальчик. — Он уже занимается со мной!

— Нет, я говорю об уроках, за которые надо платить. Один день после ужина ты учишься у него, а на следующий день после ужина мы с тобой все повторяем. И я немного обучусь, не буду таким невеждой. Ты знаешь, что сказано в Книгах об изучении Талмуда: «Найди себе товарища...» Ты будешь моим товарищем, я буду твоим товарищем, и рабби Смолмэн будет нашим товарищем. Мы объясним твоей матери, когда она станет кричать, и нас будет двое против одного.

Так мы и сделали. Чтобы заработать лишних денег, я стал возить на своем модуле грузы из космопорта. Вы заметили, он едет сейчас, будто у него грыжа? И я пристроил Аарона Давида в бойлерную на восемнадцатом уровне. Я рассудил так: если Гилель чуть не замерз до смерти на той крыше, чтобы стать ученым, не беда, если мой сын немного попарится ради той же цели.

Мой сын учится и учится, он ходит и говорит все больше как грамотей, и все меньше ходит и говорит как телемастер. Я тоже учусь — не так, конечно, но достаточно, чтобы украсить свою речь строками из Ибн Эзры и Менделе Мойхер-Сфорима. Я не стал от этого хоть на грош богаче, я все такой же касрилик, шлемиль, но по крайней мере я образованный шлемиль. Я счастлив. Правда, я не вижу, где взять денег на иешиву. Но послушайте, учение всегда учение. Как говорит Фрейд, просто увидеть Минск из Варшавы, даже если ты не так смотришь, и не понимаешь, что видишь, — уже стоит того.

Но кто, спрошу я вас, может увидеть отсюда Ригель?

Конечно, о неосионистском движении мы слышали давно. Евреи всегда знают, когда другие евреи собираются устроить неприятности на свою голову. Мы слышали о книге доктора Гликмана, слышали, что его убили вегианские даянисты, что по всей Галактике у него появляются последователи. Послушайте, в нашей синагоге даже устроили денежный сбор «Героической памяти доктора Гликмана и на откупление Святой Земли у иноверцев с Веги».

С этим я не спорю. Я сам раз-другой бросил пару монет в кружку. В конце концов, почему бы Мильчику-телемастеру из своих личных средств не помочь откупить Святую Землю?

Но неосионистское движение — другое дело. Я не трус и в случае крайней необходимости готов умереть ради своего народа. Но если нет крайней необходимости...

Послушайте, мы, евреи на Венере, научились не высовывать носа из своих нор. Не то чтобы на Венере был антисемитизм — нет, кому такое в голову придет?! Когда вице-король пять раз на неделе заявляет: у Венеры, мол, отрицательный торговый баланс, потому что евреи ввозят слишком много кошерной еды — это не антисемитизм, это глубокий экономический анализ. И когда министр внутренних дел устанавливает квоту на число евреев в каждой норе и позволяет переезжать лишь по особому разрешению — это тоже не антисемитизм, ясно, это эффективный контроль над миграцией. Что я

хочу сказать: зачем злить такое евреелюбивое правительство?

Еще одно мне не нравится у неосионизма. И об этом трудно говорить вслух, особенно перед посторонним человеком. Насчет возвращения в Израиль. Где же еще быть еврею? Мы начинали там с Авраамом, Исааком и Иаковом. Ничего хорошего. Первый раз мы вернулись с Моисеем и немного-таки там пожили — пока нас не вышвырнули вавилоняне. Потом нас привел Зорова-вель, но Тит сжег Храм, и римляне заставили нас снова уйти. Две тысячи лет странствий по миру дали нам всего-навсего Спинозу, Маркса и Эйнштейна, Фрейда и Шагала, и мы сказали: достаточно так достаточно, обратно в Израиль. И вот мы вернулись с Бен-Гурионом, Хаимом Вейцманом и остальными. Пару веков все шло нормально. Приходилось беспокоиться только из-за сорока миллионов арабов, мечтавших нас убить. Но этого же мало для тех, кого сам Господь, благословенно Имя Его, назвал на горе Синай «упрямым народом»! Нам нужно было ввязаться в спор — в разгар Межпланетного Кризиса — с Бразилией и Аргентиной!

Что касается меня — не знаю насчет других евреев, — так я устал. Если нет, так нет. Если прочь, так прочь. Если прощай, так прощай.

Но у неосионистов иной взгляд на дело. Они чувствуют, что мы уже отдохнули, пора начинать новый круг. «Пусть Третье Изгнание кончится в наши дни! Восстановить кнессет! Израиль для евреев!»

Кто спорит? Кроме одной малости, которую они проглядели: Израиль и Иерусалим в наши дни — даже не для людей. Совету Одиннадцати Земных Наций не нужны неприятности с вегианцами теперь, когда такое творится в Галактике. Если обе стороны в Вегианской гражданской войне жаждут объявить этот шмоток суши Святой Землей, потому что основатели их религии когда-то по нему ступали, пускай они воюют из-за него между собой.

И я, Мильчик-телемастер, не вижу ничего особенного в том, что вегианские моллюски основывают свою религию на жизни одного еврея по имени Моше Даян и хотят смолотить в капусту всех других евреев, собирающихся вернуться на землю своих предков. Во-первых,

с нами это уже случалось. Для еврея такое отношение должно бы уже войти в привычку. Где это записано, будто даянист обязан любить родственников Даяна? Во-вторых, много евреев протестовало пятьдесят лет назад, когда другая сторона, вегианские Омейяды, обвинила магометан-людей в святотатстве и изгнала их из Иерусалима?

И вот организуется Первая Межзвездная Неосионистская конференция. Ее намечено провести в Базеле — чтобы, полагаю, история имела шанс повториться. Как только об этом узнают вегианские даянисты, они заявляют протест Совету Одиннадцати Земных Наций. Вегианцы — почетные гости Земли или нет? Их религию осмеивают! — утверждают они. И даже убивают парочку евреев, чтобы показать, как они удручены. Разумеется, евреев обвиняют в подстрекательстве к погрому, и, в интересах закона и порядка, не говоря уже о мире и спокойствии, всем евреям отказывают во въездных визах.

А делегаты на конференцию с разных концов Галактики уже в пути. Если их не пускают на Землю, куда им податься?

Куда же еще, как не на Венеру? Идеальное место для такой конференции! Пейзаж просто великолепен для бывших пустынников, и есть вице-король, чья администрация буквально обожает еврейский народ. Кроме того, на Венере отчаянная нехватка жилья, а евреев хлебом не корми, дай решать всякие проблемы.

Послушайте, могло быть хуже. Как Эсфирь сказала Мордехаю, когда тот поведал ей о планах Амана зарезать всех евреев Персии: могло быть хуже, только в настоящую минуту я не вижу, каким образом.

Делегаты прилетают в Солнечную систему, их отправляют на Венеру — и без вопросов. Наша жизнь наполняется любовью. Во-первых, выходит декрет: делегаты не могут пользоваться гостиницами, даже если у них достаточно денег. Их слишком много, они перегрузят систему коммунального обслуживания или что-то в этом роде. Потом. Раз евреи братья друг другу, пусть принимают своих сородичей.

Вы остановитесь и рассудите, сколько всего на нас навалилось. На каждой планете в Галактике, где есть

человеческое население, живет по крайней мере горстка, дуновение, капля евреев. И вот с одной планеты летят два делегата, с другой — пятнадцать делегатов, с третьей, где много евреев — пусть они живут на здоровье, так они ссорятся, — шестьдесят три делегата, разбитые на восемь группировок. Может быть, нехорошо считать евреев, даже если они делегаты, но когда на Венере высадился последний, у нас их было предостаточно.

Вильямсбургские ашкенази возражают. Для них некоторые из этих евреев — вовсе и не евреи; они не пустят их в свои норы, что тут говорить о квартирах. В конце концов шомрим в штанах цвета хаки, реконструкционисты, молящиеся по переписываемому дважды в неделю сиддуру, японские хасиды, раз в год на восходе солнца надевающие тфилим в память Великого Обращения 2112 года, — разве евреи? — спрашивают вильямсбургские ашкенази.

Совершенно верно, отвечает правительство. Это тоже евреи. И будьте любезны распахнуть перед ними двери своих жилищ.

Правительство посылает полицию, правительство посылает войска. Летят бороды, летят головы, жизнь, как я говорил, полна любовью.

Если вы возражаете, вы думаете, вам это поможет?

Конечно, поможет — как мертвому припарки. Левиттаунские ашкенази заявляют: мы выполним волю нашего правительства, мы предоставим жилье. И что? Моего брата и всю его семью, и всех их соседей выселяют из Квантум-Барроу.

Межзвездный Неосионистский съезд у нас есть или нет?

Смотрю я на это и вспоминаю обещание, данное Аврааму, Исааку и Израилю: «И я умножу ваше семя свыше числа звезд на небе». Обещание обещанием, думаю я, но это может зайти слишком далеко. Одних звезд уже достаточно, но если у каждой звезды десять, может быть, двенадцать планет...

К тому времени я и вся моя семья, мы живем на кухне. Мой брат и его семья, а у него она большая, надо вам сказать, дай им Бог здоровья, ютятся в столовой. То, что моя жена Сильвия зовет приемной, занимают рабби с Проциона-12 и его свита; плюс, в отгорожен-

ном углу, корреспондент мельбурнской газеты «Еврейский страж», и его жена, и его собака. В спальнях... Послушайте, к чему продолжать?

Достаточно? Нет, вы меня простите, недостаточно.

Иду я однажды в ванную. Человек имеет право зайти в свою ванную? И вижу там три создания, каждое длиной с руку и толщиной с голову. Они выглядят как коричневые подушки, мятые и морщинистые, с какими-то пятнами там и пятнами тут, и из каждого пятна растет короткое серое щупальце.

На мой крик прибежал Аарон Давид.

— В чем дело, папа?

Я указал на коричневые подушки.

— А, это бульбы.

— Бульбы?

— Три делегата с четвертой планеты звезды Ригель. Другие три делегата в ванной Гуттенплана.

— Делегаты? Ты имеешь в виду, что они евреи?! Они не похожи на евреев!

Аарон закатил глаза к потолку:

— Папа, ты такой старомодный! Сам же мне говорил: голубые евреи с Альдебарана — доказательство исключительной приспособляемости нашего народа.

— Ты меня извини, — сказал я. — Еврей может быть голубым — я не говорю, что мне это нравится, но кто я такой, чтобы возражать? — еврей может быть высоким или маленьким. Он может даже быть глухим от рождения, как эти евреи с Канопуса. Но еврей обязан иметь ноги и руки, лицо с глазами, нос и рот. По-моему, это не так уж много...

— Ну и что? — возмутился Аарон Давид. — Если они отличаются от нас, разве это преступление?

Я оставил его и пошел в ванную в синагоге. Называйте меня старомодным, но все же есть предел, есть черта, у которой я должен остановиться. Здесь, надо сказать, Мильчик не может заставить себя быть современным.

Вы знаете, я оказался не один такой.

Я взял день за свой счет и пошел на первое заседание.

— Богатый человек, — сказала мне моя Сильвия. — Добытчик. Кормилец. Пустая болтовня принесет тебе невест для наших мальчиков?

— Сильвия, — ответил я ей. — Один раз в жизни мои клиенты пусть, может быть, не очень чисто примут телевизионные новости. Один раз в жизни я могу посмотреть на представителей всех евреев, улаживающих свои дела?

И я пошел. Только нельзя сказать, что они ладили. Как обычно, поднялся шум вокруг бронштейнистско-троцкистской резолюции, направленной против Союза Советской Уганды и Родезии. Затем нам пришлось выслушать часовую дискуссию о том, что само существование шестизэтажной статуи Хуана Кревея в Буэнос-Айресе есть тягчайшее оскорбление для каждого еврея, и, следовательно, все мы должны бойкотировать аргентинские товары, пока статую не уберут. Я был согласен с тем, что сказал председатель, когда сумел перекрыть шум. «Мы не можем позволить себе отвлекаться на столь старые преступления, на столь постоянные оскорбления. Иначе с чего нам начать и где остановиться?»

Наконец после традиционных еврейских прелиминарий добрались до конкретной проблемы первой сессии: аккредитации делегатов. И застряли. Застряли и смешались, как кусочки лапши в омлете с лапшой.

Бульбы. Три из моей ванной, три из ванной Макса Гуттенплана — вся делегация с Ригеля-4.

— Относительно документов вопросов нет, — сообщает Мандатная комиссия. — Их документы в порядке, и бульбы считаются делегатами. Другое дело, что они не могут быть евреями.

— А почему это мы не можем быть евреями? — желают знать бульбы.

И здесь мне пришлось встать и посмотреть хорошенько. Я не мог поверить своим глазам. Потому что представьте, кто был их переводчиком? Не кто иной, как мой сын, мой кадиш, мой Аарон Давид. Собственной персоной.

— Почему вы не можете быть евреями? Потому, — объясняет председатель Мандатной комиссии, причмокивая мокрыми губами, — что евреи могут быть такими

и могут быть сякими. Но прежде всего они должны быть людьми.

— Будьте любезны указать нам, — просят бульбы через моего сына-переводчика, — где это сказано и в какой книге, что евреи обязаны быть людьми. Назовите авторитетный источник, приведите цитату.

На этом месте подходит заместитель председателя и извиняется перед председателем комиссии. Заместитель Председателя принадлежит к типу ученых мужей, которые получают высокие степени и награды.

— Вы меня простите, — вступает он, — но вы выражаетесь не совсем ясно. На самом деле все просто. — Он поворачивается к бульбам: — Тот не может быть евреем, кто не рожден еврейской матерью. Это самое древнее, самое фундаментальное определение еврея.

— А с чего это вы взяли, — интересуются бульбы, — будто мы рождены не еврейскими матерями? Мы привезли с собой свидетельства о рождении.

Тут начинается бардак. Компания делегатов в хаки орет и топает ногами. Другая компания, пейсатых и в меховых шапках, плюется и визжит, что все это мерзость. Везде кипят споры. Спорят здесь, спорят там, спорят по двое, по трое, по двадцать пять, спорят о биологии и об истории.

Мой сосед, с которым я не перебросился и словом, поворачивается ко мне и тычет мне пальцем в грудь:

— Если вы займете такую позицию, то каким образом согласуете вы ее с известным решением, взять хотя бы для примера...

А бронштейнисты-троцкисты завладели микрофоном и пытаются провести свою резолюцию по Уганде и Родезии.

Наконец восстанавливается подобие порядка, и кто-то предлагает аккредитацию бульб решить всеобщим голосованием.

— Аккредитацию в качестве кого? — интересуются из зала. — В качестве делегатов или в качестве евреев? Их приняли в качестве делегатов, а кто мы такие, чтобы судить о евреях?

— Я принимаю их как евреев в религиозном отношении, — раздается голос, — но не в биологическом.

— Это что еще за биологическое отношение, — кричит делегат с другого конца зала, — вы имеете в виду не биологию, вы имеете в виду расу, вы расист!

Ясно: сколько делегатов, столько и мнений. А председатель, там, наверху, стоит и не знает, как поступить.

Вдруг один из бульб забирается на платформу, берет маленьким щупальцем микрофон и шепчет в него:

— Модэ ани л'фонэха.

Сам по себе перевод этой строки ничего особенного не означает: «Вот стою я перед Тобой». Но какой еврей не будет ею тронут? «Модэ ани л'фонэха» — в молитве обращается еврей к Богу, благословенно Имя Его. И это мы слышим сейчас в зале.

Не надо разговоров о расе, говорит бульба, не надо разговоров о религии, не надо разговоров о философии. Я утверждаю: я еврей по существу и по духу. Как евреи, принимаете вы меня или отвергаете?

Никто не может ответить.

Конечно, все это нисколько не приближает съезд к Израилю и к возвращению из Третьего Изгнания. Но, с одной стороны, ясно, что от вопроса не отмахнуться, а с другой — что пора его решить. Надо только выяснить: что же такое в нашу космическую эпоху представляет собой еврей?

И так, как Моисей выжимал из камня воду, так и нам предстоит выдаивать капли мудрости.

Высокий раввинат подбирают таким образом, чтобы его состав хоть немного устраивал каждого. Правда, это значит, что ученые мужи не хотят разговаривать друг с другом. Тут и рабби с тау Кита, и президент унитарийской еврейской теологической семинарии, и Мистический рабби Борнео. И так далее, и так далее. Две женщины: одна для удовлетворения большинства Реконструкционистов, другая — специально для богатых ашкенази Майами. И наконец рабби с Венеры Джозеф Смолмэн.

Хотите кое-что узнать? Рабби Смолмэна поддерживали бульбы, а это мой Аарон Давид убедил их.

— Мы добились! — воскликнул он тем вечером, и глаза его танцевали, как метеориты.

Я пытался успокоить его.

— Ты думаешь, это все равно что перейти Красное море? Зачем рабби Смолмэну заставлять евреев считать шесть коричневых подушек своими братьями?

— Как зачем, папа! Ради справедливости!

Когда сын такой, отец может гордиться. Но надо вам сказать, мне все-таки было грустно. Ведь стоит раздаться слову «справедливость», рано или поздно кто-то поплатится головой.

Но то, что день ото дня происходило на съезде, было как воплощенная легенда. Это было все равно что найти реку Саббатон, увидеть ее бурлящей и кипящей и швырять камни каждый день, кроме субботы. Такую историю рассказали бульбы!

Они прилетели на четвертую планету звезды Ригель, может быть, восемь сотен лет назад. Первоначально они жили в Парамусе, штат Нью-Джерси; всю их коммуну выселили для улучшения проезда к мосту Джорджа Вашингтона. Но должны же они где-нибудь жить, верно? Так почему не на Ригеле?

Беда заключалась в том, что единственную пригодную для жизни планету в системе Ригеля уже занимала разумная раса коричневых существ с короткими шупальцами, которые звали себя бульбами. Это был мало-развитый народ, кормившийся с земли, ну и, может быть, мельница здесь, маленький заводик там... Евреи из Парамуса хотели жить самостоятельно, никому не мешая, но бульбы отнеслись к ним так гостеприимно, так приглашали поселиться с ними, что те посмотрели друг на друга и сказали: почему бы нет?

Евреи построили маленький коммерческий космопорт, дома, дворец культуры...

Здесь один из членов раввината наклоняется вперед и перебивает рассказчика:

— Пока это происходило, вы выглядели как евреи? Я имею в виду, вы были похожи на привычных нам евреев?

— Более или менее. Полагаем, мы особенно походили на евреев из Нью-Джерси.

— Этого достаточно. Продолжайте.

Первые сто—сто пятьдесят лет царили счастье и благополучие. Евреи процветали, бульбы процветали, и между ними — мир да любовь. С помощью евреев бульбы многому научились и многого достигли. У них появились фабрики, у них появились заводы, у них появились банки, вычислительные центры и автомобильные свалки. У них появились большие войны, большие депрессии, большие диктаторы. И они начали задумываться: кто виноват?

Есть ли какой-нибудь другой ответ на этот вопрос? Ответ только один. Евреи, разумеется. Философы и чернь вспомнили: до евреев все было тихо-спокойно. Так на Ригеле-4 произошел первый погром.

А лет через двадцать после того, как правительство принесло извинения и даже помогло похоронить мертвых, произошел второй погром. Потом третий, четвертый... К тому времени правительство перестало приносить извинения.

Появились трудности с работой, появились гетто, иногда появлялись даже концентрационные лагеря. Не то чтобы все это было ужасно, нет. Были и светлые моменты. Правительство убийц могло смениться правительством почти порядочным, скажем, просто насильников. Евреи Ригеля оказались в положении евреев Йемена и Марокко восемнадцатого века. Они выполняли самые грязные, самые низкооплачиваемые работы. Все плевали в них, и они плевали сами на себя.

Но евреи сохранились, хоть не сохранилось ни одного целого Талмуда, ни одной Торы в синагоге.

Летели века. И вот недавно к власти пришло новое, просвещенное правительство. Оно вернуло евреям гражданство и разрешило им послать делегацию на Нео-сионистский съезд.

Беда заключалась лишь в том, что к тому времени евреи выглядели как самые обыкновенные бульбы, причем как самые слабые, самые бедные бульбы, бульбы самого низкого сорта.

Но то же происходило с евреями в других местах! Евреи всегда приспосабливались! Разве не было светловолосых евреев в Германии, рыжих евреев в России, черных евреев — фалашей — в Эфиопии, высоких гор-

ских евреев на Кавказе? Разве не было евреев, поселившихся в Китае еще при династии Хань и известных в этой земле как «Тай Чин Чао»? А голубые евреи, сидящие на этом самом съезде?

Тут их снова перебивают:

— Другими словами, несмотря на вашу наружность, вы просите нас поверить, будто вы евреи, а не бульбы?

— Нет. Мы просим вас поверить, что мы бульбы. Еврейские бульбы.

Споры разгорались все жарче. Как это возможно, чтобы имели место такие колоссальные изменения? Не проще ли предположить, что в то или иное время всех евреев на Ригеле уничтожили, а потом произошло массовое обращение, как, например, у хазаров в восьмом веке или позже у японцев? Нет, возразили бульбы, если бы вы знали, какие у евреев были условия, вы бы не говорили о массовом обращении в иудаизм. Это было бы массовым безумием.

— Но ваш рассказ опровергают факты экспериментальной биологии!

— Кому вы верите, — упрекнули бульбы, — фактам экспериментальной биологии или своим же евреям?

И это был первый день. Я вернулся домой, рассказал обо всем брату, и мы стали обсуждать события. Он взял одну сторону, я — другую. Через несколько минут я махал кулаком у его лица, а он кричал, что я «идиот, животное». В соседней комнате рабби с Прочиона-12 пытался притушить такой же спор среди своей свиты.

— Если они хотят быть евреями, — орал на меня брат, — пускай принимают иудаизм! Тогда они будут евреями, и не раньше!

— Убийца! — растолковывал я ему. — Как могут они принять иудаизм, когда они уже евреи! Такое обращение было бы мерзким и позорным посмешищем!

— Без обращения я наотрез отказываюсь принимать их за евреев. Без обращения, даже если бы я праздновал обрезание сына... — Он замолчал и вдруг изменил тон: — Как, по-твоему, они проводят обрезание, Мильчик? Что они там обрезают?

— Они обрезают кончик самого короткого щупальца, дядя Флейчик, — пояснил мой Аарон Давид, входя

в комнату. — По Завету требуется лишь капля крови. Кровь у них есть.

Говорю вам, день за днем, это было, как мечта жизни!

Раввинат добирается до образования еврейского государства в XX веке и всех спорных вопросов, возникших с началом Сбора. Например, бен-израильские евреи Бомбея, попавшие в Индию в результате вторжения в Палестину Антиоха Эпифана. От всего иудаизма они помнили один шем. Причем у них существовало две касты: черная и белая. Они евреи или нет? Как это доказать?

В общем, все сводилось к одному: что такое еврей? Почему этот народ отличается от других?

И вы знаете, нашим мудрецам тут есть о чем подумать. Они могут взвесить определение человека, выработанное Советом Одиннадцати Земных Наций. Они могут углубиться в решения парижского Синедриона 1807 года. Наконец они могут обратиться к «Каббале» и рассмотреть проблему рождения чудовищ от сожительства с Детями Лилит. Но в конце концов они должны решить, что же такое еврей, раз и навсегда — или найти новый выход.

И рабби Смолмэн нашел. Я говорю вам, таки у нас на Венере есть рабби!.. Привести сборище евреев — ученых евреев! — к единому мнению, это, уважаемый, уже достижение.

На протяжении всего разбирательства, когда бы ни разгорался спор, грозивший затянуться на неделю, к примеру, была ли то белая нить или черная нить, рабби Смолмэн почесывал красный прыщ на носу и говорил, что мы, пожалуй, все можем согласиться, что по крайней мере это действительно была нить.

Конечно, все понимали: вопрос нужно как-то решить. Дни летели, собравшиеся так и не знали, сколько делегатов и сколько евреев. Уже были козни из-за бульб, уже были драки из-за бульб, уже находились люди, которые говорили, что они сыты по горло этими бульбами.

Так вот. Решение учитывало все данные, все сведения, все толкования, всю историю от Эзры и Неемии. Оно начиналось утверждением, принятым для группы

консерваторов: только тот еврей, кто рожден еврейкой. А кончалось утверждением, принятым для либерально-радикального крыла: евреем является любой, добровольно приемлющий бремя, ярмо еврейства. Решение включало и несколько промежуточных положений и указывало, что нет никакой возможности их совместить.

...А надо ли их совмещать? И что будет, когда мы пойдем еще дальше в космос и всякие самые странные создания, в другой галактике, захотят стать евреями?

Давайте взглянем на это с другой стороны. Среди людей есть евреи и есть гои. Среди евреев есть реформированные, голубые, левиттаунские, вильямсбургские и не все они между собой хорошо ладят. Но по сравнению с гоем все они евреи. Между евреем и гоем — чудовищная разница, но по сравнению с каким-нибудь инопланетянином все они люди. Слово «гой» неприменимо к инопланетянину. Так казалось до недавних пор.

Мы все наблюдали, как за последние два года пришельцы с Веги приняли земную религию, точнее, две земные религии. Они не пускают евреев в землю Израиль. Они нас ненавидят. Они нас преследуют. Стало быть, простые ли это инопланетяне? Конечно, нет! Пусть они не похожи на людей, пусть выглядят как гигантские устрицы, тем не менее они определенно принадлежат к категории инопланетян-гоев.

Хорошо. Но если есть инопланетяне-гои, то почему не может быть инопланетян-евреев? Если они живут, как мы, сталкиваются с теми же проблемами, что и мы, знают, чем пахнет погром, знакомы со сладостью наших суббот?... Давайте скажем так: есть евреи, и есть евреи. Бульбы принадлежат ко второй группе.

Это не точные слова решения, вы понимаете. Это свободный перевод Мильчика-телемастера, за который он не требует дополнительной платы.

Не все остались довольны. И все же большинство делегатов были счастливы, что дело наконец улажено, и проголосовали «за».

Одна беда: как только съезд перешел к основному вопросу, вице-король Венеры закрыл его. Ясно — съезд чересчур затянулся и будит дурные чувства. Делегатов отправили паковать вещи.

Неплохое развлечение, а? Рабби Смолмэн все еще наш рабби, хоть он безмерно известен. Он разъезжает с лекциями с одного края Галактики на другой. Но всегда возвращается к нам, каждый год на Святые дни. Ну хорошо, хорошо, не всегда, сами понимаете, иногда не получается. Знаменитость, в конце концов. Великий Рабби Венеры.

А мой сын Аарон Давид... Знаете, он в иешиве. За него платят бульбы. Вот его письмо. Мальчик собирается улететь на Ригель-4 и стать их рабби.

О невесте он не пишет ничего. Послушайте, может, я окажусь дедушкой маленькой коричневой подушки с короткими щупальцами? Что ж, внук есть внук.

Не знаю. Давайте поговорим о чем-нибудь веселом. Вы слышали, сколько народу угробилось во время землетрясения на Каллисто?

Содержание

Корень квадратный из человека, рассказы

Александр-наживка, <i>пер. А. Нефедова</i>	7
Последний полет, <i>пер. Л. Шабада</i>	26
Она гуляет только по ночам, <i>пер. В. Серебрякова</i>	66
А моя мама — ведьма!, <i>пер. В. Ватика</i>	73
Шутник, <i>пер. Ю. Эстрина</i>	83
Неприятности с грузом, <i>пер. С. Трофимова</i>	104
Венера, мужская обитель, <i>пер. В. Ватика</i>	128
Консульство, <i>пер. А. Нефедова</i>	156
Лимонно-зеленый громкий как спагетти морозящий динамитом день, <i>пер. А. Александровой</i>	187

Огненная вода, рассказы

Огненная вода, <i>пер. С. Анисимова</i>	203
Болезнь, <i>пер. В. Файнберга</i>	272
Хозяйка Сэри, <i>пер. Г. Палагуты</i>	304
Посыльный, <i>пер. А. Корженевского</i>	317
Берни по прозвищу Фауст, <i>пер. А. Чапковского</i>	335
Таки у нас на Венере есть рабби!, <i>пер. В. Баканова</i>	361

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

Том второй

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *В. Баканов, М. Проворова, А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*
Оформление шмуцтитилов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 9.06.97. Формат 84×109¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 795

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

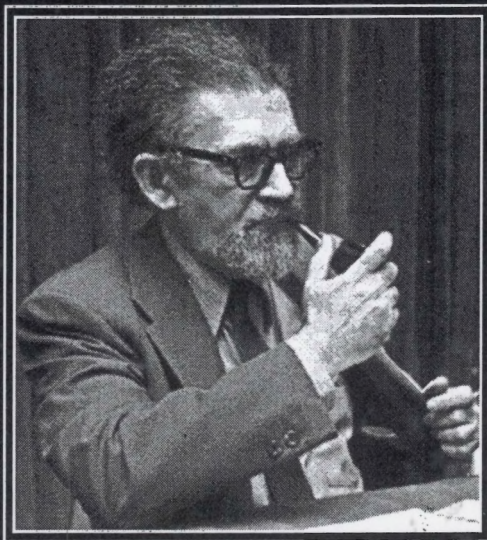
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

25-00
302m

МИРЫ УИЛЬЯМА ТЕННА

КОРЕНЬ КВАДРАТНЫЙ ИЗ ЧЕЛОВЕКА

Как вывести человечество в космос и получить марсианскую визу, как найти мужа и вылечить вампира — этими вопросами задается знаменитый юморист, пытаясь извлечь корень квадратный из человеческих стремлений.

ОГНЕННАЯ ВОДА

Когда человек сталкивается с невероятным, могут случаться самые удивительные вещи. И тогда потрясающие достижения иных цивилизаций могут стать таким же источником притягательного безумия, каким для индейцев стала огненная вода.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997